II+10
Д-163.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

и

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ

1972. 1922

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. А. КОНИ.

1847.

ТОМЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 ноября 1847 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ.

1847.

XI.

Редакторъ: Ѳ. А. Кони.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 11.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. ГЕРОЙ ИЗЪ ТЫСЯЧИ ОДНОЙ НОЧИ. водевиль въ одномъ дѣйствіи.
2. БЕЗПОКОЙНАЯ НОЧЬ, ИЛИ СУМАТОХА ВЪ ЖЕНСКОМЪ СЕРДЦѢ. Драма для одного лица, въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго *А. Андреевымъ*.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. *Альбертъ Саварю.* — Романъ Бальзака. 3

II. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Гросвита, германская драматическая писательница X. столѣтія, (*статья М. Клубицкаго*) 1

III. ЮМОРИСТИКА.

Физіологія провинціальныхъ театровъ *Ипполита Бублика* . . . 18

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

Опять фантазія вмѣсто предисловія *Ѳ. Кони*. 43

1. Александрынскій Театръ:

a) *Мальтійскій кавалеръ*. комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго, *М. А. О.* 54

b. *Гаврило Михайловичъ Бударажинъ*, или *сватъ-прокуратъ услужить очень радъ*. Оригинальная комедія водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

c. *Сія дача не продается*. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго (*Авторомъ «Гусарской стоянки.»*)

d. *Невинные голубки*. Фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго.

e. *Шельменко волостной писарь*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Грицко-Основьяненко*.

f. *Коломенскій нахльбникъ и моншеръ*. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, *П. С. Ѳедорова*.

g. *Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ*. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Аблесимова*

Михайловскій Театръ:

Французскіе спектакли 66

V. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Парижскій Театръ 71

1. Аристократія, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Этіенна Араго*. 2. Похититель дичи, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, заимствованная съ нѣмецкаго. *Левеномъ и Эмилемъ Вандербургомъ*; музыка *Гюстава Геке*. 3. Человѣкъ предполагаетъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. *Адольфа Белами*, 4. Мартинъ и Бамбоша, драма въ пяти дѣйствіяхъ, и десяти картинахъ, соч. *Евгенія Сю* и *Губо*. 5. Поискъ неизвѣстнаго, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Леона Лейа*. 6. Первый больной, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Эмилія Вандербурха* и *Маріи Экаръ*. 7. Владѣтель 160 милліоновъ, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Вильнева* и *Анжеля*. 8. Кавалеръ д'Эссонъ, водевиль, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Дюпети* и *Анисе-Буржуа*. 9. Разочарованная жизнь комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Лефранка*. 10. Мраморная дѣва, пантоминный балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ; соч. *Сенъ-Леона* музыка соч. *Пуньи*. 81

VI. СМѢСЬ.

Находка, повѣсть Леона Дюкома. — Первое представленіе Свадьбы Фигаро.—Г. Фромонъ, разсказъ Шарля Нодье.—Карета Паганини.— Вокальная музыка въ Китаѣ.—Поклажа трагика. — Потеря голоса.— Три Женни Линдъ вмѣсто одной. — Письма Берліоза объ Австріи. Феликсъ Мендельсонъ Бартольди. 1

VII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1. Сигналы музыкальные.
2. Сигналы литературные.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ГЕРОЙ

ИЗЪ ТЫСЯЧИ-ОДНОЙ НОЧИ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Ивановичь Грузковъ	*Г. Каратыгинъ 2-й.*
Анна Ивановна, жена его	*Г-жа Громова.*
Катенька, дочь ихъ	*Г-жа Жулева.*
Ваничька Перушкинъ	*Г. Максимовъ 1-й*
Сеня Прутиковъ, пріятель его	*Г. Марковецкій.*
Павелъ Александровичь Ноготковъ, племянникъ Грузкова	*Г. Толченовъ.*
Слуга Грузкова	*Г. Семеновъ.*
Слуга Ноготкова	*Г. Горшенковъ.*
Мальчикъ отъ портнаго	*Г. Рупини.*

—

Сцена раздѣлена пополамъ—на лѣво отъ зрителей квартира Грузкова: убранная довольно прилично, на лѣвой сторонѣ окно и дверь; въ срединѣ тоже дверь, на столѣ лежитъ женская работа. На право отъ зрителей, квартира Перушкина: убранная очень бѣдно, кровать съ ширмами на лѣвой сторонѣ — на право столъ, на немъ разбитый графинъ съ водою; далѣе въ углу небольшой шкафъ—на немъ двѣ тарелки, ножикъ, вилка и стаканъ, у стола стулъ; на право же мольбертъ и нѣсколько картинъ. Дверь въ срединѣ, на право окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, *на своей половинѣ ходитъ по комнатѣ— на столѣ стоитъ его шляпа. Прутиковъ, на половинѣ Перушкина, лежитъ на кровати, покрытый одѣяломъ.*

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Нѣтъ, этотъ негодяй отъ меня не ускользнетъ!... я очень хорошо замѣтилъ его дьявольскую физіогномію!... хоть онъ скройся на днѣ морскомъ — такъ я и тамъ его отыщу!... у меня вездѣ есть знакомые!... На что это похоже!... отбивать у меня... (*оглядывается*) Какъ бы кто неподслушалъ!... Отбивать у меня Каролину Карловну!... пусть бы его волочился за моей женой—я бы ни слова ему не сказалъ... а то... нѣтъ это неслыханная дерзость... я въ двери, а онъ въ другія... Вчера ему однако хорошо досталось... я нагналъ его у самаго фонаря на лѣстницѣ и преловко вытянулъ палкой... Правда и онъ сдѣлалъ мнѣ какую то неприличность...

но за то мы теперь знаемъ другъ друга... А Анна Ивановна и не подозрѣваетъ, какой я повѣса... да что Анна Ивановна... Анна Ивановна грибъ грибомъ.... а я—то хоть куда... право хоть куда... Изволь вишь ѣхать съ ней въ деревню... вотъ дурака нашла!... что я въ деревнѣ-то буду дѣлать?.. Толи дѣло здѣсь-то!... а! чудо!... танц-классы... да маскарады... хе, хе, хе!... я большой повѣса!... Однако, (*смотритъ на часы*) пора навѣстить Каролину Карловну... Нарочно-пойду ранѣе обыкновеннаго, не поймаю ли опять молодца... (*за кулисами слышенъ голосъ Анны Ивановны: «вздоръ, душенька: вздоръ»*). Ай! жена!... вотъ ужъ некстати... ей Богу, некстати...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Анна Ивановна и Катенька.

АННА ИВАНОВНА. Вздоръ, душенька, вздоръ... возьми, да пошей немножко... а то цѣлый день на фортепьянахъ играть... развѣ это занятіе, матушка?... А! Петръ Ивановичь... вы опять ужъ куда-то бѣжите...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, (*со шляпою въ рукахъ*). Нельзя, Анна Ивановна... дѣла... дѣла...

АННА ИВАНОВНА. Ужъ вы мнѣ съ своими дѣлами!... хорошъ мужъ, хорошъ отецъ семейства, который цѣлый день по улицамъ рыскаетъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Я, Анна Ивановна — и несчитаю себя отцемъ семейства... какой я отецъ... это какъ то нечаянно случилось...

АННА ИВАНОВНА. Петръ Ивановичь!... вы меня оскорбляете.. и при дочери...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Да, чтожъ, я кажется, ничего такого...

АННА ИВАНОВНА. Ну, я васъ знаю, вы ничего не уважаете...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Бѣдная Анна Ивановна!.. какъ я ее на-

дуваю-то!.. Ну, прощайте же, прощайте покуда... а ты, мой дружечекъ, небезпокойся... я скоро вернусь...

АННА ИВАНОВНА. Ахъ, Боже мой! да я и небезпокоюсь...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. (*запрыгая съ ней*). У! ты мой пульти-пульчикъ!...

АННА ИВАНОВНА. Петръ Ивановичь... и при дочери!...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Чтожъ такое при дочери?... Папаша съ мамашей играютъ... пусть она учится у насъ, какъ жить согласно!...

АННА ИВАНОВНА. Она у меня дѣвушка нравственная... и я...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Согласенъ, согласенъ!... однако, мнѣ давно пора... прощайте Анна Ивановна, прощай Катокъ!... (*уходя*) О, я ужасный повѣса!... (*уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ III.

АННА ИВАНОВНА, КАТЕНЬКА и ПРУТИКОВЪ, (*на другой половинѣ.*)

КАТЕНЬКА, (*садится въ кресло, протягиваетъ ножки и зѣваетъ*). Ахъ, мамаша... Да сегодня такая прекрасная погода... совсѣмъ нехочется что нибудь дѣлать...

АННА ИВАНОВНА. Полно, это не отъ погоды... знаю я...

КАТЕНЬКА. Отчего же, мамаша?...

АННА ИВАНОВНА. Отчего... отчего... нескажу...

КАТЕНЬКА. Скажи, мамаша...

АННА ИВАНОВНА, (*садится и вяжетъ чулокъ*). Ну, вотъ пристала!... нескажу...

КАТЕНЬКА, (*подбѣгаетъ къ ней, становится на кольна и складываетъ руки*). Скажи, мамаша!...

АННА ИВАНОВНА. Все будешъ знать — скоро состарѣешся...

КАТЕНЬКА. Мамаша! такъ рѣшительно нескажешъ?...

АННА ИВАНОВНА. Немѣшай мнѣ чулокъ вязать...

КАТЕНЬКА. Такъ-вотъ небудешъ же ты вязать... (*вырываетъ двѣ иголки изъ чулка*). Вотъ тебѣ!...

АННА ИВАНОВНА. Катенька, ты съ ума сошла! отдай иголки...

КАТЕНЬКА. Не отдамъ, не отдамъ!...

АННА ИВАНОВНА. Катенька! и тебѣ нестыдно!... развѣ ты ребенокъ?...

КАТЕНЬКА. Ребенокъ?... разумѣется нѣтъ!... какой я ребенокъ.

№ 1-й.

Ахъ, что ты мамаша — вѣдь это обидно
Ну, чѣмъ же похожа на дѣвочку я?...
И какъ же тебѣ-то, мамаша нестыдно —
Назвать вдругъ ребенкомъ — кого-же? меня?...
Да кто же дитю удостоитъ вниманья,
Да кто же съ дитей про любовь говоритъ?
А я ужъ въ любви получала признанья —
И страстью ко мнѣ не одинъ ужъ горитъ!...

АННА ИВАНОВНА. Охъ, ты у меня! верченая головка!...

КАТЕНЬКА, (*важно садится въ кресла*). Мамаша.

АННА ИВАНОВНА, (*приводя чулокъ въ порядокъ*). Ну, что тамъ еще!...

КАТЕНЬКА. Хочешъ, я сама скажу тебѣ, отчего я немогу сегодня ничего дѣлать.

АННА ИВАНОВНА. Ну, говори.

КАТЕНЬКА. Я все думаю... знаешъ о комъ?

АННА ИВАНОВНА. О комъ?

КАТЕНЬКА. О вчерашнемъ избавителѣ! не правда ли, мамаша, какой онъ хорошенькій!

АННА ИВАНОВНА. Я съ испугу-то и не разсмотрѣла его.

КАТЕНЬКА. О! а я такъ очень хорошо разсмотрѣла... я давно замѣтила его въ Лѣтнемъ Саду.

АННА ИВАНОВНА. Вотъ что!

КАТЕНЬКА. Онъ всегда смотрѣлъ на меня такими глазами... такими глазами.... сверхъ того я видѣла его также...

АННА ИВАНОВНА. Гдѣ еще?

КАТЕНЬКА. Во-снѣ.

АННА ИВАНОВНА. Ахъ, ты баловница, баловница!

КАТЕНЬКА. Мамаша! знаешъ что?

АННА ИВАНОВНА. Что тамъ еще такое?

КАТЕНЬКА. У насъ—сегодня будутъ гости обѣдать!.....

АННА ИВАНОВНА. Это какъ и откуда?

КАТЕНЬКА. Кто?... во-первыхъ Павелъ Александровичь.... а во-вторыхъ.... не скажу!....

АННА ИВАНОВНА. Да кто же ихъ звалъ?...

КАТЕНЬКА. Никто—покуда; но я сейчасъ пошлю—ихъ звать...

АННА ИВАНОВНА. Ты съума сошла.... что ты это?...

КАТЕНЬКА. Будутъ гости обѣдать.... будутъ.... будутъ.... я сейчасъ побѣгу... всѣмъ распоряжусь... а ты сиди, мамаша... да вяжи чулокъ!... (*цѣлуетъ ее*) Хочу гостей... хочу... мнѣ скучно... ты ничего и неговори мамаша... не послушаюсь... ей-Богу, не послушаюсь....

(*Убѣгаетъ на-лѣво.*)

АННА ИВАНОВНА. Катенька! Катенька!... постой... ахъ, Господи!... вотъ баловница-то... пойти за нею... а то она тамъ такъ напроказитъ, что Боже упаси! (*уходитъ туда же*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прутиковъ (*высовывая голову изъ-подъ одѣяла.*) Фу! желалъ бы я знать, который теперь часъ!... Просто, мочи нѣтъ, всѣ бока отлежалъ!... Хоть бы Перушкинъ поскорѣй пришелъ!... авось онъ достанетъ на что пообѣдать... а то вѣдь просто чортъ знаетъ что такое!... мнѣ кажется, что я отъ вѣчнаго лежанія возвращусь къ временамъ дѣтства—и мнѣ снова надо будетъ учиться ходить!...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРУТИКОВЪ. (*въ постель*) ПЕРУШКИНЪ и НОГОТКОВЪ (*входятъ*)

ПЕРУШКИНЪ. Сюда... сюда... пожалуйте...

ПРУТИКОВЪ. Кого онъ это ведетъ, вѣрно барышника, спустить что нибудь хочетъ!...

ПЕРУШКИНЪ. Вотъ—Сеня—рекомендую, мой новый знакомый —Павелъ Александровичъ Ноготковъ!... а это мой товарищъ —Сеня Прутиковъ...

НОГОТКОВЪ. Очень пріятно познакомиться...

ПРУТИКОВЪ. Извините, что я васъ принимаю лежа...

НОГОТКОВЪ. Помилуйте, больнымъ все простительно.

ПРУТИКОВЪ (*всторону.*) Да боленъ-то не я, а мой карманъ!...

ПЕРУШКИНЪ. Позвольте предложить вамъ стулъ... Изъ всего того, что я имѣю, ничего немогу я вамъ предложить такъ охотно—какъ этотъ стулъ, какъ этотъ стулъ, какъ этотъ стулъ...

НОГОТКОВЪ. А я—изъ всего того, что можете мнѣ предложить—ничего не приму такъ охотно, какъ этотъ стулъ, какъ этотъ стулъ, какъ этотъ стулъ!... (*садится.*)

ПЕРУШКИНЪ. Теперь позвольте намъ объясниться другъ съ другомъ на счетъ вчерашняго происшествія.

ПРУТИКОВЪ. Происшествія?... какого происшествія?...

НОГОТКОВЪ. Презабавная исторія!

ПЕРУШКИНЪ. Для васъ, а не для меня...

ПРУТИКОВЪ. Вы разжигаете мое любопытство... разскажите, пожалуйста, что за происшествіе?

НОГОТКОВЪ. Я сейчасъ удовлетворю вашему любопытству...

ПРУТИКОВЪ. Сдѣлайте одолжніе...

НОГОТКОВЪ. Слушайте!... съ мѣсяцъ тому назадъ, я познакомился съ одной премиленькой дамочкой.... я приволокнулся; —кончилось тѣмъ, что она пригласила меня къ себѣ въ гости, я являюсь къ ней... сначала все шло хорошо.... какъ вдругъ звонятъ... А надо вамъ замѣтить, что у нея есть *покровитель* понимаете?... вотъ этотъ-то самый покровитель и нажаловалъ въ самую интересную минуту... Меня выпроваживаютъ на грязную лѣстницу, но негодный покровитель—имѣлъ ли онъ прежде подозрѣнія—или замѣтилъ слѣды моего присутствія, какъ бы то ни было, только онъ бѣжитъ за мной...

я слышу, что дверь, изъ которой я вышелъ, снова отворяется—я прячусь въ темный уголъ... а...

ПЕРУШКИНЪ. Позвольте, теперь моя очередь... я былъ въ этомъ же домѣ по одному дѣлу и спускаюсь съ лѣстницы—мечталъ вслухъ о моемъ идеалѣ, придавая ему различные восхитительные эпитеты... какъ вдругъ, получаю жестокій ударъ палкою по спинѣ... оборачиваюсь... и вижу предъ собою отвратительную физіогномію, угрожающую мнѣ вторичнымъ ударомъ, я не пускаясь въ объясненія, отвѣшиваю ему полновѣсный ударъ своей палкой—и должно быть, попалъ ловко, потому-что отвратительная физіогномія вскрикнула... и куда-то скрылась... Я спускаюсь ниже и вижу этого господина, который былъ такъ добръ, что отъ души смѣялся надъ ударомъ, который я получилъ вмѣсто него...

ПРУТИКОВЪ. Больно оригинальное происшествіе!...

ПЕРУШКИНЪ. Да, *больно* оригинальное—въ особенности для моей спины!...

НОГОТКОВЪ. Повѣрьте, что я вамъ очень благодаренъ...

ПЕРУШКИНЪ. Надѣюсь! немного найдется охотниковъ подставлять свою спину за другихъ!...

НОГОТКОВЪ. Само собой разумѣется, но я вамъ болѣе благодаренъ за то, что вы меня, такъ сказать—прикрыли, что для меня очень важно... Жаль, только, что я не замѣтилъ въ лицо этого господина.

ПЕРУШКИНЪ. О, мы такъ другъ друга хорошо замѣтили и даже *отмѣтили* (*показываетъ на палку.*)

ПРУТИКОВЪ. О, какъ счастливы тѣ, съ которыми случаются подобныя исторіи!...

ПЕРУШКИНЪ. Т. е. тѣ, которыхъ колотятъ палками, я не завидую ихъ счастію!...

НОГОТКОВЪ. Ктожъ вамъ мѣшаетъ отыскивать приключенія?

ПРУТИКОВЪ. Лежа на кровати, врядъ ли дождешся какого приключенія!... развѣ потолокъ обвалится!...

НОГОТКОВЪ. Ктожъ вамъ велитъ лежать?...

ПРУТИКОВЪ. Рокъ! fatum?... тотъ самый fatum, который осудилъ Эдипа на столько различныхъ бѣдствій—осудилъ и меня пролежать всю жизнь на кровати...

НОГОТКОВЪ. Я васъ не совсѣмъ понимаю!...

ПЕРУШКИНЪ. Позвольте мнѣ объяснить вамъ эту загадку...

или лучше сказать, нарисовать картину нашей жизни... это будетъ нѣчто въ фламандскомъ родѣ... Я—Ваня Перушкинъ—художникъ безъ работы... онъ, Сеня Прутиковъ, и больше ничего пока... но могъ бы быть замѣчательнымъ человѣкомъ въ своемъ родѣ—только къ несчастью, онъ не знаетъ до-сихъ-поръ ни роду, ни племени... т. е. онъ сирота... Но, къ дѣлу... мы какъ-то сошлись—сжились... вотъ ужъ три года ведемъ жизнь геніальныхъ людей, т. е. ничего не дѣлаемъ и невсегда обѣдаемъ... Надо вамъ сказать, что мы знаемъ только одну статью политической экономіи: расходъ—и рѣшительно незнакомы съ приходомъ. Чѣмъ мы живемъ—это тайна судьбы, которая очень извѣстна многимъ петербургскимъ молодымъ людямъ... Теперь, позвольте познакомить васъ съ нашимъ хозяйствомъ—небойтесь—я васъ неутомлю.... вотъ столъ, на которомъ мы обѣдаемъ... надо сознаться, что и столъ, на которомъ мы ѣдимъ и столъ, который мы ѣдимъ, не очень роскошны: одинъ о трехъ ножкахъ съ половиною, а другой рѣдко бываетъ о двухъ блюдахъ; но для того и начертана эта надпись надъ столомъ: «ѣшьте, но необъѣдайтесь...» надо вамъ замѣтить, что мы охотно бы погрѣшили противъ этого закона....

прутиковъ. Торжественно сознаюсь въ этомъ!...

перушкинъ. Далѣе—вы видите разбитый графинъ съ водою—въ отношеніи къ которому мы съ большимъ удовольствіемъ держимся изрѣченія: «пейте, но не упивайтесь»... Теперь слѣдуетъ посуда: какъ видите, полторы тарелки... ножикъ и стаканъ—посуды не слишкомъ много, но согласитесь сами, *къ чему тоскать повсюду ненужную посуду*?... Далѣе—шкафъ, въ которомъ никогда ничего не стоитъ... стулъ, единтсвенный, въ своемъ родѣ, и у насъ въ домѣ... потомъ, кровать, на которой этому молодому человѣку суждено пролежать лучшіе свои годы...

ноготковъ. Но, скажите, что вы дѣлаете, вѣчно лежа на кровати?...

прутиковъ. Я?... я сочиняю сюжеты для его будущихъ картинъ.

перушкинъ. Однимъ словомъ—у насъ одна пара платья... мы хоть большіе друзья—однако насъ никто невидалъ вмѣстѣ на улицѣ... потому-что, когда онъ гуляетъ—я лежу; когда

я гуляю—онъ лежитъ, что случается гораздо чаще!... впрочемъ, это имѣетъ свои удовольствія... мы другъ другу передаемъ свои впечатлѣнія... и слѣдовательно—наслаждаемся ими вдвойнѣ. Къ нашему несчастью, давно, кажется, со временъ Адама, если не ошибаюсь—вышло изъ моды ходить въ *натурѣ*, о чемъ мы, и вся наша братья, обитатели Петербургскихъ вершинъ—очень сожалѣемъ!...

ноготковъ. Что это за обитатели Петербургскихъ вершинъ?

перушкинъ. О, это люди различныхъ званій, сословій, профессій, у которыхъ одно общее безденежье...

№ 2-й.

Петербургскія вершины —
Наполняемъ мы собой:
Здѣсь и докторъ медицины,
Здѣсь и купчикъ разбитной!..
Тутъ и фракъ темнозеленый,
Тутъ и выгнанный корнетъ...
Тутъ и будущій ученый..,
Тутъ и будущій поэтъ!..
Вся безденежная братья...
Для которыхъ все хоть брось ..
Всѣ сидящіе безъ платья—
Всѣ твердящіе: авось!..

Теперь вы знаете, къ какой категоріи людей мы принадлежимъ.

ноготковъ. И несмотря на все это, вы кажется не унываете?..

перушкинъ. Унывать?.. есть отчего!.. оттого, что иной разъ не пообѣдаешь?.. я вполнѣ увѣренъ-что со временемъ я вознагражу себя за это достойнымъ образомъ!..

ноготковъ. И для начала – я васъ приглашаю къ себѣ обѣдать сегодня!..

перушкинъ. О! вы не повѣрите, какъ пріятно для меня ваше приглашеніе, тѣмъ болѣе, что сегодня, кажется, одинъ изъ тѣхъ дней, въ которые мы... какъ бы сказать... не стряпаемъ дома.

ноготковъ (*Прутикову.*) Вы, вѣроятно, также неоткажетесь...

прутиковъ. Съ большимъ бы удовольствіемъ... но вы вѣроятно не захотите, чтобы я явился къ вамъ въ костюмѣ нашего праотца Адама...

ноготковъ. О, этому можно пособить... я пришлю вамъ платье изъ своего гардероба...

прутиковъ. Въ такомъ случаѣ... я буду чрезвычайно радъ...

ноготковъ. Я живу здѣсь же въ домѣ–№13–и такъ, въ четыре часа–я васъ жду. До свиданія!..

перушкинъ. До самаго пріятнаго свиданія, какое я только зналъ въ жизни...

ноготковъ. Прощайте!

прутиковъ. Извините, что я не могу васъ проводить...

ноготковъ. О, не безпокойтесь... *(уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VI

ПРУТИКОВЪ И ПЕРУШКИНЪ.

прутиковъ. Какой благородный молодой человѣкъ!.. и какъ это счастливо, что тебя вчера поколотили, а то мы сидѣли бы сегодня безъ обѣда!

перушкинъ. О, вчера день былъ удивительно счастливый!.. О, Прутиковъ!.. еслибъ ты зналъ... сколько счастья въ одинъ день!..

прутиковъ. Что–жъ еще?.. разскажи пожалуйста; ты знаешь, что по твоимъ разсказамъ я учусь жизни...

перушкинъ. Послѣ этого роковаго удара палкую, впрочемъ счастливаго по послѣдствіямъ, я пошелъ бродить по улицамъ, мечтать о моемъ идеалѣ... Прогуливаясь по набережной Фонтанки, по которой надо ходить очень бережно, мечтая о моей чудной незнакомкѣ, при свѣтѣ какого–то мутнаго фонаря, который у насъ въ Петербургѣ называютъ луною—я воображалъ, что нахожусь въ Италіи... но это лишнія подробности.—Какъ вдругъ слышу неистовый собачій лай и женскій голосокъ, кричащій: *ай, ай*!.. ай, ай! что это былъ за голосокъ!.. я бѣгу на крикъ... и вижу страшную картину: преогромный бульдогъ–съ

яростью нападаетъ на двухъ дамъ... я подбѣгаю и двумя или тремя ударами палкой – повергаю непріятеля на землю!.. какое торжество!.. тогда только я взглянулъ на дамъ—и... о, Аллахъ и Магометъ пророкъ его... это была моя незнакомка!.. я вскрикнулъ-ахъ! она вскрикнула-ахъ! и мать ее вскрикнула-ахъ!. три *аха* были предсмертной пѣснью бульдога!

ПРУТИКОВЪ. Далѣе; это очень занимательно.

ПЕРУШКИНЪ. И мы пошли далѣе т. е. онѣ узнали меня – я узналъ ихъ!.. И онѣ просили довести ихъ до дому; я шелъ рядомъ съ ней... къ которой съ перваго раза, какъ я увидѣлъ ее въ Лѣтнемъ Саду – грудь моя забилась безпредметной любовью, по выраженію одного восточнаго поэта... съ ней, для которой я износилъ послѣднюю пару сапогъ, бѣгая по Лѣтнему Саду въ надеждѣ увидать ее... Дорогою онѣ наговорили мнѣ много лестнаго и пріятнаго... наконецъ мы подходимъ къ дому – и вообрази-къ этому самому дому: онѣ живутъ здѣсь, а я незналъ... Прощаясь, онѣ очень деликатно спросили о моемъ жительствѣ... и кажется очень обрадовались когда узнали, что я живу въ одномъ домѣ съ ними... Вотъ приключенія вчерашняго дня!.. какой счастливый день!.. ударъ палкою, который влечетъ за собой прекрасный обѣдъ, и бѣшеный бульдогъ, который доставляетъ мнѣ знакомство съ моей гуріей!..

ПРУТИКОВЪ. Вѣдь вотъ бываютъ же такъ счастливы люди!.. Со мной такъ никогда неслучается никакихъ исторій!..

(стукъ въ дверь).

ПЕРУШКИНЪ. Войдите!.. кто тамъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, СЛУГА ГРУЗКОВА.

ПЕРУШКИНЪ. Что тебѣ надо, любезный?..

СЛУГА. Здѣсь живетъ г–нъ Перушкинъ?

ПЕРУШКИНЪ. Это я...

СЛУГА. Анна Ивановна Грузкова просятъ васъ пожаловать къ себѣ...

ПЕРУШКИНЪ. Какая Анна Ивановна?

СЛУГА. Грузкова–съ: онѣ изволи сказать, скажи имъ, что вчерашнія дамы; они ужъ тамъ знаютъ...

ПЕРУШКИНЪ. А! вчерашнія?

СЛУГА. Точно такъ–съ; онѣ въ здѣшнемъ же домѣ № 14-й.

ПЕРУШКИНЪ. Хорошо... я сейчасъ буду!..

СЛУГА. Слушаюсъ! (*уходитъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРУТИКОВЪ И ПЕРУШКИНЪ.

ПЕРУШКИНЪ. Великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его.

ПРУТИКОВЪ. Экое счастье, подумаешъ!..

ПЕРУШКИНЪ. О! я самъ себя непомню!.. это такое счастье, что я кажется сойду съ ума!.. О, Прутиковъ!.. Прутиковъ, я просто на седьмомъ небѣ... о, Аллахъ!.. о! Прутиковъ, обними меня!.. (*бросается къ нему въ объятія, отъ натуги у него распарывается фракъ на спинѣ.*) Что это?.. что–то треснуло?.. не ужели... (*поворачивается спиной къ Прутикову.*)

ПРУТИКОВЪ. Ну, братъ, фракъ лопнулъ на спинѣ...

ПЕРУШКИНЪ. О, я самъ лопну съ досады!.. мнѣ дурно... дурно... о, Аллахъ, я наѣлся грязи,.. въ ту самую минуту... (*снимаетъ фракъ*) Ну, посмотрите пожалуйста!.. какъ же я теперь пойду къ моей очаровательной Сильфидѣ ?..

ПРУТИКОВЪ. Вотъ тебѣ и счастье!. все къ чорту пошло!..

ПЕРУШКИНЪ. Это вчерашній ударъ палкою протеръ швовъ— а сегоднишнее колебаніе моего сердца, переполненнаго счастьемъ произвело взрывъ!.. о, бѣдная жертва моего счастія!..

ПРУТИКОВЪ. Въ чемъ же ты пойдешъ къ сосѣдкамъ?

ПЕРУШКИНЪ. Въ чемъ?.. хорошъ вопросъ!.. въ чемъ?.. О, судьба, судьба! какъ же ты жестока!.. что–бы тебѣ подождать немного, дать мнѣ время посѣтить этихъ дамъ и потомъ распороть этотъ фракъ—хоть по всѣмъ швамъ!.. О, судьба! пошли ты мнѣ какой нибудь лоскутокъ—въ который бы я могъ облечься, не нарушая приличій... о! о! о! трижды о! о! о! я несчастный!..

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ, МАЛЬЧИКЪ ОТЪ ПОРТНОГО.

МАЛЬЧИКЪ. Хозяинъ фракъ прислалъ... сюдя что-ли?..

ПРУТИКОВЪ и ПЕРУШКИНЪ. Что?!

МАЛЬЧИКЪ. Фракъ прислалъ хозяинъ...

ПРУТИКОВЪ. Неужели ты заказалъ себѣ фракъ?..

ПЕРУШКИНЪ. Я? я заказалъ? врядъ ли найдется въ Петербургѣ портной, который бы не отказался шить по моимъ заказамъ!..

ПРУТИКОВЪ. Откудаже этотъ фракъ?..

ПЕРУШКИНЪ. Это искушеніе!.. искушеніе!.. этого мальчишку подослалъ нечистый; онъ и самъ такой нечистый!..

МАЛЬЧИКЪ. Чтожъ, сударь... фракъ-то вамъ—чтоли? Хозяинъ сказалъ въ 41 номеръ...

ПЕРУШКИНЪ. 41!.. это здѣсь!.. (*всторону*) Взять или не взять!.. вотъ въ чемъ вопросъ!..

ПРУТИКОВЪ. Примѣрь-ка Ваничька!..

ПЕРУШКИНЪ. Примѣрить?.. въ самомъ дѣлѣ примѣрю!.. можетъ быть онъ съ какого нибудь колосса Родосскаго!.. такъ я тогда, пожалуй и невозьму!.. Ну, давай сюда фракъ!..

МАЛЬЧИКЪ. (*вынимая изъ салфетки фракъ*). Вотъ извольте-съ.

ПЕРУШКИНЪ. (*надѣвая фракъ*). О, Аллахъ! какъ на меня сшитъ!.. Лукавый подталкиваетъ меня на ужасную мерзость... но нѣтъ! (*снимаетъ фракъ*) я неподдамся искушенію... ты... ступай и скажи хозяину, что я доволенъ!.. (*надѣваетъ опять фракъ*) а я съ нимъ увижусь... (*всторону*) Если не на этомъ—такъ на томъ свѣтѣ!..

МАЛЬЧИКЪ. Слушаюсь!.. (*уходитъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРУТИКОВЪ И ПЕРУШКИНЪ.

ПРУТИКОВЪ. И ты рѣшился взять фракъ?

ПЕРУШКИНЪ. Не—я, а бѣдность и отчаянье.

ПРУТИКОВЪ. А вѣдь какъ славно сшитъ...

ПЕРУШКИНЪ. Тѣмъ лучше... тѣмъ лучше .. Ну, что вѣришъ ты въ мою звѣзду?.. судьба явно мнѣ покровительствуетъ!.. этотъ мальчишка, вѣроятно ошибся или домомъ, или квартирою... но все равно... я немогъ устоять—искушеніе было очень сильно... Ахъ, чортъ возьми! не во-что и посмотрѣться... причесанъ ли я?.. не перепачьканъ ли?..

ПРУТИКОВЪ. Хорошъ, хорошъ.

ПЕРУШКИНЪ. Хорошъ? тѣмъ лучше!.. Бѣгу, бѣгу—пока непришли за фракомъ!.. Прощай же Прутиковъ, приходи обѣдать къ Ноготкову... О, Аллахъ! донеси меня невредимымъ до 14 нумера!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПРУТИКОВЪ, ПОТОМЪ АННА ИВАНОВНА И КАТЕНЬКА. (*на лѣвой половинѣ*).

ПРУТИКОВЪ. Чортъ возьми! размять хоть немного ноги въ ожиданіи обѣда!.. (*завертывается въ одѣяло и начинаетъ ходить по комнатѣ*) Одѣяло послужитъ мнѣ халатомъ или римской тогой... У! совсѣмъ ноги отлежалъ... Чортъ возьми, здѣсь негдѣ и расходиться... выйду-ка въ корридоръ, авось меня неузнаютъ—подумаютъ, что гуляетъ тюфякъ!.. (*тоже уходитъ.*)

АННА ИВАНОВНА И КАТЕНЬКА (*входятъ*).

КАТЕНЬКА (*вбѣгая*). Придетъ, придетъ!..

АННА ИВАНОВНА (*входя за нею*). Ну, полно-же, полно Катенька.

КАТЕНЬКА. Ахъ, мамаша... душечька... онъ придетъ... поцѣлуйте меня...

АННА ИВАНОВНА. Скажи, пожалуста, ты сегодня точно съ ума сошла.

КАТЕНЬКА. Напротивъ, мамаша... напротивъ... Послушай мамаша — а вечеромъ мы пошлемъ позвать Марью Петровну съ Дашенькой и Полинькой... и еще...

АННА ИВАНОВНА. Полно, полно вздоръ-то болтать... я вѣдь и разсержусь.

КАТЕНЬКА. Разсердишся!.. ха, ха, ха!.. Да умѣешъ ли ты

сердиться, мамаша?.. Ахъ ты милочка моя!.. голубушка... (*обнимаетъ и цѣлуетъ ее*).

АННА ИВАНОВНА. Ну, перестань-же...

КАТЕНЬКА. Нѣтъ, я хочу посмотрѣть-умѣешъ ли ты сердиться... ха, ха, ха! сейчасъ побѣгу и велю...

АННА ИВАНОВНА. Катенька.

КАТЕНЬКА. Нѣтъ... нѣтъ... разсердись... (*бѣжитъ къ дверямъ—встрѣчается съ слугой*).

СЛУГА. Г. Перушкинъ пришелъ.

КАТЕНЬКА. Ахъ!..

АННА ИВАНОВНА. Проси, проси!.. (*Слуга уходитъ*).

КАТЕНЬКА. Ахъ, мамаша... посмотри, пожалуйста, не растрепалась ли я, не измялась ли... да, поскорѣй, мамаша!

АННА ИВАНОВНА. Хорошо, все хорошо... точно въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ кто пришелъ.

КАТЕНЬКА. Ахъ, мамаша, да поправте вы у себя чепецъ-то... онъ совсѣмъ на сторону свалился.

АННА ИВАНОВНА, (*поспѣшно поправляя чепчикъ*). Гдѣ, гдѣ, неужели?...

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и ПЕРУШКИНЪ.

ПЕРУШКИНЪ, (*скромно входя*). Мое почтеніе! (*Анна Ивановна откланивается*), мое почтеніе! (*Катенька приседаетъ*).

АННА ИВАНОВНА. Здравствуйте, здравствуйте... Ахъ, Господи! вѣдь имени то вашего я и незнаю.

ПЕРУШКИНЪ, (*скромно*). Обыкновенно меня зовутъ Ваничькой Перушкинымъ... а въ необыкновенныхъ случаяхъ Иваномъ Александровичемъ.

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). Его зовутъ Ваничкой!...

АННА ИВАНОВНА. И такъ Иванъ Александровичь — позвольте намъ еще разъ поблагодарить васъ... мы такъ вамъ обязаны — такъ обязаны.

ПЕРУШКИНЪ. Помилуйте, это совершенные пустяки... Но я самъ очень благодаренъ этимъ пустякамъ — потому, что они доставили мнѣ случай познакомиться съ вами.

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). Какой онъ милый.

АННА ИВАНОВНА. Я очень сожалѣю, что моего мужа нѣтъ дома... Но вы вѣроятно не откажитесь у насъ отобѣдать — и тогда онъ будетъ имѣть удовольствіе поблагодарить васъ...

ПЕРУШКИНЪ, (*встороиу*) О, судьба! то ни одного обѣда—то вдругъ два... (*ей*) Сударыня... я буду очень счастливъ.

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). И невзглянетъ на меня!...

АННА ИВАНОВНА. Такъ вы согласны?... и прекрасно... Какая у насъ Иванъ Александровичь, погода чудная стоитъ.

ПЕРУШКИНЪ. Прекрасная погода...

АННА ИВАНОВНА. А хлѣбъ все, скажите, дорогъ.

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). Ахъ, эта мамаша... говоритъ о какихъ то пустякахъ. (*кашляетъ*).

ПЕРУШКИНЪ. Вы постоянно изволите проживать въ Петербургѣ?

АННА ИВАНОВНА. Нѣтъ, батюшка, мы сюда только пріѣзжаемъ на время и то для Катеньки.

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). Насилу хоть слово обо мнѣ сказала!

АННА ИВАНОВНА. А живемъ мы больше въ деревнѣ... въ 70 верстахъ отъ Петербурга,

КАТЕНЬКА, (*встороиу*). Одно средство остается... (*уходитъ на минуту въ среднюю дверь и возвращается*).

АННА ИВАНОВНА. Деревня то у насъ отличная... крестьяне люди все хорошіе, зажиточные... не то, что тамъ есть у насъ одинъ сосѣдъ...

СЛУГА, (*входитъ*). Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Что тебѣ тамъ?

СЛУГА. Пожалуйте сюда.

АННА ИВАНОВНА. Зачѣмъ?

СЛУГА. Нужно-съ.

АННА ИВАНОВНА. Ахъ, Господи... слова нельзя сказать! (*Катенька лукаво улыбается*). Извините, пожалуйста, Иванъ Александровичь... вотъ Катенька съ вами посидитъ.

ПЕРУШКИНЪ. (*сконфузясь*). Помилуйте... я...

АННА ИВАНОВНА, (*уходя*). Катенька, займи гостя. (*уходитъ съ слугой*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Перушкинъ и Катенька.

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*). Я остался наединѣ съ моимъ божествомъ, о, Аллахъ, подкрѣпи меня!

КАТЕНЬКА, (*всторону*). Я осталась наединѣ съ моимъ идеаломъ.

ПЕРУШКИНЪ, (*застѣнчиво*). Вы очень испугались бульдога, Катерина Петровна!

КАТЕНЬКА. Ужасно! (*застѣнчиво*) Еслибъ не вы, онъ на вѣрное бы насъ заѣлъ.

ПЕРУШКИНЪ, Это было бы очень непріятно... (*всторону*) Экую глупость сказалъ... (*Молчаніе*).

КАТЕНЬКА, [*всторону*). Ахъ, какая я глупая... незнаю о чемъ и заговорить.

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*). О, Аллахъ! у меня языкъ точно прилипъ къ гортани.

КАТЕНЬКА. Вы часто гуляете въ Лѣтнемъ Саду!

ПЕРУШКИНЪ. Да–съ, съ нѣкоторыхъ поръ Лѣтній Садъ для меня дороже рая Магомета.

КАТЕНЬКА. (*застѣнчиво*). Съ которыхъ же это поръ?

ПЕРУШКИНЪ. Съ тѣхъ поръ... какъ я... (*конфузится*) Какія прекрасныя обои у васъ...

КАТЕНЬКА. Вамъ нравятся? а бываете вы въ Итальянской оперѣ?

ПЕРУШКИНЪ. Нѣтъ — къ моему несчастію мнѣ неудалось еще быть въ этомъ домѣ радостей и звуковъ. Ахъ, извините, я выразился немного по восточному.

КАТЕНЬКА. Впрочемъ, вамъ я думаю нѣкогда... вы все пишите картины.

ПЕРУШКИНЪ. Да–съ... (*всторону*) мѣломъ на стѣнахъ.

КАТЕНЬКА (*нерѣшительно*). Вы мнѣ неотвѣчали, съ которыхъ поръ вамъ нравится Лѣтній Садъ.

ПЕРУШКИНЪ. Это потому... потому... (*всторону*) Что языкъ неворочается.

КАТЕНЬКА. Почему-же?

ПЕРУШКИНЪ. Вотъ видите-ли... онъ мнѣ нравится съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ — какъ я увидѣлъ тамъ одну особу.

КАТЕНЬКА. Какую же это особу?

ПЕРУШКИНЪ. О, удивительную особу!... [*воспламѣняясь*) какой никогда не существовало не только на землѣ, но даже въ раю Магомета! такую особу, какой никогда несоздавало воображаніе поэта... такую особу... (*вдругъ останавливается*).

КАТЕНЬКА. Чтожъ, продолжайте...

ПЕРУШКИНЪ. Да можетъ быть вамъ непріятно меня слушать.

КАТЕНЬКА. Отчего же?... напротивъ... очень пріятно!..

ПЕРУШКИНЪ. Вамъ пріятно... о такъ узнайте...

ГОЛОСЪ МАЛЬЧИШКИ, (*за кулисами*). Отдайте назадъ фракъ!

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*). Отдать назадъ фракъ!

КАТЕНЬКА. Что же?..

ПЕРУШКИНЪ. Что-съ?... (*всторону*) а что, могутъ вѣдь придти сюда за фракомъ...

ГОЛОСЪ ПРУТИКОВА (*за кулисами*). Я незнаю никакого фрака!

КАТЕНЬКА. Что же вы остановились.

ПЕРУШКИНЪ. Это... это... оттого... что...(*всторону*) фракъ проклятый!

КАТЕНЬКА. Я прошу васъ — продолжайте.

ПЕРУШКИНЪ. Вы просите... такъ узнайте...

МАЛЬЧИКЪ, (*за кулисами*). Хозяинъ пойдетъ въ полицію.

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*) Въ полицію!... о, Аллахъ! и тебѣ не стыдно!..

КАТЕНЬКА, (*съ досадой*). О, Боже мой!... чтожъ прикажете мнѣ узнать?

ПЕРУШКИНЪ. Вы сердитесь... правда, я невиноватъ... (*всторону*) она сердится... тамъ полиція требуетъ фрака... (*ей*) ради Бога, не сердитесь.. я сейчасъ отдамъ.

КАТЕНЬКА, (*съ удивленіемъ*). Что вы отдадите?...

ПЕРУШКИНЪ. Ахъ... не то... я хотѣлъ сказать — сейчасъ разскажу, но меня сбиваютъ крики на лѣстницѣ о какомъ то фракѣ.

КАТЕНЬКА. Вѣроятно, кто нибудь укралъ фракъ..

ПЕРУШКИНЪ. (*обидясь*). Укралъ!! и вы можете думать!

КАТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! чтожъ тутъ удивительнаго!...

ПЕРУШКИНЪ. Ваша правда... ваша правда... я сошелъ съ ума... я потерялъ голову... это оттого, что я боюсь открыть вамъ свою тайну?...

КАТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! да чего-же вы боитесь?...

ПЕРУШКИНЪ. Ваша правда... чего бояться... (*всторону*) тамъ утихло — бояться нечего... (*ей*) И такъ, узнайте же.

КАТЕНЬКА. Наконецъ.

ПЕРУШКИНЪ. Эта особа, для которой бы самъ Магометъ выгналъ вонъ изъ рая всѣхъ гурій... эта особа, которую я обожаю и для спасенія которой не побоялся бѣшенаго бульдога — эта особа вы!...

КАТЕНЬКА. Я?... (*всторону*) Я такъ и знала!

ПЕРУШКИНЪ. Вы не сердитесь?

КАТЕНЬКА. (*застѣнчиво*). Нѣтъ.

ПЕРУШКИНЪ. Вы не велите меня выгнать отсюда?...

КАТЕНЬКА. О нѣтъ.

ПЕРУШКИНЪ. Значитъ, я вамъ не противенъ.

КАТЕНЬКА, (*сконфузясь*). Нѣтъ...

ПЕРУШКИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! о, великій Аллахъ и Магометъ пророкъ его!... (*беретъ ее за руку*) Катерина Петровна!.. зачѣмъ эта рука не можетъ быть моею!

КАТЕНЬКА. Отчего же?

ПЕРУШКИНЪ. Но я бѣденъ.

КАТЕНЬКА. Чтожъ за бѣда?

ПЕРУШКИНЪ. А ваши родители?

КАТЕНЬКА. О нихъ небезпокойтесь.

ПЕРУШКИНЪ. Значитъ, вы хотите быть моею, о гурія!

КАТЕНЬКА. И очень...

ПЕРУШКИНЪ. О, звѣзда востока! цѣлую прахъ ногъ твоихъ!.. Значитъ вы меня замѣтили?

КАТЕНЬКА. Давно... давно... но, подождите здѣсь... я побѣгу, и все разскажу мамашѣ... она такая добрая.

ПЕРУШКИНЪ. О, неожиданное счастіе... спѣшите, спѣшите къ доброй мамашѣ... и скажите ей, что самъ Магометъ будетъ моимъ посаженымъ отцомъ!

КАТЕНЬКА. (*хохочетъ*). Ахъ, какой вы забавникъ!... смотрите же... ожидайте меня здѣсь... до свиданія... (*убѣгаетъ.*)

ПЕРУШКИНЪ. До свиданія роза бенгальская!... Ну Ваничка.. ты просто, подъ петербургскимъ небомъ, сдѣлался героемъ Шахерезады!... Откуда вдругъ привалило столько счастія?

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПЕРУШКИНЪ, *(на лѣвой половинѣ.)* ПРУТИКОВЪ съ слугою НОГОТКОВА, *(входятъ на правую половину).*

ПРУТИКОВЪ. Я сейчасъ, того, одѣнусь... ты подожди немного.

СЛУГА. Слушаю–съ. *(отдаетъ Прутикову платье, которое принесъ съ собою.)*

ПРУТИКОВЪ. Я въ минуту... въ минуту. *(уходитъ за ширмы одѣваться.)*

ПЕРУШКИНЪ. *(случившійся у правой стороны и прислушивавшійся къ ихъ разговору).* Что это? опять тамъ кто–то разговариваетъ?... ужъ не полиція–ли пришла?

ПРУТИКОВЪ, *(за ширмами).* Фракъ какъ на меня сшитъ.

ПЕРУШКИНЪ. Такъ и есть... говорятъ что–то про фракъ.

ПРУТИКОВЪ, *(выходя).* Ну–вотъ я и готовъ... а все, что–то не ловко... въ одѣялѣ ловчѣ.

СЛУГА. А, какъ же вашъ товарищъ... за нимъ надо сходить?

ПРУТИКОВЪ. Нѣтъ — онъ и самъ придетъ.

ПЕРУШКИНЪ. Самъ приду въ полицію... дожидайтесь!

ПРУТИКОВЪ. Ну, пойдемъ любезный. *(Прутиковъ и слуга уходятъ).*

ПЕРУШКИНЪ. Что-то притихли... неслыхать ничего...

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПЕРУШКИНЪ (*прислушивается у стѣны*). ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ (*выходитъ изъ средней двери*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Ну, вотъ и я вернулся... Каролина Карловна снова... (*Замѣтя Перушкина*). Это что?... кто такой?... что онъ тутъ дѣлаетъ?

ПЕРУШКИНЪ, (*невидя его*). Тихо... вѣрно ушли... ну, тѣмъ лучше. . теперь я спокоенъ... я счастливъ... (*Оборачивается и лицомъ къ лицу встрѣчается съ Петромъ Ивановичемъ, который къ нему подходилъ. Отскакиваютъ другъ отъ друга съ ужасомъ*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. А...

ПЕРУШКИНЪ. А....

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Вы?!

ПЕРУШКИНЪ. Вы!!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. О!...

ПЕРУШКИНЪ. О!...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. (*всторону*) Зачѣмъ онъ здѣсь?

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*). Какъ онъ сюда попалъ? (*Смотрятъ другъ на друга.*)

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, (*всторону*). Вѣрно пришелъ разсказать все моей женѣ!

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону*). Вѣрно онъ сватается на Катенькѣ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, (*всторону съ презрѣніемъ*). Подлецъ!

ПЕРУШКИНЪ, (*всторону съ негодованіемъ*). Развратникъ!.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Что?!

ПЕРУШКИНЪ. Что?!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Милостивый государь!

ПЕРУШКИНЪ. Государь мой!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Какъ вы сюда попали?

ПЕРУШКИНЪ. Какъ вы сами сюда зашли?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Послѣ того, какъ вы разстроили мое приватное счастіе, вы смѣете являться сюда съ намѣреніемъ...

ПЕРУШКИНЪ. Послѣ своихъ приватныхъ удовольствій вы смѣете надѣяться здѣсь чего нибудь?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Что?! употребляя низкія усилія лишить

меня любимой особы, вы намѣрены разлучить меня съ законной женой... и сверхъ того...

ПЕРУШКИНЪ. И сверхъ того еще есть.. это просто турокъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Милостивый государь!.. я не знаю, по какому праву вы рѣшились нарушать мое счастіе и спокойствіе?..

ПЕРУШКИНЪ. А вы думали, что вчерашній ударъ палкою, отъ котораго у меня даже фракъ лопнулъ... пройдетъ вамъ даромъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Но, милостивый государь, сознайтесь, что и ваша палка здороваго качества...

ПЕРУШКИНЪ. Да... я вчера славно поподчивалъ одного бульдога...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Бульдога?.. (*въсторону*) онъ назвалъ меня бульдогомъ!.. (*ему*) это низко!..

ПЕРУШКИНЪ. Прибить бульдога?.. нисколько!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Опять!.. я бульдогъ!.. такъ знайте же, что такой бульдогъ, какъ я, не захочетъ имѣть дѣла съ такой шавкой, какъ вы!.. вотъ вамъ!..

ПЕРУШКИНЪ. Послушай ты, старый мусульманинъ....

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Прошу небраниться, я хозяинъ въ своемъ домѣ.

ПЕРУШКИНЪ. А! ты хозяинъ здѣшняго дома!.. хорошо я незаплачу тебѣ за квартиру...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Что? вы здѣсь живете?..

ПЕРУШКИНЪ. А ты и незналъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. О, ужасъ! онъ переѣхалъ въ мою квартиру!..

Погоди-же ты пріятель—
Я раздѣлаюсь съ тобой...
Нѣтъ, недамъ тебѣ, предатель,
Развести меня съ женой!..

ПЕРУШКИНЪ.

Небоюсь тебя невѣрный!..
Самъ Аллахъ поможетъ мнѣ!..
Убирайся турокъ скверный,
Къ чорту, иль къ своей женѣ!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Я сейчасъ бѣгу за дворникомъ... мнѣ такихъ жильцовъ ненужно... ай да Анна Ивановна—подпустила она мнѣ жильца подъ бокъ!.. (*убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

ПЕРУШКИНЪ. Убирайся, турокъ проклятый! у него есть жена, есть Каролина Карловна, да онъ сверхъ того и здѣсь еще хочетъ... Погоди я тебя здѣсь такъ распишу, что тебя тотчасъ же выгонятъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПЕРУШКИНЪ И НОГОТКОВЪ.

НОГОТКОВЪ (*входя*). Ба! Перушкинъ? какъ вы сюда попали?..

ПЕРУШКИНЪ. Очень просто—за мной прислали, а вы здѣсь знакомы!..

НОГОТКОВЪ. И очень... но, послушайте—какая подлая исторія случилась... Къ кому-то въ нашъ домъ портной прислалъ новый фракъ, мальчишка ошибся нумеромъ и попалъ на какого-то негодяя, который не постыдился присвоить себѣ фракъ!.. это ужасная подлость...

ПЕРУШКИНЪ (*досихъ поръ блѣднѣвшій, дрожавшій—выходитъ изъ себя*). Милостивый государь!.. это совсѣмъ не подлость.

НОГОТКОВЪ. Вы заступаетесь за этого шишимору?..

ПЕРУШКИНЪ (*съ ужасомъ*). Шишимора!..

НОГОТКОВЪ. Украсть фракъ...

ПЕРУШКИНЪ. Укралъ?.. а если онъ взялъ его съ честнымъ намѣреніемъ!..

НОГОТКОВЪ. Эдакъ всякій мошенникъ будетъ говорить, что онъ воруетъ съ честнымъ намѣреніемъ!..

ПЕРУШКИНЪ (*всторону*). О, Аллахъ! какой стыдъ! а все виноватъ нечистый мальчишка съ своимъ фракомъ!..

НОГОТКОВЪ. Но негодяй неувернется, его будутъ караулить у воротъ и на лѣстницѣ...

ПЕРУШКИНЪ, (*встороиу*). Мнѣ придется здѣсь ночевать!..

НОГОТКОВЪ. Я отъ души желалъ бы, чтобъ поймали этого мерзавца.

ПЕРУШКИНЪ, (*встороиу*). Что скажетъ Катенька, что скажетъ ея мамашенька, когда узнаютъ, что я укралъ фракъ?.. такъ вотъ, скажутъ, какой онъ художникъ!..

НОГОТКОВЪ. Послушайте... да, что съ вами?..

ПЕРУШКИНЪ. Что со мной?.. ахъ, да... я видѣлъ здѣсь вчерашнюю отвратительную физіогномію.

НОГОТКОВЪ. Неужели?..

ПЕРУШКИНЪ. Да... я подозрѣваю, что это какой нибудь турецкій паша... у него и тамъ, и тутъ, и здѣсь—вездѣ жены!.. какъ бы намъ не завести войны съ Турціей?..

НОГОТКОВЪ. Чтожъ онъ здѣсь дѣлалъ?..

ПЕРУШКИНЪ. Ничего... онъ много кричалъ... и отправился, кажется за дворникомъ... онъ сейчасъ опять сюда придетъ.

НОГОТКОВЪ. Тѣмъ лучше... тѣмъ лучше, значитъ я узнаю его наконецъ...

ПЕРУШКИНЪ, (*увидя входящихъ Анну Ивановну и Катеньку*). О, Аллахъ!.. чѣмъ то рѣшится моя судьба!..

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ПЕРУШКИНЪ, НОГОТКОВЪ, АННА ИВАНОВНА, КАТЕНЬКА.

АННА ИВАНОВНА, (*входя*). Иванъ Александровичь — Катенька сказала мнѣ все... вы ее любите, она васъ тоже... вы бѣдны... но-за-то у насъ есть кое что... и я согласна отдать вамъ ее, потому-что счастье ея для меня всего дороже... только надо просить согласія у моего мужа...

НОГОТКОВЪ. Какъ?..

КАТЕНЬКА. О, папаша вѣрно согласится...

ПЕРУШКИНЪ. Не брежу-ли я... не во снѣ-ли я?.. (*щиплетъ себя за носъ*) нѣтъ-я не сплю... о, Аллахъ!.. такъ я могу надѣяться.

АННА ИВАНОВНА. Можете... можете... потому, что — скажу вамъ прямо... вы мнѣ очень нравитесь!..

КАТЕНЬКА, (*цѣлуя ее*). О, добрая мамаша!..

ПЕРУШКИНЪ. О, добрѣйшая изъ добрѣйшихъ Анна Ивановна!.. да наградитъ васъ Аллахъ!..

НОГОТКОВЪ. Вотъ что!.. поздравляю, милая кузина...

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢЖЕ. — ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ И ПРУТИКОВЪ, (*выходитъ изъ средней двери*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, (*входя Прутикову.*) Вы ищите своего пріятеля ? Если это тотъ негодяй...

АННА ИВАНОВНА. А! Петръ Ивановичь!..

ПЕРУШКИНЪ (*поспѣшно*). Какой это Петръ Ивановичь... это Абдула-махчи-ибнъ-гирей-ханъ!..

ПРУТИКОВЪ. Перушкинъ!.. тебя-то мнѣ и надо!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. А! его фамилія Перушкинъ!..

АННА ИВАНОВНА. Что это значитъ?..

ПЕРУШКИНЪ. Не пускайте его сюда... вы думаете, это честный человѣкъ, это извѣстный негодяй... соблазнитель... это-

КАТЕНЬКА. Что вы... что вы...

ПЕРУШКИНЪ Да... да... узнайте всѣ... я гласно его обвиняю въ послѣдованіи мусульманскому закону. Ноготковъ-это вчерашній негодяй... у кор...

КАТЕНЬКА. (*дергая его тихо*) Что вы... это мой папаша!.

ПЕРУШКИНЪ (*остолбѣневъ*) О!

НОГОТКОВЪ, (*дергая его съ другой стороны*) Это мой дядя,...

ПЕРУШКИНЪ. (*падая на Ноготкова*) Умираю!..

ПРУТИКОВЪ. Ничего не понимаю...

АННА ИВАНОВНА. Что это все значитъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. А!.. вы ничего не знаете?.. вы ничего не понимаете? и вы не краснѣете?.. Анна Ивановна! Анна Ивановна!.. зачѣмъ здѣсь этотъ нарушитель общественнаго спокойствія?.. (*показываетъ на Перушкина*).

КАТЕНЬКА. Боже мой, Боже мой! что это все значитъ?..

АННА ИВАНОВНА. Сумасшедшій!.. это Иванъ Александровичь Перушкинъ—нашъ избавитель, про котораго я тебѣ говорила!..

КАТЕНЬКА. Да, папаша!..

ПЕРУШКИНЪ. (*скромно*) Точно такъ, Петръ Ивановичь!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. О!..

АННА ИВАНОВНА. Иванъ Александровичь достойный молодой человѣкъ... и онъ проситъ руки нашей Катеньки!..

ПРУТИКОВЪ. (*всторону*) Вотъ какъ!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Что?.. онъ?.. этому не бывать... послѣ того жениться на моей дочери... гдѣ же нравственность то?..

АННА ИВАНОВНА. Какъ?...

КАТЕНЬКА (*со слезами*) Папаша !..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. И вы —сударь смѣете, послѣ того, что я знаю...

ПЕРУШКИНЪ. (*отводя его всторону*) Послушайте, Петръ Ивановичь... это не я былъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. (*также*) Что?.. я не васъ вытянулъ палкой?..

ПЕРУШКИНЪ. (*также*) Нѣтъ — палкой-то меня... да слѣдовало-то не меня...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. А кого же?..

ПЕРУШКИНЪ. (*мигая на Ноготкова.*) Вотъ кого.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Ноготковъ!..

ПЕРУШКИНЪ. Онъ и есть!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Родной племянникъ!.. скажите пожалуста!.

ПЕРУШКИНЪ. Чтожъ вы теперь согласны?.. А не то я все разскажу вашей женѣ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ, Согласенъ!.. только молчаніе....

АННА ИВАНОВНА. Ну, чтожъ вы тамъ кончили?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. Кончили! г. Перушкинъ представилъ мнѣ доказательства своей невинности — и я согласенъ отдать за него Катеньку?..

АННА ИВАНОВНА. И давно бы такъ!..

КАТЕНЬКА. Милый папаша!..

ПЕРУШКИНЪ. Почтенный отецъ! достойный семьянинъ!.. (*тихо Ноготкову*) Это онъ справадилъ васъ вчера отъ Каролины Карловны!..

НОГОТКОВЪ. Онъ?..

АННА ИВАНОВНА. Ну, Катенька, будь счастлива!..

КАТЕНЬКА. О, мамаша, мамаша!.. я и теперь ужъ счастлива!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЬ. (*тихо ему*) Только не берите примѣра съ меня — потому, что—я большой повѣса!..

ПРУТИКОВЪ и НОГОТКОВЪ. Поздравляю Иванъ Александровичь.

НОГОТКОВЪ. (*Катенькѣ*) Поздравляю, Катерина Петровна... я и самъ бы неотказался отъ такого счастія!..

КАТЕНЬКА. Благодарю васъ!..

ПЕРУШКИНЪ. (*тихо Прутикову*) А, что нашъ портной?..

ПРУТИКОВЪ. Незнаю... онъ побѣжалъ въ полицію...

ПЕРУШКИНЪ. За это я сдѣлаю его своимъ портнымъ?..

№ 5 (*къ публикѣ.*)

Сегодня мнѣ счастье во всемъ улыбалось—
И я страхъ доволенъ своею судьбой...
Теперь же намъ всѣмъ ожидать лишъ осталось—
Довольны-ль остались вы нашей игрой!..
Нашъ авторъ не помнитъ себя отъ смущенья—
Вѣдь здѣсь не поможетъ ему и Аллахъ!..
И такъ, ожидаемъ отъ васъ мы рѣшенья...
Теперь наше счастье вѣдь въ вашихъ рукахъ!..

КОНЕЦЪ.

БЕЗПОКОЙНАЯ НОЧЬ.

ИЛИ

СУМАТОХА ВЪ ЖЕНСКОМЪ СЕРДЦѢ.

ДРАМА ДЛЯ ОДНОГО ЛИЦА И ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Передѣланная съ Французскаго.

А. АНДРЕЕВЫМЪ.

—

Театръ представляетъ спальню. Въ глубинѣ сцены альковъ съ кроватью. Далѣе дверь. На лѣво столикъ съ двумя горящими свѣчами. На право окно, потомъ каминъ, и возлѣ камина бюро.

КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА. *(быстро входитъ справа.)* Вотъ я и готова!... Ѣдемъ же Александръ! *(осматривается.)* Да гдѣ же онъ? .. Здѣсь нѣтъ!.. Вотъ хорошо!.. Неужели онъ уѣхалъ одинъ? быть не можетъ!... *(разсѣянно подходитъ къ столу.)* Записка! *(читаетъ.)* «Катенькѣ!» Посмотримъ, посмотримъ... *(читаетъ:)* «Очень жаль, что не могу сдержать своего обѣщанія ѣхать съ тобою къ тетушкѣ. Я получилъ сей–часъ письмо, которое совершенно измѣнило мои планы. Я ѣду въ Большой театръ, въ маскарадъ, гдѣ долженъ предупредить нѣкоторыя непріятности, довольно важныя. Прощай! Я скоро вернусь! Твой Александръ.» *(говоритъ.)* Что это значитъ?... Къ чему такая поспѣшность?... Чтожъ могло случиться такого важнаго! До сихъ поръ у него не было отъ меня кажется никакихъ секретовъ, а теперь... Я незнаю, что и подумать!... Ужь некроется–ли тутъ какая нибудь измѣна! О! Прочь отъ меня эта ужасная мысль!... Александръ любитъ меня, и въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Онъ знаетъ также, что и я люблю его, болѣе жизни, болѣе всего на свѣтѣ, и потерять мнѣ его, все равно что умереть... Но что со мной?... Сердце мое трепещетъ,... мысли мутятся.... я вся въ огнѣ!... Какое то непонятное чувство тѣснится въ груди моей!... Неужли же это ревность?... О да! Я узнаю ее — это жгучая, адская ревность?... Но Боже мой! Боже мой! разсѣй, молю Тебя, мои мрачныя мысли, и дай мнѣ убѣдиться, что

Александръ мой не переставалъ любить меня... Какое невыносимое положеніе!... И можетъ быть,... въ эту самую минуту, когда я здѣсь мучусь въ смертельныхъ страданіяхъ, онъ... тамъ... гдѣ нибудь въ ложѣ... въ порывѣ страсти, обвивъ руками станъ какой нибудь красавицы, шепчетъ ей признаніе... Нѣтъ! нѣтъ! этого не можетъ быть! Онъ не обманетъ меня!... У него не достанетъ силы!... Онъ такъ любитъ меня!.. И почему-же я въ самомъ дѣлѣ заключаю, что внезапный отъѣздъ его прикрываетъ... да!... странно, почему мнѣ пришло это въ голову?... Я увѣрена, я знаю навѣрно, что онъ невиненъ?... Почему-же допустить, что его теперешнее отсутствіе непремѣнно имѣетъ дурную цѣль! Я вѣдь знаю его! Онъ скоро возвратится... вотъ... кто то идетъ!... (*съ радостію.*) Вѣрно онъ!... Нѣтъ, это моя горничная... Но все равно, внутренній голосъ шепчетъ мнѣ, что Александръ скоро вернется, и тогда... Я непиначе прощу его, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ на колѣнахъ просилъ у меня прощенія... да, непиначе... Однакожь теперь ужь я думаю давно за полночь!... Я такъ взволнована.... сонъ начинаетъ клонить меня, постараюсь заснуть... Быть можетъ пробужденіе мое будетъ гораздо радостнѣе... (*оркестръ играетъ подъ сурдиной.*) О сонъ! благотворный сонъ!... Ты разсѣеваешъ мысли—подкрѣпляешъ силы и освѣжаешъ чувства... (*Эти слова произноситъ она съ разстановкой, находясь въ полу-сонномъ положеніи.*) Нѣтъ! Онъ невиненъ... впрочемъ надо удостовѣриться... (*Продолжительное молчаніе.—Оркестръ играетъ тему до пробужденія ея.*) Лиза... Лиза... скорѣй!... Ахъ, Боже мой, какъ ты неповоротлива... подай мнѣ домино, маску... поправь волосы... приколи букетъ... Да, рѣшено... я ѣду въ маскарадъ... буду слѣдить за каждымъ его шагомъ... увѣрюсь собственными глазами... Пора ѣхать!... (*снова продолжительное молчаніе.*) Какое множество масокъ! Какая пышность, великолѣпіе, сколько огня!... Боже мой! Какое безразсудство!... Я здѣсь одна... могу подвергнуться обидамъ... Вотъ какая то толпа молодыхъ людей слѣдитъ за мною! Что мнѣ дѣлать!... Господа! Ради Бога!... Оставьте меня!... Не отстаютъ!... Какой ужасъ!... Я буду кричать! А! вотъ Базиль! братецъ! братецъ!... Онъ услышалъ меня... идетъ сюда!... Вотъ они разбѣжались... Ахъ! Слава Богу, Базиль, что я нашла васъ... скорѣй, скорѣй, возьмите меня подъ руку и пойдемъ отсюда...

Вы спрашиваете, зачѣмъ я здѣсь одна?... Ахъ, Базиль — я пріѣхала сюда потихоньку, чтобъ лично убѣдиться въ измѣнѣ моего мужа!... Да, да... вы хотите разувѣрить меня, обмануть! Напрасно!... Я все знаю!... Да, всё. Но неоставляйте меня... Пойдемъ, отыщемъ ихъ... и Александра и его любовницу... (*Молчаніе.*) Скажи мнѣ правду, точно ли она красавица!... а!... Ну, прошу тебя... Она лучше меня? Кто же она! актриса!... танцовщица!... Прекрасно танцуетъ?... Но я увѣрена, что и я танцую не хуже ея... неправда ли?... Что же ты не отвѣчаешь!... Говори-же... Начинаютъ кадриль... пары становятся на мѣста!... Вотъ и онъ съ дамой!... ищетъ визави... пойдемъ, пойдемъ Базиль... будемъ танцовать... (*музыка играетъ кадриль*). Здравствуй Александръ!... Тебѣ, кажется, здѣсь очень весело! А! ты отворачиваешся,... не можешъ выносить моихъ взглядовъ!... Они какъ живая совѣсть жгутъ, терзаютъ тебя... Что?... Такъ ли я слышала?... И ты же еще упрекаешъ меня... я наскучила тебѣ своею любовью?... Какъ?... Ты требуешъ развода!... Хорошо, я согласна... Слышишь ли Базиль... я согласна! Мы разведемся съ Александромъ, разстанемся на всю жизнь, навсегда!... Понимаешъ-ли ты, навсегда!... (*вскрикиваетъ въ порывѣ отчаянія и пробуждается*). Что со мной? Гдѣ я? (*часы бьютъ четыре*). У себя!... Дома!... Ахъ, такъ это былъ сонъ! Благодарю тебя, Боже мой!... Это былъ сонъ! Я могу теперь успокоиться!... Но могу ли я успокоиться? Что если все, что я видѣла во снѣ, происходило и на дѣлѣ? Я слышала въ дѣтствѣ отъ старыхъ людей, что сны сбываются!... Я привыкла имъ вѣрить!... Такъ значитъ правда, что Александръ мнѣ измѣнилъ! О Боже мой! Боже мой! Видишь ли ты мои страданія... Лейтесь же, лейтесь отрадныя слезы, облегчите хоть на минуту мое тяжкое горе... Я не переживу измѣны моего мужа!... Полжизни отдамъ, кто мнѣ откроетъ истину... Гдѣ онъ? У кого?... Съ кѣмъ?... (*безсознательно подходитъ къ бюро*) А! бюро отперто!... Онъ въ торопяхъ даже забылъ вынуть ключь! Посмотрю, не найду ли тутъ какихъ слѣдовъ измѣны... Какъ страшно! Будто посягаю на какое нибудь преступленіе! Но что дѣлать! Отъ этого зависитъ все мое спокойствіе, все мое счастіе... (*вздрагиваетъ.*) Кто-то идетъ! Нѣтъ!... Мнѣ показалось!... (*съ нерѣшительностію открываетъ бюро*). Все только дѣловыя бумаги... А! вотъ его расходная книга! Она покажетъ мнѣ его тайныя издержки!... Что это? 17-го дано

Базилю 3000 рублей.—19-го заплачено по его же векселю... Все Базилю, да за Базиля!... (*Выдвигаетъ всѣ ящики и нечаяно пожимаетъ пружину потайнаго ящика, который выскакиваетъ наружу.*) А! вотъ наконецъ то, чего я такъ искала!... Посмотримъ, что тутъ?... Букетъ!... Засохшій! Значитъ ихъ знакомство уже давно началось... Вотъ еще какой-то портретъ! Дама въ театральномъ костюмѣ!... Такъ, теперь ужъ никто меня не разувѣритъ!... Александръ измѣнникъ... и вотъ самыя ясныя доказательства!... (*Разсматриваетъ портретъ.*) Но она вовсе не хороша, и даже хуже меня... Не понимаю, чѣмъ она могла прельстить его!... Впрочемъ правда,... актриса!... Они все могутъ сдѣлать!... Прочь отъ меня ненавистныя черты!... (*Бросаетъ портретъ*) А! вотъ какое то письмо... женскій почеркъ... посмотримъ... «Милый Александръ! Позволь мнѣ всегда называть тебя такимъ именемъ, ты знаешь, что любовь моя къ тебѣ безконечна, ты составилъ мое счастіе... ты... (*Въ порывѣ задѣваетъ за свѣчу и она гаснетъ.*) Боже мой! Свѣча погасла!... и я ничего не могу больше разобрать!... Позову горничную!... Лиза!... Но что я? Этимъ я только поламъ поводъ къ толкамъ и пересудамъ... Нѣтъ! Лучше подожду разсвѣта!... (*Помолчавъ.*) Но кто она, моя счастливая соперница!... Тысячи догадокъ роятся въ головѣ моей... Но всё равно, кто-бы она ни была... Онъ ее любитъ, и въ этомъ теперь нѣтъ сомнѣнія... Что же остается мнѣ теперь сдѣлать?... Только одно и за то самое вѣрное утѣшеніе... смерть!... Да, рѣшено,... какъ только завижу я карету Александра, выбѣгу къ нему на встрѣчу... брошусь подъ копыта лошадей, пускай онъ переѣдитъ черезъ трупъ мой!... и тогда можетъ быть онъ почувствуетъ раскаяніе... (*задумывается.*) Что это?... Я не ошибаюсь .. это слеза!... Привѣтствую тебя, давно желанная гостья?... Какъ мнѣ теперь стало легко... и свободно!... (*заря начинаетъ заниматься.*) А вотъ!... начинаетъ свѣтать!... Теперь я прочту письмо до конца, выпью до дна мою чашу... (*читаетъ.*) «Ты составилъ мое счастіе, ты устроилъ мой бракъ съ Базилемъ... (*продолжаетъ читать съ возрастающимъ удивленіемъ.*)» безъ твоего ходатайства, мы были бы разлучены навсегда. Зная, какое участіе принимаешь ты въ судьбѣ Базиля, я рѣшилась писать къ тебѣ! Недавно полковникъ Караваевъ оскорбилъ меня въ обществѣ своихъ пріятелей какимъ то неприличнымъ выраженіемъ; это было передано Ба-

зилю, и тотъ внѣ себя поклялся отомстить полковнику нынѣче же ночью, въ маскарадѣ. Ради Бога, поѣзжай туда, и удержи Базиля. Ты знаешь, что Караваевъ пріобрѣлъ себѣ репутацію отчаяннаго дуелиста, и ты знаешь также, какъ мнѣ дорога жизнь Базиля. «*(говоритъ.)* Такъ вотъ что?... А я думала!... Какъ же я виновата!... Ну положимъ, всё это такъ... а букетъ то, букетъ!... вотъ что болѣе всего его обвиняетъ!... (*Разсматриваетъ букетъ.*) Г–мъ! Левкое—*препятствіе*!... Мирта—*нѣжность*! Иммортель—*вѣчная любовь*! Вѣдь какъ искусно подобрано!.. Но что я? сколько помню... такъ точно,.. это тотъ самый букетъ, который я подарила Александру въ день нашей свадьбы!... Ну, положимъ, и это такъ... и букетъ и письмо совершенно его оправдываютъ... Но вотъ главное: портретъ! Кажется это не мой, я никогда не надѣвала такого костюма – съ пудрою!... А! Тутъ написано и имя... (*читаетъ*) — *1754 года, графиня Аграфена Ушкова*!... бабушка Александра!... ха, ха, ха! Я приревновала его къ его родной бабушкѣ!... Къ самой себѣ!... Ха, ха, ха!... Боже мой! Боже мой! Какъ я глупа!... Мнѣ теперь самой и смѣшно и стыдно... Я здѣсь терзаюсь, мучусь, и все попустому... Милый Александръ! Какъ я виновата передъ тобою!... Ахъ!... экипажъ! Это онъ подъѣхалъ къ крыльцу! Какъ вдругъ забилось мое сердце!... Что мнѣ теперь дѣлать? Что сказать ему?... Прости меня, благороднѣйшій человѣкъ, я осмѣливалась подозрѣвать тебя!... Скорѣй, скорѣй къ нему на встрѣчу... но нѣтъ, я этого не смѣю. (*въ ней видно бореніе чувствъ*) Я такъ виновата передъ нимъ!... Ахъ!... Онъ ужь близко!... Боже мой! Боже мой!... (*Дверь отворяется и входитъ слуга со свѣчой, освѣщая кому то дорогу. Катерина Николаевна бросается къ двери съ крикомъ;*) Александръ! Александръ! *(занавѣсъ опускается.)*

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

АЛЬБЕРТЪ САВАРІО.

РОМАНЪ БАЛЬЗАКА.

—

I.

Г–жа Ваттевиль.

Одно изъ обществъ, посѣщаемыхъ архіепископомъ Безансонскимъ во время Реставраціи, и наиболѣе имъ любимыхъ — было общество баронессы до Ваттевиль. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой дамѣ, какъ о замѣчательной особѣ Безансона.

Г-нъ Ваттевиль, правнукъ знаменитаго Ваттевиля, отважнаго разбойника и славнаго отступника, котораго необыкновенныя похожденія слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ разсказывать, былъ столько же смиренъ, какъ его прадѣдъ необузданъ. Проживши въ графствѣ, какъ мокрица въ щели дерева, онъ женился на богатой наслѣдницѣ знаменитой фамиліи Рюптовъ. Дѣвица де Рюптъ присоединила къ десяти тысячамъ годоваго дохода барона Ваттевиля, свои двадцать тысячъ франковъ дохода. Древній гербъ Рюптовъ былъ смѣненъ Швейцарскимъ дворянскимъ гербомъ Ваттевилей (Ваттевили были изъ Швейцаріи). Этотъ бракъ, предположенный въ 1802 году, былъ совершенъ въ 1815, послѣ второй Реставраціи.

Спустя три года послѣ рожденія дочери, названной Филоменой, всѣ ближайшіе родственники г-жи Ваттевиль, умерли, и ихъ имѣнія перешли въ ея владѣніе. Тогда г. Ваттевиль продалъ свой домъ и поселился въ улицѣ Префектуры, въ прекрасномъ отелѣ Рюптовъ, котораго огромный садъ простирался до улицы Перри. Г-жа де Ваттевиль, молодая, набожная дѣвушка, сдѣлалась еще набожнѣе послѣ замужства. Она была одной изъ царицъ святой собратіи, которая придаетъ высшему обществу Безансона видъ пасмурный и обращеніе суровое, соотвѣтственныя характеру этого города. Отсюда и имя Филомены, данное дочери, родившейся въ 1817 г. въ то время, какъ почитаніе этой святой прекратилось въ Италіи сдѣлалось знаменемъ ордена Іезуитовъ.

—

II.

Баронъ.

Баронъ Ваттевиль, человѣкъ сухой, худощавый и безъ дальняго ума, казался изнуреннымъ, хотя и неизвѣстно было, откуда произошло это изнуреніе, потому-что онъ наслаждался грубымъ невѣжествомъ; но какъ жена его имѣла волосы яркорыжаго цвѣта и была сухощаваго тѣлосложенія, обратившагося даже въ пословицу (и теперь еще говорятъ — остроконечна какъ г-жа де Ваттевиль); то нѣкоторые насмѣшники магистратуры и придумали, что баронъ разбился объ эту скалу. Рюптъ происходитъ вѣроятно отъ слова r u p e s (растущій на скалѣ). Ученые наблюдатели природы не преминутъ замѣтить, что Филомена была единственнымъ плодомъ супружества Ваттевилей и Рюптовъ.

Г. де Ваттевиль проводилъ свою жизнь въ богатой мастерской, гдѣ онъ забавлялся на токарномъ станкѣ. Къ этой страсти присоединялась другая—страсть къ коллекціямъ. По мнѣнію медиковъ—философовъ, углубленныхъ въ изученіе помѣшательства, это стремленіе къ коллекціямъ, есть первая степень сумасшествія, въ особенности, когда умъ устремляется на мелкія

вещи Баронъ Ваттевиль собиралъ раковины, насѣкомыхъ и геологическія обломки Безансонской почвы. Нѣкоторые спорщики, въ особенности женщины, говорили о г-нѣ Ваттевилѣ: онъ имѣетъ прекрасную душу! увидя въ началѣ своего супружества, что не будетъ имѣть власти надъ женою, онъ предался занятіямъ механическимъ и сталъ толстѣть.

—

III.

Исторія начинается.

Отель Рюптъ нисколько не уступалъ великолѣпіемъ отелямъ временъ Лудовика XIV, въ немъ видно было благородство двухъ фамилій, соединенныхъ въ 1815 году. Тамъ блестѣла древняя роскошь, не знавшая моды. Люстры изъ старыхъ кристалловъ, индѣйскіе ситцы, ткани, позолоченная мебель, все соотвѣтствовало старой ливреѣ, и старымъ служителямъ. Кушанья были превосходны, хотя и ставились на столъ на почернѣвшемъ фамильномъ серебрѣ во-кругъ зеркальныхъ судковъ, украшенныхъ саксонскимъ фарфоромъ. Вина, выбираемыя г-мъ Ваттевилемъ, который для занятія и разнообразія своей жизни, сдѣлался собственнымъ поставщикомъ, славились во всѣмъ округѣ. Богатство г-жи де Ваттевиль было огромно, несмотря на то, что имѣніе Руксеи, принадлежавшее мужу и приносившее десять тысячь ливровъ доходу, не увеличилось никакимъ наслѣдствомъ.

На одномъ пышномъ обѣдѣ, данномъ по случаю какой-то свадьбы, въ началѣ сентября 1834 года, въ то время, какъ дамы стояли въ кружкѣ противъ камина залы, а мущины—группами у окошекъ, вдругъ раздались восклицанія при появленіи аббата Грансеи.

— Что же, процессъ? кричали ему.

—Выигранъ! отвѣчалъ викарій, королевскій указъ, въ которомъ мы отчаявались, вы знаете почему.....

Это былъ намекъ на составленіе королевскаго двора съ 1830 года. Легитимисты почти всѣ подали въ отставку.

«.... Указъ помогъ намъ выиграть тяжбу, уничтожая рѣшеніе Гражданской Палаты.

—Всѣ считали васъ погибшими.

—И это бы случилось безъ меня. Я приказалъ нашему адвокату отправиться въ Парижъ, а самъ между - тѣмъ избралъ новаго, которому мы и обязаны выигрышемъ процесса, человѣкъ необыкновенный.....

—Въ Безансонѣ? сказалъ съ простодушіемъ г. Ваттевиль.

—Въ Безансонѣ, отвѣчалъ аббатъ Грансеи.

—Ахъ! да, Саваронъ, сказалъ молодой красивый человѣкъ, сидѣвшій подлѣ баронессы и называвшійся Сула.

—Онъ провелъ пять или шесть ночей, пересмотрѣлъ кипы бумагъ: имѣлъ со мной, отъ семи до восьми совѣщаній по нѣсколько часовъ, продолжалъ г. Грансеи, явившійся въ отелѣ Рюптъ въ первый разъ послѣ двадцати-дневной отлучки. Наконецъ г. Саваронъ совершенно уничтожилъ знаменитаго адвоката, избраннаго въ Парижѣ нашими противниками. Этотъ молодой человѣкъ, по разсказу совѣтниковъ, былъ удивителенъ. И такъ, духовенство дважды осталось побѣдителемъ: оно побѣдило по праву,—а въ политическомъ отношеніи побѣдило либерализмъ въ лицѣ защитника нашей ратуши. «Наши соперники, сказалъ нашъ адвокатъ, не должны надѣяться на возможность опустошать, разорять архіепископство.» Президентъ принужденъ былъ подать знакъ къ молчанію. Всѣ Безансонцы апплодировали. И такъ, владѣніе зданія, или стараго монастыря, остается за Главою Безансонскаго собора. Впрочемъ, Саваронъ, при выходѣ изъ палаты, пригласилъ своего парижскаго собрата на обѣдъ. Принимая предложеніе, тотъ ему отвѣчалъ: «Всякому побѣдителю должная честь,» и поздравилъ его безъ насмѣшки—съ его успѣхомъ.

—Гдѣ же вы нашли этакого адвоката? сказала г.жа Ваттевиль. Я никогда не слыхала того имени.

—Но вы можете видѣть его окна отсюда, отвѣчалъ викарій. Г. Саваронъ живетъ въ улицѣ Перрона. Садъ его дома смѣженъ съ вашимъ садомъ.

—Но онъ не изъ нашего графства, возразилъ Ваттевиль.

—Онъ такъ мало принадлежитъ къ нашему графству, что никто не знаетъ, откуда онъ, продолжала г-жа Шавонкуръ.

—Но кто же онъ? спросила г-жа Ваттевиль, подавая руку

г-ну Сула, чтобы отправиться въ столовую. Если онъ иностранецъ, то по какому случаю поселился въ Безансонѣ? Это мысль довольно странная для адвоката.

—

IV.

Провинціальный Левъ.

Съ давнихъ временъ, Франція и Англія дѣлаютъ обмѣнъ незначительными вещами, тѣмъ болѣе частый, что онъ избѣгаетъ надзора таможенныхъ. Мода, называемая англійскою въ Парижѣ, называется французскою въ Лондонѣ, и обратно. Непріязнь двухъ націй прекращается въ двухъ пунктахъ, въ отношеніи словъ и одежды. God save the King (Боже Царя храни) національный гимнъ Англіи, музыку которой составилъ Люлли для хора *Эсфери*. Фижмы, ввезенныя англичанкою въ Парижъ, были изобрѣтены въ Лондонѣ, извѣстно, для какого употребленія, француженкою, знаменитою герцогинею Портсмутъ; всѣ смѣялись надъ этимъ до того, что первая англичанка, явившаяся въ Тюильри, едва не была задавлена толпою; но фижмы были приняты. Эта мода господствовала надъ европейскими женщинами въ продолженіе полувѣка. По заключеніи мира въ 1815 году, цѣлый годъ смѣялись надъ длинными таліями англичанокъ, весь Парижъ отправлялся смотрѣть Потье и Брюне въ пьесѣ: *Англичанки для смѣха*; но въ 1816 и 17 годахъ, поясы француженокъ, пересѣкавшіе имъ грудь въ 1814, спустились постепенно до того, что начали обрисовывать бедры.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, Англія сдѣлала намъ два подарка лингвистическіе: *Невѣроятному, дивному, изящному*, этимъ тремъ титламъ записныхъ щеголей, которыхъ происхожденіе довольно не прилично, наслѣдовали *денди* и потомъ *Левъ*. Но левъ не произвелъ *львицы*. Львицей обязаны славной пѣсни Альфреда Мюссе: Avez-vous vu dans Barcelonne.... C'est ma maitresse et ma lionne (видѣли-ли вы въ Барцелоннѣ, это моя владычица и львица), и потому было слiяніе, или лучше сказать, смѣшеніе между двумя выраженіями и двумя господствующими мыслями. Когда какая нибудь глупость за-

бавляетъ Парижъ, поглощающій столько же образцовъ изящнаго, сколько и глупостей, то трудно лишить себя удовольствія, чтобы также ею не позабавиться. И лишь только *левъ* показалъ въ Парижѣ свою гриву, бороду и усы, жилетъ и лорнетъ, держащійся безъ помощи рукъ, посредствомъ сжатія щеки и брови,—главные города нѣкоторыхъ округовъ увидѣли у себя также львовъ второстепенныхъ, которые пышностію своихъ нарядовъ протестовали противъ безпечности своихъ соотечественниковъ.

И такъ, Безансонъ въ 1834 году, обладалъ львомъ въ лицѣ Амедея-Сильвена-Жака де Сула, подписывавшагося Сулейасъ, во время занятія испанцами Безансона. Испанія посылала своихъ людей для распоряженія дѣлами въ графствѣ, но мало испанцевъ оставалось тамъ на жительствѣ. Сулы остались тамъ по причинѣ ихъ родственныхъ связей съ кардиналомъ Гранвелемъ. Молодой Сула говорилъ всегда, что онъ оставляетъ Безансонъ, городъ скучный, мало занимавшійся литературой, городъ воинственный и гарнизонный, коего нравы, обычаи, и физіономія заслуживаютъ описанія. Это намѣреніе къ отъѣзду, позволяло ему, какъ человѣку не рѣшившему свою будущность, занимать три комнаты, худо меблированныя, на концѣ Новой улицы, соединявшейся съ улицею Префектуры.

—

V.

Бабила, Тигръ.

Молодой Сула не могъ обойтись безъ тигра. Тигръ этотъ былъ сынъ фермера, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, коренастый, по имени Бабила. Левъ одѣлъ тигра отлично: короткій сертучекъ изъ сукна сѣро-желѣзнаго цвѣта, стянутый кожаннымъ лакированнымъ кушакомъ, темно-синіе брюки изъ полуплиса, красный жилетъ, сапоги лакированные съ отворотами, черная круглая шляпа, съ черной ленточкою во-кругъ; и жел-

тыя пуговицы съ гербами Сула. Амеде давалъ этому мальчику бѣлыя бумажныя перчатки, и тридцать шесть франковъ въ мѣсяцъ со стиркою бѣлья, кромѣ пищи; это жалованье казалось ужаснымъ для гризетокъ Безансона: четыреста двадцать франковъ дитяти пятнадцати лѣтъ, не считая подарковъ!

—

VI.

Средняя цѣна льва и тигра.

Двѣ лошади, содержимыя съ удивительною экономіею, стоили ежегодно восемь сотъ франковъ.

Счетъ расходовъ въ Парижѣ на духи, галстухи, драгоцѣнныя вещи, банки ваксы, простирался до тысячи двухъ сотъ франковъ. Если прибавить расходы на содержаніе грума или тигра, лошадей, собственное одѣяніе и квартиру въ шесть сотъ франковъ, то составится сумма трехъ тысячь франковъ. Отецъ же молодаго Сула оставилъ ему не болѣе четырехъ тысячь франковъ дохода, получаемаго съ довольно скудныхъ фермъ, требовавшихъ поддержекъ, а поддержки эти дѣлали значительное уменьшеніе доходовъ. Льву едва оставалось три франка на день для прожитія, карманныхъ расходовъ и игры. Отъ того онъ часто обѣдалъ въ городѣ, завтракалъ съ замѣчательною умѣренностію, и когда необходимость заставляла его обѣдать на свой счетъ, то онъ отправлялся въ заведеніе офиціантовъ. Молодой Сула слылъ за человѣка расточительнаго, человѣка, любящаго удовольствія; между-тѣмъ, какъ несчастный къ концу года со всевозможною хитростію, съ удивительнымъ дарованіемъ, сдѣлавшимъ бы славу самой лучшей экономкѣ, сводилъ концы съ концами. До-сихъ-поръ не знали, особенно въ Безансонѣ, какъ легко бросить пыль въ глаза шестью франками, употребленными на ваксу для натиранія сапоговъ или башмаковъ, желтыми перчатками въ пятдесятъ су, вычищаемыми въ глубочайшей тайнѣ, чтобы онѣ могли ему служить три раза, галстухомъ въ десять франковъ, носимымъ

по три мѣсяца, четырьмя жилетами въ двадцать пять франковъ, и панталонами, натянутыми на сапоги! И какъ бы могло быть иначе? мы видимъ, что въ Парижѣ женщины обращаютъ особенное вниманіе на глупцовъ ихъ посѣщающихъ, и имѣющихъ преимущество надъ людьми замѣчательными—только изящнымъ вкусомъ и красотою одеждъ, которую достать можно за пятнадцать луидоровъ, со включеніемъ завивки волосъ и рубашки изъ голландскаго полотна!

—

VII.

Легкій очеркъ.

Если вамъ кажется, что этому молодому человѣку весьма дешево досталось титло льва, то узнайте еще, что Амеде Сула три раза путешествовалъ по Швейцаріи, въ коляскѣ и на долгихъ; два раза былъ въ Парижѣ, а изъ Парижа отправился въ Англію. Онъ считался путешественникомъ ученымъ, и могъ сказать: *когда я былъ въ Англіи*, и проч. Вдовушки говорили ему: *Вы, которые были въ Англіи*, и т. д.

Онъ добрался до Ломбардіи, и объѣхалъ берега озеръ италіянскихъ. Онъ читалъ новѣйшія произведенія. Наконецъ, когда онъ чистилъ перчатки, тигръ Бабила отвѣчалъ посѣтителямъ: «Баринъ занимается.» А потому, молодой Амеде Сула имѣлъ завистниковъ; нѣкоторые старались его уничтожить, употребляя выраженія: «*Этотъ человѣкъ далеко ушелъ.*» Амеде обладалъ даромъ разсказывать со всею безансонскою важностію, модныя общественныя новости, что возвышало его достоинство и давало право почитаться образованнѣйшимъ человѣкомъ высшаго круга. Онъ носилъ на себѣ драгоцѣнности, бывшія въ модѣ, а въ головѣ мысли—уже обнародованныя журналами.

Въ 1834 году, Амеде былъ молодой человѣкъ, двадцати пяти лѣтъ, средняго роста, смуглый, съ грудью чрезвычайно широкою, съ плечами округленными, ляшки имѣлъ немного круглыя, ноги полныя, руки бѣлыя и пухлыя, бороду ввидѣ рамки, усы, спорившіе величиною съ усами гарнизонныхъ солдатъ, лицо

большое, толстое, красноватое, придавленный носъ, глаза коричневые и безъ выраженія, впрочемъ, ничего испанскаго. Онъ быстрымъ шагомъ подвигался къ роковой дородности. Ногти его были тщательно обстрижены, борода расчесана, малѣйшія мелочи его одежды были соблюдаемы съ англійскою точностію. А потому и считали Амеде де Сула красивѣйшимъ мужчиною въ Безансонѣ. Парикмахеръ, приходившій убирать его въ назначенный часъ (другая роскошь въ шестьдесятъ франковъ ежегодно!) представлялъ его царемъ моды и изящности. Амеде спалъ долго, дѣлалъ свой туалетъ, и отправлялся въ полдень верхомъ въ свое помѣстье для стрѣльбы изъ пистолета. Онъ придавалъ этому занятію такую же важность, какъ Лордъ Бейронъ въ послѣдніе дни своей жизни. Потомъ, онъ возвращался въ три часа, приводя въ удивленіе гризетокъ, смотрѣвшихъ въ окно. Послѣ мнимыхъ трудовъ, занимавшихъ его до четырехъ часовъ, онъ одѣвался, чтобы отправиться на обѣдъ въ городъ, проводилъ вечера въ салонахъ аристократіи безансонской, играя въ вистъ, и возвращался домой въ одинадцать часовъ. Ни одно существо не могло быть болѣе замѣчено, умнѣе и неукоризненнѣе, потому-что онъ ходилъ аккуратно къ обѣднѣ каждое воскресенье и праздникъ.

—

VIII.

Слово о Безансонѣ.

Чтобы дать вамъ понятіе до какой степени жизнь эта скучна, необходимо сказать нѣсколько словъ о Безансонѣ. Ни одинъ городъ не представляетъ такого сопротивленія успѣхамъ просвѣщенія, какъ Безансонъ. Въ немъ правители, чиновники, военные, однимъ словомъ, всѣ, которыхъ правительство, которыхъ Парижъ, посылаетъ туда для занятія какой нибудь должности, означаются вмѣстѣ однимъ выразительнымъ словомъ *колонія*. Колонія есть единственная, нейтральная земля, гдѣ какъ въ церкви, могутъ встрѣтиться дворяне и мѣщане города. На этой землѣ, отъ одного слова,

взгляда или жеста, начинается ненависть между дворянками и мѣщанками, продолжающіяся до смерти, и увеличивающія еще болѣе непреоборимыя преграды, раздѣляющія эти два сословія. Исключая Клермонъ-Монъ-Сенъ-Жановъ, Боффремоновъ, Ссей, Граммоновъ и нѣкоторыхъ другихъ, жившихъ въ графствѣ въ своихъ помѣстьяхъ, дворянство Безансонское существуетъ не болѣе двухъ вѣковъ, съ эпохи завоеваній Лудовика XIV. Это общество совершенно парламентское, и по гордости, по крутости нрава, по важности, по положительности, по высокомѣрію, не можетъ даже сравниться съ этикетомъ Вѣнскаго Двора.

О Викторѣ Гюго, Нодье, Фурье, знаменитостяхъ города, и не упоминаютъ, ими не занимаются. Браки между дворянами назначаются съ колыбели дѣтей, до такой степени рѣшены у нихъ самыя мельчайшія вещи, какъ самыя важнѣйшія. Никогда иностранецъ, не входилъ въ эти дома, а для принятія высшихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Франціи, находившихся въ гарнизонѣ, требовались неимовѣрныя усилія дипломаціи. Князь Таллейранъ почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы могъ употребить ихъ въ какомъ нибудь конгрессѣ. Въ 1833 году, въ Безансонѣ — одинъ Амеде носилъ штрипки. Это вамъ уже объясняетъ львичность молодаго Сулы. Наконецъ, маленькой анекдотъ дастъ вамъ полное понятіе о Безансонѣ.

Незадолго до начала этой исторіи, Префектура выписала изъ Парижа редактора для своего журнала, чтобы защищаться противъ мелкой *Газеты*, которую произвела большая *Газета* въ Безансонѣ, и противъ *Патріота*, издававшагося отъ правительства. Парижъ прислалъ молодаго человѣка, не знавшаго графства, которой дебютировалъ шутливой статейкой.

Начальникъ партіи средняго сословія, членъ ратуши, призвалъ къ себѣ журналиста и сказалъ ему: «Знайте, милостивый государь, мы серьозны, болѣе чѣмъ серьозны, мы скучны, и не желаемъ, чтобы насъ забавляли, и даже досадуемъ, если смѣемся. Будьте столь же суровы, какъ самыя скучныя дополненія къ *Обозрѣнію двухъ частей свѣта*, и тогда едва-ли вы будете въ тонѣ Безансонцевъ.»

Редакторъ понялъ; и началъ писать слогомъ философскимъ, едва понятнымъ, что доставило ему полный успѣхъ.

—

IX.

Отъ чего Левъ?

Если молодой Сула пользовался полнымъ уваженіемъ въ салонахъ Безансона, то это единственно изъ тщеславія аристократіи: ей нравилось принимать новѣйшія вкусы, и представлять дворянамъ Парижскимъ, пріѣзжавшимъ въ ихъ Графство, молодаго человѣка, имѣвшаго съ ними сходство. — Всѣ эти таинственныя занятія, эта пыль, которую онъ пускалъ въ глаза, его наружная веселость, его скрытное благоразуміе имѣли цѣль, безъ которой его не признали бы за природнаго безансонскаго льва. Амеде хотѣлъ заключить выгодный бракъ, доказывая, что его фермы не были заложены и что онъ дѣлалъ экономію отъ доходовъ.—Онъ хотѣлъ занять городъ, сдѣлаться красивѣйшимъ, изящнѣйшимъ человѣкомъ, чтобы сперва обратить на себя вниманіе, а за тѣмъ получить и руку Филомены Ваттевиль.

Въ 1830-мъ году, въ то время какъ Сула началъ свое львиное поприще, Филоменѣ было тринадцать лѣтъ. Въ 1834-мъ году дѣвица Ваттевиль достигала слѣдовательно того возраста, въ которомъ молодыя дѣвушки легко поражаются странностями, отличавшими Амеде. Множество людей превращается въ львовъ изъ разсчета и спекуляціи. Болѣе двѣнадцати лѣтъ Ваттевили получали дохода до пятидесяти тысячь франковъ, а издерживали ежегодно не болѣе двадцати четырехъ тысячь, принимая однакоже высшее общество Безансона по понедѣльникамъ и пятницамъ. Обѣдъ давался въ понедѣльникъ, а вечера въ пятницу. И такъ, въ двѣнадцать лѣтъ какую сумму должны были составить двадцать шесть тысячь франковъ ежегодно откладываемые съ бережливостію, отличавшею эти древнія фамиліи. Всѣ вообще заключали, что Г-жа де-Ват-

тевиль имѣя во владѣніи много земли, отдала, остающіяся деньги въ ростъ, по три процента. — Приданое Филомены составляло такимъ образомъ около сорока тысячь франковъ дохода. Пять лѣтъ сряду, левъ неутомимо работалъ подобно кроту, чтобы заслужить уваженіе строгой баронессы, не забывая однакоже льстить самолюбію дѣвицы Ваттевиль.

Баронесса знала тайну, которая поддерживала Амеде въ кругу Безансонскаго общества, и за то его очень уважала. Сула пріютился подъ крылушко Баронессы, когда ей было тридцать лѣтъ, онъ имѣлъ дерзость восхищаться ею, сдѣлать изъ нея своего идола, и наконецъ достигъ до того, что имѣлъ право, только онъ одинъ въ цѣломъ свѣтѣ, разсказывать разныя исторіи, которыя набожныя женщины слушаютъ охотно, увѣренныя въ своей высокой добродѣтели; онѣ смотрятъ на пропасти не падая, на сѣти демонскія, не попадая въ нихъ. Понимаете-ли вы теперь, отъ чего этотъ левъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей интриги? Онъ велъ свою жизнь открытую, жилъ такъ сказать на улицѣ, чтобы лучше играть роль любовника, пожертвовавшаго всѣмъ баронессѣ. Человѣкъ, имѣющій преимущество нашептывать разныя любезности на ухо набожной женщины, въ глазахъ ея считается человѣкомъ прекраснымъ. — Если бы этотъ примѣрной левъ лучше зналъ человѣческое сердце, онъ могъ бы безъ всякой опасности позволить себѣ нѣсколько любовныхъ исторій съ гризетками Безансона, которыя почитали его царемъ: дѣла его оттого скорѣе подвинулись бы впередъ со строгой и нравственной баронессой. — Филоменѣ же Каточъ этотъ являлъ себя мотомъ, расточителемъ: представляя пышную жизнь, онъ показывалъ ей въ будущемъ блестящую роль модной женщины Парижа, куда онъ хотѣлъ отправится депутатомъ.

Эти ловкія дѣйствія были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Въ 1834-мъ году, матери сорока благородныхъ семействъ, составлявшихъ высшее общество безансонское, считали молодаго Амеде Сула — прекраснѣйшимъ молодымъ человѣкомъ Безансона, никто не смѣлъ оспоривать первенства у пѣтуха отеля Рюпть, и всѣ смотрѣли на него, какъ на будущаго жениха Филомены Ваттевиль.—О этомъ предметѣ было уже нѣсколько переговоровъ между баронессой и Амеде, и

по предполагаемой ничтожности барона никакихъ препятствій не предвидѣлось.—

—

X.

Филомена.

Филомена де Ваттевиль, которой огромное наслѣдство давало большой вѣсъ, была воспитана въ отелѣ Рюптъ, подъ надзоромъ матери, рѣдко оставлявшей свое жилище и со всемъ деспотизмомъ добродѣтельной женщины, строго внушавшей ей свои правила. Филомена ничего не знала. Можно-ли назвать ученіемъ знаніе Географіи, древней исторіи, исторіи Франціи и четырехъ правилъ ариѳметики и все это по урокамъ стараго Іезуита? Рисованіе, музыка и танцы были воспрещены, какъ болѣе способствующія къ разврату, чѣмъ къ украшенію жизни. Баронесса выучила дочь свою всѣмъ женскимъ рукодѣльямъ: шитью, тканью, вышиванью, вязанью. Въ семнадцать лѣтъ Филомена читала только назидательныя письма и сочиненія о наукѣ геральдической. Никогда, никакой журналъ не попадался ей на глаза. Она слушала каждый день литургію въ соборѣ, сопровождаемая матерью, возвращалась къ завтраку, послѣ небольшой прогулки въ саду занималась работой и принимала визиты, сидя подлѣ баронессы до обѣда; — потомъ, исключая понедѣльники и пятницы, ѣздила съ г-жею де Ваттевиль на вечера, гдѣ она однакоже не смѣла говорить болѣе, чѣмъ ей позволяла материнская воля.—

Въ семнадцать лѣтъ дѣвица Ваттевиль была дѣвушка, худенькая, тоненькая, плоская, бѣлокуренькая, вовсе не замѣчательная. — Глаза свѣтло-голубые украшались прекрасными рѣсницами, которыя будучи опущены, бросали тѣнь на щеки. Нѣсколько веснушекъ вредили блеску ея лба, который впрочемъ былъ хорошо организованъ. Лицо ея чрезвычайно походило на изображенія Альберта Дюрера, и живописцевъ предшествовавшихъ Перужину: та же самая дородность,

съ тонкими чертами, таже деликатность, озаренная восторгомъ, таже кроткая откровенность. —

Все въ ней, даже до самой позы, напоминало тѣхъ дѣвъ, которыхъ красота показывается во всей таинственной своей роскоши, только для внимательнаго знатока. Она имѣла прекрасныя руки, только красныя, и самыя красивыя ножки.—Обыкновенно она носила платья простыя, ситцевыя. Но по воскресеньямъ и праздникамъ мать позволяла ей надѣвать шелковыя. Ея уборы, заказанные въ Безансонѣ, дѣлали ее почти безобразною, между тѣмъ, какъ мать ея пользовалась граціею, красотою, изяществомъ модъ Парижскихъ, откуда она выписывала малѣйшія вещи своего туалета, благодаря стараніямъ молодаго Сула. — Филомена никогда не носила шелковыхъ чулокъ, ни шитыхъ башмаковъ, но всегда чулки бумажные, и башмаки кожаные. Въ бальные дни, она была одѣта въ кисейное платье, причесана затѣйливо и надѣвала башмаки кожаные бронзоваго цвѣта.

Это воспитаніе и скромное положеніе Филомены скрывали желѣзный ея характеръ. — Физіологисты, глубокіе наблюдатели природы человѣческой, скажутъ вамъ, къ величайшему вашему удивленію, что въ семействахъ, привычки, характеры, умъ, геній, проявляются, хотя и большими промежутками, точно такъ, какъ болѣзни наслѣственныя. Такимъ образомъ, дарованіе, равно какъ подагра, простирается иногда на два поколѣнія. Въ этомъ явленіи мы имѣемъ блистательный примѣръ въ Жоржѣ Зандѣ, въ которой возраждаются сила и дальновидность Маршала Сакса, ея прадѣда. Рѣшительный характеръ, романическая отважность знаменитаго Ваттевиля отразились въ душѣ его внучки и еще болѣе были увеличены настойчивостію, высокомѣріемъ крови Рюптовъ, но эти качества, или лучше сказать пороки, были столь-же глубоко скрыты въ душѣ молодой дѣвушки, по видимому, мягкой и покорной, какъ кипучая лава скрывается подъ холмомъ прежде, чѣмъ онъ обратится въ волканъ. Г–жа Ваттевиль одна, быть можетъ, предугадывала въ ней наслѣдіе двухъ кровей. Она была такъ строга къ Филоменѣ, что однажды отвѣчала Архіепископу, замѣтившему ея строгое обращеніе: «О, я ее знаю. Въ ея кожѣ поселился не одинъ Вельзевулъ.»

—

XI.

Между матерью и дочерью.

Баронесса тѣмъ болѣе смотрѣла за своею дочерью, что она считала честь свою связанною съ ея честію. Впрочемъ у ней и не было другаго занятія. Клотильда Рюптъ, въ то время тридцати пяти лѣтъ, и почти вдова отъ мужа, который вытачивалъ чашечки изъ всякаго дерева, вырѣзывалъ табакерки для своихъ знакомыхъ, — кокетничала съ Амедеемъ Сула. Когда этотъ молодой человѣкъ приходилъ къ нимъ въ домъ, она отсылала и вновь призывала дочь свою, и старалась замѣтить въ этой молодой душѣ движенія ревности, чтобы имѣть случай ихъ предупредить.

Она подражала полиціи, въ ея отношеніяхъ къ республиканцамъ; но сколько она ни старалась, не могла замѣтить ни малѣйшаго возмущенія въ Филоменѣ. Черствая женщина упрекала тогда дочь свою въ совершенной безчувственности. Но Филомена хорошо знала свою мать, и если бы она нашла господина де Сула красивымъ, то еще болѣе навлекла бы на себя негодованія.—А потому она на всѣ ласкательства матери отвѣчала фразами, такъ несвойственно названными іезуитскими. — Тогда мать называла ее разсѣянною. — Если же по несчастію, отраженіе истиннаго характера Ваттевилей и Рюптовъ проявлялось въ Филоменѣ, то мать желѣзною волею подчиняла ее повиновенію.—Эта тайная борьба происходила въ самомъ скрытномъ углѣ домашняго жилища, съ замкнутыми дверями. Викарій, этотъ любезный аббатъ Грансеи, другъ покойнаго Архіепископа, не смотря на всю проницательность, въ качествѣ великаго духовника епархіи, не могъ разгадать произвела ли эту борьбу какая нибудь ненависть между матерью и дочерью; неревновала ли мать заранѣе, или наконецъ предпочтеніе, оказываемое Амеде дочери въ лицѣ матери не переступило ли границъ. — Въ качествѣ домашняго друга, онъ не исповѣдалъ ни мать, ни дочь.—Филомена, слишкомъ угнѣтаемая, говоря нравственно, относительно молодаго господина Сула, не могла его терпѣть. А потому, когда онъ обращался къ ней,

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

стараясь завлечь ея сердце, она принимала его холодно. Это явное отвращеніе, въ глазахъ матери, было предметомъ безпрестанныхъ ссоръ.

«Филомена, я не понимаю для чего ты показываешь такую холодность Амедею. — Не потому ли, что онъ другъ дома, и нравится *твоему отцу* и мнѣ...

—Ахъ! Маманъ, сказала однажды бѣдное дитя, если бы я обращалась съ нимъ лучше, то была бы можетъ быть еще болѣе виновна?

—Что это значитъ? вскричала г–жа де Ваттевиль. Что ты разумѣешь подъ этими словами? Твоя мать можетъ быть и когда несправедлива, но судя по твоимъ выраженіямъ, она несправедлива во всѣхъ отношеніяхъ? Чтобы я никогда болѣе не слышала подобнаго отвѣта!..»

Эта ссора продолжалась три часа и три четверти; Филомена замѣтила это матери. Г-жа Ваттевиль поблѣднѣла отъ гнѣва и отослала дочь въ свою комнату, гдѣ молодая дѣвушка старалась понять смыслъ этой сцены, но не находила въ ней ничего рѣшительно,—до того она была невинна! И такъ молодой Сула, котораго весь Безансонъ считалъ уже близкимъ къ цѣли, къ которой онъ стремился на распущенныхъ галстухахъ, банкахъ съ ваксой, издерживая множество черной помады для усовъ, столько красивыхъ жилетовъ и корсетовъ, потому что онъ носилъ корсетъ львовъ, Амеде былъ очень далекъ отъ своей цѣли, не смотря на покровительство почтеннаго и благороднаго Аббата Грансеи. — Впрочемъ Филомена не знала еще, въ началѣ этой исторіи, что молодой графъ Амеде Сулейасъ былъ ей предназначенъ въ мужья.

—

XII.

Таинственныя обстоятельства.

«Сударыня, сказалъ господинъ де Сула, обращаясь къ баронессѣ, въ ожиданіи, пока супъ нѣсколько остынетъ, и стараясь передать разсказъ свой романически; въ одно

прекрасное утро молодой парижанинъ, выскочивъ изъ почтовой кареты, остановился въ гостинницѣ, а потомъ нанялъ квартиру въ первомъ этажѣ дома дѣвицы Галаръ, въ улицѣ Перронъ. Потомъ незнакомецъ отправился къ меру объявить свое жилище. Наконецъ, онъ записался въ число адвокатовъ, состоящихъ при палатѣ, представя бумаги по формѣ, и разослалъ визитныя карточки ко всѣмъ своимъ собратьямъ, къ министерскимъ чиновникамъ, къ придворнымъ совѣтникамъ, и ко всѣмъ членамъ трибунала, на карточкѣ было напечатано: *Альбертъ Саваронъ.*

— Имя Саваронъ знаменито, сказала дѣвица Филомена, знавшяя твердо науку геральдики. Саваронъ де Саварю была одна изъ древнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій въ Бельгіи.

— Онъ французъ и трубадуръ, возразилъ Амеде Сула. И если онъ захочетъ принять гербъ Саварановъ де Саварю, то найдетъ большую преграду.

— Молчите! сказала Баронесса.

— Преграду? — я полагаю, что сынъ дворянина всегда дворянинъ, продолжала Филомена.

— Довольно Филомена! сказала Баронесса.

— Вы хотѣли, чтобы она знала геральдику, прервалъ господинъ Ваттевиль, и она ее знаетъ!

— Продолжайте, Амеде.

— Вы понимаете, что въ городѣ, гдѣ все размѣщено, опредѣлено, извѣстно, занято, зачислено, занумеровано, какъ въ нашемъ Безансонѣ, Альбертъ Саваронъ былъ принятъ въ число нашихъ адвокатовъ не безъ затрудненія. — Каждый довольствовался фразою: вотъ бѣднякъ, онъ еще не знаетъ Безансона.

Кто могъ ему присовѣтовать здѣсь поселиться? И что намѣренъ онъ дѣлать? Послать свою карточку къ чиновникамъ города вмѣсто того, чтобы идти къ нимъ лично... Какая ошибка! Спустя три дня, о Саваронѣ и помину не было. Онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе стараго камердинера покойнаго господина Галара, Жерома, который занимался нѣсколько и кухмистерствомъ. — Тѣмъ скорѣе забыли Альберта Саварона, что его никто не видалъ и не встрѣчалъ.

— Такъ онъ и къ обѣдни не ходитъ? спросила г-жа де Шавонкуръ.

— Онъ ходитъ, по воскресеньямъ, въ церковь Св. Іоанна, но на первую обѣдню, въ восемь часовъ утра. — Онъ встаетъ каждую ночь во второмъ часу, работаетъ до восьми, завтракаетъ и опять работаетъ. Гуляетъ въ своемъ саду; сдѣлавши пятдесятъ или шестьдесятъ круговъ, онъ возвращается, обѣдаетъ, и ложится около шести или семи часовъ вечера.

— Какъ же это вамъ извѣстно? спросила г-жа де Шавонкуръ.

— Во первыхъ, сударыня, я живу въ Новой улицѣ, на углу Перронской, мои окна противъ дома, гдѣ живетъ это таинственное лицо; а во вторыхъ, обыкновенно бываютъ сношенія между моимъ тигромъ и Жеромомъ.

— А вы разговариваете съ Бабилою?

— Да чѣмъ же мнѣ заниматься во время моихъ прогулокъ?

— Какимъ же образомъ вы избрали иностранца адвокатомъ? спросила баронесса, обращаясь къ викарію.

— Первый президентъ хотѣлъ сыграть шутку съ этимъ адвокатомъ, назначивъ его защищать крестьянина, почти съумасшедшаго, обвиняемаго ложно. Господинъ Саваронъ оправдалъ этого бѣднаго человѣка, доказалъ его невинность, и то, что онъ былъ орудіемъ истинно виновныхъ. Не только что его система восторжествовала, но и послѣдовало арестованіе двухъ свидѣтелей, которые признаны виновными и были осужденны. Его возраженія поразили палату и судей. Одинъ изъ нихъ, негоціантъ, ввѣрилъ на другой день господину Саварону деликатный процессъ, который онъ выигралъ. Въ нашемъ положеніи, въ которое мы были поставлены невозможностью господина Берріе явиться въ Безансонъ, — господинъ Гарсено присовѣтывалъ намъ взять этого Альберта Саварона, предвѣщая успѣхъ. Едва я его увидѣлъ, услышалъ, то ввѣрился ему и не ошибся.

— Развѣ онъ имѣетъ что нибудь особенное? спросила г-жа де Шавонкуръ.

— Да, отвѣчалъ викарій.

— Объясните же намъ, сказала г-жа Ваттевиль.

—

XIII.

Портретъ, сдѣланный рукою Аббата.

«Въ первый разъ, когда я пришелъ къ нему, сказалъ аббатъ Грансеи, онъ принялъ меня въ первой комнатѣ, которую выкрасилъ подъ старый дубъ, и наполнилъ сводами законовъ, въ шкапахъ, выкрашенныхъ также подъ старое дерево. Эта живопись и книги, единственная роскошь квартирою, потому что мебель его составляютъ бюро изъ стараго рѣзнаго дерева, шесть старыхъ креселъ, занавѣсы пепельнаго цвѣта, съ зелеными краями, у окошекъ, и зеленый коверъ на полу.—Печь изъ передней отапливаетъ эту библіотеку. Въ ожиданіи его, я представлялъ себѣ адвоката уже не молодымъ. Это странная обмеблировка вѣроятно соотвѣтствуетъ его лицу, думалъ я. — Господинъ Саваронъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ чернаго мериноса, подпоясанный кушакомъ изъ красныхъ снурковъ, въ красныхъ туфляхъ, фланелевой красной жилеткѣ, и красной ермолкѣ.

— Ливрея дьявола! вскричала г-жа де Ваттевиль.

— Да, сказалъ аббатъ.—Но чудесная голова; черные волосы, перемѣшанные съ сѣдиною, волосы, какіе представляютъ на картинахъ Св. Петра и Павла, распадающіеся густыми лоснящимися кудрями, волосы жесткіе, подобные гривѣ, шея бѣлая и круглая, какъ у женщины, величественный лобъ, раздѣленный этой могущественной полосой, которую высокія предпріятія, высокія мысли, глубокія размышленія напечатлѣваютъ на челѣ великихъ людей; оливковый цвѣтъ лица, перемѣшанный съ красноватыми пятнами, носъ широкій, огненные глаза, впалыя щеки, означенныя двумя длинными морщинами долгихъ страданій, уста съ сардонической улыбкой и маленькій подбородокъ, тонкій и слишкомъ короткій; глаза впалые, сверкающіе подъ густыми рѣсницами, какъ два огненные шара; но не смотря на всѣ признаки сильныхъ страстей, видъ спокойный, покорный судьбѣ, голосъ, проникающей сладости, который поразилъ меня въ палатѣ своею легкостію, голосъ истинно ораторскій, то ясный и утонченный, то вкрадчивый и грозный, то насмѣшливый и рѣзкій. — Альбертъ Савронъ, росту

средняго, ни толстъ, ни худъ, и наконецъ имѣетъ руки нѣжныя, какъ у прелата.—Когда я пришелъ къ нему во второй разъ, онъ принялъ меня въ другой комнатѣ, смежно съ библіотекой, и улыбнулся моему удивленію, когда я увидѣлъ старый камодъ, дурной коверъ, простую кровать, и на окнахъ каленкоровыя занавѣсы.— Онъ вышелъ изъ своего кабинета, куда по словамъ Жерома, никто не входилъ, и должно было сперва постучать въ дверь. Г-нъ Саваронъ при мнѣ заперъ эту дверь на ключь.. Въ третій разъ я засталъ его въ библіотекѣ за завтракомъ самымъ скромнымъ; но на этотъ разъ, какъ онъ провелъ цѣлую ночь разсматривая наше дѣло, и какъ я былъ съ моимъ повѣреннымъ, и мы должны были провести долгое время вмѣстѣ, я могъ изучить этаго чудака. Дѣйствительно, это человѣкъ необыкновенный, подъ этой маской, и грозной и спокойной, терпѣливой и вспыльчивой, полной и истощенной, скрывается много таинственнаго. Я замѣтилъ, что онъ слегка согбенъ, какъ всѣ люди, носящіе тяжелое бремя.—

— Для чего-же этотъ краснорѣчивый человѣкъ оставилъ Парижъ? Съ какимъ намѣреніемъ поселился онъ въ Безансонѣ? Его не предупредили, какъ мало иностранцы имѣютъ здѣсь вѣсу? Имъ будутъ пользоваться, но Безансонцы не позволятъ ему управлять собою.

— Изучивъ эту прекрасную голову, возразилъ аббатъ Грансеи, посмотрѣвъ лукаво на прервавшую его г-жу Шавонкуръ, я выслушавъ его возраженіе одному изъ орловъ Парижскихъ, и думаю что этотъ человѣкъ, которому не болѣе тридцати пяти лѣтъ, произведетъ здѣсь въ послѣдствіи сильное впечатлѣніе....

— Но что намъ до него за дѣло? Вашъ процессъ выигранъ, вы ему заплатили, и дѣло съ концомъ, сказала г-жа Ваттевиль, замѣтивъ необыкновенное вниманіе дочери при разсказѣ Викарія.

Разговоръ принялъ другой оборотъ, и объ Албертѣ Саваронѣ болѣе не упоминали.

—

XIV.

Искра Пороха.

Портретъ, изображенный самымъ искуснѣйшимъ изъ главныхъ викаріевъ эпархіи, имѣлъ привлекательность романа для Филомены, тѣмъ болѣе, что въ немъ дѣйствительно заключался романъ.—Въ первый разъ въ жизни, она встрѣчала эту таинственность, это необыкновенное, дивное, которое такъ занимаетъ воображеніе молодыхъ дѣвушекъ, и на встрѣчу которому стремится любопытство, столь живое въ лѣта Филомены.—Какое идеальное существо долженъ быть этотъ Альбертъ, пасмурный, страждущій, краснорѣчивый, трудящійся! И какъ сравнить его съ этимъ толстымъ графомъ Амеде, съ отвисшими щеками, съ растроеннымъ здоровьемъ, съ этимъ разскащикомъ, льстецомъ, говорящимъ о роскоши, при видѣ великолѣпія древнихъ графовъ Рюнтъ! Амедебылъ причиною столькихъ ссоръ и упрековъ, да и притомъ она знала его хорошо, а Альбертъ Саваронъ представлялъ собою мною загадочнаго.

«Альбертъ Саваронъ де Саварю», повторяла она сама себѣ. Его увидѣть, узнать!... Вотъ что сдѣлалось желаніемъ дѣвушки до-тѣхъ-поръ безсознательной. Она повторяла въ своемъ сердцѣ, въ своемъ воображеніи, малѣйшія фразы, сказанныя аббатомъ Грансеи, потому что каждое слово ее поражало.

«Прекрасный лобъ, говорила она сама себѣ, разсматривая каждаго человѣка, сидѣвшаго за столомъ; я не нахожу здѣсь ни одного прекраснаго... Лобъ г-на Сула слишкомъ выдался впередъ г-на де Грансеи красивъ, но ему семьдесятъ лѣтъ, и за недостаткомъ волосъ, не знаешь даже, гдѣ онъ у него оканчивается.

— Что съ тобою Филомена? ты ничего не кушаешь....

— Я не хочу, maman, отвѣчала она; руки какъ у прелата... продолжала она сама съ собою; однакоже я не помню рукъ нашего прекраснаго архіепископа, хотя онъ и пріобщалъ меня.

Наконецъ, посредствомъ ходовъ и переходовъ въ лабиринтѣ мечтаній, она вспомнила, между деревьями двухъ смежныхъ садовъ освѣщенное окно, которое она случайно увидѣла съ постели, проснувшись разъ ночью: «такъ этотъ свѣтъ былъ у него, я могу его видѣть... о, я его увижу.»

— Г–нъ Грансеи, такъ процессъ вашъ совершенно конченъ спросила съ пылающимъ лицемъ Филомена викарія во время минутнаго молчанія.

Г–жа де Ваттевиль быстро взглянула на викарія.

«Что жъ тебѣ до этого за дѣло, другъ мой? сказала она Филоменѣ съ притворною кротостію.

— Наше дѣло можно еще обратить въ кассаціонный судъ; но противная сторона надъ этимъ призадумается, отвѣчалъ аббатъ.

— Я никогда не воображала, чтобы Филомена могла въ продолженіе цѣлаго обѣда думать о процессѣ, сказала г-жа Ваттевиль.

— И я также, сказала Филомена съ задумчивымъ видомъ, который заставилъ всѣхъ разсмѣятся. Но г–нъ Грансеи такъ много говорилъ объ этомъ, что и меня заинтересовалъ. Это очень простительно.»

Встали изъ за стола и все общество отправилось въ залу. Во весь вечеръ Филомена прислушивалась, не будутъ ли говорить объ Альбертѣ Саваронѣ, но кромѣ поздравленій, которыя каждое новое лицо изъявляло аббату на счетъ его выигрыша, никто не присоединялъ похвалъ адвокату, и разговору о немъ болѣе не было. Дѣвица Ваттевиль съ нетерпѣніемъ ожидала наступленія ночи. — Она рѣшилась встать между двумя и тремя часами утра, чтобы увидѣть окна кабинета Альберта. Когда наступилъ этотъ часъ, она съ какимъ то восторгомъ смотрѣла на свѣтъ мелькавшій между деревьями, потерявшими уже листья, свѣтъ происходившій отъ свѣчей адвоката. Благодаря хорошему зрѣнію, которымъ обладаютъ молодыя дѣвушки, и которое любопытство еще болѣе напрягаетъ, она увидѣла Альберта за письменнымъ столомъ; она почти различала цвѣтъ мебели, который ей показался краснымъ. Изъ трубы, надъ крышею растилался густой дымъ.

«Когда всѣ спятъ, онъ бодрствуетъ... сказала она сама себѣ.

—

XV.

Сколько въ дѣнь недѣли дьяволъ можетъ сдѣлать переворотовъ въ молодой дѣвушкѣ семнадцати лѣтъ.

Воспитаніе дѣвицъ заключаетъ въ себѣ задачи весьма важныя, потому что будущность народовъ зависитъ отъ матерей семействъ, вслѣдствіе этого Университетъ Франціи съ давняго времени, поставилъ себѣ за правило не обращать на нево вниманія. Вотъ одна изъ этихъ задачъ:

Должно-ли развивать молодыхъ дѣвицъ, или ограничивать ихъ умъ? Само собою разумѣется, что система монастырскаго образованія стѣсняетъ разумъ; если вы ихъ образуете, то вы изъ нихъ дѣлаете демона прежде времени; если же вы воспрепятствуете имъ думать, вы подвергаете ихъ внезапному измѣненію, такъ хорошо представленному въ лицѣ *Агнесы*—Мольера, и вы подвергаете этотъ разумъ стѣсненный, неопытный но проницательный и быстрый, а слѣдовательно дикій, всѣмъ случайностямъ, роковому перелому, произведенному въ дѣвицѣ Ваттевиль безразсуднымъ очеркомъ за столомъ, сдѣланнымъ благоразумнымъ аббатомъ.

На другое утро, Филомена де Ваттевиль, одѣваясь, увидѣла на Альберта Саварона, прогуливавшагося въ саду, смежномъ съ садомъ отеля Рюптъ.

«Что было-бы со мной, думала она, если бы онъ жилъ въ другомъ мѣстѣ? Я могу его видѣть. О чемъ онъ думаетъ?»

Увидѣвъ, издали, этого чрезвычайнаго человѣка, котораго физіономія такъ рѣзко отличалась отъ физіономій безансонскихъ, Филомена быстро перешла къ мысли, проникнутъ въ его внутренность, узнать причину столькихъ тайнъ, услышать этотъ краснорѣчивый голосъ, поймать хотя одинъ взглядъ этихъ прекрасныхъ глазъ. Она желала всего этого; но какъ выполнить?

Въ продолженіе всего дня, она водила иголкой по своему шитью, съ тупымъ вниманіемъ молодой дѣвушки, которая подобно Агнесѣ, ни о чемъ не думаетъ, а между тѣмъ, такъ хорошо размышляетъ что ея хитрости неуловимы. — Послѣдствіемъ глубокаго размышленія въ Филоменѣ явилось желаніе исповѣдаться. — На другое утро, послѣ обѣдни, въ церкви Св.

Іоанна, она имѣла совѣщаніе съ аббатомъ Жиру, и такъ хорошо уладила дѣло что исповѣдь была назначена въ слѣдующее воскресенье утромъ, въ семъ съ половиною часовъ, передъ обѣднею. Она изобрѣла дюжину обмановъ, чтобы быть въ церкви, хотя однажды въ тотъ часъ, когда адвокатъ бывалъ на литургіи. Наконецъ, она почувствовала чрезвычайную нѣжность къ своему отцу, отправилась въ его мастерскую, надѣлала тысячу вопросовъ о искусствѣ точить, чтобы имѣть возможность присовѣтовать ему вытачивать большія вещи, какъ на пр. колонны.

Занявъ воображеніе отца витыми колонами, одною изъ труднѣйшихъ задачь токарнаго дѣла, она подала ему мысль устроить изъ груды камней занимающихъ средину сада, гротъ, и на немъ поставить храмикъ или родъ бельведера на витыхъ колоннахъ, который бы красовался на виду у цѣлаго города.

Посреди радости, причиненной этой мыслью бѣдному человѣку безъ занятій, Филомена сказала, цѣлуя его: «особенно не говорите маменькѣ, кто сообщилъ вамъ эту мысль, она будетъ бранить меня.»

— Будь покойна, отвѣчалъ де Ваттевиль, который подобно дочери, страдалъ подъ игомъ ужасной наслѣдницы Рюптовъ.

И такъ Филомена надѣялась въ скоромъ времени имѣть прекрасную обсерваторію, откуда зрѣніе ея можетъ погрузиться въ кабинетъ адвоката. Есть множество людей, для которыхъ молодыя дѣвушки употребляютъ такого же рода дипломацію, и которые, большею частію, подобно Альберту Саварону, ничего о томъ не знаютъ.

—

XVI.

Первое свиданіе.

Наступило наконецъ воскресенье, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Туалетъ Филомены былъ сдѣланъ съ такимъ рачені-

емъ, что заставилъ улыбнуться Маріетту, горничную г-жи и дѣвицы Ваттевиль.

— Что съ вами, сударыня, вы въ первый разъ занимаетесь такими бездѣлицами! сказала Маріетта.

— Ты мнѣ напоминаешь, сказала Филомена, бросая на Маріетту взглядъ, покрывшій румянцемъ щеки горничной, что и для тебя бываютъ дни, въ которые ты рачительнѣе занимаешься туалетомъ.

Спускаясь съ крыльца, проходя дворъ, выходя на улицу, сердце Филомены билось, какъ бы предчувствуя великое событіе. Она шла, будто не знала до-сихъ-поръ, какъ надо ходить по улицамъ; боясь-что мать разгадаетъ ея планы и запретитъ ей идти на исповѣдь, она почувствовала новую силу въ ногахъ и поднимала ихъ, какъ бы ступая по огню! Она назначила своему духовнику, что будетъ въ восемь часовъ съ четвертью, матери же сказала ровно въ восемь, чтобы четверть часа провести съ Альбертомъ. Она пришла въ церковь передъ началомъ литургіи и послѣ краткой молитвы, пошла посмотрѣть, не пришелъ ли аббатъ Жиру въ исповѣдальню, единственно за тѣмъ, чтобы пройтись по церкви. Она помѣстилась такимъ образомъ, что могла видѣть Альберта какъ только онъ войдетъ въ соборъ.

Надо, чтобы человѣкъ былъ чрезвычайно безобразенъ, если въ минуту такого увлеченія не покажется красавцемъ. Альбертъ Саваронъ, по себѣ уже замѣчательный, сдѣлалъ тѣмъ болѣе впечатлѣнія на Филомену, что его обращеніе, походка, позы, все, даже его одежда, заключали въ себѣ что-то таинственное! Онъ вошелъ. Церковь, до-сихъ-поръ темная, показалась Филоменѣ вдругъ освѣщенною. Молодая дѣвушка была очарована этою медленною и почти торжественною походкою свойственною людямъ, которые такъ сказать, носятъ цѣлый міръ на плечахъ своихъ,— которыхъ глубокій взглядъ, одинъ жестъ выражаютъ мысль или разрушительную, или повелительную. Филомена поняла тогда слова Викарія въ полномъ смыслѣ. Эти глаза, желтокоричневые, испещренные золотыми жилками, скрывали страсть, которой измѣняли мгновенные отблески. Филомена, по замѣчанію Маріетты, довольно неблагоразумно стала на дорогѣ адвоката, и взоры ихъ встрѣтились, и этотъ взглядъ взволновалъ ему кровь, онъ задрожалъ и вспыхнулъ, какъ будто жаръ его

удвоился. — Когда Албертъ сѣлъ, дѣвица Ваттевиль выбрала себѣ мѣсто, откуда она могла смотрѣть на него, въ свободное время оставленное ей аббатомъ Жиру: Филоменѣ это время показалось минутой. Когда она вышла изъ исповѣдальни, литургія была кончена, Албертъ оставилъ соборъ.

«Викарій правъ, думала она, *онъ* страдаетъ! Для чего этотъ орелъ, ибо онъ имѣетъ орлиный взглядъ, спустился надъ Безансономъ? О! я хочу все знать, но какъ?»—Пожираемая огнемъ новаго желанія, Филомена съ удивительною точностію стягивала нитки своего вышиванья, и ея размышленія, скрытыя подъ скромнымъ видомъ, легко обманули г–жу Ваттевиль.

—

XVII.

Филомена дѣлается превосходною женщиною.

Съ того дня, какъ дѣвица Ваттевиль встрѣтила этотъ взглядъ, или лучше сказать *крещенія огня*, чудное выраженіе Наполеона, обозначающее любовь, она горячо принялась за работу Бельведера.

«Maman, сказала она однажды, когда уже двѣ колонны были выточены, папенька имѣетъ странную мысль, онъ выдѣлываетъ колонны для бельведера, который намѣренъ воздвигнуть изъ камней находящихся посреди саду; одобряете ли вы это? Мнѣ кажется что....

— Я одобряю все, что дѣлаетъ твой отецъ, сухо отвѣчала г–жа Ваттевиль, и долгъ жены повиноваться мужу, даже еслибы они и не соглашались въ мысляхъ.... Къ чему же мнѣ противиться обыкновенной вещи, если она забавляетъ г-на Ваттевиля?

— Но мы оттуда будемъ видѣть къ г-ну Сула, и г–нъ Сула будетъ насъ видѣть, когда мы тамъ будемъ. Можетъ быть станутъ говорить....

— Ты, Филомена, кажется намѣрена руководить твоихъ родителей, и хочешъ знать болѣе ихъ о жизни и приличіяхъ?

— Я молчу, маменька. Тѣмъ болѣе, что папенька говоритъ: въ гротѣ будетъ прохладная зала, гдѣ мы будемъ пить кофе....

— Это прекрасная идея, сказала г-жа де Ваттевиль, отправляясь осмотрѣть колонны.

Она согласилась съ проэктомъ барона Ваттевиля, назначая для воздвиженія монумента, мѣсто посреди сада, откуда нельзя было смотрѣть къ г-ну Сула, но превосходно можно было различить окна г-на Альберта Саварона. Былъ вызванъ подрядчикъ, которому приказано сдѣлать гротъ, на вершину котораго вела бы маленькая дорожка, въ три фута шириною, и вокругъ котораго росли бы плющь, жимолость, и молодой виноградникъ. Баронесса придумала убрать внутренность грота мебелью изъ простаго дерева, бывшею въ то время въ модѣ любителей садовъ, поставить въ середину зеркало, диванъ и столъ изъ необтесаннаго дерева. Г-нъ Сула предложилъ сдѣлать полъ асфальтовой, Филомена придумала повѣсить подъ сводомъ люстру.

— Ваттевили дѣлаютъ что-то превосходное въ своемъ саду, говорили въ Безансонѣ.

— Они богаты, могутъ бросить тысячу червонцевъ на прихоть.

— Тысячу червонцевъ? — спросила г-жа Шавонкуръ.

— Да, тысячу червонцевъ, повторилъ молодой де Сула. Они выписываютъ изъ Парижа человѣка, чтобы убрать внутренность простымъ деревомъ, но это будетъ превосходно. — г-нъ Ваттевиль самъ дѣлаетъ люстру, онъ вытачиваетъ ее....

— Говорятъ, что Беркетъ выкапываетъ погребъ, сказалъ аббатъ.

— Нѣтъ возразилъ молодой Сула; онъ основываетъ кіоскъ на фундаментѣ изъ щебня или бута, чтобы небыло сырости.

— Вамъ извѣстны малѣйшія подробности, происходящія у нихъ въ домѣ, сказала съ досадою г-жа де Шавонкуръ, посмотрѣвъ на свою дочь невѣсту.

— Дѣвица Ваттевиль чувствовавшая небольшую гордость при мысли объ успѣхѣ своего бельведера, сознала въ себѣ чрезвычайное превосходство надъ всѣмъ ее окружавшимъ. — Никто не догадывался, чтобы маленькая дѣвочка, считавшаяся неразум-

глупенькою, придумала всю эту кутерьму для того, что хотѣла видѣть вблизи кабинетъ адвоката Саварона.

—

XVIII.

Дуэль Саварона съ городомъ Безансономъ.

Блестящее адвокатство Альберта Саварона было тѣмъ скорѣе забыто, что зависть другихъ адвокатовъ была пробуждена. Впрочемъ, вѣрный своему уединенію, Саваронъ нигдѣ не показывался. Безъ льстецовъ и никого не видя, онъ еще болѣе далъ поводъ къ забвенію. Однако же, онъ три раза защищалъ тяжбы въ трибуналѣ коммерціи, въ трехъ щекотливыхъ дѣлахъ, долженствовавшихъ дойти до палаты. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ клієнтами четырехъ богатѣйшихъ купцовъ города, которые открывъ въ немъ столько здраваго смысла, и того, что въ провинціи называется способностію, ввѣрили ему свои дѣла. Въ день, когда Ваттевили воздвигали свой бельведеръ, Саваронъ также воздвигалъ себѣ монументъ. Благодаря сношеніямъ съ высшимъ купеческимъ кругомъ Безансона, онъ основывалъ тамъ журналъ, названный *Обозрѣніе Востока*, посредствомъ сорока акцій, каждую въ тысячу франковъ, которыя и размѣстилъ въ руки своихъ десяти первыхъ клієнтовъ.

Чтобы соперничествовать съ Страсбургомъ, Безансонъ хотѣлъ также быть центромъ просвѣщенія, какъ и торговли. Только въ *Обозрѣніи* можно было помѣщать важные вопросы, относительно выгодъ Востока Франціи. Какая слава похитить у Страсбурга и Дижона ихъ литературное вліяніе, просвѣтить Востокъ Франціи, и бороться съ централизаціею Парижа!

Эти заключенія, выведенныя Альбертомъ, были переданы цѣлому городу десятью негоціантами, которые приписали ихъ себѣ.

Адвокатъ Саваронъ съумѣлъ скрыть свое имя, и передалъ управленіе финансовою частію журнала своему первому клієнту

г-ну Буше, бывшему въ родствѣ по женѣ съ однимъ изъ важныхъ издателей духовныхъ книгъ; но онъ оставилъ себѣ редакцію съ частію дохода, какъ основатель журнала. Благодаря сношеніямъ купцовъ, полтораста человѣкъ подписались на изданіе, по сходной цѣнѣ: *Обозрѣніе* стоило восемь франковъ въ треть.

Чтобы избѣжать оскорбленія провинціальныхъ самолюбій отказа помѣщенія статей, адвокатъ искусно передалъ литературное управленіе журналомъ старшему сыну г-на Буше, молодому человѣку двадцати двухъ лѣтъ, страстному къ славѣ, для котораго трудность и скука литературныхъ занятій были вовсе неизвѣстны. Альбертъ втайнѣ оставилъ главное управленіе у себя въ рукахъ, а Алфреда Буше сдѣлалъ своимъ помощникомъ. — Алфредъ, единственное лицо въ Безансонѣ, съ которымъ былъ друженъ глава парламента — Алфредъ ежедневно приходилъ утромъ въ садъ совѣтоваться съ Альбертомъ о содержаніи книжекъ. Безполезно было бы говорить, что въ первой книжкѣ была помѣщена элегія Алфреда, одобренная Савароном. Въ разговорѣ съ Алфредомъ, Альбертъ высказывалъ свои идеи, которыми пользовался молодой Буше при составленіи статей. Такимъ образомъ, сынъ негоціанта исполнялъ только приказанія этого великаго человѣка! Альбертъ для Алфреда былъ человѣкъ геніальный и глубокомысленный политикъ. Негоціанты, восхищенные успѣхомъ журнала, выпустили только три десятыхъ изъ акцій. Еще двѣсти подписчиковъ — и Обозрѣніе дало бы пять на сто дивиденду своимъ акціонерамъ.

—

XIX.

Первая Новелла Обозрѣнія.

Третій нумеръ журнала заключалъ Новеллу, подписанную буквами А. С. и приписываемую знаменитому адвокату.

Не смотря на малое вниманіе, которое высшая публика обращала на это Обозрѣніе, обвиняемое въ своевольствѣ мыслей, однажды зимой у г-жи де Шавонкуръ зашла рѣчь объ этой первой Новеллѣ.

«Папа, сказала Филомена, въ Безансонѣ издается *Обозрѣніе* не мѣшало бы вамъ абонироваться, и держать его у себя, потому-что maman мнѣ не позволила бы его читать, но вы мнѣ его будете давать.»

Спѣша повиноваться своей любезной Филоменѣ, которая въ продолженіе пяти мѣсяцевъ оказывала ему чрезвычайное вниманіе, г-нъ де Ваттевиль отправился самъ и обонировался на журналъ *Обозрѣніе Востока*, и первые вышедшіе четыре нумера отдалъ дочери. Во время ночи Филомена могла прочитать эту новеллу, первую въ своей жизни; но она чувствовала, что жила только два мѣсяца! А потому надобно ли судить о дѣйствіи, какое должно было произвести на-нее это сочиненіе. Впрочемъ, соображая все ею слышанное, Филомена, составила себѣ особенную мысль объ этомъ сочиненіи, мысль которая въ ея глазахъ возвышала достоинство этой новеллы. Она надѣялась найти въ ней чувства, а можетъ быть и что нибудь о жизни Альберта. Съ первыхъ страницъ, это мнѣніе такъ въ ней утвердилось, что окончивъ первый отрывокъ, она была увѣрена, что не ошибается. И такъ, вотъ эта исповѣдь, которую по словамъ критиковъ салона Шавонкуръ, Альбертъ написалъ, подражая новѣйшимъ писателямъ, которые за недостаткомъ изобрѣтенія, разсказываютъ свои собственныя горести или таинственныя происшествія своей жизни.

—

XX.

ПЕРВАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Два друга.

Въ 1823 году, двое молодыхъ людей, согласившихся путешествовать по Швейцаріи, отправились изъ Люцерна однимъ прекраснымъ утромъ іюля мѣсяца, въ лодкѣ, управляемой тремя гребцами, обѣщаясь осмотрѣть всѣ замѣчательнѣйшія мѣста на озерѣ четырехъ кантоновъ. Пейзажи отъ Люцерна до Флё-

лена окружающіе воды, представляютъ всѣ красы, которыя воображеніе самое взыскательное можетъ требовать отъ горъ и рѣкъ, озеръ и скалъ, ручьевъ и зелени, деревъ и потоковъ. Вы видите то грозное уединеніе, то красивые мысы, долины кокетливыя со свѣжею зеленью, темные лѣса, окаймляющіе края пропасти, у подножія прохладныя бухты, открывающіяся предъ вами равнины, которыхъ сокровища кажутся еще болѣе украшенными игрой воображенія.

Проѣзжая мимо прекраснаго предмѣстія Жерсау, одинъ изъ двухъ друзей долго смотрѣлъ на деревянный домикъ, который казалось былъ недавно выстроенъ и обнесенъ частоколомъ, на мысѣ, почти омываемый водами. Когда лодка поравнялась съ домикомъ, женская головка показалась въ окнѣ нижняго этажа, чтобы полюбоваться бѣгомъ лодки по озеру. Одинъ изъ молодыхъ людей встрѣтилъ взглядъ, брошенный очень равнодушно незнакомкою.

«Остановимся здѣсь, сказалъ онъ своему другу, мы хотѣли сдѣлать изъ Люцерна нашу главную квартиру, чтобы посѣтить Швейцарію: но ты не осердишься Леопольдъ, что я перемѣнилъ намѣреніе и остаюсь здѣсь. Ты дѣлай что хочешь, что до меня, мое путешествіе кончено. Гребцы, держитесь къ берегу, и выпустите насъ въ этой деревнѣ, мы будемъ тамъ завтракать. Я отправлюсь въ Люцернъ за нашими вещами, и дамъ тебѣ знать въ которомъ домѣ я помѣщусь, чтобы ты могъ найти меня тамъ по возвращеніи.

— Здѣсь или въ Люцернѣ, сказалъ Леопольдъ, нѣтъ достаточной причины, чтобы я могъ помѣшать тебѣ выполнить твои прихоти.

Молодые люди были друзья въ полномъ смыслѣ слова. Они были однихъ лѣтъ, обучались въ одной коллегіи, и окончивши курсъ, употребляли каникулы на классическоепутешествіе по Швейцаріи. По волѣ отца, Леопольдъ былъ уже назначенъ къ изученію обязанностей нотаріуса въ Парижѣ. Его правильный умъ, его кротость, спокойствіе его разсудка и понятій, ручались за его покорность. Леопольдъ уже воображалъ себя нотаріусомъ въ Парижѣ: жизнь являлась ему, какъ одна изъ тѣхъ большихъ дорогъ, которыя пересѣкаютъ равнины Франціи, и онъ обнималъ ее

во всемъ ея пространствѣ съ рѣшительностію, полною философіи.

Характеръ его товарища, котораго мы назовемъ Родольфомъ, представлялъ противуположность, которая вѣроятно скрѣпила еще болѣе ихъ связи. Родольфъ былъ незаконный сынъ знатнаго вельможи, который, будучи застигнутъ скоропостижною смертію, не сдѣлалъ распоряженій, чтобы обеспечить существованіе имъ нѣжно-любимой женщины и Родольфа. Такимъ образомъ, обманутая ударомъ судьбы, мать Родольфа прибѣгнула къ героическому средству. Она продала все лишнее великолѣпіе, оставшееся послѣ отца—дитяти, составила сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, отдала ее на свое собственное имя въ ростъ, за проценты, весьма значительные, и составила себѣ такимъ образомъ доходъ около 15000 франковъ; она рѣшилась пожертвовать всѣмъ для воспитанія своего сына, чтобы надѣлить его личными преимуществами, вѣрнѣйшимъ средствомъ для доставленія счастія, и сохранить посредствомъ экономіи, капиталъ ко времяни его совершеннолѣтія. Это было смѣлое предпріятіе, это значило полагаться на собственную жизнь; но безъ этой отважности конечно было бы невозможно доброй матери жить и воспитать порядочно сына, свою единственную надежду, свою будущность, источникъ всѣхъ своихъ радостей. Рожденный отъ прекраснѣйшей женщины и замѣчательнаго человѣка изъ аристократіи брабантской, плодъ страсти одинаково раздѣляемой, Родольфъ былъ надѣленъ чрезвычайною чувствительностію. Съ самаго дѣтства онъ оказывалъ величайшую страсть ко всему. У него страсть эта сдѣлалась высшею силою, двигателемъ всего существа, побудителемъ воображенія, причиною всѣхъ его дѣйствій. Несмотря на всѣ усилія умной матери, которая испугалась, замѣтивъ подобное расположеніе, Родольфъ *желалъ*, подобно, поэтому воображающему, ученому, расчитывающему, живописцу рисующему, музыканту, составляющему мелодіи. Нѣжный, подобно матери, онъ стремился съ неслыханнымъ усиліемъ къ желанной цѣли и опережалъ время. Мечтая объ исполненіи своихъ плановъ, онъ уничтожалъ всегда средства исполненія.

«Когда у сына моего будутъ дѣти, говорила мать, онъ захочетъ ихъ видѣть взрослыми прежде времени.»

Это прекрасное рвеніе, хорошо управляемое, послужило Ро-

дольфу окончить блистательно курсъ наукъ, и сдѣлаться по словамъ англичанъ, превосходнымъ дворяниномъ. Тогда мать гордилась имъ, боясь однако-же всегда какого нибудь несчастія, ибо знала, что когда нибудь страсть овладѣетъ этимъ сердцемъ, вмѣстѣ нѣжнымъ и чувствительнымъ, вспыльчивымъ и добрымъ. Такимъ образомъ, эта умная женщина ободряла дружбу, связывавшую Леопольда съ Родольфомъ, предвидя въ холодномъ и приверженномъ нотаріусѣ, опекуна, повѣреннаго, который можетъ до нѣкоторой степени замѣнить Родольфу мать, если по несчастію онъ ея лишится. Еще прекрасная въ сорокъ три года, мать Родольфа внушила живѣйшую страсть Леопольду. И это обстоятельство скрѣпило еще болѣе связь обоихъ друзей.

—

XXI.

ВТОРАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Г-жа Ловелесъ.

Леопольдъ, знавшій хорошо Родольфа, нисколько не удивился, что онъ по одному взгляду, брошенному случайно съ высоты дома, останавливался въ деревнѣ, отказываясь отъ предположеннаго путешествія на Сен - Готаръ. Во время приготовленія завтрака, въ гостинницѣ Лебедя, двое друзей обошли кругомъ деревню, и прибыли въ часть, сосѣственную съ прекраснымъ новенькимъ домикомъ, гдѣ прохаживаясь и разговаривая съ жителями, Родольфъ нашелъ домикъ поселянина, согласившагося взять его на квартиру, по общему обыкновенію въ Швейцаріи. Ему предложили комнату, съ видомъ на озеро и горы, откуда открывалась великолѣпная картина одного изъ этихъ удивительныхъ поворотовъ, дѣлающихъ озеро четырехъ кантоновъ, привлекательнымъ для туристовъ. Этотъ домъ отдѣлялся переулкомъ и небольшою гаванью отъ новаго домика, гдѣ Родольфъ увидѣлъ впервые свою прекрасную незнакомку.

За сто франковъ въ мѣсяцъ, Родольфъ избавился отъ хло-

потъ, необходимыхъ въ житейскомъ быту. Но согласуясь съ издержками, которыя супруги Стопферъ намѣрены были сдѣлать, они потребовали плату за три мѣсяца впередъ. Лишь только вы затронете швейцарца, онъ къ вамъ явится ростовщикомъ. Послѣ завтрака, Родольфъ перебрался на новую квартиру, расположивъ въ своей комнатѣ всѣ вещи, заготовленныя для путешествія на Сен – Готаръ, и смотрѣлъ на Леопольда, который, по неизмѣнному порядку вещей, отправлялся исполнить предполагаемый вояжъ, за Родольфа и за себя. Когда Родольфъ, сидѣвшій на скалѣ, выдавшейся впередъ, потерялъ изъ виду лодку Леопольда, онъ посмотрѣлъ украдкою на новый домикъ, надѣясь увидѣть свою незнакомку. Увы! онъ возвратился, не замѣтивъ даже признаковъ жизни въ домѣ. За обѣдомъ, даннымъ г-мъ и г-жею Стопферъ, старыми бочарами изъ Невшателя, онъ распрашивалъ ихъ объ окрестностяхъ, и узналъ наконецъ все, касавшееся его незнакомки, благодаря болтовнѣ его хозяевъ, которые и безъ просьбы удовлетворили-бы его любопытству.

Незнакомку называли Фанни Ловеласъ. Это имя, произносимое Ловелесъ, принадлежитъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Англіи; и Ричардсонъ создалъ изъ нея твореніе, котораго извѣстность не требуетъ поясненія. Миссъ Ловелесъ поселилась на озерѣ для здоровья своего отца, которому медики предписали воздухъ кантона Люцернскаго. Миссъ Фанни, казалась впрочемъ, подобно своему отцу, въ большой нуждѣ. Эти англичане, пріѣхавшіе съ одной маленькой четырнадцати-лѣтней нѣмой дѣвочкой, для прислуги, условились передъ прошедшей зимой съ г-мъ и г-жею Бергманъ, старыми садовниками его сіятельства графа Борроме, на островѣ Bella и Мадро, на озерѣ Маджіоръ. Эти швейцарцы, получая около тысячи червонныхъ дохода, отдали на три года верхній этажъ своего дома Ловелесамъ, за двѣсти франковъ въ годъ.

Старый Ловелесъ, старикъ девяносто-лѣтній, разслабленный, слишкомъ бѣдный для большихъ расходовъ, выходилъ рѣдко; дочь, для поддержанія ихъ существованія, по разсказамъ, занималась переводами англійскихъ книгъ на французскій языкъ, и сама сочиняла. Такимъ образомъ, она не нанимала ни лодокъ для прогулки по озеру, ни лошадей, ни проводниковъ

для посѣщенія окрестностей. Такое самоотверженіе тѣмъ болѣе возбуждаетъ состраданіе швейцарцевъ, что они теряютъ случай барыша. Кухарка дома готовила этимъ тремъ англичанамъ, за сто франковъ въ мѣсяцъ, обѣды, но во всемъ Жерсау говорили, что Бергманы создали себѣ удивительные сады и великолѣпные теплицы, вокругъ дома. Цвѣты, плоды, ботаническія рѣдкости, привлекли и рѣшили молодую миссъ избрать этотъ домъ, при проѣздѣ чрезъ Жерсау. Фанни считали не болѣе девятнадцати лѣтъ, она была обожаема отцемъ. Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ, она достала себѣ фортепьяно напрокатъ, выписанное изъ Люцерна, она, казалось, была помѣшана на музыкѣ.

«Она любитъ цвѣты и музыку, думалъ Родольфъ, и ей время выдти замужъ? Какое счастіе!»

На другой день, Родольфъ послалъ спросить позволенія осмотрѣть теплицы и сады Бергмановъ, начинавшія уже пріобрѣтать нѣкоторую извѣстность. — Но позволеніе не тотчасъ было дано. Бергманы потребовали посмотрѣть паспортъ Родольфа, который онъ имъ въ ту же минуту доставилъ. Паспортъ возвращенъ былъ на другой день кухаркою, объявившею ему, что г–дамъ будетъ очень пріятно показать ему свои заведенія.

Родольфъ отправился къ Бергману съ нѣкоторымъ страхомъ, свойственнымъ только людямъ съ сильными ощущеніями, развивающимъ въ одну минуту столько страсти, сколько другіе не оказываютъ во всю жизнь. Одѣтый съ изысканностію, чтобы понравиться старымъ садовникамъ острововъ Борромейскихъ, потому что онъ видѣлъ въ нихъ хранителей сокровища, онъ прошелъ сады, посматривая время отъ времени на домъ, но съ благоразуміемъ, потому-что старые владѣльцы дома оказывали ему явное недовѣріе.

XXII.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НОВЕЛЛЫ.

Ложная нѣмая.

Вниманіе Родольфа было вскорѣ возбуждено маленькой нѣмой англичанкой, которой необыкновенная проницательность, несмотря на ея молодость, говорила ясно, что она дочь Африки или по-крайней-мѣрѣ Сициліи. — Эта маленькая дѣвочка имѣла золотой отливъ Гаванской сигары, огненныя глаза, армянскіе вѣки съ длинными рѣсницами, волосы болѣе, нежели черные, и подъ этой кожей почти оливковаго цвѣта—скрывались нервы удивительной силы, раздражительной живости. — Она бросила на Родольфа испытующій взглядъ, невѣроятной наглости, и слѣдовала за малѣйшими его движеніями.

«Чья эта маленькая арабка? спросилъ онъ почтенную г-жу Бергманъ.

— Англичанъ, отвѣчалъ г-нъ Бергманъ.

— Но она не урожденка Англіи.

—Они привезли ее, можетъ быть, изъ Индіи, отвѣчала г-жа Бергманъ.

— Мнѣ сказали, что молодая миссъ Ловелесъ любитъ музыку, я бы очень былъ радъ, еслибы во время моего пребыванія на озерѣ, къ которому понуждаетъ меня предписаніе медика, — она позволила мнѣ заняться съ нею музыкою...

— Они никого не принимаютъ, и не желаютъ ни кого видѣть; сказалъ старый садовникъ.

Родольфъ прикусилъ губы и вышелъ, не будучи приглашенъ войти въ домъ, непосѣтивъ ту часть сада, которая находилась между фасадомъ и берегомъ мыса. Съ этой стороны, домъ имѣлъ надъ первымъ этажемъ деревянную галерею, съ крышею, которой спуски были чрезвычайно длинны, по Швейцарской модѣ.—Родольфъ чрезвычайно хвалилъ это прелестное расположеніе и видъ галереи, но все напрасно.—Простившись съ Бергманами, онъ нашелъ себя довольно глупымъ, какъ каждый человѣкъ съ умомъ и воображеніемъ, обманутый неудачею плана, въ успѣхѣ котораго онъ былъ увѣренъ. —

Вечеромъ онъ обыкновенно катался въ лодкѣ по озеру, вокругъ этого мыса; доѣзжалъ даже до Бруннена и Швица, и возвращался съ наступленіемъ ночи. Издали увидѣлъ онъ открытое окно, ярко освѣщенное, могъ различить игру фортепьяно и звуки очаровательнаго голоса. Потому онъ велѣлъ остановиться и предался мечтамъ, слушая итальянскую арію, божественно спѣтую. — Когда пѣніе умолкло, Родольфъ пристalъ къ берегу и отослалъ лодку и двухъ гребцовъ. Рискуя замочить ноги, онъ сѣлъ на гранитную скамью подмываемую волнами, которую скрывалъ высокій заборъ изъ колючихъ акацій. Около этого забора тянулась по саду Бергмана аллея молодыхъ липъ.—

Черезъ часъ, онъ услышалъ разговоръ и шаги надъ своей головою, но слова, дошедшія до его слуха, были итальянскія и говорены двумя молодыми женщинами.

Онъ воспользовался минутою, когда разговаривающія находились на одной оконечности, чтобы тихо пробраться на другую. Спустя полчаса, онъ достигнулъ до конца аллеи, и тамъ занялъ мѣсто, откуда могъ рассмотрѣть двухъ собесѣдницъ, когда онѣ подойдутъ къ нему, не будучи замѣченъ ими.—Каково же было удивленіе Родольфа, когда онъ узналъ маленькую нѣмую въ одной изъ двухъ женщинъ.—Она говорила по итальянски съ миссъ Ловелесъ. Тогда было одинадцать часовъ вечера. Тишина наозерѣ и вокругъ жилища была такъ велика, что эти двѣ женщины считали себя въ безопасности: во всемъ Жерсау только ихъ глаза не были сомкнуты сномъ. Родольфъ догадался, что мнимая нѣмота, была только необходимая хитрость.—

—

XXIII.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НОВЕЛЛЫ.

Эмигранты.

По выговору итальянскаго языка, Родольфъ счелъ его природнымъ языкомъ двухъ женщинъ, и заключилъ, что названіе англичанъ было ложно.

«Это вѣрно итальянскіе изгнанники, которые опасаются съ-

тей Австріи или Сардиніи. Молодая дѣвушка ожидаетъ ночи, чтобы погулять и поговорить въ безопасности.

Тогда онъ прилегъ вдоль бухты и поползъ подобно змѣѣ, чтобы найти проходъ между двумя корнями акацій. Съ опасностію изорвать свое платье, сдѣлать глубокія раны на спинѣ, онъ продрался сквозь заборъ, когда ложная миссъ Фанни, и ея ложная нѣмая, были на другомъ концѣ аллеи; потомъ, когда онѣ приблизились на двадцать шаговъ, не видя его, потому что онъ былъ въ тѣни, онъ быстро всталъ.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ итальянкѣ по французски, я не шпіонъ. Вы эмигранты, изгнанники, я это угадалъ. Я же французъ, котораго одинъ изъ вашихъ взглядовъ приковалъ въ Жерсау.

При этомъ словѣ Родольфъ вскрикнулъ отъ боли, причиненной стальнымъ оружіемъ, вонзившимся ему въ бокъ, и упалъ на землю.

— Nel lago çon pietra, сказала ужасная нѣмая.

— Ахъ! Gina! вскричала итальянка.

— Она не попала, сказалъ Родольфъ, вынимая изъ раны кинжалъ, поразившій его въ ребро; но двумя линіями выше, онъ попалъ бы прямо въ сердцѣ. Я виноватъ Франческа, сказалъ онъ, вспомнивъ имя, произнесенное нѣсколько разъ маленькою Джиною, я не сержусь, не браните ее; счастіе съ вами разговаривать стоитъ удара кинжаломъ. Только покажите мнѣ дорогу, мнѣ надо возвратится въ домъ Стопфера. Будьте покойны, я не скажу ничего.

Франческа, оправившись отъ удивленія, помогла Родольфу встать и сказала нѣсколько словъ Джинѣ, глаза которой наполнились слезами. Обѣ женщины заставили Родольфа присѣсть на скамейку, снять свое платье, жилетъ, галстухъ. — Джина открыла рубашку, и высосала рану. Франческа, оставивъ ихъ на минуту, возвратилась съ широкимъ кускомъ англійской тафты, и наложила ее на рану.

— Теперь вы можете дойти до вошего дома, сказала она.

Онѣ взяли его подъ руки, и Родольфъ былъ доведенъ до маленькой двери, ключь отъ которой былъ въ карманѣ передника Франчески.

— Говоритъ-ли Джина по французчки! спросилъ Родольфъ Франческу.

— Нѣтъ. Но не тревожтесь, сказала Франческа съ небольшимъ нетерпѣніемъ.

— Позвольте мнѣ на васъ посмотрѣть, отвѣчалъ Родольфъ съ чувствомъ, потому что я можетъ быть долго не буду въ состояніи придти....

Онъ оперся на столбикъ маленькой двери и разсматривалъ прекрасную Итальянку, позволившую смотрѣть на себя нѣсколько минутъ, въ очаровательной тишинѣ, среди одной изъ прекраснѣйшихъ ночей, когда либо озарявшихъ это озеро, владыко всѣхъ озеръ Швейцарскихъ. Франческа была классическая Итальянка, именно такая, какъ воображеніе создаетъ Итальянокъ. — Болѣе всего поразили Родольфа красота и грація ея таліи, сила которой выказывалась, не смотря на ея видимую слабость, такъ она была гибка. Янтарная блѣдность, разливавшаяся по лицу, доказывала мгновенное участіе, которое не изглаживало роскоши двухъ влажныхъ глазъ, подернутыхъ чернымъ бархатомъ. Двѣ прекраснѣйшія руки, какія когда либо греческій ваятель придѣлывалъ къ статуѣ, держали за руку Родольфа.—Неблагоразумный Французъ видѣлъ только вскользь овальную форму, нѣсколько продолговатаго лица, котораго опечаленныя полураскрытыя уста, выказывали блестящіе зубы, между двумя свѣжими и алыми губками. Красота очерка лица Франчески ручалась за продолжительность этаго очарованія;—но что болѣе всего поразило Родольфа, это обворожительная свобода въ обращеніи, итальянская откровенность этой женщины, которая вполнѣ предавалась своему сожалѣнію.

Франческа сказала слово Джинѣ, нѣмая подала руку Родольфу; доведши до дома Стопферъ, и позвонивъ, она скрылась, подобно ласточкѣ.

—

XXIV.

ПЯТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Франческа замужемъ.

«У этихъ патріотовъ рука на дрожитъ,—разсуждалъ про себя Родольфъ, почувствовавъ сильную боль, когда онъ остался

одинъ въ постелѣ. Nel lago! Джина бросила бы меня въ озеро съ камнемъ на шеѣ!»

При наступленіи дня, онъ послалъ въ Люцернъ за лучшимъ хирургомъ; когда тотъ прибылъ, онъ просилъ его хранить глубочайшее молчаніе, подъ предлогомъ, что этого требовала его честь. Леопольдъ возвратился изъ своего путешествія въ тотъ самый день, когда Родольфъ всталъ съ постели. Родольфъ сочинилъ ему сказку, и заставилъ его ѣхать въ Люцернъ за вещами и письмами. Леопольдъ возвратился съ роковою новостію: мать Родольфа скончалась. Въ то время, какъ двое друзей отправлялись изъ Базеля въ Люцернъ, роковое письмо, писанное отцомъ Леопольда, прибыло въ Фёленъ. Не смотря на предосторожности, принятыя Леопольдомъ, Родольфъ получилъ нервическую горячку. Едва будущій нотаріусъ увидѣлъ своего друга внѣ опасности, онъ отправился во Францію съ полномочіемъ. Такимъ образомъ, Родольфъ могъ остаться въ Жерсау, единственномъ мѣстѣ въ свѣтѣ, гдѣ скорбь его могла найти облегченіе. — Положеніе молодаго Француза, его отчаяніе, и обстоятельства, которыя дѣлали эту потерю еще ужаснѣе для него, нежели для другаго, сдѣлались гласными и возбудили сожалѣніе и участіе всего Жерсау. Каждое утро мнимая нѣмая приходила навѣстить француза, чтобы дать отчетъ своей госпожѣ о состояніи его здоровья.

Когда Родольфъ могъ выходить, онъ отправился къ Бергману, поблагодарить миссъ Фанни Ловелесъ и ея отца за участіе, въ немъ принимаемое. Въ первый разъ, со времени своего поселенія у Бергмановъ, старый Итальянецъ впускалъ иностранца въ свое жилище. Родольфъ былъ принятъ съ дружествомъ, какъ человѣкъ несчастный, и какъ Французъ, что удаляло всякое недовѣріе. Франческа показалась столь прелестною при свѣчахъ, въ продолженіи перваго вечера, что заронила лучь отрады въ это истерзанное сердце. Ея улыбка набросила розы надежды на трауръ его души. Она пѣла, не веселыя аріи, но важныя и возвышенныя мелодіи, свойственныя сердцу Родольфа, который замѣтилъ это трогательное участіе. Около восьми часовъ, старикъ оставилъ двухъ молодыхъ людей однихъ, безъ малѣйшаго видимаго опасенія, и удалился къ себѣ въ комнату. — Переставъ пѣть, Франческа повела Родольфа на галерею, откуда открывалось велико-

лѣпное зрѣлище на озеро, и сдѣлала ему знакъ сѣсть подлѣ себя, на скамейкѣ изъ простаго дерева.

«Не будетъ ли нескромность съ моей стороны, если я спрошу, который вамъ годъ, сага Francesca! сказалъ Родольфъ.

— Девятнадцать лѣтъ минуло, отвѣчала она.

— Если что нибудь въ свѣтѣ можетъ уменьшить мою горесть, возразилъ онъ, то это надежда получить вашу руку. Въ какомъ бы состояніи вы ни находились, съ вашею прелестію, вы мнѣ кажетесь богаче дочери княжеской. Я не содрогнулся, дѣлая вамъ признаніе въ чувствахъ, вами внушенныхъ, потому-что они глубоки, они вѣчны.

— Zitto! сказала Франческа, положивъ палецъ правой руки на его губы. Не продолжайте далѣе: я не свободна, я уже три года замужемъ....»

Глубокое молчаніе водворилось на нѣсколько минутъ между ними. Когда Итальянка, испуганная позою Родольфа, подошла къ нему, она нашла его совершенно лишившимся чувствъ.

—Povero! (бѣдный) сказала она сама себѣ, онъ похолодѣлъ.

Она пошла за спиртомъ, и давая его нюхать, вскорѣ привела въ себя Родольфа.

—

XXV.

ШЕСТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Обѣщанія.

«Замужемъ!» сказалъ Родольфъ, глядя на Франческу. Слезы заструились изъ глазъ его.

— Дитя, сказала она, есть надежда. Мужу моему....

— Восемдесятъ лѣтъ?.... прервалъ Родольфъ.

—Нѣтъ, отвѣчала она улыбаясь, только шестьдесятъ пять! Онъ принялъ видъ старика, чтобъ удобнѣе обмануть полицію.

— О, продолжалъ Родольфъ, еще нѣсколько подобныхъ ощущеній и я умру.... Только послѣ двадцати — лѣтняго

знакомства узнаете вы всю силу и могущество моего сердца, и какого рода мои стремленія къ счастію. Это растѣніе несъ такою быстротою поднимается, чтобы распуститься подъ лучами солнца, сказалъ онъ, указывая на ясминъ, покрывавшій палисадникъ, какъ я привязался къ вамъ уже въ мѣсяцъ. Я васъ люблю не обыкновенною любовію. Эта любовь будетъ тайнымъ правиломъ всей моей жизни, и я можетъ быть умру отъ нея.

— О! Французы! Французы! прервала она, сопровождая свое восклицаніе взглядомъ недовѣрчивости.

— Не ужли же мнѣ ждать, пока рука времени дозволитъ мнѣ обладать вами? говорилъ онъ съ важностію. Но знайте, если вы искренни въ словѣ, вами сказанномъ, я буду васъ ожидать съ вѣрностію, не позволяя ни какому другому чувству поселиться въ моемъ сердцѣ.

Она посмотрѣла на него лукаво.

— Никакому, продолжалъ онъ, даже мечтѣ. Я долженъ составить себѣ состояніе, вамъ необходимъ блескъ, природа создала васъ принцессой....

При этомъ словѣ, Франческа не могла удержаться отъ легкой улыбки, которая придала самое восхитительное выраженіе ея лицу, нѣчто лукавое, въ родѣ того, что такъ прекрасно изобразилъ великій Леонардъ въ Жокондѣ.

Эта улыбка заставила Родольфа замолчать на нѣсколько минутъ.

— Да, продолжалъ онъ, вы должны много терпѣть отъ лишеній, до которыхъ доводитъ васъ изгнаніе. Ахъ! если вы хотите сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ и освятить мою любовь, то вы будете обходиться со мною, какъ съ другомъ. Да и не долженъ-ли я быть вашимъ другомъ? Моя бѣдная мать оставила мнѣ шестьдесятъ тысячь франковъ, сбереженныхъ ею, возьмите половину.

Франческа пристально посмотрѣла на него. Этотъ проницательный взглядъ проникъ до глубины души Родольфа.

— Мы ни въ чемъ не нуждаемся, моей работы достаточно для нашей роскоши, отвѣчала она съ важностію.

— Могу-ли я допустить, чтобы Франческа работала? вскричалъ онъ. Когда нибудь вы возвратитесь въ ваше отечество, и найдете тамъ, что оставили.

Молодая Итальянка снова посмотрѣла на Родольфа.

— Тогда вы мнѣ возвратите то, что теперь займете, прибавилъ онъ съ нѣжнымъ взоромъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, сказала она съ неподражаемымъ благородствомъ жеста, взгляда и позы. Составьте блестящее состояніе, будьте человѣкомъ замѣчательнымъ вашего отечества, я этого хочу. — Слава — висячій мостъ, ведущій чрезъ пропасть.—Будьте самолюбивы, это необходимо. Я увѣрена что вы обладаете большими способностями, но употребляйте ихъ больше для счастія человѣчества, чѣмъ для того, чтобы заслужить мою руку: вы тѣмъ болѣе возвыситесь въ моихъ глазахъ.»

—

XXVI.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Другія загадки.

По выходѣ, Джина проводила Родольфа до дверей. Въ одиннадцать часовъ никто не бродилъ въ деревнѣ, слѣдовательно нечего было бояться нескромности, почему Родольфъ, отозвавъ Джину въ сторону, спросилъ тихонько на дурномъ итальянскомъ языкѣ:

— Кто твои господа, мое дитя? скажи мнѣ, и я тебѣ дамъ эту золотую монету.

— Милостивый государь, отвѣчала дѣвушка, принимая монету, мой господинъ знаменитый книгопродавецъ Ламперани изъ Милана.

— Жена книгопродавца?.. Да, тѣмъ лучше, думалъ онъ, мы равны съ ней.

— Изъ какой она фамиліи? продолжалъ онъ, она имѣетъ видъ королевы.—

— Всѣ итальянки таковы, гордо отвѣчала Джина. Имя отца ея Колонна.

Ободренный скромнымъ согласіемъ Франчески, — Родольфъ велѣлъ навѣсить зонтикъ надъ шлюпкой, и положить подушки на скамьи. Когда все было готово, влюбленный предложилъ

Франческѣ прогуляться по озеру. Она приняла, безъ сомнѣнія для того, чтобы лучше играть роль молодой миссъ въ глазахъ деревни; но она взяла съ собою Джину. — Малѣйшія дѣйствія Франчески Колонны обнаруживали въ ней отличное воспитаніе и знаніе высшаго общества. Итальянка заняла мѣсто на одномъ концѣ лодки, Родольфъ былъ принужденъ помѣститься напротивъ, и передъ выраженіемъ ея истинно-благородной гордости, его приуманная фамильярность изчезла. Однимъ взглядомъ Франческа сдѣлалась принцессой со всѣми преимуществами, которыми она-бы наслаждалась въ среднихъ вѣкахъ. Она, казалось, угадала тайныя мысли этого вассала, который возимѣлъ дерзость сдѣлаться ея покровителемъ.

Уже въ омеблированіи залы, гдѣ Франческа его принимала, въ ея туалеттѣ, въ малѣйшихъ вещахъ ея, Родольфъ увидѣлъ признаки высокаго рожденія и большаго состоянія. Всѣ эти замѣчанія разомъ пришли ему на память, и онъ вдругъ слѣлался задумчивъ, бывъ такъ сказать оттолкнутъ достоинствомъ Франчески. Джина, эта повѣренная, едва не ребенокъ, также насмѣшливо посматривала тайкомъ изскоса на Родольфа. Это видимое разногласіе между сословіемъ Итальянки и ея обращеніемъ, было новою задачею для Родольфа, подозрѣвавшаго новую хитрость, подобную мнимой нѣмотѣ Джины.—

— Куда угодно вамъ плыть, Signora Lamporani? сказалъ онъ.—

— Къ Люцерну, отвѣчала по французски Франченка. —

Прекрасно! думалъ Родольфъ, она не удивляется, услышавъ отъ меня свое имя; она конечно предвидѣла, что я буду распрашивать Джину, лукавая!

—

XXVII.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Прогулка по озеру.

«Что съ вами? сказалъ Родольфъ, садясь наконецъ подлѣ нея, и жестомъ прося у нея руки, которую Франческа отдернула.

Вы холодны и церемонны; говоря разговорнымъ слогомъ, вы дуетесь.

— Правда; отвѣчала она улыбаясь. Я виновата. Это не хорошо, это по мѣщански. Вы бы сказали по французски: это неизящно. Лучше объясниться, чѣмъ скрывать предъ другомъ непріязненныя или холодныя мысли, а вы мнѣ уже доказали свою дружбу. Я можетъ быть слишкомъ далеко зашла съ вами. Вы сочли меня за самую обыкновенную женщину.

Родольфъ сдѣлалъ знакъ отрицанія.

— Да, продолжала жена книгопродавца, не обращая вниманія на пантомиму, которую она однакоже очень хорошо видѣла; — я это замѣтила, и разумѣется намѣрена поправить ошибку. И такъ! я кончу все нѣсколькими словами глубокой истины. Знайте Родольфъ, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы погасить чувство, которое будетъ несогласно съ моими понятіями объ истинной любви. Я могу любить, какъ любятъ у насъ въ Италіи; но я знаю свои обязанности: никакое увлеченіе не заставитъ меня ихъ забыть. Выданная за мужъ безъ моего согласія за этаго бѣднаго старика, я могла бы пользоваться свободою, которую онъ мнѣ предоставляетъ съ такимъ великодушіемъ; но три года замужества тоже, что согласіе на супружескій долгъ. А потому, самая сильнѣйшая страсть не заставитъ меня, даже невольно, высказать желаніе быть свободною. Емиліо знаетъ мой характеръ. Онъ знаетъ, что кромѣ моего сердца, которое принадлежитъ мнѣ и которымъ я могу располагать,— я непозволю никому даже дотронуться до моей руки. Вотъ почему я и вамъ въ этомъ отказала.—Я хочу быть любима, обожаема съ вѣрностію, благородствомъ. Объяснивъ все это, она продолжала съ жестомъ молодой дѣвушки: О, теперъ я опять буду кокетлива, весела, рѣзва, какъ дитя, не понимающее опасности короткаго обхожденія.

Это объясненіе столь чистое, столь искреннее, было высказано тономъ, голосомъ и сопровождалось взглядомъ, послѣ которыхъ нельзя было сомнѣваться въ его истинѣ.

—Княжна Колонна не лучше бы говорила, возразилъ Родольфъ улыбаясь.—

—Не упрекъ ли это моему скромному происхожденію? спросила она съ гордостью. Не нуженъ ли гербъ для вашей любви? Въ Миланѣ, прекраснѣйшія имена: Сфорца, Колонна, Висконти, Три-

вульзи, Урсини, надписаны надъ лавками; есть аптекаря Аркано; но вѣрьте, что хотя я и лавочница, чувства у меня не хуже, чѣмъ у герцогини.—

— Упрекъ? нѣтъ сударыня, я хотѣлъ вамъ высказать похвалу.—

— Сравненіемъ? возразила она лукаво.

— Ахъ! знайте же, прервалъ онъ, что бы мнѣ не мучиться болѣе, если слова мои худо изображаютъ мои чувства, любовь моя безгранична, она допускаетъ безконечную покорность и почтеніе.

Она склонила голову съ видомъ удовольствія и сказала:

— Такъ вы принимаете условіе?

— Да, сказалъ онъ. Я понимаю, что въ сильной и роскошной организаціи женщины, способность любить не можетъ затеряться, и что вы изъ деликатности, старались ее скрыть.— Ахъ! Франческа, взаимная любовь, въ мои лѣта и съ женщиною столь возвышенною и прекрасною, какъ вы, не есть ли осуществленіе всѣхъ желаній души? Любить васъ, какъ вы желаете быть любимы, ужъ это одно для молодаго человѣка есть предохраненіе отъ слабостей! Не значитъ ли это занять свои силы благородной страстію, которою впослѣдствіи можно гордиться и которая оставитъ одни прекрасныя воспоминанія! Еслибы вы знали, какими красками, какой поэзіей вы изукрасили для меня цѣпь этихъ горъ и это великолѣпное озеро. Да, этотъ часъ будетъ свѣтиться надъ всей моей жизнію, какъ брилліантъ на челѣ королевы. —

Вмѣсто отвѣта, Франческа положила свою руку на руку Рудольфа.

— О! дорогая, вѣчно милая! скажите, вы никогда не любили?

— Никогда!

— И вы позволяете мнѣ любить васъ благородно, ожидая всего отъ неба?

Она тихо склонила голову. Двѣ крупныя слезы покатились по щекѣ Рудольфа.

— Что съ вами? спросила она, оставляя роль владычицы.

— У меня нѣтъ матери, которой бы я могъ сказать, какъ я счастливъ! Она оставила землю, не увидѣвъ того, что усладило-бы ея послѣднія минуты.

— Чего-же? спросила она.

— Свою любовь, замѣненную другою равносильною.

Povero mio (бѣдняжка), сказала тронутая итальянка. Повѣрьте, продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, отрадно женщинѣ знать, что она *все* для предмета своей любви, что онъ одинъ, безъ семейства, что одна любовь наполняетъ все его сердце, словомъ, когда она можетъ сказать, что обладаетъ всѣмъ существомъ его безъ раздѣла.

Когда два любящія сердца объяснятся такимъ образомъ, блаженное самодовольствіе, высокое спокойствіе должно наполнить ихъ души. За то, чтобы постичь блаженство этой минуты, бывающей однажды въ жизни, надо ее испытать: она не возвращается, точно такъ же, какъ не возвращаются ощущенія молодости. Вѣровать въ женщину, сдѣлать ее началомъ своей жизни, тайнымъ лучемъ каждой своей мысли!... не есть ли это второе рожденіе? Молодой человѣкъ примѣшиваетъ тогда къ своей любви кое-что изъ любви своей къ матери. Родольфъ и Франческа хранили нѣкоторое время глубокое молчаніе, разговаривая только взглядами, полными мысли и чувства. Они понимали другъ друга среди одной изъ самыхъ великолѣпныхъ картинъ природы, которой красоты, объясняясь чувствами ихъ сердецъ, содѣйствовали къ запечатлѣнію въ ихъ памяти мгновенныхъ ощущеній этого преходящаго часа. Въ поведеніи Франчески не было и тѣни кокетства. Все въ ней было просто, искренно, безъискуственно. Это величіе сильно поразило Родольфа, который видѣлъ въ немъ черты, отличающія итальянку отъ француженки. Вода, земля, небо, женщина, все стало для него возвышеннѣе и обворожительнѣе среди этой необъятной, роскошной картины, въ которой острыя очертанія снѣжныхъ вершинъ, ихъ угловатые изгибы, рѣзко рисуясь на лазури, какъ бы напоминали Родольфу условія, въ которыхъ должно было заключаться его счастіе: роскошная страна среди снѣговъ.

—

XXVIII.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Первое подозрѣніе.

Это сладкое упоеніе души было вскорѣ возмущено. Изъ Люцерна плыла лодка; Джина, смотрѣвшая на нее нѣсколько времени съ вниманіемъ, сдѣлала радостный жестъ, сохраняя роль нѣмой.

Лодка приближалась, и наконецъ, Франческа могла различить лица. «Тито!» вскричала она, увидѣвъ молодаго человѣка. Она вскочила, подвергаясь опасности утонуть, и махая платкомъ, кричала: «Тито, Тито!»

Тито приказалъ гребцамъ грести, и обѣ лодки стали рядомъ. Итальянецъ и Итальянка говорили съ такою живостію, на языкѣ такъ мало извѣстномъ человѣку, который едва зналъ по итальянски изъ книгъ, и не бывалъ въ Италіи, что Родольфъ не могъ ничего ни понять, ни угадать изъ этого разговора. Красота Тито, дружеское обращеніе Франчески, радостный видъ Джины, все его печалило. Впрочемъ, нѣтъ ни одного влюбленнаго, который бы не сердился, когда его оставляютъ на нѣсколько минутъ для чего бы то ни было. Тито быстро бросилъ маленькой кожаный мѣшочикъ, вѣроятно наполненный золотомъ, Джинѣ и небольшой пакетъ писемъ Франческѣ, которая начала ихъ читать, дѣлая прощальный жестъ Тито.

«Гребите скорѣе въ Жерсау, сказала она гребцамъ. Я не хочу мучить моего бѣднаго Емиліо еще десятью минутами скуки.

— Что съ вами! спросилъ Родольфъ, когда итальянка окончила чтеніе послѣдняго письма.

— La liberta! (свобода) вскричала она съ восторгомъ артиста.

— E denaro! (деньги) отвѣчала подобно эху Джина, которая, наконецъ, осмѣливалась говорить.

— Да, продолжала Франческа; конецъ бѣдности! вотъ уже болѣе одинадцати мѣсяцевъ, какъ я работаю, и я начинала уже скучать. Я рѣшительно не литературная женщина.

— Что это за Тито? спросилъ Родольфъ.

— Статсъ-секретарь департамента финансовъ бѣдной лавки Колонны, или иначе говоря, сынъ нашего ragionata. Бѣдный

малый! Онъ не могъ проѣхать ни чрезъ Сен - Готаръ, ни чрезъ Монъ-Сенисъ, ни чрезъ Симплонъ: онъ прибылъ моремъ, чрезъ Марсель, и всю Францію. Наконецъ, черезъ три недѣли мы булемъ въ Женевѣ, и будемъ жить въ довольствѣ. Перестанте Родольфъ ; сказала она, увидѣвъ печаль, изобразившуюся на лицѣ парижанина, Женевское озеро развѣ не стоитъ озера четырехъ-кантоновъ ?...

— Позвольте мнѣ пожалѣть объ этомъ прелестномъ домикѣ Бергмана, сказалъ Родольфъ, указывая на выдавшійся мысъ.

— Вы откушаете съ нами; чтобы умножить ваши воспоминанія, povero mio, сказала она. Сегодня праздникъ, и мы внѣ опасности. Мать моя пишетъ, что можетъ быть чрезъ годъ мы будемъ прощены. O la cara patria... «(любезное отечество).

Эти три слова заставили плакать Джину, которая сказала: «Еще бы одну зиму, и я умерла бы здѣсь съ тоски!

— Бѣдная овечка Сициліи! сказала Франческа, кладя свою руку на голову Джины, съ жестомъ благосклонности, который заставилъ Родольфа пожелать подобной ласки, хотя и безъ любви.

Лодка пристала къ берегу, Родольфъ выскочилъ на берегъ, подалъ руку итальянкѣ, довелъ ее до дверей дома Бергмана, и поспѣшилъ домой переодѣться.

—

XXIX.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Новая перемѣна.

Найдя книгопродавца и жену его, сидѣвшихъ въ наружной галереѣ, Родольфъ съ трудомъ удержалъ свое удивленіе, при видѣ чрезвычайной перемѣны, произшедшей въ дряхломъ старикѣ отъ хорошей вѣсти. Онъ увидѣлъ человѣка лѣтъ около шестидесяти , совершенно здороваго , итальянца сухаго, прямаго, какъ онъ самъ, съ волосами еще черными, хотя рѣдкими, съ небольшой лысиной, съ живыми глазами, бѣлыми зубами, съ сіяющимъ лицомъ и улыбкою на дипломатическихъ

устахъ почти сардоническою, почти лукавою, подъ которой люди высшаго круга скрываютъ свои истинныя чувства.

—Вотъ мой мужъ въ настоящемъ видѣ, важно сказала Франческа.

— Это совсѣмъ новое знакомство, отвѣчалъ сконфуженный Родольфъ.

—Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ книгопродавецъ. Я игралъ комедію, и былъ искусенъ въ мимикѣ, и немудрено: въ Парижѣ во время Имперіи, я игрывалъ съ Бурьеномъ, г-жею Мюратъ, г-жею д'Абрантесъ è tutti quanti,... Все, чему научишься въ молодости, даже бездѣльныя вещи, могутъ намъ пригодиться. Если бы жена моя не получила этого мужскаго воспитанія, противнаго понятіямъ итальянскимъ, мнѣ бы пришлось, для прожитія здѣсь, сдѣлаться дровосѣкомъ. Povera Francesca! думалъ ли я, что когда нибудь буду ей обязанъ прокормленіемъ?»

Слушая этого достойнаго книгопродавца, столь развязнаго, любезнаго и откровеннаго, Родольфъ повѣрилъ мистификаціи и оставался въ наблюдательномъ молчаніи обманутаго человѣка.

— Che avete, signor? спросила его простодушно Франческа. Наше счастіе васъ опечаливаетъ?

— Вашъ мужъ молодой человѣкъ, сказалъ онъ ей на ухо.

Она засмѣялась такъ искренно, такъ простодушно, что Родольфъ еще болѣе смутился.

— Ему только шестьдесять пять лѣтъ, сказала она; но я васъ увѣряю, что и это... утѣшительно.

— Я не люблю, когда вы шутите тою святою любовью, которой условія назначены вами самими.

—Zitto! прервала она, топнувъ ногою и смотря, не слушаетъ ли ихъ мужъ. Не возмущайте спокойствія этого дорогаго человѣка, тихаго, какъ дитя, и изъ котораго я дѣлаю, что хочу. — Онъ подъ моимъ покровительствомъ. Если бы вы знали съ какимъ благородствомъ онъ жертвовалъ и жизнію и богатствомъ за меня! онъ не раздѣляетъ моихъ мнѣній. — Это развѣ не любовь, г-нъ Французъ? но они уже таковы въ семействѣ. Младшій братъ Емиліо былъ обманутъ тою, которую онъ любилъ, для другаго прекраснаго молодаго человѣка.—Онъ прокололъ себѣ сердце шпагой, сказавъ

за минуту своему камердинеру: я бы убилъ моего соперника, но это слишкомъ опечалить мою богиню.

Эта смѣсь благородства и насмѣшки, величія и ребячества, дѣлали въ эту минуту изъ Франчески привлекательнѣйшее существо въ свѣтѣ. За обѣдомъ и весь вечеръ хозяева предавались веселью, которое вполнѣ оправдывалось ихъ освобожденіемъ изъ изгнанія, но которое все таки печалило Родольфа.

—

XXX.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Опять загадки.

«Неужели она вѣтреница? разсуждалъ онъ самъ съ собою, приближаясь къ дому Стопфера. Она приняла участіе въ моей печали, а я не раздѣляю ея радости.»

Онъ упрекалъ себя, оправдывая молодую женщину.

Въ ней нѣтъ нисколько лицемѣрія. Она легко предается своимъ впечатлѣніямъ, сказалъ онъ самъ себѣ, а я хотѣлъ, чтобы она была какъ парижанка.

На другой день и въ слѣдующіе, наконецъ, въ продолженіе двадцати дней, Родольфъ проводилъ все время въ домѣ Бергмана, почти невольно наблюдая за Франческой. Любовь въ нѣкоторыхъ душахъ не исключаетъ проницательности. Молодой французъ видѣлъ въ Франческѣ молодую неблагоразумную дѣвушку, истинную природу женщины еще непокоренной, борющейся мгновенно съ своей любовью, въ другое же время свободно предающейся ей. Старикъ обращался съ нею, какъ отецъ съ дочерью, Франческа изъявляла ему глубокую благодарность, пробуждавшую въ ней всѣ благородныя стремленія души. Это положеніе и эта женщина представляли Родольфу задачу непроницаемую, но которой изысканіе все болѣе и болѣе завлекло его.

Эти послѣдніе дни были преисполнены тайнаго блаженства для любовниковъ, перемѣшаннаго съ грустью, ссоръ еще болѣе пріятныхъ, нежели часы, въ которые Родольфъ и Франческа были въ согласіи.

—Вы очень любите роскошь! сказалъ онъ однажды вечеромъ Франческѣ, которая сильно изъявляла желаніе оставить Жерсау, гдѣ она во многомъ нуждалась.

— Я, сказала она, люблю роскошь также, какъ и люблю искусства, какъ люблю картину Рафаэля, прекрасную лошадь, прекрасный день, или Неапольскій заливъ.—Емиліо, продолжала она, жаловалась ли я здѣсь, въ дни нашей бѣдности?

— Тогда ты измѣнила бы себѣ самой, важно сказалъ старый книгопродавецъ.

— Да притомъ же, какъ купцамъ не стремиться къ роскоши, возразила она, бросая лукавый взглядъ на Родольфа изъ за своего мужа. Мои ноги, сказала она, выставляя впередъ двѣ прекраснѣйшія, маленькія ножки, созданы ли для усталости? Мои руки,.. (она протянула одну руку Родольфу) эти руки сдѣланы-ли для работы? Оставьте насъ, сказала она своему мужу: мнѣ надо съ нимъ поговорить.

Старикъ вышелъ изъ комнаты съ благороднымъ простодушіемъ: онъ былъ увѣренъ въ своей женѣ.

«Я не хочу, сказала она Родольфу, чтобы вы сопровождали, насъ въ Женеву. Женева городъ сплетней. — Хотя я стою выше глупостей свѣта, но я не хочу быть оклеветана, не для себя, а для *него*. Я хочу быть предметомъ гордости этого старика, моего единственнаго покровителя. Мы уѣзжаемъ, но вы оставайтесь здѣсь еще нѣсколько дней. Когда вы пріѣдете въ Женеву, повидайтесь сначала съ моимъ мужемъ, пускай онъ васъ представитъ мнѣ. Скроемъ нашу глубокую любовь отъ глазъ цѣлаго свѣта. Я васъ люблю, вы это знаете; но вотъ какимъ образомъ я вамъ это докажу: вы не замѣтите въ моемъ поведеніи ничего, чтобы могло возбудить вашу ревность.»

Она отвела его въ уголъ галереи, взяла его за голову, поцѣловала въ лобъ, и скрылась, оставивъ его окаменѣлымъ отъ изумленія.

На другой день, рано утромъ, Родольфъ узналъ, что жильцы дома Бергмана уѣхали. Пребываніе въ Жерсау сдѣлалось для него несноснымъ, и онъ отправился искать развлеченій въ

Вевей, дорогою самою длинною, и путешествуя гораздо скорѣе, чѣмъ надлежало; его невольно влекло къ водамъ озера, на которомъ ожидала его Франческа.

—

XXXI.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ НОВЕЛЛЫ.

Княгиня Гандольфини.

Родольфъ прибылъ въ Женеву около конца октября. — Чтобы избѣжать неудобствъ города, онъ поселился въ домѣ, расположенномъ на *живыхъ-водахъ* (Eaux Vives), за укрѣпленіемъ. Устроившись на мѣстѣ, первымъ дѣломъ его было спросить своего хозяина, стараго бриллiанщика, не прибыли-ли изъ Милана въ Женеву итальянскіе эмигранты.

«Нѣтъ, не слыхалъ я, отвѣчалъ хозяинъ. Князь и княгиня Колонна изъ Рима наняли на три года помѣстье г-на Жан-Рено, одно изъ прекраснѣйшихъ на берегу озера. Оно лежитъ между городомъ Діодати и виллою г-на Лафянъ де Діё, нанятою виконтессою Боссанъ. Князь Колонна поселился тамъ для своей дочери и своего зятя, князя Гандольфини, Неаполитанца, или лучше сказать, Сицилійца, стараго партизана короля Мюрата. Это послѣдніе иностранцы, прибывшіе въ Женеву, но они не Миланцы. Требовалось большихъ усилій и покровительства, оказываемыхъ Папою фамиліи Колонна, чтобы получить отъ иностранныхъ державъ и отъ короля Неаполитанскаго позволеніе жить здѣсь князю и княгинѣ Гандольфини.—Женева избѣгаетъ всего, что не нравится святому союзу, которому она обязана своею независимостію. — Наша роль состоитъ не въ томъ, чтобы осуждать иностранные дворы. Здѣсь много иностранцевъ: Русскихъ, Англичанъ,....

— Даже есть Женевцы.

— Да, сударь. Наше озеро такъ прекрасно! Лордъ Бейронъ

жилъ здѣсь около семи лѣтъ, въ Виллѣ-Діодати, которую теперь посѣщаютъ всѣ, какъ Фонтенебло, какъ Ферней.

— Не можете-ли вы узнать, не прибылъ-ли сюда съ недѣлю назадъ книгопродавецъ изъ Милана съ женою, по имени Ламнорани.

— Я могу это узнать, стоитъ только побывать въ кругу иностранцевъ, отвѣчалъ старый брилліанщикъ.

Первая прогулка Родольфа была, разумѣется, на Виллу Діодати, принадлежавшую Лорду Бейрону; недавняя смерть этаго великаго поэта, придавала ей еще болѣе привлекательности; смерть есть освященіе генія. — Дорога, ведущая отъ живыхъ водъ вдоль озера Женевскаго, вообще, какъ всѣ дороги Швейцарскія, довольно узка, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по расположенію гористой почвы, едва остается довольно пространства для двухъ встрѣтившихся каретъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Жан-Рено, подлѣ котораго онъ находился, самъ того не зная, Родольфъ услышалъ позади себя шумъ экипажа; находясь въ узкомъ проходѣ, онъ взлѣзъ на вершину скалы, чтобы дать дорогу. Естественно, онъ посмотрѣлъ на экипажъ, и увидѣлъ великолѣпную коляску, запряженную двумя отличными англійскими лошадьми. — У него вдругъ потемнѣло въ глазахъ: въ ней сидѣла Франческа, въ богатомъ уборѣ, подлѣ старой дамы, неподвижной, какъ кукла. Слуга, весь въ золотѣ, стоялъ сзади. Франческа узнала Родольфа, и улыбнулась, видя его, какъ статую на пьедесталѣ. Экипажъ, за которымъ влюбленный слѣдилъ глазами, поднявшись на самую вершину, повернулъ къ воротамъ загороднаго дома, гдѣ и остановился.

— Кто живетъ здѣсь? спросилъ онъ у садовника.

— Князь и княгиня Колонна, и князь и княгиня Гандольфини.

— Не они-ли это возвратились?

— Точно такъ, сударь.

Въ одну минуту завѣса спала съ глазъ Родольфа, прошедшее стало для него ясно.

—

XXXII.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ НОВЕЛЛЫ.

Опасенія влюбленнаго.

— Лишь бы это была послѣдняя ея мистификація! сказалъ наконецъ пораженный любовникъ.

Онъ боялся сдѣлаться игрушкою прихоти, ибо зналъ, что такое капризъ Итальянки. Но какое преступленіе, въ глазахъ женщины, принять за мѣщанку — княгиню, урожденную княжну! дочь знаменитѣйшей фамиліи среднихъ вѣковъ — счесть за жену книгопродавца! Сознаніе этихъ ошибокъ удвоило въ Родольфѣ желаніе узнать не отвергнутъ–ли, не оттолкнутъ–ли его. Онъ спросилъ князя Гандольфини,ославъ ему визитную карточку, и былъ тотъ-часъ-же принятъ ложнымъ Ламіорани, который вышелъ къ нему на встрѣчу, принялъ его съ отличною вѣжливостію, съ неаполитанскою любезностію, и проводилъ на террасу, откуда видны были Женева, Юра, холмы, усѣянные виллами, и наконецъ берега озера на большое пространство.

— Жена моя, какъ вы видите, любитъ озера, сказалъ онъ, объясняя своему гостю представлявшіеся виды. У насъ сегодня вечеромъ родъ концерта, прибавилъ онъ, возвращаясь къ великолѣпному дому Жанъ-Рено; я надѣюсь, что вы не откажете княгинѣ и мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ у насъ. Мѣсяцъ недостатковъ, проведенный вмѣстѣ, равняется годамъ дружбы.

Снѣдаемый любопытствомъ, Родольфъ не осмѣлился просить позволенія увидѣть княгиню, медленнымъ шагомъ возвратился домой, занятый предстоящимъ вечеромъ. Въ нѣсколько часовъ его любовь, уже страстная, еще болѣе усилилась отъ опасеній и ожиданія произшествій. Онъ понималъ теперь необходимость сдѣлаться знаменитымъ, чтобы, говоря общепринятымъ языкомъ, достигнуть до высоты своего идола. Франческа еще болѣе возвышалась въ его глазахъ своимъ милымъ, непринужденнымъ обращеніемъ въ Жерсау. — Всегда надменный видъ княгини Колонны заставлялъ трепетать Родольфа; онъ могъ предполагать въ отцѣ и матери княгини своихъ непріятелей; и тайна, которую княгиня Гандольфини велѣла ему такъ

тщательно сохранять, показалась ему вѣрнымъ доказательствомъ ея нѣжности.

Наконецъ пробило девять часовъ, Родольфъ сѣлъ въ карету и сказалъ съ волненіемъ, легко понятнымъ: » въ домъ Жанъ-Рено, къ князю Гандольфини!»

Онъ вошелъ въ залу, наполненную иностранцами высшаго общества, и принужденъ былъ остановиться съ группою въ дверяхъ, потому что въ это время пѣли дуэтъ Россини.

Онъ могъ тогда разсмотрѣть Франческу, не будучи ею видимъ. Княгиня стояла въ двухъ шагахъ отъ фортепьяно. Ея удивительные волосы, густые и длинные, укрѣплены были золотою гребенкою. Лицо ея, освѣщенное восковыми свѣчами, поражало бѣлизною, свойственною Итальянкамъ, и имѣющею эффектъ только при огнѣ. Она была въ бальномъ костюмѣ, чудно обрисовывавшемъ великолѣпныя и обворожительныя плеча, тонкую талію, и руки античной статуи. Ея возвышенная красота не знала соперничества, хотя и были тамъ прекрасныя Англичанки и Русскія, красивѣйшія женщины изъ Женевы, и другія Итальянки, между которыми блистала знаменитая княгиня де Варезъ и славная Тинти, которая въ эту минуту пѣла.

—

XXXIII.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НОВЕЛЛЫ.

В с т р ѣ ч а.

Родольфъ, опершись на наличникъ двери, смотрѣлъ на княгиню, вперяя на нее этотъ взоръ неподвижный, упорный, увлекающій, въ которомъ отражается вся воля человѣка, заключенная въ чувство, называемое желаніемъ. Достигъ-ли огонь этого взгляда до Франчески, ожидала-ли она съ минуты на минуту появленія Родольфа, но спустя нѣсколько минутъ, она обратила взоръ къ двери, какъ-бы привлеченная этимъ потокомъ любви, и глаза ея безъ замѣшательства впились въ глаза Родольфа. Легкое содроганіе потрясло это очаровательное лицо и прекрасное тѣло: сотрясеніе души отозвалось! Франческа покраснѣла. Родольфъ получилъ какъ-бы новую жизнь,

въ этомъ обмѣнѣ, столь быстромъ, подобномъ молніи. Но съ чѣмъ сравнить его счастіе! онъ былъ любимъ! Важная княгиня, посреди отборнаго общества, въ прекрасномъ домѣ Жанъ-Рено, сдержала слово, данное бѣдною изгнанницею, прихотницею дома Бергмана! Упоеніе такой минуты дѣлаетъ рабомъ на всю жизнь! Тонкая, краснорѣчивая, лукавая, скромная и торжествующая улыбка мелькнула на устахъ княгини Гандольфини, когда она въ минуту, въ которую не была наблюдаема, посмотрѣла на Родольфа, взглядомъ испрашивая прощенія за непроизвольный свой обманъ.

По окончаніи дуэта, Родольфъ могъ подойти къ князю, который граціозно подвелъ его къ женѣ; Родольфъ выполнилъ церемоніи офиціальнаго представленія княгинѣ, князю Колонна и Франческѣ. Когда все это было кончено, княгиня должна была участвовать въ знаменитомъ квартетѣ: Mi manca la voce, исполненномъ ею, Тинти, Женевцемъ, славнымъ теноромъ, и знаменитымъ княземъ Итальянскимъ, находившимся тогда въ изгнаніи, и котораго голосъ, если-бы онъ не былъ урожденнымъ княземъ, сдѣлалъ бы его княземъ искусства.

Садитесь здѣсь, сказала Родольфу Франческа, показывая на свой стулъ. Oi mé! Я думаю что есть ошибка въ моемъ имени: я съ нѣкотораго времени княгиня Родольфини.

Это было сказано, съ граціею, очарованіемъ, наивностію, напомнившими тому, къ кому обращалось это признаніе, скрытое подъ видомъ шутки, счастливые дни въ Жерсау. Родольфъ чувствовалъ сладостное ощущеніе, внимая голосу обожаемой женщины, находясь такъ близко отъ нея, что ея платье и газовый шарфъ касались его щекъ. И въ такуюто минуту, пѣли Mi manca la voce четыре прекраснѣйшіе голоса Италіи! Мудрено-ли, что слезы навернулись на глазахъ Родольфа.

—

XXXIV.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ НОВЕЛЛЫ.

Размышленіе, болѣе или менѣе пріятное читателю.

Въ любви, какъ и во всякомъ дѣлѣ, можетъ быть, бываютъ событія, сами по себѣ маловажныя, но какъ послѣдствія—тысячи маленькихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, они становятся важными, ибо заключаютъ въ себѣ все прошедшее, и привязываются къ будущему.

Эта встрѣча между Родольфомъ и Франческой, во время вечера, при глазахъ свѣта, была одна изъ тѣхъ возвышенныхъ минутъ, связывающихъ будущее съ прошедшимъ, приковывающихъ сердце къ постоянному чувству.

Послѣ удовольствія любоваться любимою женщиною, является желаніе, чтобы и другіе любовались ею. Родольфу случилось испытать и то и другое. Любовь есть сокровище воспоминаній, и хотя любовь Родольфа была уже полна, но онъ къ ней прибавилъ еще драгоцѣнныя жемчужины: улыбки, бросаемыя изъ-подтишка для него одного, бѣглые взгляды, переливы голоса, которыя Франческа нашла для него и которые заставляли Тинти поблѣднѣть отъ зависти. Такимъ образомъ, все могущество его страсти, эта спеціальная форма его души, сосредоточилось на прекрасной Римлянкѣ, которая неизгладимо сдѣлалась предметомъ всѣхъ его мыслей и дѣйствій. Родольфъ любилъ, какъ всѣ женщины мечтаютъ быть любимы, съ страстію, постоянствомъ, взаимностію, которыя дѣлали изъ Франчески часть его сердца; въ своей крови онъ чувствовалъ ея кровь болѣе чистую; въ своей душѣ—ея превосходную душу; она находилась подъ малѣйшими условіями его жизни, какъ золотой песокъ подъ волнами Средиземнаго моря. Наконецъ, не было желанія у Родольфа, которое не озарялось-бы надеждою.

—

XXXV.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ НОВЕЛЛЫ.

Что дѣлало княгиню обожаемой женщиной.

Спустя нѣсколько дней, Франческа узнала эту страстную любовь; но она была такъ естественна, такъ хорошо раздѣляема, что нисколько ее не удивила; она была ея достойна.

«Что тутъ удивительнаго, сказала она Родольфу, гуляя съ нимъ по террасѣ своего сада и замѣтивъ одно изъ этихъ проявленій пылкости, столь свойственныхъ французамъ; что тутъ удивительнаго, если бы вы любили женщину, молодую и прекрасную, хорошую артистку, достающую себѣ пропитаніе, подобно Тинти, и могущую доставить нѣсколько минутныхъ наслажденій? Какой глупецъ не сдѣлался бы для нея Амадисомъ? Но не объ этомъ рѣчь между нами; надобно любить съ постоянствомъ, настойчивостію, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго другаго удовольствія, кромѣ сознанія любви своей.

—Увы! сказалъ ей Родольфъ, не найдете-ли вы мою вѣрность лишенною всякаго достоинства, видя, что я постоянно занятъ работами честолюбія? Неужели вы думаете, что я соглашусь, чтобы вы когда нибудь промѣняли прекрасное имя княгини Гандольфини на имя ничтожнаго человѣка? Я хочу сдѣлаться лицомъ замѣчательнымъ въ моемъ отечествѣ: богатымъ, знатнымъ, чтобы вы могли гордиться моимъ именемъ столько же, какъ именемъ Колонны.

—Мнѣ было бы очень досадно, еслибъ я не находила въ васъ подобныхъ чувствъ, отвѣчала она, съ очаровательною улыбкою. Но не изнуряйте себя трудами честолюбія, сохраните молодость. Говорятъ, что политика быстро старѣетъ человѣка.

Веселость, неохлаждающая нѣжности, рѣдкое явленіе въ женщинѣ. Эта смѣсь чувства глубокаго и рѣзвости молодыхъ лѣтъ, увеличивали еще болѣе прелести Франчески. Она смѣялась и печалилась, приходила въ восторгъ и возвращалась къ тонкой насмѣшкѣ, съ непринужденностію, дѣлавшею изъ нея очаровательную женщину, которой слава распространилась за предѣлы Италіи.

Она скрывала подъ вѣтренностію женщины глубокую ученость, слѣдствіе жизни чрезвычайно однообразной и почти монастырской, которую она вела въ старомъ замкѣ Колонна. Эта богатая наслѣдница, четвертая дочь князя и княгини Колонны, была предназначена въ монахини; но смерть ея двухъ братьевъ и старшей сестры, вывела ее изъ этого уединенія, чтобы составить блестящую партію въ римскихъ владѣніяхъ. Старшая сестра была обѣщана князю Гандольфини, одному изъ богатѣйшихъ владѣтелей Сициліи, а послѣ смерти ея, чтобы не измѣнять семейныхъ дѣлъ — за него выдали Франческу. Колонна и Гандольфини искони были связаны родственными связями. Отъ девяти до шестнадцати лѣтъ, Франческа, руководимая отцемъ, прочитала всю библіотеку Колонна, чтобы дать пищу своему горячему воображенію, изучая науки, художества и искусства. Но въ этомъ изученіи она почерпнула вкусъ независимости. Родольфу небыло еще извѣстно, что не считая живыхъ пяти языковъ, Франческа знала греческій и латинскій. Это прекрасное существо, удивительно постигло, что первымъ условіемъ учености женщины, есть умѣнье скрывать ее.

—

XXXVI.

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА НОВЕЛЛЫ.

Гроза въ ясный день.

Родольфъ остался на всю зиму въ Женевѣ. Эта зима прошла, какъ день. Несмотря на удовольствія, получаемыя въ обществѣ женщины умной, прекрасно образованной, молодой, веселой, онъ испыталъ жестокія мученія, переносимыя впрочемъ съ мужествомъ; но иногда они отпечатлѣвались на его лицѣ, въ движеніяхъ, быть-можетъ, даже въ разговорахъ; потому-что онъ думалъ, что этихъ мученій съ нимъ не раздѣляютъ. Иногда онъ сердился, удивляясь спокойствію Франчески, которая, подобно англичанкамъ, казалось, изъ самолюбія скрывала душевныя волненія; лицо ея было всегда спокойно, и это спокойствіе было тяжкою обидою для его люб-

ви, онъ хотѣлъ бы, чтобъ и она также страдала. Онъ укорялъ ее въ безчувственности, увлекаемый предразсудкомъ, что лихорадочная раздражительность есть необходимая принадлежность итальянки.

«Я римлянка,» отвѣчала ему Франческа, принимая въ серьезную сторону насмѣшки Родольфа надъ ея безстрастіемъ.

Слова эти были произнесены съ важностію, похожею на дикую иронію и заставили вздрогнуть Родольфа. Май мѣсяцъ украсилъ землю молодою зеленью, солнце жгло, какъ среди лѣта. Оба любовника стояли, облокотясь на каменную балюстраду терассы, съ которой извивалась лѣстница, ведущая къ пристани, гдѣ стояла лодка. Изъ сосѣдней виллы, гдѣ виднѣлась почти такая же пристань, выплылъ, какъ лебедь, яликъ, съ огненнымъ флагомъ; подъ алымъ балдахиномъ, роскошно развалясь, сидѣла прекрасная женщина, убранная свѣжими цвѣтами; молодой человѣкъ, одѣтый матросомъ, сидѣлъ противъ этой женщины, и гребъ съ большею силою и ловкостью.

—Они счастливы! произнесъ Родольфъ, неровнымъ голосомъ. Это Клара Бургундская, послѣдняя отрасль единственной фамиліи, могущей спорить съ домомъ французскимъ... Словомъ, графиня Бозсеанъ и несмотря на это, она не.....

—Не поколебалась..... погребсти себя съ Гастономъ Нослесомъ, сказала дочь Колонны. Она француженка, я же Итальянка....»

Франческа, оставивъ Родольфа у балюстрады, сама отправилась къ концу терассы, откуда открывается безграничная поверхность озера. Видя, какъ она медленно удалялась, Родольфъ подумалъ, что онъ оскорбилъ эту душу вмѣстѣ чистосердечную и скрытную, гордую и покорную; онъ ужаснулся, и пошелъ за Франческою, которая знакомъ показала ему, что желаетъ остаться одна; но онъ не послушался этого приказанія и засталъ ее проливающею слезы. Слезы у женщины съ такимъ твердымъ характеромъ!

«Франческа!» сказалъ онъ, взявши ее за-руку, есть ли какой нибудь упрекъ въ твоемъ сердцѣ?

Она, храня молчаніе, освободила руку и снова утерла глаза вышитымъ платкомъ.

«Прости меня!» продолжалъ онъ, и въ порывѣ привлекъ ее къ себѣ, чтобы поцѣлуями осушить ея слезы.

Франческа такъ была встревожена, что не замѣтила этого страстнаго порыва. Родольфъ, увѣренный въ ея согласіи, ободрился, обвилъ ея талію, прижалъ ее къ своему сердцу и поцѣловалъ; Франческа освободилась отъ него, и въ движеніи оскорбленнаго цѣломудрія, отойдя на два шага и смотря на него безъ гнѣва, сказала рѣшительнымъ голосомъ: «уѣзжайте сегодня-же вечеромъ. Мы не раньше увидимся, какъ въ Неаполѣ.»

Несмотря на жестокость этого приказанія, оно было свято исполнено, потому-что Франческа того желала.

—

XXXVII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ НОВЕЛЛЫ.

По возвращеніи въ Парижъ, Родольфъ нашелъ у себя портретъ княгини Гандольфини, написанный Шинеромъ, со всѣмъ искусствомъ, свойственнымъ этому живописцу. Шинеръ былъ въ Женевѣ, проѣздомъ въ Италію; но какъ онъ рѣшительно отказывался писать портреты многихъ женщинъ, Родольфъ не думалъ, чтобы князь, страстно желавшій имѣть портретъ своей жены, могъ побѣдить капризъ знаменитаго живописца; но Франческа восторжествовала надъ нимъ и получила, что казалось почти невѣроятнымъ, копію для мужа и оригиналъ для Родольфа. Это онъ узналъ изъ прекраснаго, изящнаго письма, въ которомъ мысль вознаграждалась скромностію, предписываемою вѣрованіемъ въ благопристойность. Влюбленный отвѣчалъ на это письмо. Такимъ образомъ, началась постоянная переписка между Родольфомъ и Франческою, единственное удовольствіе, которое они себѣ позволяли.

Родольфъ, въ порывѣ самолюбія, подкрѣпляемаго любовью, тотчасъ принялся за дѣло. Сначала онъ искалъ богатства и бросался въ предпріятія, гдѣ гибли его силы и капиталъ. Но здѣсь онъ долженъ былъ бороться, какъ неопытный юноша, съ знаніемъ и лукавствомъ, одерживавшими всегда надъ нимъ верхъ. Три года были имъ потеряны въ обширныхъ предпріятіяхъ, три года усилій и мужества.

Министерство Вилнея пало, какъ палъ и Родольфъ. Неустрашимый любовникъ захотѣлъ пріобрѣсти отъ политики то, въ чемъ ему отказала промышленность; но прежде, чѣмъ броситься въ опасность этого пути, онъ, изнуренный, страждущій, отправился, чтобы осмотрѣть свои раны и почерпнуть новое мужество, въ Неаполь, куда князь и княгиня Гандольфини, по возвращеніи короля, были снова призваны и гдѣ имъ были возвращены прежнія имѣнія. Посреди его борьбы, это былъ отдыхъ, полный сладости. Онъ провелъ три мѣсяца въ виллѣ Гандольфини, убаюкиваемый надеждою.

Родольфъ началъ снова созидать свою будущность. Уже способности его были замѣчены, онъ былъ близокъ къ осуществленію желаній своего самолюбія: выгодное мѣсто было ему обѣщано въ вознагражденіе за его преданность и за услуги, какъ вдругъ вспыхнула іюльская революція и ладья его снова опрокинулась.

Она и Богъ—были два свидѣтеля отчаянныхъ усилій, отважныхъ покушеній молодаго человѣка, одареннаго всѣми качествами, но которому до сихъ поръ недоставало помощи богини глупцовъ—счастія! И этотъ неутомимый атлетъ, поддерживаемый любовью, снова начиналъ борьбу, ободряемый взоромъ всегда дружескимъ, сердцемъ всегда вѣрнымъ. Влюбленные! молитесь за него.

—

XXXVIII.

Сочувствіе.

Когда дѣвица Ватевиль окончила этотъ разсказъ, прочитанный ею съ жадностію, щеки ея были въ огнѣ, по всѣмъ членамъ пробѣгала лихорадочная дрожь, она плакала, но плакала отъ злости. Эта Новелла, произведеніе модной литературы тогдашняго времени, была первое чтеніе въ этомъ родѣ, позволенное Филоменѣ. Въ ней была изображена любовь, хотя и неискусною рукою, по-крайней-мѣрѣ, человѣкомъ, который, казалось, разсказывалъ свои собственныя впечатлѣнія. А истина, хотя

она и неловко передана, всегда трогаетъ душу, еще неопытную.

Въ этомъ-то и заключалась тайна страшнаго волненія, лихорадки и слезъ Филомены. Она ревновала Саварона къ Франческѣ. Она не сомнѣвалась въ искренности Альберта; онъ разсказалъ начало своей страсти, скрывая, безъ сомнѣнія имена, можетъ-быть, даже мѣста. Филомену подстрекало адское любопытство. Какая женщина не захотѣла бы на ея мѣстѣ узнать истинное имя своей соперницы; ибо она любила! Читая эти страницы, заразительныя для нея, она произнесла торжественное слово: *люблю*. Она любила Альберта и чувствовала въ сердцѣ своемъ страстное желаніе оспорить его, вырвать у этой неизвѣстной соперницы.

«Онъ никогда не будетъ меня любить, сказала она сама себѣ.

Эти слова удвоили ея желаніе узнать, не обманывается ли она, дѣйствительно ли Альбертъ любилъ итальянскую княгиню и былъ ли онъ любимъ ею. Въ продолженіе этой роковой ночи, поспѣшная рѣшительность, отличавшая знаменитаго Ватевиля, вполнѣ раскрылась въ его наслѣдницѣ. Она составляла въ головѣ смѣшные планы, къ которымъ впрочемъ склонно воображеніе всѣхъ молодыхъ дѣвицъ, когда, среди уединенія, въ которомъ ихъ держатъ безразсудныя матери, ихъ подстрекаетъ какое-нибудь важное происшествіе, котораго строгость надъ ними тяготѣющая, ни предвидѣть, ни устранить не въ состояніи. Она думала спуститься изъ Кіоска по лѣстницѣ въ садъ того дома, гдѣ жилъ Альбертъ, воспользоваться сномъ адвоката и осмотрѣть чрезъ окно внутренность его кабинета. Она хотѣла къ нему писать, она думала нарушить обычай безансонскаго общества, введя Альберта въ домъ Рюптовъ. Это предпріятіе, казавшееся совершенно невозможнымъ самому аббату де Грансеи, было дѣломъ одной мысли.

Ахъ! сказала она, отецъ мой имѣетъ спорное дѣло на счетъ своего имѣнія Рукчей. Если и нѣтъ процесса, я его затѣю, и мой любезный Альбертъ будетъ у насъ въ домѣ! вскричала она, бросаясь изъ постели къ окну, чтобы посмотрѣть на ослѣпительный свѣтъ, блиставшій во время ночи у Альберта, но уже свѣтало и онъ спалъ.

— Я хочу видѣть, какъ онъ встанетъ; быть можетъ онъ подойдетъ къ окну.

Въ это время Филомена де Ватевиль сдѣлалась свидѣтельницею происшествія, долженствовавшаго доставить ей средство узнать секреты Альберта.

—

XXXIX.

Польза Кіосковъ.

Все спало. При блескѣ луны Филомена примѣтила двѣ руки, простертыя изъ Кіоска и помогающія Жерому, лакею Альберта, перелѣзть черезъ стѣну и войти въ Кіоскъ. Филомена тотчасъ узнала Маріету, свою горничную.

«Маріета и Жеромъ, сказала она про себя; Маріета! такая безобразная! Право они должны бы были стыдиться одинъ другаго.»

Если Маріета дѣйствительно была чрезвычайно безобразна и считала за 36 лѣтъ, за то она въ продолженіе 17-ти лѣтней службы у маламъ де Ватевиль, которая чрезвычайно дорожила ею, за ея честность, и за долгую службу въ домѣ, безъ сомненія составила себѣ состояньице, откладывая свое жалованье и прибытки. И такъ, полагая около десяти лундоровъ въ годъ, она должна была имѣть, щитая проценты на проценты, около 15-ти тысячь франковъ. Въ глазахъ Жерома 15-ть т. франковъ, могли измѣнить законы оптики. Онъ нашелъ, что у Маріеты прекрасная талія; онъ не видѣлъ ни рябинъ, ни шрамовъ, которые жестокая оспа оставила на этомъ блѣдномъ и сухомъ лицѣ; для него кривой ротъ казался прямымъ; и, съ тѣхъ поръ, какъ адвокатъ Саваронъ, взявъ его къ себѣ въ услуженіе приблизилъ къ отелю Рюптовъ, онъ рѣшительно сдѣлалъ нападеніе на горничную, столько же непреклонную, столько же степенную, какъ и ея госпожа, — и которая, подобно всѣмъ старымъ безобразнымъ дѣвамъ, притворялась гораздо взыскательнѣе, чѣмъ самыя красивыя дѣвушки.

Впрочемъ, хотя ночная сцена въ Кіоскѣ была довольно по-

пятна для людей ясновидящихъ, Филомена не могла ее себѣ объяснить, но не смотря на это она заразилась худымъ примѣромъ. Мать воспитываетъ въ строгости свою дочь, въ продолженіи 17-ти лѣтъ, она удаляетъ ее отъ всѣхъ худыхъ примѣровъ и въ одинъ часъ служанка разрушаетъ этотъ долгій, тяжелый трудъ, однимъ словомъ, однимъ жестомъ.

Филомена снова легла, думая о всѣхъ выгодахъ, какія могла извлечь изъ этого открытія.

На другой день утромъ, идя къ обѣдни, въ сопровожденіи Маріеты (баронесса была нездорова), Филомена взяла свою горничную за руку, это чрезвычайно удивило послѣднюю.

«Маріета, сказала она, пользуется ли Жеромъ довѣренностію своего господина?»

— Я незнаю, сударыня.

— Неприкидывайся невинной предо мною, сказала сухо Филомена. Сегодня ночью ты позволяла ему обнимать себя въ Кіоскѣ; я не удивляюсь, что ты одобряла маменьку касательно украшеній, которыя она предполагала тамъ сдѣлать.

Филомена, держа за руку Маріету, почувствовала дрожь, пробѣжавшую по всѣмъ членамъ горничной.

— Я не желаю тебѣ зла, проложжала она, будь покойна, я ни слова не скажу маменькѣ, и ты можешъ видѣться съ Жеромомъ, когда тебѣ вздумается.

— Но сударыня, отвѣчала Маріета, въ этомъ все мое благо, все счастіе. Жеромъ не имѣетъ другаго намѣренія, какъ только жениться на мнѣ.

— Послушай, Маріета, я также люблю, люблю втайнѣ, люблю одна безъ взаимности, кромѣ того я единственная дочь у моихъ родителей, и ты болѣе можешъ надѣяться на меня, чѣмъ на кого либо въ свѣтѣ.

— Дѣйствительно, сударыня, вы можете положиться на насъ! вскричала Маріета, обрадованная непредвидѣнною развязкою.

— Сперва, молчаніе за молчаніе, сказала Филомена. Я нехочу выйти замужъ за Сулу, но я желаю и желаю неизмѣнно только одного: съ этимъ условіемъ надѣйся на вѣчное мое покровительство.

— Чтожъ такое? спросила Маріета.

— Я желаю видѣть письма, которыя г. Саваронъ посылаетъ на почту чрезъ Жерома.

— Но что вы съ ними будете дѣлать? сказала устрашенная Маріета.

— О! неболѣе, какъ только ихъ прочитаю, и потомъ ты сама отнесешъ ихъ на почту. Чрезъ это они только немного опоздаютъ, вотъ и все.

Въ это время Филомена и Маріета вошли въ церковь и каждая изъ нихъ занялась своими размышленіями, вмѣсто того, чтобы читать вседневныя молитвы.

«Боже мой! сколько грѣховъ во всемъ этомъ? сказала про себя Филомена, которой душа, голова и сердце волновались отъ чтенія новеллы, заключавшей въ себѣ исторію, написанную для ея соперницы. Размышляя, какъ дѣти, объ одномъ и томъ же предметѣ, она вывела заключеніе, что *Обозрѣніе востока* должна получать любовница Альфреда.

«О! сказала она про себя, становясь на колѣна, и закрывая лицо руками, какъ женщина, погруженная въ молитву, о! какъ довести моего отца до того, чтобы онъ просмотрѣлъ списокъ лицъ, получающихъ это Обозрѣніе.»

Послѣ завтрака, она, ласкаясь къ отцу, отправилась съ нимъ въ садъ и привела его къ Кіоску.

— Какъ вы думаете, папаша, выписываютъ ли нашъ журналъ иностранцы?

— Онъ только что началъ издаваться.

— Такъ чтожъ? я бьюсь объ закладъ, что выписываютъ.

— Это вовсе невозможно.

— Подите въ контору, узнайте и выпишите имена иностранныхъ подписчиковъ.

Спустя два часа господинъ де Ватевиль сказалъ своей дочери:

«Я говорилъ правду, изъ иностранцевъ нѣтъ еще ни одного подписчика. Надѣются имѣть ихъ въ Нёшателѣ, Бернѣ, Женевѣ; но безденежно посылаютъ только одинъ экземпляръ къ Миланской дамѣ, на ея дачу при озерѣ Маджіоре, въ Бельяшрадъ.

— Какъ ея имя? спросила Филомена.

— Герцогиня д'Аргайльо.

— Знаете вы ее?

— Разумѣется, я слыхалъ объ ней. Она урожденная княги-

ня Солерина, изъ Флоренціи. О! это весьма знатная женщина и столь же богатая, какъ и мужъ ея, владѣющій огромнымъ богатствомъ въ Ломбардіи. Вилла ихъ на озерѣ Маджіорѣ одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ Италіи.

Чрезъ два дня Маріета принесла Филоменѣ слѣдующее письмо:

—

XL.

Письмо Альберта Саварона къ Леопольду Ганскину.

Да, мой другъ, я въ Безансонѣ, въ то время, какъ ты думаешь, что я путешествую. Я нехотѣлъ тебѣ говорить ничего до тѣхъ поръ, пока успѣхъ не увѣнчаетъ моего предпріятія, и вотъ его начало. Да, любезный Леопольдъ, послѣ столькихъ рушившихся предпріятій, гдѣ я потерялъ лучшую часть моей крови, гдѣ употребилъ столько усилій, истратилъ столько мужества, я хотѣлъ поступить по твоему примѣру, избрать проложенную дорогу, широкую, длинную, но самую вѣрную. Я вижу, какой скачекъ ты сдѣлалъ при этихъ словахъ, въ твоемъ нотаріусовскомъ креслѣ. Но не думай, чтобы что-либо перемѣнилось въ моей внутренней жизни, въ тайну которой посвященъ ты одинъ и то еще съ условіемъ, котораго она требовала. Я тебѣ не говорилъ этого; но я чрезвычайно страдалъ въ Парижѣ. Развязка перваго предпріятія, на которомъ основывалъ я всѣ мои надежды, и которое неудалось, благодаря подлости моихъ двухъ компаньоновъ, согласившихся взаимно меня обмануть, заставила меня отказаться отъ намѣренія искать счастія въ денежныхъ оборотахъ; потерявъ, такимъ образомъ, три года жизни, я хотѣлъ сдѣлаться дипломатомъ, единственно съ тѣмъ, чтобы когда-нибудь сдѣлатся перомъ Франціи подъ именемъ графа Альберта Саварона де Саварю.»

— Ахъ! я не ошибалась! вскричала Филомена, роняя письмо изъ рукъ. Онъ благороднаго происхожденія.

«Ты знаешь, какъ я добросовѣстно занимался, какимъ былъ журналистомъ, хотя неизвѣстнымъ, но преданнымъ, полез-

нымъ; какимъ былъ чудеснымъ секретаремъ у государственнаго человѣка, который, впрочемъ не забылъ меня въ 1829 году. Въ то время, когда мое имя начинало блистать, въ то время, когда бывъ докладчикомъ, я близокъ былъ къ тому, чтобы войти, какъ необходимое колесо, въ политическую машину, я былъ низверженъ іюльскою революціею въ ничтожество; я ошибся тѣмъ, что остался вѣренъ побѣжденнымъ, что боролся за нихъ. Ахъ! зачѣмъ мнѣ было только 33 года и зачѣмъ не проспалъ я тогда твоего участія, а скрылъ отъ тебя всѣ мои пожертвованія, всѣ мои опасности. Что дѣлать? я имѣлъ свой взглядъ! мы не могли быть одного мнѣнія. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, въ которые ты меня видѣлъ веселымъ, довольнымъ, пишущимъ политическія статьи, я былъ въ отчаяніи: я видѣлъ себя 37 лѣтъ, съ двумя тысячами франковъ всего состоянія, безъ малѣйшей извѣстности, близкимъ къ гибели во второмъ моемъ предпріятіи, ежедневномъ журналѣ, обѣщавшемъ одно необходимое въ будущемъ, неудовлетворяя настоящимъ требованіямъ; я не зналъ болѣе, на что рѣшиться. И я понялъ себя! я отправился мрачный, взнуренный, въ уединенныя мѣста Парижа размышлять объ моемъ обманутомъ самолюбіи, все еще неоставляя его. О! какія письма я писалъ къ ней, наполненныя злобою, къ ней, ко второму моему сознанію, ко второму я! Иногда я говорилъ самъ себѣ: зачѣмъ назначать такую обширную программу для моего существованія? Зачѣмъ желать вдругъ всего?

«Тогда я обратилъ взоры на скромное мѣсто, гдѣ я могъ жить, я готовъ былъ сдѣлаться редакторомъ журнала, подъ управленіемъ человѣка немного знающаго, но человѣка богатаго, честолюбиваго и вдругъ я ужаснулся этой мысли.

«Захочетъ ли она имѣть мужемъ человѣка упавшаго такъ низко? сказалъ я самъ себѣ.

«Это размышленіе перенесло меня въ 22-хъ-лѣтній возрастъ. О! любезный Леопольдъ, какъ старѣется душа въ этихъ недоумѣніяхъ. Что должны чуствовать орлы въ клѣткѣ, львы въ неволѣ!,. Они чуствуютъ все то, что чувствовалъ Наполеонъ не на Св. Еленѣ, но на набережной Тюильри, 10 Августа, когда онъ видѣлъ Людовика XVI, такъ худо защищающагося, онъ, могшій укротить мятежъ, какъ позднѣе то сдѣлалъ на томъ

же мѣстѣ, въ первый мѣсяцъ республиканскаго года. Жизнь моя въ продолженіе четырехъ лѣтъ была полна страданіями одного такого дня! Сколько парламентскихъ рѣчей произнесъ я въ пустыхъ аллеяхъ Булонскаго лѣса! Эти безполезныя импровизаціи, покрайнѣй мѣрѣ, наострили мой языкъ, и пріучили разсудокъ передавать мысли въ словѣ. Въ продолженіе этихъ тайныхъ терзаній, ты женился, сполна выплатилъ деньги за мѣсто, сдѣлался помощникомъ мера твоего округа, и награжденъ крестомъ за рану, полученную при Сентъ-Мери.

«Послушай! когда я былъ ребенкомъ и мучилъ майскихъ жуковъ, у этихъ бѣдныхъ насѣкомыхъ было движеніе, производившее во мнѣ почти лихорадку, именно когда они употребляли усилія, чтобъ подняться и не могли летѣть, хотя и распускали крылья; я говорилъ про себя: *они думаютъ*! было ли это сочувствіе? было ли это предвидѣніе моего будущаго? О! распустить крылья и неимѣть силъ подняться! Вотъ что со мною случилось въ продолженіе моего предпріятія; которое теперь обогатило четыре семейства.

«Наконецъ, семъ мѣсяцевъ назадъ, я рѣшился составить себѣ имя въ судебныхъ мѣстахъ Парижа, видя сколько вакансій очистилось отъ повышенія многихъ адвокатовъ на видныя мѣста. Но, припоминая соперничество, испытанное мною на литературномъ поприще, и зная какъ трудно достигнуть чего бы то ни было въ Парижѣ, этой аренѣ, гдѣ столько соперниковъ назначаютъ свиданіе, я рѣшился на дѣло жестокое для меня; но болѣе вѣрное къ осуществленію моихъ плановъ; ты хорошо мнѣ объяснилъ, въ нашихъ разговорахъ, общественное устройство Безансона, невозможность иногородцу втереться туда, сдѣлать тамъ малѣйшее впечатлѣніе, жениться, войти въ общество, успѣть въ чѣмъ бы то ни было. Здѣсь то я захотѣлъ водрузить мое знамя, думая, и очень справедливо, избѣгнуть соперничества на званіе депутата. Жители графства, думалъ я, не желаютъ видѣть иногородца; иногородецъ ихъ не увидитъ! Они не примутъ его въ своихъ гостинныхъ, онъ никогда не войдетъ туда, онъ не покажется и въ другихъ мѣстахъ, даже на улицѣ. Но есть классъ жителей, избирающій адвокатовъ, классъ торгующій. Я въ особенности изучу законы о торговлѣ, которые уже знаю, я выиграю тяжбы, помирю споры и сдѣлаюсь главнѣйшимъ адвокатомъ Безансона. Потомъ

я осную журналъ, гдѣ буду защищать пользы страны; и когда завоюю мало по малу достаточное количество голосовъ, имя мое будетъ вынуто изъ урны. Долго будутъ пренебрегать неизвѣстнымъ адвокатомъ, но меня вывелетъ на свѣтъ, я знаю, безвозмѣздное адвокатство, дѣло, за которое другіе адвокаты незахотятъ взяться, и я увѣренъ въ успѣхѣ.

«И такъ, любезный Леопольдъ, я приказалъ уложить въ одинадцать ящиковъ мою библіотеку, купилъ сводъ законовъ и все, равно какъ и мебель, отправилъ въ Безансонъ. Я взялъ мои дипломы, собралъ тысячу червонныхъ и пришелъ съ тобою проститься. По почтѣ я пріѣхалъ въ Безансонъ, гдѣ въ три дня, я нашелъ небольшую квартиру, окнами выходящую въ садъ. Тамъ я роскошно убралъ скрытный кабинетъ, гдѣ провожу дни и ночи, гдѣ блеститъ портретъ моего идола, которому посвящена моя жизнь, портретъ виновницы всѣхъ моихъ усилій, моего мужества, моего таланта. Потомъ, когда мебель и книги были привезены, я нанялъ смышленаго лакея и оставался въ продолженіи пяти мѣсяцевъ дома, какъ сурокъ во время зимы. Впрочемъ, имя мое внесли въ списокъ адвокатовъ. Наконецъ, мнѣ поручили защищать въ засѣданіи одного несчастнаго, безъ сомнѣнія для того, чтобы заставить меня говорить хотя одинъ разъ. Одинъ изъ негоціантовъ, имѣющій сильное вліяніе въ Безансонѣ, былъ присяжнымъ, онъ имѣлъ дѣло сомнительное; я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло для этого человѣка и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Кліентъ мой былъ невиненъ, я приказалъ трагически задержать виновныхъ, которые были свидѣтелями. Наконецъ, засѣданіе кончилось. Я успѣлъ спасти самолюбіе судьи, доказывая почти—невозможность открыть заговоръ, такъ искусно веденный. Я пріобрѣлъ покровительство моего толстаго негоціанта и выигралъ его тяжбу. Монахи каѳедральнаго собора избрали меня своимъ адвокатомъ, въ огромной тяжбѣ съ городомъ, продолжавшейся уже четыре года. Я выигралъ и это. Такимъ образомѣ, чрезъ три дѣла я сдѣлался славнѣйшимъ адвокатомъ въ Франшъ-Конте, но я совсѣвозможнымъ тщаніемъ замаскировалъ мою жизнь; равномѣрно скрылъ мои намѣренія. Я противорѣчилъ обычаямъ, что избавляло меня отъ принятія приглашеній. Со мною нельзя видѣться иначе, какъ отъ шести до восьми часовъ утра, я ложусь послѣ обѣда и занимаюсь всю ночь.

Главный Викарій, человѣкъ умный и съ большимъ вѣсомъ, поручившій мнѣ церковную тяжбу, проигранную уже въ гражданской палатѣ, само собою разумѣется говорилъ мнѣ о вознагражденіи. Милостивый государь, сказалъ я ему, я выиграю вашу тяжбу, но я нехочу денежнаго вознагражденія, я хочу болѣе... (аббатъ сдѣлалъ знакъ удивленія) знайте, что я чрезвычайно много теряю, являясъ въ этомъ дѣлѣ противникомъ города, я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы отсюда выдти депутатомъ. Я хотѣлъ заниматься только дѣлами, касающимися торговли, потому-что торгующій классъ избираетъ депутатовъ, и они будутъ сомнѣваться во мнѣ, если я буду защищать сторону священниковъ. Если я берусь за ваше дѣло, то это потому только, что въ 1828 году я былъ частнымъ секретаремъ тогдашняго министерства (новое движеніе удивленія у моего аббата), главнымъ докладчикомъ подъ именемъ Альберта Саварю (новое удивленіе). Я остался вѣренъ монархическимъ началамъ, но какъ вы не составляете большинства въ Безансонѣ, мнѣ нужно пріобрѣсти голоса между гражданами. И такъ, вознагражденіе, которое я отъ васъ требую, это голоса, которые вы можете доставить мнѣ скрытно, въ удобное время.... Берегите мою тайну, а я безденежно буду защищать дѣла всѣхъ священниковъ епархіи. Ни слова объ прошломъ и будемъ вѣрны одинъ другому. Пришедши меня благодарить, аббатъ вручилъ мнѣ билетъ въ 500 франковъ, говоря на ухо: «голоса будутъ на нашей сторонѣ!» Въ пять совѣщаній, которыя мы имѣли съ нимъ, мнѣ кажется, я сдѣлалъ изъ этаго викарія себѣ друга. Съ тѣхъ поръ, обремѣненный дѣлами, я бралъ только тѣ тяжбы, которыя касались торговли, говоря, что вопросы торговые — главныя мои занятія. Эта уловка привлекла ко мнѣ торгующій классъ и позволила мнѣ положиться на людей съ вѣсомъ. Такимъ образомъ, все идетъ чудесно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я куплю домъ въ Безансонѣ, могущій мнѣ принести поземельный доходъ. Я надѣюсь, что ты мнѣ одолжишъ необходимую сумму для этой покупки. Еслибъ я умеръ, или еслибы намѣренія мои неудались, потери большой не будетъ. Проценты будутъ тебѣ уплачиваемы жильцами. Впрочемъ, я выжду или найду удобный случай, чтобы ты ничего непотерялъ по этой закладной на недвижимое имѣніе.

«Ахъ, любезный Леопольдъ, никогда игрокъ, имѣя въ карма-

нѣ остатки своего богатства и играющій послѣднюю ночь въ кругу незнакомыхъ людей, откуда онъ долженъ выйти богатымъ или разореннымъ, нечувствовалъ такого неумолкаемаго шума въ ушахъ, такого лихорадочнаго волненія въ головѣ, и внутренняго трепетанія во всемъ тѣлѣ, какъ я испытываю ежедневно, играя послѣднюю игру на честолюбіе и жизнь. Увы! единственный, любезный другъ, вотъ скоро десять лѣтъ, какъ я борюсь. Эта борьба съ людьми и обстоятельствами, гдѣ я безпрестанно теряю силу и энергію, гдѣ столько утратилъ средствъ для доставленія удовольствія, внутренно такъ сказать истощила меня. Съ наружными признаками силы, здоровья, я чувствую, что я разрушаюсь. Каждый день уноситъ съ собою частичку моей духовной жизни. При каждомъ новомъ усиліи, я чувствую что небуду въ состояніи начать сызнова. У меня остались только сила и мужество для счастія и если оно не увѣнчаетъ розами мою голову, мое *я* не будетъ болѣе существовать, я сдѣлаюсь вещью разрушенною, я непожелаю ничего болѣе въ мірѣ, я незахочу быть ничѣмъ. Ты знаешъ, честолюбіе и слава, это безграничное нравственное счастіе, котораго я добиваюсь, счастіе — второстепенное, оно для меня только средство къ достиженію истиннаго счастія, пьедестала моего идола.

«Издыхая достигнуть цѣли, какъ древній гладіаторъ, видѣть богатство и смерть, представшими вмѣстѣ на порогѣ жизни, получить ту, которую любилъ, въ минуту, когда любовь испаряется, не имѣть способности наслаждаться, пріобрѣтя право быть счастливымъ! О! сколько людей претерпѣли подобную участь. Впрочемъ есть минуты, гдѣ Танталъ останавливается, скрещиваетъ руки и дразнитъ адъ, отказываясь отъ должности вѣчнаго страдальца.

«Я поступлю такъ же, если что нибудь помѣшаетъ моему плану; смѣшаться съ пылью провинціальною, ползать голоднымъ тигромъ около этихъ негоціантовъ и избирателей, чтобы задобрить голоса, защищать безвозмѣздно тяжбы, тратить время, которое я могъ бы провести на берегу Маджіоре, любуясь на воды, которыми она любуется, засыпать подъ ея взглядами, слышать ея голосъ! и ужели послѣ всего этаго, мнѣ нестремится къ почестямъ, непріобрѣсти имяни, достойнаго замѣнить имя д'Аргайльо. Иногда Леопольдъ, я чувствую какое то томленіе, въ глубинѣ

души пробуждается отвращеніе отъ всего, особенно когда, въ долгіе часы мечтанія, я погружаюсь прежлевременно въ радости счастливой любви! Желаніе не есть ли въ насъ извѣстная степень силы, и можетъ ли она погибнуть отъ чрезмѣрнаго напряженія? Не смотря на все это жизнь моя прекрасна въ это время, она освящена вѣрою, занятіями, и любовью. Прощай, мой другъ; цѣлую твоихъ дѣтей, напомни твоей милой женѣ объ

вашемъ Альбертѣ.

—

XLI.

Другое письмо.

Филомена два раза прочитала это письмо, содержаніе котораго отпечатлѣлось въ ея сердцѣ. Она тотчасъ поняла внутреннюю жизнь Альберта, потому, что ея живое воображеніе изъяснило ей подробности и тайны этой жизни. Сравнивая эту исповѣдь съ новеллою, напечатанною въ Обозрѣніи, она поняла Альберта вполнѣ. Натурально она прикрасила размѣры этой прекрасной души, этой сильной воли, и любовь ея къ Альберту тогда обратилась въ страсть, еще болѣе разжигаемую ея молодостію, скукою уединенія и тайною энергіею ея характера. Такимъ образомъ, дѣвица де Ватевиль въ нѣсколько дней достигла періода самаго опаснѣйшаго въ процессѣ любви.

Баронесса была очень довольна своею дочерью, которая подъ гнетомъ глубокой задумчивости, не противилась ей болѣе, казалась занятою различными женскими рукодѣліями и олицетворила собою идеалъ покорной дочери.

Адвокатъ защищалъ тогда въ судѣ дѣла два раза въ недѣлю. Хотя заваленный работой, онъ находилъ однако время для палаты, для торговыхъ споровъ, для Обозрѣнія, и оставался всегда въ тѣни, понимая, что чѣмъ вліяніе его будетъ скрытнѣе и незамѣтнѣе, тѣмъ оно будетъ вѣрнѣе; но онъ непренебрегалъ никакимъ средствомъ, и прилежно изучалъ списокъ

Безансонскихъ избирателей, разсматривая ихъ выгоды, характеры, связи, и наклонности. Кардиналъ, желающій быть Папою, никогда не хлопоталъ бы такъ, какъ онъ.

Въ одинъ вечеръ Маріета, пришедши одѣвать Филомену на балъ, принесла ей, трепеща за употребленіе во зло довѣренности, письмо, адресъ котораго заставилъ дѣвицу де Ватевиль дрожать, блѣднѣть, и краснѣть.

Герцогинѣ д'Аргаліо ,

(урожденной княжнѣ Сандарини)

въ Нельжирадъ (въ Ломбардіи).

Эти слова свѣтились, какъ Мани, Ѳакелъ, Фаресъ, предъ глазами Бальтазара.

Спрятавши письмо, она вышла, чтобы отправиться съ матерью къ госпожѣ Шавонкуръ. Въ продолженіе этого вечера, Филомена мучилась отъ угрызенія совѣсти и недоумѣнія. Она испытала уже угрызеніе совѣсти, похищая тайну Альберта изъ письма его къ Леопольду. Она вопрошала себя нѣсколько разъ: узнавъ это преступленіе, безчестное, потому что оно не необходимо, благородный Альбертъ будетъ ли меня уважать. Сознаніе отвѣчало ей, нѣтъ! Она хотѣла искупить свою ошибку, налагая на себя покаяніе: она постилась, мучила себя, оставаясь на колѣнахъ, скрестя руки и читая молитвы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Она обязала и Маріету дѣлать тоже самое, строгое воздержаніе смѣшивалось съ ея страстью и дѣлало ее еще болѣе опасною.

Прочесть или не читать его письмо? говорила она про себя, слушая дѣвицъ Шавонкуръ. Одной было 16-ть, а другой 17 лѣтъ. Филомена смотрѣла на этихъ двухъ подругъ, какъ на маленькихъ дѣвочекъ, потому что онѣ не любили скрытно.

Если я его прочитаю, говорила она себѣ, колеблясь нѣсколько часовъ между да и нѣтъ, это будетъ послѣднее. Если я такъ поступила, чтобъ узнать, что онъ пишетъ къ своему другу, почему бы мнѣ не узнать, что онъ пишетъ къ *ней?* Если это и страшное преступленіе, то не есть ли оно доказательство любви? О, Альбертъ, вѣдь я жена твоя?

—

XLII.

КАКЪ ОНЪ ЛЮБИТЪ.

Филомена, легши въ постель, раскрыла письмо, обозначенное числами дней, какъ будто для того, чтобы представить вѣрный образъ жизни и чувствъ Альберта.

25.

«Душа моя, все идетъ хорошо: къ побѣдамъ мною одержаннымъ, я прибавилъ еще одну: я оказалъ услугу человѣку, имѣющему большое вліяніе на выборы. Какъ критики, доставляющіе славу другимъ, и никогда немогшіе доставить себѣ, онъ избираетъ депутатовъ, самъ никогда немогши сдѣлаться депутатомъ. Добрякъ хотѣлъ оказать мнѣ драгоцѣнную признательность, безъ помощи кошелька, говоря мнѣ: хотите вы быть въ палатѣ? я могу сдѣлать, что васъ выберутъ депутатомъ.— Еслибы я рѣшился вступить на политическое поприще, отвѣчалъ я ему съ притворствомъ, я посвятилъ бы себя графству, которое я люблю и гдѣ меня оцѣнили. — Такъ за чѣмъ же остановка! Мы васъ изберемъ и чрезъ васъ будемъ имѣть большое вліяніе въ Палатѣ Депутатовъ, потому что вы будете тамъ блистать.

И такъ, мой ангелъ, что бы ты ни говорила, моя настойчивость увѣнчается. Вскорѣ я буду говорить съ высоты французской кафедры во всеуслышаніе Европы. Мое имя долетитъ до тебя съ сотнею французскихъ журналовъ.

Да, я прибылъ старикомъ, какъ ты мнѣ говоришь, въ Безансонъ, и Безансонъ меня еще болѣе состарилъ; но какъ Сикстъ V, я помолодѣю на другой день послѣ моего избранія, я вступлю на истинный путь моей жизни, въ мою сферу. Не будемъ ли мы тогда на равной линіи? Графъ Саваронъ де Саварю, посланникъ, не знаю только гдѣ, въ состояніи будетъ жениться на княгинѣ Сандарини, вдовѣ герцога д'Аргаліо! Успѣхъ обновляетъ людей, уцѣлѣвшихъ еще отъ безпрестанныхъ бореній. О жизнь моя! съ какимъ восторгомъ я бросаюсь изъ библіотеки въ кабинетъ къ твоему портрету, которому я повѣряю мои успѣхи, прежде, чѣмъ къ тебѣ пишу объ нихъ! Да, мои голоса принадлежатъ мнѣ, голоса главнаго викарія, голоса людей мнѣ обязанныхъ и голоса этого кліента увѣряютъ меня въ моемъ избраніи.

26.

Прошло двѣнадцать лѣтъ съ того счастливаго вечера, въ который прекрасная герцогиня подтвердила обѣщанія Франчески изгнанницы. Ахъ! другъ мой, тебѣ 32 года, я мнѣ 37, любезному герцогу 77; то есть, онъ одинъ десятью годами старше насъ обоихъ, и онъ по прежнему здоровъ! Кланяйся ему отъ меня, и скажи, что я ему дарю еще три года. Время это для меня необходимо, чтобы сравняться въ достоинствѣ съ твоимъ именемъ. Ты видишь, я веселъ сегодня, я даже смѣюсь: вотъ каково дѣйствіе надежды. Печаль и радость все чрезъ тебя. Надежда достигнуть цѣли, переноситъ меня всегда въ тотъ день, когда я увидѣлъ тебя въ первый разъ, когда жизнь моя слилась съ твоею, какъ земля со свѣтомъ. Qual pianto эти одинадцать лѣтъ! вотъ 26 декабря, годовщина моего прибытія на твою виллу, на озеро Констанское. Вотъ одинадцать лѣтъ, какъ я ропщу и какъ ты сіяешь.

27.

Нѣтъ другъ мой, не ѣзди въ Миланъ, останься въ Бельжирадѣ. Миланъ устрашаетъ меня. Я не люблю глупаго обычая миланскаго болтать весь вечеръ въ *Скалѣ* съ дюжиною лицъ, изъ которыхъ каждый норовитъ сказать какую нибудь нѣжность. Для меня уединеніе тоже, что и кусокъ амбры, въ срединѣ которой насѣкомое живетъ вѣчно въ неизмѣнной красотѣ. Душа и тѣло женщины остаются въ немъ также чисты какъ и подъ формою ихъ юности. Ужели ты сожалѣешь объ этихъ tedeschi?

28.

И такъ твой бюстъ не конченъ? Я хотѣлъ бы имѣть твое изображеніе въ мраморѣ, въ живописи, въ миніатюрѣ, во всѣхъ видахъ, чтобы обмануть мое нетерпѣніе. Я ожидаю видъ Бельжирада съ-полдня и съ галлереи, ихъ мнѣ только недостаетъ. Я такъ занятъ, что не могу тебѣ ничего сказать, но въ этомъ заключается все. Не созданъ ли міръ изъ *ничего*? Это ничто, есть слово. *Я тебя люблю!*

«Ахъ! я получилъ твой журналъ! Благодарю за аккуратность! И такъ, ты испытала удовольствіе при чтеніи подробностей нашего перваго знакомства, такимъ образомъ переданнаго? Увы! Маскируя все это, я боялся тебя обидѣть. У насъ нѣтъ повѣстей, а Обозрѣніе безъ повѣстей, это красавица безъ волосъ. Неизобрѣтательный по природѣ, я излилъ единственную

поэзію, бывшую въ моей душѣ, единственное происшествіе, сохранившееся въ моемъ воспоминаніи; я его переложилъ въ звуки, какими оно могло быть высказано, и я не переставалъ думать о тебѣ, набрасывая единственный литературный отрывокъ, излившійся изъ моего сердца, я не могу сказать изъ подъ моего пера. Не заставило ли тебя смѣяться превращеніе боязливой Сорліоне въ Жину?

Ты спрашиваешь меня о моемъ здоровьи. Оно гораздо лучше, чѣмъ было въ Парижѣ. Хотя я чрезвычайно много тружусь, но внутреннее спокойствіе имѣетъ вліяніе на нравственную сторону человѣка. Болѣе всего утомляетъ и старѣетъ, милый ангелъ, тоска по обманутомъ тщеславіи, безпрестанное раздраженіе парижской жизни, борьба честолюбивыхъ соперниковъ. Тишина спасительна. Если бы ты знала какое удовольствіе доставило мнѣ твое письмо, это прекрасное длинное письмо; гдѣ ты такъ хорошо разсказываешь мнѣ малѣйшія подробности твоей жизни. Нѣтъ! вы женщины никогда непоймете до какой степени эти бездѣлицы интересуютъ истиннаго любовника. Образчикъ твоего новаго платья доставилъ мнѣ большое удовольсвіе! Ужели можно остаться равнодушнымъ даже къ твоимъ расхолымъ книгамъ? Морщится ли твой возвышенный лобъ? разклекаютъ ли тебя наши сочинители? приводятъ ли тебя въ восторгъ пѣсни Виктора Гюго? Я читаю тѣ книги, которыя ты читаешь. Все меня занимаетъ въ тебѣ, даже прогулки твои по озеру. Письма твои прекрасны, благовонны, какъ твоя душа! О небесный цвѣтокъ, постоянно обожаемый! Могъ ли бы я существовать безъ этихъ прекрасныхъ писемъ, которыя въ продолженіе одиннадцати лѣтъ поддерживали меня въ трудномъ моемъ пути, какъ блескъ, какъ благоуханіе, какъ стройная пѣснь, какъ божественная пища, какъ все то, что утѣшаетъ и чаруетъ жизнь. Не лишай меня ихъ. Если бы ты знала, какъ я грущу наканунѣ того дня, когда долженъ ихъ получить и сколько печали причиняетъ мнѣ день, когда они опаздываютъ. Не больна ли она? не *онъ* ли? я нахожусъ между раемъ и адомъ, я схожу съ ума! Cara diva! занимайся постоянно музыкой, упражняй твой голосъ, учисъ: я въ восхищеніи отъ этого сходства нашихъ занятій. Чрезъ нихъ мы хотя раздѣленныя мѣстами, постоянно живемъ однообразно. Эта мысль меня плѣняетъ и придаетъ мнѣ мужество. Когда я въ первый разъ защи-

щалъ дѣло въ судѣ, я тебѣ еще не говорилъ объ этомъ, я воображалъ, что ты меня слушаешь, и вдругъ я почувствовалъ то вдохновеніе, которое возноситъ поэтовъ надъ человѣчествомъ. Если я буду въ Палатѣ Депутатовъ, о! ты пріѣдешь въ Парижъ, чтобы присутствовать на моемъ первомъ дебютѣ.»

30. Вечеръ.

Боже..! Какъ я тебя люблю! Увы! Я слишкомъ много вмѣшалъ посторонняго въ мою любовь и въ мои ожиданія. Случай, опрокинувъ эту барку, слишкомъ нагруженную, унесъ бы мою жизнь! Вотъ три года, какъ я тебя не вижу; и при мысли отправиться въ Бельжирадъ, сердце мое такъ сильно бьется, что я принужденъ бываю остаться. Видѣть тебя, слышать этотъ дѣтскій, нѣжный голосъ, лобызать взорами этотъ перламутровый лобъ, блистающій лучами и на которомъ ясна твоя благородная мысль! Удивляться твоимъ пальчикамъ, перебирающимъ клавиши, получить всю твою душу въ одномъ взорѣ и твое сердце въ одномъ звукѣ! Прогуливаться предъ твоими цвѣтущими померанцовыми деревьями, жить нѣсколько мѣсяцевъ среди этихъ прекрасныхъ мѣстоположеній! Вотъ жизнь. О! какая низость гоняться за славою, именемъ, богатствомъ! Для меня все въ Бельжирадѣ, тамъ поэзія, тамъ слава! Я долженъ бы былъ сдѣлаться твоимъ управляющимъ, или, какъ мнѣ предлагалъ этотъ любезный тиранъ, котораго мы не должны презирать, быть твоимъ кавалеромъ сервенте, на что наша необузданная страсть не позволила намъ согласиться. Прощай, мой ангелъ, ты извинишь мои будущія печали, за эту радость, упавшую, какъ лучь надежды, который до-сихъ-поръ кажется мнѣ ложнымъ блескомъ.»

Какъ онъ любитъ! сказала Филомена, роняя письмо. Чрезъ одинадцать лѣтъ писать такимъ образомъ.

—

XLIII.

Благородный порывъ.

«Маріета, сказала Филомена на слѣдующій день своей горничной, отнеси это письмо на почту, и скажи Жерому, что я узнала все, что хотѣла знать, и чтобы онъ вѣрно служилъ Альберту. Мы на исповѣди покаемся въ этомъ прегрѣшеніи, не говоря ни отъ кого, ни къ кому были письма. Я виновата, я одна согрѣшила.

— Вы изволили плакать! замѣтила Маріета.

— Да, но не желаю, чтобы матушка это замѣтила; подай мнѣ холодной воды.»

Филомена, среди порывовъ своей страсти, часто внимала голосу совѣсти. Тронутая неизмѣнною любовью этихъ двухъ сердецъ, она долго молилась, и рѣшила, что ей остается только покориться судьбѣ, и смотрѣть безъ зависти на счастіе двухъ достойныхъ существъ, полагая всю надежду на Бога, и не позволяя себѣ ни преступныхъ дѣйствій, ни желаній. Она почувствовала въ сердцѣ спокойствіе, внутреннее довольство, послѣ этого рѣшенія, внушеннаго свойственнымъ юношеству прямодушіемъ. Ее еще подкрѣпляла мысль, изливавшаяся прямо изъ сердца, мысль, что она жертвовала собою для *него*:

«Она не умѣетъ любить, думала она. Ахъ, если бы я была на ея мѣстѣ, я бы всѣмъ пожертвовала для человѣка, который бы такъ любилъ меня. Быть любимой!... а меня кто такъ полюбитъ! Ужъ не этотъ ли вертопрахъ, де Суласъ? онъ любитъ одно мое приданое; будь я бѣдна, онъ бы и не посмотрѣлъ на меня.

— Филомена, моя душа, сказала баронесса, о чемъ ты такъ задумалась? Посмотри, ты шьешь совсѣмъ не то.

Филомена шила по канвѣ туфли для отца.

—

XLIV.

Арсіерская вода.

Филомена провела всю зиму съ 1834 на 1835 годъ, въ тайномъ, тревожномъ волненіи; но весною, въ апрѣлѣ, когда ей минуло восемнадцать лѣтъ, она стала думать иногда, что хорошо бы перебить любовника у герцогини Аргіоло. Среди безмолвія и уединенія ея жизни, при мысли объ этомъ состязаніи снова разгорѣлись ея страсть и преступные помыслы. Она заранѣе развивала свою романическую отвагу, создавая планъ за планомъ. Хотя такіе характеры составляютъ исключенія, однако, къ несчастію, они слишкомъ часто встрѣчаются, и повѣсть наша можетъ послужить имъ поучительнымъ примѣромъ.

Въ эту зиму, Альбертъ Саварю подъ рукою значительно подвинулъ свои дѣла въ Безансонѣ. Не сомнѣваясь въ своемъ успѣхѣ, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ распущенія палаты. Онъ склонилъ на свою сторону, изъ умѣренной партіи одного изъ руководителей Безансона, богатаго подрядчика, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ.

Римляне не жалѣли никакихъ трудовъ, ни денегъ, чтобы имѣть въ волю хорошей воды въ каждомъ городѣ своей имперіи. Въ Безансонѣ они пили воду съ Арсіерской горы, находящейся въ довольно большемъ разстояніи отъ города. Безансонъ построенъ внутри дуги, образуемой рѣкою Дубомъ. Слѣдовательно, мысль возстановить римскій водопроводъ, за тѣмъ, чтобы пить ту же воду, которую пили Римляне, въ городѣ, орошаемомъ Дубомъ, одна изъ тѣхъ нелѣпыхъ мыслей, которыя могутъ родиться только въ провинціи, отличающейся своею примѣрною степенностью. Такая прихоть, запавъ въ сердца Безансонцевъ, должна была привесть ихъ къ огромнымъ издержкамъ, а эти издержки обратились въ пользу самаго могущественнаго лица въ городѣ.

Альбертъ Саваронъ де Саварю рѣшилъ, что Дубская вода годна только на то, чтобы красоваться подъ висячими мостами, а что пить невозможно другой воды, кромѣ Арсіерской. Въ его *Обозрѣніи* стали являться статьи, бывшія только выраженіемъ мнѣній Безансонскаго торговаго класса. Дворяне и купцы, умѣренные и легитимисты, правительственная партія и

оппозиція, словомъ, всѣ единодушно рѣшили, что имъ надо пить воду, которую пили римляне, и имѣть висячій мостъ. Вопросъ объ Арсіерской водѣ сдѣлался настольнымъ вопросомъ и въ Безансонѣ родились сильные интересы, на подкрѣпленіе этаго проэкта. Благоразумные люди, которыхъ впрочемъ было немного, объявлены простофилями. Только и было рѣчи въ городѣ, что о двухъ проэктахъ адвоката Саварона.

Въ восемнадцать мѣсяцевъ, постоянными скрытными усиліями, этотъ честолюбецъ успѣлъ глубоко взволновать самый неподвижный изъ городовъ Франціи, самый непріязненный всякому иногородному вліянію, перевернуть его, сдѣлаться душою всѣхъ его мыслей и дѣйствій; словомъ, не выходя изъ своей комнаты, успѣлъ сдѣлаться самымъ сильнымъ человѣкомъ въ городѣ. Онъ рѣшилъ задачу: достигъ всемогущества, не будучи народнымъ кумиромъ. Въ теченіе этой зимы, онъ выигралъ семь тяжбъ для Безансонскаго духовенства. За то онъ иногда заранѣе вдыхалъ воздухъ палаты. Сердце его расширялось при одной мысли о будущемъ его торжествѣ. Безграничное желаніе, учившее его приводить въ дѣйствіе столько интересовъ, придумывать столько новыхъ пружинъ, поглощало всѣ силы его напряженной души. Всѣ прославляли его безкорыстіе, онъ принималъ плату отъ своихъ кліентовъ безъ всякихъ замѣчаній. Но это безкорыстіе было въ дѣйствительности нравственнымъ лихоимствомъ, онъ ожидалъ награды, которая была для него выше всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Въ 1834 году, онъ купилъ, будто бы для того, чтобы услужить одному разстроившемуся негоціанту, на деньги Леопольда Геннкена домъ, который давалъ ему право на выборы. Этому выгодному обороту онъ умѣлъ дать видъ случайности и неумышленности.

—

XLV.

Руксеи.

Филомена рѣшила въ своей отважной головкѣ во что-бы-то ни стало ввести Альберта Саварю въ общество

отеля Рюптовъ. Желанія ея еще ограничивались удовольствіемъ видѣть и слушать его. Она, такъ сказать, заключила условіе съ своею страстью, а такія условія, по большей части, не что иное, какъ перемиріе.

Родовое помѣстье Ватевилей, Руксей, давало десять тысячъ франковъ въ годъ чистаго доходу; но въ другихъ рукахъ, оно могло бы дать гораздо болѣе. По безпечности барона, котораго жена получила сорокъ тысячъ доходу, Руксей былъ отданъ въ управленіе стараго слуги Ватевилей, по имени Модинье. Однакоже, когда баронъ и баронесса желали пожить въ деревнѣ, они отправлялись въ Руксей, котораго мѣстоположеніе было чрезвычайно живописно. Замокъ, паркъ, и вообще все помѣстье, были устроены знаменитымъ Ватевилемъ, который подъ старость пристрастился къ этому прекрасному помѣстью.

Между двухъ остроконечныхъ, голыхъ скалъ, называемыхъ большимъ и малымъ Руксеемъ, среди ущелья, чрезъ которое воды этого хребта, оканчивающагося Виларскимъ Зубомъ, извергаются съ высоты и присоединяются къ очаровательнымъ истокамъ Дуба, Ватевиль построилъ плотину, оставивъ въ ней два прохода для излишней воды. Посредствомъ этой плотины онъ образовалъ прелестное озеро, а подъ нею два водопада, и двѣ быстрыя рѣчки и ими оросилъ сухую и безплодную нѣкогда долину, которую прежде опустошалъ Руксейскій потокъ. Это озеро, эту долину, эти двѣ горы, онъ обнесъ оградою, и на плотинѣ построилъ себѣ уединенную дачу въ три десятины, свезши сюда всю землю вырытую для ложа двухъ искуственныхъ рѣкъ, и множества канавъ. Когда баронъ Ватевиль устроилъ себѣ озеро надъ плотиною, онъ владѣлъ обоими Руксеями, но верхняя долина, огибавшая Виларскій зубъ, и которую, такимъ образомъ, онъ затопилъ, не принадлежала ему, но этотъ грозный старецъ внушалъ такой всеобщій страхъ, что при жизни его жители Рисея, деревушки, лежавшей на оборотѣ Виларскаго зуба, не посмѣли жаловаться на него.

Передъ смертью, баронъ соединилъ спуски обоихъ Руксеевъ съ подошвою Виларскаго зуба крѣпкою стѣною, для предохраненія отъ затопленія двухъ долинъ, выходившихъ въ Руксейское ущелье съ обѣихъ сторонъ Виларскаго утеса. «Такимъ образомъ онъ завоевалъ себѣ Виларскій зубъ. По смерти его,

наслѣдники его объявили себя покровителями Рисея и тѣмъ упрочили завоеваніе. Старый разбойникъ и богоотступникъ аббатъ Ватевиль кончилъ свое поприще тѣмъ, что насадилъ деревьевъ, построилъ превосходную дорогу, начинавшуюся съ боку одною изъ Руксеевъ, и примыкавшую къ большой дорогѣ. Къ этому парку и дому принадлежало нѣсколько дурно обработанныхъ пашенъ, нѣсколько деревушекъ въ горахъ, и много запущеннаго лѣсу. Все это было дико и уединенно, отдано на произволъ природы, на жертву растеній, но на каждомъ шагу являлись дивныя причуды дикой природы. Можете себѣ послѣ этого представить, что такое было Руксейское помѣстье.

Нѣтъ надобности растягивать нашу повѣсть разсказомъ всѣхъ неимовѣрныхъ усилій и геніяльныхъ хитростей, съ помощью которыхъ Филомена достигла своей цѣли, не внушивъ подозрѣнія. Скажемъ только, что она изъ повиновенія къ матери выѣхала въ маѣ 1835 года изъ Безансона, въ старой каретѣ, запряженной парою наемныхъ лошадей, и отправилась съ отцомъ въ Руксейское помѣстье.

—

XLVI.

Добрая тяжба.

Любовь все объясняетъ молодой дѣвушкѣ. Когда Филомена, вставъ, на слѣдующій день по пріѣздѣ въ Руксей, увидѣла изъ окна своей комнаты прекрасное озеро, надъ которымъ носился туманъ, она вскрикнула отъ удивленія и восторга.

«*Они* любили другъ друга на берегахъ озеръ! *Она* живетъ на озерѣ! Да, отъ озера вѣетъ любовью!»

Озеро, получающее воду отъ тающихъ снѣговъ, всегда свѣтло и прозрачно, какъ огромный алмазъ, но когда оно стѣснено, какъ Руксейское озеро, между двумя гранитными скалами, обросшими елями, когда на немъ тихо и безмолвно, какъ на неизмѣримой степи, оно изъ каждаго сердца вырветъ тоже восклицаніе.

«Этимъ мы обязаны знаменитому Ватевилю, сказалъ отецъ.

— Кромѣ шутокъ, отвѣчала Филомена, онъ хотѣлъ принудить людей простить его преступленіе. Сядемте въ лодку, и поплывемъ на ту сторону, продолжала она; это придастъ намъ апетитъ къ завтраку.

Баронъ призвалъ двухъ садовниковъ, умѣвшихъ грести, и взялъ съ собою своего главнаго министра, Модинье. Озеро имѣло шесть саженъ въ ширину, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до десяти и до двѣнадцати, и четыреста саженъ въ длину. Филомена скоро достигла до его оконечности, у подошвы Виларскаго Зуба, Юнгфрау этой миніатюрной Швейцаріи.

— Вотъ мы и пріѣхали, г. баронъ, сказалъ Модинье, дѣлая знакъ гребцамъ, чтобъ они привязали лодку, неугодно ли вамъ будетъ посмотрѣть...

— Что посмотрѣть? спросила Филомена.

— Ничего, отвѣчалъ баронъ. Впрочемъ, ты дѣвушка скромная, у насъ же съ тобою есть общія тайны, я могу сообщить тебѣ то, что безпокоитъ меня: съ 1830 года возникли несогласія между нами и Рисейскою общиною, именно изъ за Виларскаго зуба; я желалъ бы покончить ихъ безъ вѣдома твоей матери, потому что она горда, и подниметъ, пожалуй, такой шумъ, что все дѣло испортитъ, въ особенности же, когда узнаетъ, что тяжбу затѣялъ Рисейскій меръ, республиканецъ, за тѣмъ, чтобы польстить своимъ подчиненнымъ.

Филомена искусно скрыла свое удовольствіе, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать на отца.

— Какую тяжбу? спросила она.

— Вотъ видите, сударыня, отвѣчалъ Модинье, жители Рисея съ давнихъ лѣтъ имѣютъ право выгона на своемъ склонѣ Виларскаго Зуба. А г. Шаншони, занимающій у нихъ должность мера съ 1830 года, утверждаетъ, будто зубъ весь принадлежитъ общинѣ, и что за сто съ чѣмъ-то лѣтъ наши земли принадлежали округу. Сами разсудите, если это допустить, мы сами у себя не будемъ хозяевами. А тамъ еще пожалуй заговорятъ, что мѣсто, гдѣ находится озеро, присвоилъ себѣ аббатъ Ватевиль. Это значитъ въ конецъ разорить Руксейское помѣстье!

— Сказать правду, между нами, моя душа, это справедливо, сказалъ баронъ простодушно. Право наше на эту землю, хотя и освящено временемъ, но незаконно. Поэтому, чтобы не имѣть

вѣчныхъ хлопотъ, я желалъ бы полюбовно опредѣлить межу нашихъ владѣній со стороны Виларскаго Зуба, и построить тамъ стѣну.

— Если вы уступите республиканцамъ, они васъ заѣдятъ. Вы должны стращать Рисей.

— Тоже самое и я докладывалъ вчера вечеромъ г. барону, отвѣчалъ Модинье. И чтобъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, я и предлагалъ имъ сходить посмотрѣть, не найдется ли гдѣ нибудь, на склонѣ, съ той или другой стороны Виларскаго Зуба, слѣдовъ старой ограды.

Въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ обѣ стороны, не прибѣгая къ крайнимъ средствамъ, пользовались Виларскимъ Зубомъ, составлявшимъ границу между Рисейскою общиною и Руксейскимъ помѣстьемъ. Такъ какъ предметъ споровъ шесть мѣсяцевъ въ году былъ покрытъ снѣгомъ, и не приносилъ большой пользы, то разумѣется не о чемъ было слишкомъ много хлопотать. Одна только ревность, возбужденная въ защитникахъ народа революціею 1830 года, могла снова возбудить это дѣло, которымъ г. Шантони, Рисейскій меръ, думалъ придать нѣсколько разнообразія своей жизни на мирной Швейцарской границѣ, и увѣковѣчить свое управленіе. Шантони, какъ видно изъ самаго его имени, былъ родомъ изъ Нёшателя.

—

XLVII.

Совѣтъ Филомены.

— Батюшка, сказала Филомена, садясь въ лодку, я вполнѣ согласна съ мнѣніемъ Модинье. Если вы желаете имѣть Виларскій Зубъ границею, надо дѣйствовать рѣшительно, и выхлопотать судебное рѣшеніе, которое защитило бы васъ отъ происковъ Шантони. Чего вамъ бояться? выберите себѣ адвокатомъ знаменитаго Саварона; да поспѣшите, чтобъ Шантони не предупредилъ васъ, и не поручилъ ему вести это дѣло за общину. Тотъ, кто выигралъ тяжбу капитула противъ города, съумѣетъ выиграть дѣло Ватевилей противъ Рисея. Къ тому же Руксей

ское помѣстье будетъ со временемъ принадлежать мнѣ, (надѣюсь что нескоро), не оставляйте мнѣ процесса. — Мнѣ нравится это помѣстье, я часто буду въ немъ жить и увеличу его, сколько будетъ возможно. По этимъ берегамъ, продолжала она, показывая на склонъ обѣихъ Руксеевъ, я разведу прелестный англійскій садъ... Поѣдемте въ Безансонъ, и воротимся сюда уже не иначе, какъ съ аббатомъ Грансе, съ г. Саваропомъ, и съ матушкою, если ей будетъ угодно. Тогда вы можете рѣшиться; я бы на вашемъ мѣстѣ уже рѣшилась. Вы называетесь Ватевилемъ, а боитесь тяжбы: если вы проиграете процессъ.... вотъ вамъ моя рука, я не попрекну васъ ни однимъ словомъ.

— О, когда такъ, сказалъ баронъ, пожалуй! я повидаюсь съ адвокатомъ.

— Къ тому же процессъ презанимательная вещь. Онъ даетъ цѣль жизни, ходишъ туда, сюда, хлопочешь. Сколько вамъ надо будетъ похлопотать, чтобъ сойтись съ судьями. Аббатъ Грансе цѣлыя три недѣли не ходилъ къ намъ, столько у него было хлопотъ.

— Да вѣдь тамъ дѣло шло о самомъ существованіи капитула, отвѣчалъ Ватевиль; самолюбіе архіепископа было задѣто за живое. Этотъ Саваронъ и не гадаетъ, какую онъ услугу оказалъ капитулу; онъ спасъ его отъ гибели!

— Послушайте, шепнула Филомена отцу, вѣдь, если Саваронъ будетъ за васъ, вы навѣрно выиграете, не такъ ли? Такъ позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: вы иначе не можете склонить на свою сторону г. Саварона, какъ чрезъ аббата Грансе. Послушайтесь же меня, поговоримте вмѣстѣ съ аббатомъ, но безъ участія матушки въ совѣщаніи; потому что я знаю вѣрное средство убѣдить аббата, чтобы онъ склонилъ Саварона на вашу сторону.

— Трудно будетъ это сдѣлать, не сказавшись твоей матери!

— Аббатъ Грансе возьмется сказать ей это послѣ; рѣшитесь только обѣщать свой голосъ адвокату Саварону на будущихъ выборахъ и вы увидите.

— Идти на выборы, давать присягу! вскричалъ баронъ Ватевиль.

— Такъ что же? возразила дочь.

— А что скажетъ твоя мать?

—Она можетъ быть сама вамъ прикажетъ идти, отвѣчала Филомена, знавшая изъ письма Альберта къ Леопольду, обязательство Викарія.

—

XLVIII.

Лукавецъ на лукавца.

Четыре дня спустя, аббатъ рано утромъ осторожно входилъ къ Альберту Саварю, котораго онъ на-канунѣ предупредилъ о своемъ посѣщеніи. Старый аббатъ шелъ завоевать великаго адвоката для дома Ватевилей, что доказываетъ ловкость и искусство, съ которыми Филомена вела свои тайные замыслы.

—Чѣмъ могу я вамъ служить, г. Викарій, спросилъ Саварю.

Аббатъ изложилъ дѣло съ примѣрною откровенностью. Выслушавъ его холодно, Альбертъ отвѣчалъ:

—Любезный аббатъ, мнѣ невозможно принять на себя защиту дѣла Ватевилей; я вамъ сейчасъ объясню причину. Я долженъ здѣсь соблюдать самый строгій нейтралитетъ. Я нехочу приставать ни къ кому, мнѣ надо оставаться загадкою до самаго дня моего избранія. Защищать дѣло Ватевилей, въ Парижѣ ничего бы незначило; но здѣсь!... здѣсь, гдѣ все перетолковывается, меня бы тотчасъ приписали къ вашему Сенъ-Жерменскому предмѣстью.

—Неужели, возразилъ аббатъ, вы надѣетесь, что васъ не узнаютъ въ день выборовъ, когда сойдутся кандидаты! Тогда всѣ будутъ знать, что ваше имя Саваронъ де Саварю, что вы были рекетмейстеромъ, что вы принадлежите къ Реставраціи!

—Въ день выборовъ, отвѣчалъ Саварю, я буду всѣмъ, чѣмъ будетъ нужно. Я намѣренъ объясниться на приготовительныхъ сходкахъ.....

—Если бы г. Ватевиль сталъ поддерживать васъ съ своею партіею, вы имѣли бы сто согласныхъ голосовъ, на которые вѣрнѣе расчитывать, чѣмъ на тѣ, которые вамъ обѣщаны. Кого соединяютъ выгоды, между тѣми всегда можно поселить раздоръ, а никогда не разлучите тѣхъ, кого связываетъ убѣжденіе.

—Послушайте, любезный аббатъ, продолжалъ Саварю, я васъ искренно люблю и уважаю, и все готовъ для васъ сдѣлать. Поторговавшись, можно сойтись хоть съ самимъ чортомъ. Въ чемъ бы ни заключалась тяжба г. Ватевиля, поручивъ ее Жирарде, и давъ ему наставленія, можно проволочить дѣло до выборовъ, я берусь защищать искъ г. Ватевиля только послѣ своего избранія.

—Согласитесь на одно, сказалъ аббатъ; приходите въ отель Рюптовъ; тамъ есть одна восемнадцатилѣтняя особа, которая должна со временемъ получить сто тысячъ годоваго доходу; вы покажете видъ, будто ухаживаете за нею.....

—А, не та ли молодая дѣвушка, которую я часто вижу въ этой бесѣдкѣ....

—Именно, дѣвица Ватевиль, отвѣчалъ аббатъ Грансе. Вы честолюбивы: если вы придетесь ей по-сердцу, вы можете достичь всего, чего только можетъ въ наше время добиваться честолюбецъ, даже быть министромъ. Кто къ стамъ тысячамъ доходу имѣетъ въ придачу ваши необыкновенныя способности, тому непремѣнно надо быть министромъ.

—Любезный аббатъ, перебилъ Альбертъ съ живостью, хотя бы дѣвица Ватевиль была еще втрое богаче, и обожала меня, мнѣ невозможно на ней жениться....

—Ужъ не женаты ли вы?...

—Не передъ налоемъ, и не передъ меромъ, отвѣчалъ Саварю, а нравственно.

—Это всего хуже, для человѣка, который такъ дорожитъ своимъ успѣхомъ, какъ вы. Что не слажено, можетъ и вовсе не сладиться. Не основывайте своего счастья и плановъ на обѣщаніи женщины; мудрецъ, отправляясь въ путь, не расчитываетъ на сапоги покойника.

—Оставимъ въ покоѣ дѣвицу Ватевиль, сказалъ Альбертъ торжественно; возвратимся къ дѣлу. Изъ уваженія и дружбы къ вамъ, я берусь защищать дѣло г. Ватевиля передъ судомъ; но вести дѣло будетъ Жирарде, подъ моимъ руководствомъ. Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать.

—Но могутъ встрѣтиться вопросы, которыхъ нельзя разрѣшить, не осмотрѣвъ мѣстности, замѣтилъ аббатъ.

—Жирарде съѣздитъ, отвѣчалъ Саварю. Я никакъ не соглашусь, въ городѣ, который я такъ хорошо знаю, на дѣйст-

віе, могущее погубить важные интересы, связанные съ моимъ избраніемъ.

—

XLIX.

Дьявольскій гнѣвъ.

—А, я втянула отца въ тяжбу! чего не дѣлала, чтобы ввести тебя въ нашъ домъ! разсуждала Филомена, глядя изъ бесѣдки своей въ кабинетъ адвоката, на слѣдующій день послѣ совѣщанія аббата Грансе съ Альбертомъ, котораго результатъ былъ переданъ ей отцомъ. Совершила ради тебя столько грѣховъ; и ты даже не прилетишь въ нашъ домъ, и я не услышу твоего обворожительнаго голоса? Ты предписываешь условія, когда Ватевили и Рюпты просятъ твоего содѣйствія!... Такъ хорошо же! Богъ свидѣтель, я довольствовалась скромнымъ счастіемъ видѣть, слушать тебя, ѣхать съ тобою въ Руксей, чтобы твое присутствіе освятило для меня эти мѣста. Болѣе я ничего не требовала. Теперь уже я хочу быть твоею женою! Да, да, любуйся ея портретами, смотри на ея покои, на четыре фасада ея виллы, на виды ея садовъ! Ты ждешь ея бюста! погоди, она сама будетъ для тебя каменною! Къ тому же эта женщина не любитъ. Искусства, науки, литература, пѣніе, музыка, завладѣли половиною ея чувствъ и ума. Она стара, и мой Альбертъ будетъ съ нею несчастливъ!

—Что ты тутъ сидишь все утро, Филомена? сказала мать, прервавъ размышленія дочери. Г. Сула изъ гостиной замѣтилъ твое положеніе, изъ котораго можно въ самомъ дѣлѣ заключить, что ты болѣе размышляешь, чѣмъ бы слѣдовало въ твои лѣта.

— Г. Сула стало быть врагъ размышленія? спросила Филомена.

— Такъ ты размышляла? возразила мать.

— Почему же нѣтъ?

— Неправда, ты не размышляла. Ты смотрѣла въ окно того адвоката; что весьма неприлично и нескромно; въ особенности же не слѣдовало, чтобы это замѣтилъ г. Сула.

— Это почему? спросила Филомена.

— Потому, отвѣчала баронесса, что тебѣ пора бы знать наши намѣренія: ты ему нравишься, а тебѣ, кажется, не унизительно назваться графинею де Сула.

Филомена поблѣднѣла, какъ полотно, но ни слова не отвѣчала матери; страданіе уязвленнаго сердца лишило ее способности мыслить. Но передъ этимъ человѣкомъ, котораго она мгновенно возненавидѣла всею душою, она улыбнулась улыбкою, какою улыбаются танцовщицы передъ публикою. Ей достало даже силы смѣяться, скрыть свою ярость, которая скоро и успокоилась, когда она задумала воспользоваться недальновиднымъ молодымъ человѣкомъ для своихъ видовъ.

— Г. Сула, сказала она ему, когда баронесса, въ саду, ушла впередъ, стараясь оставлять молодыхъ людей наединѣ, неужели вы не знаете, что Альбертъ Саворонъ де Саварю легитимистъ?

— Легитимистъ!

— До 1830 года онъ былъ рекетмейстеромъ Государственнаго Совѣта, состоялъ при президентѣ Совѣта Министровъ, и пользовался особымъ благорасположеніемъ дофина и его супруги. Вамъ бы не слѣдовало дурно отзываться о немъ, слѣдовало бы даже явиться въ нынѣшнемъ году на выборы, провозгласить его, и не допустить г. Шавонкура быть представителемъ Безансона.

— Отъ чего вы вдругъ стали принимать такое участіе въ этомъ Саворонѣ.

— Альбертъ де Саварю, побочный сынъ графа де Саварю будетъ . . . (вы только не выдавайте меня, это тайна) если его изберутъ въ депутаты, онъ будетъ нашимъ адвокатомъ въ дѣлѣ о Руксейскомъ помѣстьи. Это помѣстье, говорилъ мнѣ отецъ, будетъ принадлежать мнѣ: я хочу въ немъ жить, мѣсто чудесное! Меня очень огорчаетъ разрушеніе этого великолѣпнаго творенія великаго Ватевиля. . . .

— Чортъ возьми! подумалъ Сула, выходя изъ отеля Рюитовъ, дѣвка-то не глупая!

—

L.

Семейство Шавонкуръ.

Г. Шавонкуръ былъ роялистъ, изъ числа знаменитыхъ двухъ сотъ двадцати одного. По этому, послѣ Іюльской революціи, онъ тотчасъ сталъ проповѣдывать спасительное ученіе о присягѣ и о борьбѣ противъ существующаго порядка вещей, подобной борьбѣ торіевъ противъ виговъ въ Англіи. Ученіе его не понравилось легитимистамъ, которые, по пораженіи своемъ, благоразумно рѣшились раздѣлиться въ мнѣніяхъ и ограничиться бездѣйствіемъ, и надеждою на Провидѣніе. Утративъ довѣріе своей партіи, Шавонкуръ показался приверженцамъ золотой средины, лучшимъ человѣкомъ, какого они только могли выбрать; они предпочитали торжество его умѣренныхъ мнѣній торжеству республиканца, соединявшаго голоса энтузіастовъ и патріотовъ. Шавонкуръ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ Безансонѣ, происходилъ изъ стараго судейскаго дома; состояніе его, заключавшееся въ какихъ нибудь пятнадцати тысячахъ годоваго дохода, ни въ комъ не возбуждало зависти, тѣмъ болѣе, что у него были сынъ и три дочери. Пятнадцать тысячъ франковъ съ такимъ семействомъ не большое богатство. А когда при такихъ обстоятельствахъ отецъ семейства остается не подкупенъ, само собою разумѣется, что онъ долженъ пользоваться уваженіемъ избирателей: избиратели приходятъ въ такой же восторгъ отъ идеала судейской доблести, какъ партеръ въ театрѣ отъ благородныхъ помысловъ, къ которымъ самъ неспособенъ.

Г-жа Шавонкуръ, не смотря на то, что ей было за сорокъ, была одною изъ первыхъ красавицъ въ Безансонѣ. Во время засѣданій палаты, она скромно жила въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ, чтобы своею бережливостью покрыть расходы г. Шавонкура въ Парижѣ. Зимою она принимала гостей разъ въ недѣлю, по вторникамъ, и очень хорошо понимала свою должность хозяйки.

Молодой Шавонкуръ, двадцати двухъ лѣтъ, былъ пріятелемъ г. Сула, равно какъ и другой молодой человѣкъ, Вошель, его школьный товарищъ, и такой же бѣднякъ, какъ онъ самъ. Они всегда прогуливались вмѣстѣ и часто ходили вмѣ-

стѣ на охоту. Дружба ихъ была такъ всѣмъ извѣстна, что ихъ всегда приглашали всѣхъ вмѣстѣ на дачу. Филомена была также знакома съ дѣвицами Шавонкуръ, и знала, что эти молодые люди не имѣли другъ отъ друга никакихъ тайнъ. Она разсудила, что если Сула кому разскажетъ сообщенную ею тайну, то навѣрно своимъ двумъ друзьямъ. г. Вошель такъ же, какъ и Сула, имѣлъ уже въ виду невѣсту; онъ думалъ жениться на старшей Шавонкуръ, Викторіи, которой старая тетка обѣщала дать при замужествѣ помѣстье въ семь тысячъ франковъ доходу и сто тысячъ деньгами. Викторія была крестницею и любимицею тетки.

Такимъ образомъ, Филомена была увѣрена, что молодой Шавонкуръ и Вошель сообщатъ старику Шавонкуру объ опасности, которою ему угрожали притязанія Альберта. Но она этимъ не удовольствовалась; она написала префекту безъименное письмо лѣвою рукою, подписавшись *другомъ Лудовика-Филиппа*, она предупреждала его о тайномъ кандидатствѣ Альберта Саварю, представляя ему, какою опорою будетъ для Беррье ораторъ роялистъ, и раскрывая ему всю дальновидность дѣйствій Альберта, во время двухлѣтняго его пребыванія въ Безансонѣ. Префектъ былъ человѣкъ смѣтливый, личный врагъ роялистской партіи, преданный по убѣжденію Іюльскому правительству, словомъ, такой человѣкъ, о какихъ говорятъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: «У насъ въ Безансонѣ надежный префектъ». Этотъ префектъ прочиталъ письмо и немедленно сжегъ его, какъ просилъ писавшій.

Филомена желала разстроить избраніе Альберта, чтобы удержать его еще на пять лѣтъ въ Безансонѣ.

—

LI.

Приготовленія.

Выборы сдѣлались тогда боемъ партій, и министерство, чтобы обезпечить себѣ побѣду, выбрало мѣсто и время боя. Такимъ образомъ, выборы были назначены черезъ три мѣсяца. Когда вся жизнь человѣка зависитъ отъ выборовъ, то во все вре-

мя отъ изданія указа о созваніи избирательныхъ коллегій до дня назначеннаго для самыхъ выборовъ, ежедневная жизнь его какъ будто останавливается. Филомена понимала, какую пользу она могла извлечь изъ этихъ трехъ мѣсяцевъ заботъ для Альберта. Обѣщавъ Маріетѣ, какъ она созналась впослѣдствіи, принять и ее и Жерома къ себѣ въ услуженіе, она убѣдила ее, передавать ей всѣ письма, какія Альбертъ будетъ посылать въ Италію или получать оттуда. И въ то самое время, какъ она строила свои козни, она съ удивительно наивнымъ, самымъ невиннымъ видомъ, шила туфли отцу: она удвоивала свои усилія разъигрывать невинность и безпечность, понимая, какую это можетъ ей принести пользу.

Филомена становится удивительно мила, говорилъ баронъ Ватевиль.

За два мѣсяца до выборовъ, составилось собраніе у г. Бушé, отца; оно состояло изъ подрядчика, имѣвшаго виды на постройку моста и проведеніе Арсьерской воды, тестя г. Буше, г. Гране, того сильнаго лица, которому Саварю оказалъ услугу, и который долженъ былъ представить его въ кандидаты, стряпчаго Жирарде, типографщика, печатавшаго *Обозрѣніе* и предсѣдателя коммерческаго суда. Словомъ, въ этомъ собраніи было двадцать семь человѣкъ провинціальныхъ тузовъ. Каждый изъ нихъ представлялъ среднимъ числомъ по шести голосовъ; но при расчетѣ, ихъ было показано по шести, ибо люди всегда начинаютъ съ того, что самихъ себя обманываютъ на счетъ значительности своего вліянія. Изъ этихъ двадцати семи лицъ, одно префектъ считалъ своимъ, благодаря какой то министерской милости, которой этотъ лицемѣръ домогался для себя или своихъ родныхъ. Въ этомъ первомъ совѣщаніи положено было избрать адвоката Саварона въ кандидаты, съ энтузіазмомъ, котораго никто бы не ожидалъ въ Безансонѣ. Ожидая у себя, чтобы за нимъ пришелъ Альфредъ Буше, Альбертъ разговаривалъ съ аббатомъ Грансе, котораго очень занимала эта честолюбивая душа. Альбертъ цѣнилъ высокія политическія способности аббата, а аббатъ, тронутый просьбами молодаго человѣка, согласился быть его руководителемъ и совѣтникомъ въ трудной борьбѣ. Капитулъ не жаловалъ г. Шавонкура, приходившагося по женѣ шуриномъ предсѣдателю коммерческаго суда.

— Вамъ измѣнили, мой другъ, говорилъ проницательный и почтенный аббатъ, тѣмъ кроткимъ, спокойнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ старики священники.

— Измѣнили?.. вскричалъ Альбертъ, пораженный въ самое сердце.

— Кто измѣнилъ, не знаю, продолжалъ аббатъ, но Префектъ знаетъ всѣ ваши планы и дѣйствуетъ навѣрняка. Въ настоящую минуту не могу вамъ дать никакаго совѣта. Такое дѣло надо сначала хорошенько обдумать. Что касается до нынѣшняго вечера, вы должны въ собраніи предупредить готовящіеся вамъ удары. Раскройте всю свою прежнюю жизнь; такимъ образомъ, вы ослабите неблагопріятное дѣйствіе, которое это открытіе должно произвести на Безансонцевъ.

— О, я это предчувствовалъ, сказалъ Саварю дрожащимъ голосомъ.

— И не хотѣли воспользоваться моимъ совѣтомъ; вы имѣли случай войти въ домъ Рюптовъ; вы не знаете, что вы могли этимъ выиграть...

— Что?

— Единодушную опору роялистовъ, согласіе ихъ явиться на выборы... Болѣе ста голосовъ!.. Присоединивъ къ нимъ то, что мы называемъ голосами духовенства, у васъ правда, не было-бы еще достаточнаго числа голосовъ для избранія; но вы могли одержать верхъ посредствомъ балотировки. Въ такихъ случаяхъ вступаютъ въ переговоры, и тогда ло всего можно достигнуть.

Тутъ вошелъ Альфредъ Буше, и съ восторгомъ объявилъ желаніе предварительнаго собранія; Викарій и адвокатъ выслушали его спокойно и холодно.

— Прощайте, любезный аббатъ, сказалъ Альбертъ, мы подробнѣе поговоримъ о вашемъ дѣлѣ послѣ выборовъ.

Адвокатъ пошелъ подъ руку съ Альфредомъ, крѣпко пожавъ руку аббату. Старикъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на честолюбца, котораго лицо сіяло тѣмъ величіемъ, которое озаряетъ черты великаго полководца при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Онъ возвелъ глаза къ небу, и вышелъ, говоря просебя: «Какой славный былъ бы служитель церкви!»

—

LII.

Альбертъ за дѣломъ.

Не въ судѣ должно искать краснорѣчія. Адвокатъ тутъ рѣдко являетъ истинное витійство души; иначе онъ погибъ бы въ нѣсколько лѣтъ. Оно рѣдко также въ наше время и на каѳедрѣ проповѣдника; но оно является иногда въ засѣданіяхъ Палаты Депутатовъ, когда честолюбецъ ставитъ на карту все свое существованіе, когда терзаемый тысячью стрѣлъ, онъ мгновенно разражается во всемъ своемъ могуществѣ. Въ особенности же оно проявляется въ нѣкоторыхъ избранныхъ существахъ, въ роковой часъ, когда усилія ихъ должны увѣнчаться успѣхомъ, или погибнуть. Альбертъ Саварю, чувствуя необходимость приобрѣсти въ этомъ собраніи, жаркихъ приверженцевъ, раскрылъ всѣ силы своей души и ума. Онъ вошелъ въ залу безъ робости и безъ высокомѣрія, безъ боязни и безъ нахальства, благородно, и нисколько не изумился, очутясь среди тридцати или сорока человѣкъ; ибо слухъ о собраніи и его рѣшеніи привлекъ уже нѣсколько послушныхъ колокольчику барановъ. Не слушая г. Буше, хотѣвшаго встрѣтить его рѣчью о рѣшеніи комитета, Альбертъ знакомъ потребовалъ молчанія и пожалъ руку г–ну Буше, будто желая предупредить его о возникшемъ мгновенно затрудненіи.

«Юный другъ мой, Альфредъ Буше, сказалъ адвокатъ, сообщилъ мнѣ о сдѣланной мнѣ чести. Но прежде, чѣмъ это рѣшеніе будетъ окончательно утверждено, я считаю обязанностью объяснить вамъ, кто такой вашъ кандидатъ, чтобы вы могли отказаться отъ своихъ словъ, если мое объясненіе не будетъ согласно съ вашею совѣстью.»

Это вступленіе водворило всеобщее, глубокое молчаніе. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ нашли поступокъ адвоката весьма благороднымъ.

Альбертъ объяснилъ свою предъидущую жизнь, открылъ свое настоящее имя и свои дѣйствія во время Реставраціи, показалъ, что онъ сталъ новымъ человѣкомъ со времени прибытія своего въ Безансонъ, принималъ обязательство на будущее время. Эта рѣчь, говорятъ, потрясла всѣхъ слушателей. Всѣ эти люди,

столь несогласные въ видахъ и интересахъ, были увлечены дивнымъ краснорѣчіемъ, стремившимся, какъ горячій потокъ, прямо изъ души честолюбца. Восторгъ не далъ имъ одуматься. Собраніе поняло только то, что Альбертъ хотѣлъ вложить въ его головы.

Не лучше ли городу имѣть своимъ представителемъ человѣка, предназначеннаго управлять цѣлымъ обществомъ, чѣмъ машину, подающую голосъ? Государственный человѣкъ содержитъ въ себѣ цѣлую силу; посредственный но неподкупный депутатъ, представляетъ одну совѣсть. Какая слава для Прованса, что она угадала Мирабо, и послѣ 1830 года избрала единственнаго государственнаго человѣка, рожденнаго іюльскою революціею!

Увлеченные его краснорѣчіемъ, всѣ слушатели остались въ полной увѣренности, что оно будетъ могучимъ политическимъ орудіемъ въ ихъ представителѣ. Они уже видѣли въ Альбертѣ Саваронѣ будущаго министра Саварю. Угадывая тайные расчеты своихъ слушателей, искусный кандидатъ намекнулъ имъ, что они первые приобрѣтаютъ право пользоваться его вліяніемъ.

Это честолюбивое объявленіе своего образа мыслей, это откровеніе своей жизни и своего характера, по словамъ единственнаго человѣка, способнаго судить Альберта, и сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ одною изъ замѣчательныхъ головъ Безансона, было образцомъ искусства, чувства, огня и увлекательности. Оно покорило умы всѣхъ избирателей. Никто никогда не имѣлъ подобнаго успѣха. Но къ несчастію слово производитъ только мгновенное впечатлѣніе. Если бы тутъ же приступили къ подачѣ голосовъ, нѣтъ сомнѣнія, что изъ урны вышло бы имя Альберта, и что онъ остался бы побѣдителемъ; но ему слѣдовало еще одерживать такія же побѣды каждый день, впродолженіе шести мѣсяцевъ. Альбертъ вышелъ, задыхаясь отъ волненія, при рукоплесканіяхъ всего собранія. Рѣчь его принесла ему одну немаловажную пользу: онъ заранѣе уничтожилъ дѣйствіе недоброжелательныхъ толковъ, къ которымъ могла дать поводъ его прошедшая жизнь. Безансонское купечество назначило Саварона де Саварю своимъ кандидатомъ. Альфредъ Буше подавалъ заразительный примѣръ своимъ энтузіазмомъ, который однакоже подъ конецъ долженъ былъ сдѣлаться неумѣстнымъ и вреднымъ.

Префектъ, встревоженный этимъ торжествомъ, сталъ пере-

считывать министерскія голоса, и имѣлъ тайное свиданіе съ г. Шавонкуромъ, чтобы вступить съ нимъ въ союзъ. Съ каждымъ днемъ, непонятнымъ для Альберта образомъ, число голосовъ комитета Буше, уменьшалось. За мѣсяцъ до выборовъ, у Альберта уже едва было шестьдесятъ голосовъ. Ничто не могло устоять противъ медленныхъ, но тѣмъ болѣе разрушительныхъ дѣйствій префекта и его братьи. Три, четыре ловкіе агента говорили приверженцамъ Саварю: «Станетъ ли вашъ депутатъ защищать и выигрывать ваши тяжбы? Станетъ ли давать вамъ совѣты? Станетъ ли заключать ваши условія и сдѣлки? Еще пять лѣтъ будетъ онъ вамъ рабомъ, если вмѣсто того, чтобы избрать его нынче, вы только обнадежите его избраніемъ черезъ пять лѣтъ.» Этотъ расчетъ былъ тѣмъ вреднѣе для Саварю, что на эту мысль уже находили нѣкоторые купеческія жены. Участники дѣла моста и Арсерской воды не устояли противъ совѣщанія съ однимъ хитрымъ приверженцемъ министерства, который доказалъ имъ, что имъ слѣдуетъ искать покровительства въ префектурѣ, а не въ какомъ то честолюбцѣ. Каждый день былъ для Альберта новымъ пораженіемъ, каждый день былъ сраженіемъ, на словахъ, рѣчахъ и происках, котораго онъ самъ чертилъ планъ, но которое проигрывали его помощники. Онъ не смѣлъ ходить къ Викарію, а Викарій самъ не показывался. Альбертъ засыпалъ и просыпался въ лихорадкѣ и съ разгорѣвшеюся головою.

—

LIII.

Предварительное собраніе.

Наконецъ насталъ день перваго боя, такъ называемаго предварительнаго собранія, въ которомъ считаются голоса, кандидаты соображаютъ свои надежды, и проницательные люди могутъ предсказывать успѣхъ и неудачу. Это сцена въ родѣ англійскихъ hustings, пристойная, безъ черни, но такая же страшная: въ ней дѣйствуютъ такіе же глубокія страсти, хотя и не выражаются физически, какъ въ Англіи. Англичане рѣшаютъ дѣла на кулакахъ, даютъ сраженія; Французы рѣшаютъ ихъ на

словахъ, разыгрываютъ свою участь въ холодныхъ, спокойно обдуманныхъ соображеніяхъ. Это политическое дѣйствіе совершается у обоихъ народовъ на оборотъ ихъ врожденному характеру. Радикальная партія имѣла своего кандидата; потомъ представился г. Шавонкуръ; за нимъ Альбертъ противъ котораго радикалисты и комитетъ Шавонкура возстали, какъ противъ втораго Берье. Министерство имѣло также своего кандидата, несчастную жертву, назначеннаго для того только, чтобы соединить чисто министерскіе голоса. Раздѣлившіеся такимъ образомъ голоса ни къ чему не привели. Республиканскій кандидатъ получилъ двадцать голосовъ, министерство пятьдесятъ, Альбертъ семьдесятъ, г. Шавонкуръ шестьдесятъ семь. Но вѣроломная префектура подослала Альберту тридцать самыхъ преданныхъ своихъ голосовъ, чтобы обмануть его противника. Присоединивъ голоса г. Шавонкура, къ восьмидесяти голосамъ, которыми оно по настоящему располагало, префекту оставалось только отдѣлить нѣсколько голосовъ отъ радикальной партіи, чтобы взять въ свои руки выборы. Недоставало ста шестидесяти голосовъ; то были голоса Аббата Грансея и легитимистовъ.

Предварительное собраніе на выборахъ то же самое, что на театрѣ генеральная проба, т. е. самая обманчивая вещь въ мірѣ. Альбертъ возвратился домой съ твердостію въ лицѣ, но съ унынiемъ въ душѣ. Благодаря своему уму, генію, или просто—счастью, онъ въ послѣднія двѣ недѣли пріобрѣлъ двухъ преданныхъ друзей; тестя стряпчаго Жирарде, и одного стараго, хитраго негоціанта, къ которому его послалъ г. Грансей. Эти два человѣка, сдѣлавшись его лазутчиками, казались самыми горячими врагами Саварю въ противныхъ рядахъ. Къ концу предварительнаго собранія, они извѣстили Саварю, чрезъ г. Буше, что тридцать неизвѣстныхъ голосовъ исправляли въ его партіи ту же должность, какую они занимали для него у другихъ! Преступникъ, идущій на казнь, не чувствуетъ того, что чувствовалъ Альбертъ, возвращаясь домой изъ залы, гдѣ разъигралась его судьба. Въ отчаяніи, онъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо его проводилъ. Одинъ шелъ онъ по улицамъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи.

Въ часъ, Альбертъ, три дня уже не смыкавшій глазъ, сидѣлъ у себя въ библіотекѣ, въ вольтеровскихъ креслахъ, блѣд-

ный, какъ передъ смертью, сложивъ руки, въ положеніи достойномъ кающейся Магдалины. Слезы дрожали на длинныхъ его рѣсницахъ, тѣ слезы, которыя омачиваютъ только глаза, а не стекаютъ по щекамъ: мысль поглощаетъ ихъ, пламень души ихъ осушаетъ! Наединѣ онъ могъ плакать. Онъ замѣтилъ бѣлый женскій образъ въ бесѣдкѣ.

«Уже три мѣсяца, какъ нѣтъ отъ *нея* писемъ! Что съ нею? я самъ два мѣсяца не писалъ къ ней, но я ее предупредилъ. Не больна ли? О, моя любовь, моя жизнь! узнаешь ли ты когда все, что я перестрадалъ? Какая несчастная дана мнѣ организація! Не аневризмъ ли?» подумалъ онъ, прикладывая руку къ сердцу, которое такъ сильно билось, что бой его раздавался въ глубокомъ молчаніи, будто песчинки, падающіе на натянутый пузырь барабана.

Въ это мгновеніе за дверью послышались три скромные удара. Альбертъ всталъ, поспѣшно отворилъ дверь, и едва не упалъ безъ чувствъ отъ радости, при видѣ восторженнаго, торжествующаго лица Викарія.

—

LIV.

Пастырь вѣрный другъ.

Альбертъ, не говоря ни слова, бросился къ Аббату, обнялъ его, и опустилъ голову на плечо старика. Онъ снова сталъ ребенкомъ, онъ плакалъ, какъ въ тотъ день, когда узналъ, что Франческа замужемъ. Никому не показывалъ онъ своей слабости, кромѣ этого священника, котораго лицо озарялось лучемъ надежды. Священникъ былъ великъ, и такъ же ретивъ, какъ великъ!

«Извините, любезный Аббатъ; вы вошли въ такую завѣтную минуту, когда человѣкъ исчезаетъ; не думайте, чтобы я былъ простой честолюбецъ.

— Знаю, отвѣчалъ Аббатъ; вы написали *Честолюбца изъ любви*. И меня, мой другъ, обманутая любовь повела въ духовное званіе, въ 1786 году, когда мнѣ было только двадцать два

года. Въ 1788 году я уже былъ прихолскимъ священникомъ. Я знакомъ съ жизнью. Я уже отказался отъ трехъ епископствъ, хочу умереть въ Безансонѣ.

— Взгляните на нее! сказалъ Саворю, взявъ свѣчу, и ведя Аббата въ роскошный кабинетъ, гдѣ висѣлъ портретъ герцогини Аргаіоло.

— Женщина, рожденная властвовать! сказалъ Аббатъ, понимая какую дружбу Альбертъ изъявлялъ ему этимъ нѣмымъ откровеніемъ. Но на этомъ челѣ ужасная, неукротимая гордость; она никогда не проститъ оскорбленія! Это ангелъ мести, ангелъ неумолимаго гнѣва. Все или ничего! вотъ девизъ ея характера. Въ этомъ лицѣ есть что то божественно-дикое.

— Вы ее вполнѣ разгалали, возразилъ Саварю. Но, любезный Аббатъ, уже двѣнадцать лѣтъ она владычица моей жизни, и я не могу упрекнуть себя ни въ одной мысли.

— Ахъ, если бы вы могли тоже сказать въ отношеніи къ Богу! наивно замѣтилъ Аббатъ. Но обратимся къ вашимъ дѣламъ. Я уже полторы недѣли тружусь для васъ. Если вы истинный политикъ, вы на этотъ разъ непремѣнно послѣдуете моему совѣту. Вы бы не были въ теперешнемъ положеніи, если бы явились въ домъ Рюптовъ, когда я вамъ совѣтовалъ; но ступайте завтра вечеромъ, я васъ представлю. Дѣло о Руксейскомъ помѣстьи идетъ плохо, черезъ два дни надо его защищать. Выборы будутъ не ближе, какъ черезъ три дня. Въ первый день постараются помѣшать присутствію; потомъ будутъ нѣсколько разъ собирать голоса, и вы будете избраны по балотировкѣ.

— Какимъ же образомъ?

— Выигравъ тяжбу о Руксейскомъ помѣстьи, вы пріобрѣтете восемьдесятъ легитимистскихъ голосовъ; прибавьте къ нимъ тридцать голосовъ, которыми я располагаю, вотъ вамъ сто десять голосовъ. А какъ у васъ еще будетъ оставаться двадцать голосовъ изъ комитета Буше, то и выйдетъ всего сто тридцать голосовъ.

—Нужно еще семьдесятъ пять голосовъ, возразилъ Альбертъ.

— Такъ, отвѣчалъ Аббатъ; все остальное принадлежитъ министерству. Но вѣдь у васъ, мой другъ, двѣсти голосовъ, а у префектуры сто восемьдесятъ?

— У меня, двѣсти голосовъ! откуда же? спросилъ Аль-

бертъ, вскочивъ отъ изумленія, будто на пружинѣ, и ставъ неподвижно передъ Аббатомъ.

— Какъ же, у васъ голоса г. Шавонкура, отвѣчалъ Аббатъ.

— Это какимъ образомъ? спросилъ Альбертъ.

— Вы женитесь на дѣвицѣ Сидоніи Шавонкуръ.

— Никогда!

— Вы женитесь на дѣвицѣ Сидоніи Шавонкуръ, повторилъ Аббатъ холодно и рѣшительно,

На этотъ разъ Альбертъ понялъ. Викарій не хотѣлъ принимать участія въ планѣ, который, наконецъ, открывался отчаянному честолюбцу. Одно лишнее слово было бы противно его священническому достоинству.

— Вы завтра встрѣтите въ домѣ Рюптовъ г-жу Шавонкуръ, со второю ея дочерью, поблагодарите ее за то, что она для васъ сдѣлала, скажите, что вашей благодарности нѣтъ границъ. Словомъ вы ей преданы душой и тѣломъ, ваша будущность неразрывно связана съ будущностью ея семейства, вы не корыстолюбивы, и такъ полагаетесь на себя, что считаете избраніе въ депутаты достаточнымъ приданымъ. Но помните, что я тутъ ни тѣломъ, ни душой. Вамъ придется выдержать сильный напоръ отъ г-жи Шавонкуръ, она будетъ добиваться вашего слова. Отъ этого вечера зависитъ ваша будущая судьба. Я на свою душу беру только голоса легитимистовъ; я вамъ приобрѣлъ г-жу Ватевиль, а съ нею всю Безансонскую аристократію. Амеде де Сула и Вошель будутъ за васъ, и склонили на вашу сторону всю молодежь; г-жа Ватевиль склонитъ стариковъ. На мои голоса вы можете смѣло полагаться.

— Кто же обошелъ г-жу Шавонкуръ, спросилъ Саварю.

— И не спрашивайте, отвѣчалъ Аббатъ. У г-жи Шавонкуръ три дочери невѣсты, и нѣтъ никакихъ средствъ увеличить состояніе. Вошель женится на старшей, безъ приданаго, благодаря старой теткѣ, которая обезпечила ее; куда же дѣваться съ двумя остальными, она и не знаетъ; Сидоніи шестнадцать лѣтъ, а ваше честолюбіе неисчерпаемый кладъ. Кто-то подсказалъ г-жѣ Шавонкуръ, что лучше бы ей выдать дочь, чѣмъ посылать мужа въ Парижъ, проживать деньги. Этотъ кто-то водитъ г-жею Шавонкуръ, а она водитъ мужемъ.

— Довольно, любезный Аббатъ! понимаю. Когда я достиг-

ну своей цѣли, буду депутатомъ, я долженъ устроить счастье одной особы; а устроивъ его, какъ можно лучше и блистательнѣе, я могу выручить свое слово. Вы всегда найдете во мнѣ сына, человѣка обязаннаго вамъ всѣмъ своимъ счастьемъ. Чѣмъ могъ я заслужить такую искреннюю дружбу?

— Вы доставили побѣду капитулу, отвѣчалъ Викарій, улыбаясь. Попрошу васъ объ одномъ: чтобы все это оставалось въ глубокой тайнѣ! Мы тутъ ничѣмъ не грѣшны, не имѣемъ никакого участія. Узнай они только, что мы мѣшаемся въ выборы, радикалисты съѣдятъ насъ живьемъ; да и отъ своихъ достанется. Г-жа Шавонкуръ и не подозрѣваетъ во всемъ этомъ моего участія. Я ввѣрился одной только г-жѣ Ватевиль; на нее мы можемъ полагаться, какъ на самихъ себя.

— Я пріѣду къ вамъ съ герцогинею, за вашимъ благословеніемъ! сказалъ честолюбецъ.

Проводивъ стараго Аббата, Альбертъ легъ и уснулъ въ мечтахъ о будущемъ своемъ могуществѣ.

—

LV.

Непостижимо.

На слѣдующій день, въ девять часовъ вечера, какъ можно себѣ представить, покои баронессы Ватевиль были наполнены Безансонскою аристократіею, созванною по чрезвычайному случаю. Извѣстно было, что долженъ быть представленъ бывшій рекетмейстеръ, секретарь одного изъ самыхъ вѣрныхъ друзей старшей отрасли. Г-жа Шавонкуръ явилась со второю дочерью, Сидоніею, разодѣтою впухъ, между тѣмъ, какъ старшая, имѣвшая уже жениха, не прибѣгала ни къ какимъ хитростямъ туалета. Эти мелочи соблюдаются въ провинціи. Аббатъ Грансей ходилъ изъ кружка въ кружокъ, слушалъ, показывалъ видъ, будто ни во что не мѣшался, и между тѣмъ отпускалъ мѣткія словца, какими проницательный человѣкъ умѣетъ обнимать цѣлые вопросы и управлять мнѣніями.

«Если бы вдругъ была возстановлена старшая отрасль, говорилъ онъ одному семидесятилѣтнему политику, какихъ она найдетъ политиковъ? Берье одинъ на своей скамьѣ, не знаетъ что ему дѣлать; будь у него голосовъ шестьдесятъ, какъ бы часто онъ могъ останавливать правительство и низвергать министровъ! Въ Тулузѣ собираются избрать герцога Фицъ-Джемса. Вы поможете г. Ватевилю выиграть процессъ, если вы подадите голосъ въ пользу г. Саварю, республиканцы пристанутъ къ вамъ, чтобы только не пристать къ серединѣ, и проч. и проч.»

Въ девять часовъ Альберта еще не было; г-жа Ватевиль замѣтила, что довольно грубо такъ опаздывать.

— Помилуйте, любезная баронесса, возразила г-жа Шавонкуръ; какъ можно, въ такихъ важныхъ дѣлахъ, обращать вниманіе на такіе пустяки? Г. Саварю могъ задержать невысохшій сапогъ, или нежданный посѣтитель, пришедшій за совѣтомъ, почему знать?

Филомена искоса взглянула на г-жу Шавонкуръ.

— Откуда такая снисходительность къ г. Саварю? шепнула она матери.

— Извѣстно откуда, отвѣчала баронесса, улыбаясь, она выдаетъ за него Сидонію.

Филомена съ досадою отошла къ окну, выходившему въ садъ. Било десять часовъ, а Саварю все еще нѣтъ. Скоплявшаяся гроза разразилась. Нѣсколько гостей сѣли за карты, находя поступокъ адвоката невыносимо грубымъ. Аббатъ Грансей не зналъ, что и думать, подошелъ къ окну, за которымъ скрылась Филомена, и въ изумленіи своемъ, твердилъ въ слухъ. «Онъ, должно быть, умеръ, непремѣнно умеръ!» Викарій вышелъ въ садъ; за нимъ баронъ Ватевиль и Филомена; всѣ трое взошли въ бесѣдку. У Альберта казалось все запертымъ, нигдѣ не видно было огня.

— Жеромъ! кликнула Филомена, увидавъ слугу на дворѣ.

Аббатъ Грансей съ удивленіемъ взглянулъ на Филомену.

— Гдѣ же твой баринъ? спросила Филомена, когда слуга подошелъ къ забору.

— Уѣхалъ, сударыня, уѣхалъ на почтовыхъ!

— Или онъ погибъ, воскликнулъ Аббатъ, или онъ счастливъ!

Какъ ни искусно Филомена скрыла на лицѣ выраженіе радости и торжества, проницательный Аббатъ его подмѣтилъ; но показалъ видъ, будто ничего не видѣлъ.

— Что тутъ могла надѣлать Филомена? думалъ онъ про себя.

Всѣ трое возвратились въ покои, и баронъ Ватевиль объявилъ странную, удивительную, непостижимую вѣсть объ отъѣздѣ адвоката Альберта Саварона де Саварю на почтовыхъ, безъ всякой видимой причины. Въ половинѣ двѣнадцатаго, въ гостинной оставалось всего человѣкъ пятнадцать, въ томъ числѣ г-жа Шавонкуръ и Аббатъ Годемаръ, также Викарій, человѣкъ лѣтъ сорока, мѣтившій въ епископы, одна изъ дѣвицъ Шавонкуръ, и г. Вошель, Аббатъ Грансей, Филомена, Амеде де Сула, и одинъ старый отставной сановникъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Безансонской знати, чрезвычайно желавшій избранія Альберта Саварю. Аббатъ Грансе сѣлъ подлѣ баронессы, такимъ образомъ, чтобы наблюдать лицо Филомены, обыкновенно блѣдное, а теперь покрытое лихорадочнымъ румянцемъ.

— Чтобы такое могло случиться съ г. Саварю? говорила г-жа Шавонкуръ.

— Въ это мгновеніе слуга въ ливреѣ подалъ аббату Грансе на серебренномъ блюдѣ письмо.

— Читайте, сказала баронесса.

Викарій прочиталъ письмо, не спуская глазъ съ Филомены, которая вдругъ стала бѣлѣе своей косынки.

— Она узнаетъ руку, подумалъ Аббатъ, все смотря на дѣвушку черезъ очки. Онъ сложилъ письмо и хладнокровно положилъ его въ карманъ. Въ продолженіе десяти минутъ онъ встрѣтилъ три взгляда Филомены, которыхъ для него было достоточно, чтобы все угадать.

«Она любитъ Альберта Саварю!» подумалъ Аббатъ. Онъ всталъ, Филомена почувствовала сотрясеніе во всемъ тѣлѣ; онъ откланялся и вышелъ. Во второй комнатѣ нагнала его Филомена, и сказала:» Г. Грансе, письмо отъ *него*, отъ *Альберта*?

— Какимъ образомъ знаете вы такъ хорошо его руку, что узнаете и на такомъ разстояніи?

Попавшись въ сѣти собственнаго нетерпѣнія дѣвушка вы-

путалась словомъ, которое Аббатъ нашелъ прекраснымъ: » Потому что я люблю его! — Что же онъ пишетъ, спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Отказывается отъ избранія, отвѣчалъ Аббатъ.

Филомена приложила палецъ къ губамъ.

— Прошу васъ хранить все это въ такой же тайнѣ, какъ исповѣдь, сказала она, и пошла назадъ въ гостиную. Когда отказался отъ избранія, такъ значитъ, уже не женится на Сидоніи!

—

LVI.

Похищеніе Альберта Саварю.

На слѣдующее утро, идя къ обѣднѣ, Филомена узнала отъ Маріеты часть обстоятельствъ, бывшихъ причиною внезапнаго скрытія Альберта въ самую критическую минуту его жизни.

— Утромъ, сударыня, пріѣхалъ изъ Парижа въ Національную гостинницу какой то старый господинъ въ своей каретѣ, чудесной каретѣ, запряженной четвернею, съ курьеромъ и лакеемъ. Словомъ, Жеромъ, видѣвшій карету передъ ея отъѣздомъ, увѣряетъ, что это могъ быть только какой нибудь князь или лордъ.

— Не было ли на каретѣ короны? спросила Филомена.

— Не знаю, отвѣчала Маріета. Въ два часа онъ пришелъ къ г. Саварю, и велѣлъ ему отдать карточку. Увидавъ ее, г. Саварю, говоритъ Жеромъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и приказалъ просить. Такъ какъ онъ самъ заперъ дверь на ключъ, то никакъ нельзя было узнать, о чемъ разговаривали старый господинъ и адвокатъ, но они оставались вдвоемъ почти цѣлый часъ: потомъ старый господинъ вышелъ съ адвокатомъ, и велѣлъ призвать своего человѣка. Жеромъ видѣлъ, какъ его человѣкъ потомъ вышелъ и вынесъ огромный свертокъ, фута въ четыре длины, толстой клеенки. У стараго господина въ рукахъ была толстая пачка бумагъ. Адвокатъ, обыкновенно такой величавый, такой гордый, былъ

блѣденъ, какъ смерть; больно было взглянуть на него... Но онъ обращался съ старымъ господиномъ такъ почтительно, какъ будто съ самимъ королемъ. Жеромъ и г. Альбертъ Саварю проводили старика до кареты, запряженной четвернею. Онъ уѣхалъ ровно въ три часа. Г. Саварю немедленно отправился въ префектуру, потомъ къ г. Жантильe, купилъ у него старую дорожную коляску покойной г-жи Сенъ-Вье, и приказалъ, чтобы ему къ шести часамъ привели почтовыхъ лошадей. Воротясь домой, онъ сталъ укладываться; написалъ, должно быть, нѣсколько записокъ; привелъ въ порядокъ свои дѣла съ г. Жирарде, который пришелъ и просидѣлъ у него до семи часовъ. Жеромъ отнесъ записочку къ г. Буше, который ждалъ г. Саварю къ себѣ обѣдать. Потомъ, въ половинѣ восьмаго, адвокатъ уѣхалъ, давъ Жерому за три мѣсяца впередъ жалованье, и приказавъ ему искать себѣ мѣста. Онъ отдалъ свои ключи г-ну Жирарде, завезъ его домой, и у него закусилъ, говоритъ Жеромъ, ибо г. Жирарде еще не обѣдалъ. Когда г. Саварю сѣлъ въ коляску, онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Жеромъ, прощаясь съ нимъ, слышалъ, какъ онъ приказалъ ямщику: По Женевской дорогѣ.

— Спрашивалъ ли Жеромъ въ гостинницѣ имя пріѣзжаго!

— Такъ какъ онъ былъ только проѣздомъ, то его не спрашивали объ имени; а человѣкъ его, вѣроятно по приказанію, показывалъ видъ будто не говоритъ по французски.

— Ну, а письмо, которое аббатъ Грансей получилъ такъ поздно? спросила Филомена.

— Должно полагать, его долженъ былъ передать г. Жирарде; но Жеромъ говоритъ, что бѣдный г. Жирарде, который любилъ адвоката, какъ брата, былъ разстроенъ не менѣе его самого. «Кто пришелъ тайкомъ, тайкомъ и уйдетъ,» говоритъ г-жа Каларъ.

Филомена, послѣ этого разсказа, очевидно стала задумчива и печальна. Нечего и говорить, какъ нашумѣлъ въ Безансонѣ отъѣздъ адвоката Саворона. Потомъ узнали, что префектъ очень охотно исполнилъ его желаніе и немедленно выдалъ ему паспортъ на выѣздъ за границу; этимъ онъ избавлялся отъ единственнаго своего соперника. На слѣдующій день, г. Шавонкуръ былъ съ разу избранъ большинствомъ 140 голосовъ.

— Ушелъ съ чѣмъ пришелъ, замѣтилъ одинъ избиратель, услышавъ о бѣгствѣ Альберта Саварона.

Это событіе только подкрѣпило давнишнія предубѣжденія Безансонцевъ противъ иногородцевъ. Недѣли чрезъ полторы, объ Альбертѣ Саварю уже не было и помину. Только три существа: стряпчій Жирарде, Викарій Грансе и Филомена, были дѣйствительно поражены его внезапнымъ отъѣздомъ. Жирарде зналъ, что сѣдой посѣтитель былъ князь Солерини; онъ видѣлъ его карточку, и сообщилъ о томъ Викарію: Филомена знала гораздо болѣе ихъ; ей уже три мѣсяца была извѣстна кончина герцога Аргаіоло.

—

LVII.

Множество событій.

Въ апрѣлѣ 1836 года, никто не получалъ еще вѣстей и не слыхалъ объ Альбертѣ Саварю. Жеромъ и Маріета были сговорены; но баронесса сказала своей горничной за тайну, что скоро выдастъ Филомену, и совѣтовала подождать, чтобы сыграть обѣ свадьбы вмѣстѣ.

— Пора выдавать Филомену замужъ, сказала однажды баронесса г. Ватевилю, ей девятнадцать лѣтъ, и въ послѣдніе мѣсяцы она такъ перемѣнилась, что страшно взглянуть....

— Не понимаю, что съ нею? отвѣчалъ баронъ.

— Когда отцы не понимаютъ, что дѣлается съ ихъ дочерьми, матери угадываютъ, возразила баронесса; ей пора за мужъ.

— Отъ чегожъ бы не выдать? сказалъ баронъ; я съ своей стороны намѣренъ отдать ей Руксейское помѣстье; благо судъ окончилъ наши раздоры съ Рисейскою общиною, назначивъ мнѣ границу въ трехъ стахъ метрахъ отъ подошвы Виларскаго Зуба. Я велѣлъ вырыть ровъ, для стока всѣхъ водъ и обращенія ихъ въ озеро. Община не подавала апелляціи, рѣшеніе будетъ окончательнымъ.

— А вы еще не догадались, подхватила баронесса, что это

рѣшеніе стоитъ мнѣ тридцать тысячъ франковъ, заплаченныхъ меру Жантони. Этотъ мужикъ того только и хотѣлъ; съ виду онъ выигралъ дѣло общинѣ, а въ самомъ дѣлѣ взялъ деньги, чтобы оставить насъ въ покоѣ. Если вы отдадите Руксей, у васъ самихъ ничего не останется.

— Да мнѣ и немного нужно, отвѣчалъ баронъ, я приближаюсь къ могилѣ....

— А кушаете за четверыхъ.

— Въ томъ то и дѣло: я ѣмъ, ѣмъ, а чувствую, что у меня ноги съ каждымъ днемъ слабѣютъ....

— Оттого, что вы цѣлый день стоите передъ токарнымъ станкомъ, сказала баронесса.

— Можетъ быть, отвѣчалъ баронъ.

— Мы выдадимъ Филомену за г. Сула; если вы намѣрены отдать ей Руксейское помѣстье, предоставьте себѣ, покрайней мѣрѣ, пользованіе имъ; я имъ дамъ двадцать четыре тысячи доходу. Дѣти наши будутъ жить здѣсь; кажется, положеніе ихъ будетъ такое, что нельзя жаловаться.

— Нѣтъ, я совсѣмъ отдамъ имъ Руксейское помѣстье; Филомена очень любитъ Руксей.

— Забавны вы съ своею дочерью! А люблю ли я Руксей или нѣтъ, вамъ до этого дѣла нѣтъ!

Вслѣдъ за этимъ совѣщаніемъ, призвали Филомену, и объявили ей, что она въ первыхъ числахъ мая выходитъ за Амедея де Сула.

— Благодарю васъ, матушка, и васъ, батюшка, за попеченія ваши о моемъ устройствѣ, но я не хочу выходить замужъ; мнѣ такъ хорошо жить при васъ.

— Пустыя слова! возразила баронесса. Ты не любишь графа Сула, вотъ что!

— Если желаете, чтобы я говорила откровенно: я никогда не выйду за г. Сула.

— Знаемъ, что такое *никогда* девятнадцати-лѣтней дѣвушки!.., сказала баронесса съ горькою усмѣшкою.

— А знаете ли, что такое *никогда* дѣвицы Ватевиль?—возразила Филомена рѣшительно. Батюшка, я полагаю, не намѣренъ выдавать меня замужъ противъ воли.

— Разумѣется нѣтъ, сказалъ добрый баронъ, нѣжно взглянувъ на дочь.

— Въ такомъ случаѣ, баронъ, возразила баронесса сухо, и съ трудомъ удерживая свою ярость при этомъ неожиданномъ сопротивленіи, извольте сами заботиться о томъ, чтобы пристроить дочь. Помни, Филомена, что ты отъ меня не получишь ни гроша, если не выйдешь замужъ согласно моему желанію.

— Начавшаяся, такимъ образомъ, ссора между г-жею Ватевиль и барономъ, поддерживавшимъ дочь, дошла до того, что Филомена и отецъ ея принуждены были провести все лѣто въ Руксейскомъ помѣстьи; въ отели де Рюптовъ имъ не было житья. Весь Безансонъ узналъ тогда, что дѣвица Ватевиль рѣшительно отказала графу Сула. Жеромъ и Маріета, соединившись узами супружества, пріѣхали въ Руксей, надѣясь современемъ заступить мѣсто Модинье. Баронъ исправилъ и обновилъ домъ на плотинѣ, по желанію дочери.

Услышавъ, что всѣ эти перестройки стоили до шестидесяти тысячъ франковъ, что Филомена и ея отецъ строили оранжереи, баронесса поняла, что дочь хотѣла ей отмстить. Баронъ купилъ нѣсколько черезполосныхъ земель и небольшое имѣньице тысячъ въ тридцать. Г-жа Ватевиль узнала, что Филомена безъ нея сдѣлалась молодцомъ-дѣвушкою, заботилась о средствахъ улучшить помѣстье и умножить его доходы, ѣздила верхомъ, сшила себѣ амазонку, и что отецъ ея, счастливый съ нею, примѣтно полнѣлъ, не жаловался уже на разстройство здоровья, и сопровождалъ дочь во всѣхъ прогулкахъ. Между тѣмъ, наступали именины баронессы, Викарій пріѣхалъ въ Руксей, вѣроятно по порученію баронессы и г. Сула, вести мирные переговоры между матерью и дочерью.

— Бойкая голова у этой Филомены Ватевиль, говорили въ Безансонѣ.

Уплативъ великодушно девяносто тысячъ франковъ, которые стоило пребываніе мужа и дочери въ Руксеѣ, баронесса не хотѣла признать себя неправою. Отецъ и дочь очень рады были возвратиться 15 августа въ Безансонъ, и пробыть тамъ до конца мѣсяца. Когда Аббатъ, послѣ обѣда, отвелъ Филомену въ сторону, чтобы завести рѣчь о свадьбѣ, объяснивъ ей сначала, что нечего ей болѣе надѣяться на Альберта, потому что уже цѣлый годъ небыло о немъ извѣстій, она движеніемъ руки остановила его на отрѣзъ. Филомена взяла Аббата подъ

руку, и отвела въ садъ, на скамью, откуда видно было все озеро.

— Послушайте, любезный Аббатъ, я васъ люблю наравнѣ съ отцомъ, потому, что вы любите моего Альберта; я должна вамъ однимъ открыть, что я совершила нѣсколько преступленій для того, чтобы быть его женою; онъ долженъ быть моимъ мужемъ. Вотъ читайте!

Она подала ему газету, которую вынула изъ кармана передника, и показала слѣдующія строки, подъ рубрикою, *Флоренція, 25 мая.*

«Бракосочетаніе герцога Реторе, старшаго сына бывшаго по«сланника герцога Шельё, съ герцогинею Аргаіоло, урожденною «княжною Содерини, совершилось съ необыкновеннымъ вели«колѣпіемъ....Множество праздниковъ, по случаю этого событія, «оживляютъ въ настоящее время Флоренцію. Герцогиня Ар«гіоло занимаетъ по богатству своему одно изъ первыхъ мѣстъ «между итальянскимъ дворянствомъ, ибо покойный герцогъ от«казалъ ей все свое имущество!»

— Та, которую онъ любилъ, вышла замужъ, сказала Филомена; я ихъ разлучила!

— Вы? какимъ образомъ? спросилъ Аббатъ въ изумленіи.

Филомена хотѣла ему отвѣчать; но ее прервалъ крикъ двухъ садовниковъ, и шумъ паденія тѣла въ воду. Она вскочила и побѣжала въ ту сторону, вскрикнувъ «мой отецъ»!, Барона было невидно.

Желая достать гранитный обломокъ, на которомъ показалось ему, онъ видѣлъ слѣдъ раковины, которою надѣялся дать оплеушину не одной системѣ геологіи, г. Ватевиль слишкомъ наклонился надъ откосомъ, потерялъ равновѣсіе, и упалъ въ озеро, которое разумѣется было глубже у плотины. Садовники съ чрезвычайнымъ трудомъ успѣли протянуть ему жердь, водя его около того мѣста, гдѣ волновалась вода, и наконецъ вытащили его покрытаго иломъ; ибо онъ довольно глубоко увязъ въ топкое дно болота, и все болѣе вязъ въ немъ, съ каждымъ новымъ усиліемъ всплыть на поверхность. Г. Ватевиль передъ тѣмъ плотно пообѣдалъ, пищевареніе его разстроилось, и когда его раздѣли, отерли, и положили въ постель, онъ почувствовалъ себя въ такомъ опасномъ состояніи, что принуждены были немедленно послать двухъ человѣкъ верха-

ми, одного въ Безансонъ, а другаго за ближайшимъ врачемъ, за фельдшеромъ.

Когда баронесса Ватевиль пріѣхала, черезъ восемь часовъ послѣ этого несчастнаго происшествія, съ первымъ Безансонскимъ врачемъ, состояніе г. Ватевиля было уже безнадежно, несмотря на попеченія искуснаго Рисейскаго врача. Испугъ произвелъ воспаленіе мозга, а разстроенное пищевареніе добило бѣднаго барона.

Это несчастіе, по словамъ г-жи Ватевиль, не случилось-бы, если бы мужъ ея остался въ Безансонѣ, поэтому она приписала его смерть упрямству дочери, которую съ тѣхъ поръ и возненавидѣла, изъявляя очевидно преувеличенную горесть. Она стала называть барона иначе, какъ *своимъ милымъ барашкомъ*! Послѣдній изъ Ватевилей былъ похороненъ на островку Руксейскаго озера, и баронесса поставила надъ его могилою бѣлый мраморный памятникъ готической архитектуры, на подобіе такъ называемаго памятника Элоизы, на кладбищѣ отца Лашеза.

—

LVIII.

Преступленія Филомены.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого происшествія, баронесса и ея дочь жили въ угрюмомъ молчаніи въ отелѣ Рюптовъ. Филомена была пожираема глубокою горестью, которой она не могла облегчить, изливая ее наружу; она винила себя въ смерти отца и подозрѣвала другое, еще большее въ глазахъ ея бѣдствіе, ея работы. Ни стряпчій Жирарье, ни аббатъ Гранде не могли добиться извѣстій объ Альбертѣ. Это молчаніе становилось страшно. Въ порывѣ раскаянія, она почувствовала потребность открыть Викарію адскія козни, посредствомъ которыхъ она разлучила Франческу и Альберта. Это была простая, но потрясающая повѣсть. Дѣвица Ватевиль удержала письма Альберта къ Франческѣ, и письмо Франчески, въ которомъ она извѣщала о болѣзни мужа, и предупреждала, то не можетъ ему отвѣчать, пока должна ухаживать за

больнымъ. Такимъ образомъ, пока Альбертъ былъ озабоченъ выборами, герцогиня написала къ нему только два письма; въ первомъ—извѣщала его объ опасномъ положеніи герцога Аргаіоло, во второмъ—о своемъ вдовствѣ; эти два прекрасныя, благородныя письма Филомена удержала. Послѣ нѣсколькихъ ночей труда и усилій, она успѣла въ совершенствѣ поддѣлаться подъ руку Альберта. Настоящія его письма она замѣнила тремя письмами, которыхъ черновые подлинники она показала Аббату. Старикъ ужаснулся, увидѣвъ до какой степени тонкости и совершенства раскрывался въ нихъ духъ зла. Въ этихъ письмахъ, Альбертъ готовилъ герцогиню къ своей перемѣнѣ, и на вѣсть о смерти герцога Аргаіоло отвѣчалъ вѣстью о близкой своей женитьбѣ. Эти два письма должны были придти въ одно время, что дѣйствительно и случилось. Адская хитрость, съ которою были писаны эти письма, такъ поразила Аббата, что онъ ихъ перечиталъ въ другой разъ. На послѣднее, Франческа, пораженная въ самое сердце соперницею, хотѣвшею убить въ ней любовь, отвѣчала въ трехъ словахъ: «*Вы свободны, прощайте*».

Чисто нравственныя преступленія, не подлежащія человѣческому правосудію, суть самыя подлыя, самыя ненавистныя, сказалъ Аббатъ Грансе строгимъ голосомъ. Богъ часто караетъ ихъ на землѣ: въ нихъ заключается источникъ многихъ ужасныхъ бѣдствій, которыя намъ кажутся необъяснимыми. Изъ всѣхъ же тайныхъ преступленій, скрывающихся подъ завѣсою частной жизни, самое низкое — вскрытіе чужихъ писемъ.

Каждый, кто покусился на такой поступокъ, кто бы онъ ни былъ, и что бы его къ тому ни побуждало, наложилъ неизгладимое пятно на свою честь. Понимаете ли вы, какъ трогательна, какъ божественна повѣсть объ оклеветанномъ молодомъ пажѣ, которому поручено отнести письмо, содержащее приказаніе умертвить его, который отправляется въ путь безъ всякаго дурнаго помысла, и котораго Провидѣніе принимаетъ подъ свой покровъ, и спасаетъ чудеснымъ образомъ? Добродѣтели отмѣчены такимъ же могучимъ вѣнцомъ, какъ и невинное дѣтство. Не за тѣмъ я вамъ говорю все это, чтобы васъ увѣщевать; продолжалъ Аббатъ съ искреннимъ прискорбіемъ. Увы! Я здѣсь не духовникъ, и вы не припали къ ногамъ оскорблен-

наго Бога; я только другъ, сокрушенный предчувствіемъ ожидающихъ васъ каръ. Что сталось съ бѣднымъ Альбертомъ? Онъ, можетъ быть, наложилъ на себя руку! подъ его притворнымъ хладнокровіемъ таилась рѣдкая сила страстей. — Я угадываю теперь, что старый князь Содерини, отецъ герцогини Аргаіоло, пріѣзжалъ требовать возвращенія писемъ и портрета дочери. Вотъ громовый ударъ, обрушившійся на его голову! Онъ вѣроятно поѣхалъ оправдываться. Но отъ чего впродолженіе почти полутора года, онъ не даетъ о себѣ никакой вѣсти?

— О, когда я буду его женою, онъ будетъ счастливъ.

— Счастливъ? когда онъ васъ не любитъ. И развѣ вы думаете, что можете дать ему большое состояніе? Ваша мать ненавидитъ васъ; вы своимъ язвительнымъ отвѣтомъ оскорбили ее, и разстроили собственную свою будущность.

— Какимъ отвѣтомъ? спросила Филомена.

— Когда она вчера говорила вамъ, что повиновеніе единственное средство загладить вашу вину, и напоминала о своемъ желаніи, чтобы вы вышли за графа Сула, вы развѣ не отвѣчали ей: «Если вы его такъ любите, матушка, чтожъ вы нейдете за него за-мужъ?» Отвѣчайте, говорили вы ей эти слова, да или нѣтъ?

— Говорила, отвѣчала Филомена.

— Такъ слушайте же, продолжалъ аббатъ Грансей; я знаю ее; не пройдетъ года, она будетъ графинею Сула. У нея будутъ дѣти, она отдастъ мужу сорокъ тысячъ доходу; сверхъ того, откажетъ ему все, что будетъ возможно, и постарается сколько можно уменьшить вашу долю въ ея недвижимомъ имуществѣ. Пока она жива, вы будете бѣдны; а ей только тридцать восемь лѣтъ! Все ваше имущество будетъ заключаться въ Руксейскомъ помѣстьи и кой-какихъ крохахъ, которыя останутся отъ наслѣдства вашего отца, и надо знать еще, согласится ли мать ваша отказаться отъ своихъ правъ на Руксей. Вотъ какъ вы безразсудно распорядились своею жизнью въ отношеніи матеріальныхъ выгодъ. А что вы сдѣлали въ нравственномъ отношеніи? Вы ее совсѣмъ убили. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ матери,....»

Филомена гордо вскинула голову.

— Къ матери, повторилъ Аббатъ, и къ религіи, которыя въ первыхъ порывахъ вашего сердца наставили бы васъ, про-

свѣтили, направили; вы захотѣли дѣйствовать по своему, не зная жизни и руководствуясь однимъ влеченіемъ страсти!

Эти благоразумныя слова смутили Филомену.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Чтобы исправить ваши проступки, надо сначала узнать весь ихъ объемъ.

— Я напишу къ единственному человѣку, который можетъ дать извѣстіе о судьбѣ Альберта, къ другу его дѣтства, Леопольду Ганкену, нотаріусу въ Парижѣ.

— Пишите, но затѣмъ только, чтобы воздать должное истинѣ, сказалъ Аббатъ. Отдайте мнѣ настоящія письма и подложныя, откройте мнѣ всѣ свои дѣйствія во всѣхъ подробностяхъ, какъ своему отцу духовному, и положитесь во всемъ на меня. Я увижу.... Но прежде всего, оправдайте этого несчастнаго въ глазахъ того существа, которое было для него божествомъ на землѣ. Даже и по совершенной утратѣ счастья, онъ долженъ дорожить своимъ оправданіемъ.

Филомена обѣщала аббату Грансе повиноваться ему, въ надеждѣ, что эти розыски возвратятъ ей Альберта.

—

LIX.

Тайна объясняется.

Вскорѣ послѣ сознанія Филомены, писецъ Леопольда Ганкена пріѣхалъ въ Безансонъ, съ довѣренностью отъ Альберта. Онъ немедленно явился къ г. Жирарде, и просилъ его продать домъ г. Саворона. Стряпчій, по дружбѣ къ адвокату, принялъ порученіе. Движимое имущество было продано, изъ вырученныхъ денегъ Жирарде удержалъ, что ему былъ долженъ Альбертъ, ибо, во время своего внезапнаго побѣга, онъ занялъ у стряпчаго 5000 франковъ, поручая ему за себя взыскать разныя претензіи. На вопросъ Жирарде, что сталось съ благороднымъ, великимъ борцомъ, въ которомъ онъ принималъ такое участіе, писецъ отвѣчалъ, что это извѣстно одному его хозяину; что послѣднее письмо Альберта Саварю повидимому чрезвычайно огорчило его.

Узнавъ это, Аббатъ немедленно написалъ къ Леопольду. Вотъ отвѣтъ почтеннаго нотаріуса.

—

Г. Аббату Грансе,

Викарію Безансонской Епархіи.

«Милостивый государь, никто, увы! не властенъ возвратить Альберта къ мірской жизни; онъ отъ нея отрекся. Онъ находится послушникомъ въ главномъ картезіанскомъ монастырѣ, близь Гренобля. Вамъ извѣстно, что все умираетъ на порогѣ этого монастыря. Предвидя мое посѣщеніе, Альбертъ чрезъ главу Картезіанскаго ордена уничтожилъ всѣ наши попытки свидѣться съ нимъ. Я довольно хорошо знаю его благородную душу, и убѣжденъ, что онъ былъ жертвою подлыхъ, непостижимыхъ для насъ козней, но все уже кончено. Герцогиня Аргаіоло, нынѣ герцогиня Реторе, была къ нему непростительно жестока. Когда Альбертъ пріѣхалъ въ Бельжиратъ, ея тамъ уже небыло, и передъ отъѣздомъ она приказала сказать ему, что она живетъ въ Лондонѣ. Изъ Лондона Альбертъ отправился отыскивать свою возлюбленную въ Неаполь, изъ Неаполя въ Римъ, гдѣ она въ то время обѣщала руку свою герцогу Реторе. Альбертъ успѣлъ ее настигнуть только во Флоренціи, въ то самое мгновеніе, какъ она перелъ алтаремъ отдавала руку другому. Бѣдный другъ нашъ лишился чувствъ въ церкви, и не могъ, даже на краю могилы, вымолить себѣ объясненія у этой женщины, у которой было что-то непонятное въ сердцѣ. Альбертъ семь мѣсяцовъ гонялся за надменнымъ существомъ, которое будто забавлялось, ускользая отъ него: онъ не зналъ, ни гдѣ, ни какъ настигнуть ее. Я видѣлъ бѣднаго страдальца въ проѣздъ его черезъ Парижъ, и могу васъ увѣрить, что если бы вы его видѣли, какъ я, вы бы замѣтили, что ему нельзя было сказать слова о герцогинѣ, не подвергая опасности его разсудка. Еслибъ онъ зналъ свою вину, онъ нашелъ бы средство оправдаться; но что было ему дѣлать противъ ложнаго обвиненія въ измѣнѣ? Альбертъ умеръ,

умеръ для всѣхъ. Онъ искалъ покоя; будемъ надѣяться, что уединеніе и молитва, которымъ онъ посвятилъ свою жизнь, доставятъ ему другаго рода счастіе. Если вы знали его, вы пожалѣете о немъ и пожалѣете о его друзьяхъ! Примите, и проч.»

Получивъ это письмо, добрый Аббатъ немедленно написалъ къ главѣ Картезіанскаго ордена, и получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ Альберта Саварю.

Братъ Альбертъ г. Аббату Грансе,

Викарію Безансонской Епархіи.

Изъ главнаго Картезіанскаго монастыря.

«Любезный Викарій, я узналъ вашу нѣжную душу, и ваше юное еще сердце, во всемъ, что мнѣ сообщилъ преподобный отецъ, глава нашего ордена. Вы угадали единственное желаніе, сохранившееся въ послѣднемъ изгибѣ моего сердца, касательно дѣлъ мірскихъ: убѣдить въ чистотѣ и правотѣ моихъ чувствъ ту, которая такъ жестоко поступила со мною!... Но глава нашъ, предоставляя мнѣ свободу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, хотѣлъ испытать прочность моего призванія. Онъ благоволилъ открыть мнѣ свою мысль, увѣрившись въ твердой моей рѣшимости хранить на этотъ счетъ безусловное молчаніе Еслибъ я уступилъ искушенію оправдать человѣка міра, отшельникъ былъ бы отверженъ изъ монастыря. Благодать Божія подкрѣпила меня; ибо борьба была, хотя и кратковременна, но тѣмъ не менѣе трудна и тяжела. Не довольно ли этихъ словъ, чтобы убѣдить васъ, что мнѣ нельзя уже возвратиться къ міру? Поэтому я дарую безусловно, безъ всякой горечи въ душѣ, прощеніе, которое вы испрашиваете виновницѣ всѣхъ моихъ бѣдствій, буду молить Бога, да проститъ онъ ее, какъ я ее прощаю; равно какъ буду молить Его, да ниспошлетъ счастливую жизнь г–жѣ Реторе. Смерть ли разрушаетъ наши надежды, или своевольная рука молодой дѣвушки, слѣпо добивающейся взаимной любви, или какой бы то ни былъ изъ тѣхъ внезапныхъ ударовъ, которые мы обыкновенно приписываемъ случаю, не равно ли мы должны покоряться волѣ Господней? Страданіе въ нѣкоторыхъ душахъ открываетъ необъятную пустыню, среди которой раздается

голосъ Божій. Я слишкомъ поздно позналъ отношенія между земною жизнію и жизнію будущею, ибо всѣ мои силы истощены. Я не могъ бы стать въ ряды ратующей церкви, и повергаюсь на остальные дни почти угасшей жизни къ подножію алтаря. Вотъ мое послѣднее письмо. Только для васъ, только ради вашей дружбы ко мнѣ, и моей любви къ вамъ, дерзнулъ я нарушить обѣтъ забвенія, который наложилъ на себя, вступая въ обитель святаго Бруно. И вы также не будете забыты въ молитвахъ

Брата Альберта.

— Все къ лучшему, подумалъ аббатъ Грансей.

Показавъ письмо Филоменѣ, которая съ благоговѣніемъ поцѣловала мѣсто, заключавшее ея прощеніе, аббатъ сказалъ ей: Вы видите, онъ для васъ уже не существуетъ; что бы вамъ примириться съ матерью, выйдя за графа Сула?

—Никогда. Только развѣ если бы самъ Альбертъ приказалъ! отвѣчала она.

— Да вы видите, что его мнѣнія спрашивать невозможно.

— Нельзя ли мнѣ видѣться съ нимъ?

— Картезіанскіе монахи ни съ кѣмъ не могутъ видѣться. Притомъ, ни одной женщинѣ, кромѣ французской королевы, не позволяется даже входить въ Картезіанскій монастырь, сказалъ аббатъ.

— Я не хочу быть виновницею несчастія матушки, отвѣчала Филомена.

— Сатана! воскликнулъ аббатъ.

—

LX.

Филомена остается необыкновенною дѣвушкою.

Къ концу той же зимы добрый Аббатъ умеръ. Не стало между г-жею Ватевиль и ея дочерью друга, служившаго посредникомъ между этими двумя желѣзными характерами. Предсказаніе Викарія сбылось. Въ августѣ 1837 года, г-жа Ватe-

виль вышла замужъ за графа Сула, въ Парижѣ, куда она поѣхала по совѣту Филомены, которая была съ матерью удивительно мила, привѣтлива и нѣжна. По крайней мѣрѣ г-жа Ватевиль повѣрила дружбѣ дочери, но Филомена просто хотѣла сама побывать въ Парижѣ, для адской мести. Она о томъ только и мечтала, чтобы отомстить за Альберта, истерзавъ соперницу.

Дѣвица Ватевиль была признана совершеннолѣтнею; впрочемъ она дѣйствительно достигла 21 года. Мать, желая кончить съ нею расчеты, уступила ей права свои на Руксейское помѣстье, а дочь отказалась отъ доли, приходившейся ей изъ имѣнья матери, какъ наслѣдницѣ барона. Филомена сама подстрекала мать выдти за графа Сула и обезпечить его.

— Будемъ обѣ свободны, сказала она матери.

Г-жа Сула, боявшаяся намѣреній дочери, была удивлена ея безкорыстіемъ; чтобы успокоить свою совѣсть, она подарила Филоменѣ шесть тысячъ франковъ ежегоднаго доходу. Такъ какъ у графини Сула было 48000 франковъ доходу съ земель, и она не имѣла права отчуждать ихъ, въ ущербъ Филомены, то дѣвица Ватевиль все еще была невѣстою въ милліонъ восемь сотъ тысячъ франковъ: Руксейское помѣстье, при незначительныхъ улучшеніяхъ, могло давать до двадцати тысячъ доходу, кромѣ удобствъ житья, и хозяйственныхъ выгодъ. По этому Филомена и ея мать, перенявъ Парижскія манеры и моды, безъ труда вступили въ высшій кругъ. Слова: милліонъ восемь сотъ тысячъ... будто нашитыя на груди Филомены, гораздо болѣе принесли пользы графинѣ Сула, чѣмъ ея происхожденіе отъ Рюптовъ, ея неумѣстная спѣсь, и натянутыя родства.

Въ февралѣ 1838 года, Филомена, предметъ всѣхъ желаній множества молодыхъ людей, достигла цѣли, для которой пріѣхала въ Парижъ. Она хотѣла встрѣтиться съ герцогинею Реторе, увидать это чудо, и предать ее вѣчнымъ угрызеніямъ совѣсти. До чего не доводила Филомена щегольства и кокетства, чтобы только быть на одной ногѣ съ герцогинею. Когда онѣ въ первый разъ встрѣтились на балѣ, одинъ молодой человѣкъ, подосланный Филоменою, сказалъ герцогинѣ, указывая на нее: «Вотъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣвицъ, бойкая голова! Она привела въ Картезіанскій мона-

стырь одного очень умнаго человѣка, Альберта Саварю и убила всѣ его надежды. Это дѣвица Ватевиль, знаменитая Безансонская наслѣдница....»

Герцогиня побѣднѣла; Филомена помѣнялась съ него взглядами, которые, между женщинами, смертельнѣе пистолетнаго выстрѣла на дуэли. Франческа Содерини, угалывая невинность Альберта, немедленно удалилась съ балу, отвернувшись поспѣшно отъ собесѣдника, который и не подозрѣвалъ, какую жестокую рану нанесъ гордой герцогинѣ Реторе.

«Если желаете получить болѣе подробныя свѣдѣнія на счетъ «Альберта, пріѣзжайте въ маскарадъ Большой Оперы, въ «будущій вторникъ, съ розою въ рукѣ.»

— Эта записка повлекла несчастную итальянку въ маскарадъ; Филомена вручила ей всѣ письма Альберта, даже послѣднее, сказавъ: «Я не хочу одна страдать; мы обѣ были равно жестоки!» За тѣмъ она скрылась, болѣе не являлась въ свѣтъ и вскорѣ возвратилась съ матерью въ Безансонъ.

Дѣвица Ватевиль живетъ одна въ Руссейскомъ помѣстьѣ, ѣздитъ верхомъ, охотится, каждый годъ отказываетъ двумъ, тремъ женихамъ, пріѣзжаетъ въ Безансонъ только пять–шесть разъ въ зиму, мастерски управляетъ имѣніемъ, безпрестанно его увеличиваетъ, и слыветъ чрезвычайно оригинальною женщиною: она одна изъ знаменитостей восточныхъ департаментовъ.

У г-жи Сула двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка; она удивительно помолодѣла; за то молодой Сула ужасно постарѣлъ.

«Мнѣ дорого обошлось мое состояніе! говорилъ онъ однажды молодому Шавонкуру. Чтобы узнать хорошо женщину, къ несчастью надо на ней жениться.

Дѣвица Ватевиль до сихъ поръ еще не замужемъ, и по прежнему остается необыкновенною дѣвицею. О ней говорятъ: У нея бываютъ престранныя причуды! Она каждый годъ ѣздитъ взглянуть на стѣны главнаго Картезіанскаго монастыря.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

—

ГРОСВИТА,

НѢМЕЦКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА X-го СТОЛѢТІЯ.

(Статья М. Клубицкаго.)

—

Одинъ изъ французскихъ ученыхъ—Шарль Маньенъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія: Les origines du théâtre moderne, издалъ недавно полный театръ Гросвиты, на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Это сочиненіе весьма интересно, какъ по самому предмету, такъ и по изслѣдованіямъ и той добросовѣстной оцѣнкѣ, которыя авторъ представилъ въ началѣ своего труда. Прежде Маньена многіе изъ нѣмецкихъ писателей говорили мимоходомъ о Гросвитѣ, многіе изъ нихъ издали изслѣдованія болѣе подробныя; но честь изданія вполнѣ драматическихъ сочиненій германской монахини принадлежитъ французскому ученому. Мы увѣрены, что каждому изъ образованныхъ читателей будетъ пріятно, хотя нѣсколько, ознакомиться съ сочиненіями этой знаменитой германской писательницы X вѣка, тѣмъ болѣе, что ея театръ представляетъ первое правильное начало, первый правильный опытъ драматическаго и сценическаго искусства, по введеніи христіанства.

Между всѣми писателями среднихъ вѣковъ, Гросвита заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ по таланту и отдѣльному предме-

ту, ею избранному, такъ и потому, что эта женщина, жившая въ эпоху феодализма, въ эпоху христіанскаго сосредоточенія и гражданскаго разъединенія, когда по-видимому для драмы не могло существовать ни поэта, ни сцены, ни зрителей, представляетъ намъ первый образецъ сценическаго искусства. Заключенная въ стѣнахъ монастыря, она глубоко изучала не только древнихъ, но и современное состояніе общества, и зная прекрасно человѣческое сердце, она первая рѣшилась создать новый театръ, подражая древнимъ. Предметомъ для своихъ твореній она избираетъ то, что было для нея всего любезнѣе: торжество добродѣтели, торжество христіанской вѣры и славную смерть ея мучениковъ. Нужно ли говорить, что ея театръ въ исторіи драматическаго искусства имѣетъ глубокое значеніе?

Это первый правильный памятникъ искусства, столь славнаго въ древности, это колыбель новаго театра и какъ бы прелюдія, предшествовавшая нѣсколькими вѣками Макіавелю, Лопе де Вега и Кальдерону.

Мы намѣрены представить здѣсь краткій обзоръ ея трагедій, или лучше сказать, ея драматическихъ сочиненій, потому-что они всѣ такого рода, что имъ трудно присвоить хоть одно изъ принятыхъ нами названій *трагедіи*, *драмы* и *комедіи* и перевести нѣсколько сценъ особенно замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи, ни-мало не входя въ споры и пренія, ни объ эпохѣ, ни объ эпизодахъ ея жизни. Что прекрасно и необходимо въ ученомъ сочиненіи, бываетъ часто скучно и неумѣстно въ журнальной статьѣ.

Мы не знаемъ положительно ни времени ея рожденія, ни времени смерти; подробности ея жизни намъ тоже мало извѣстны, то, что мы знаемъ, мы находимъ въ ея же сочиненіяхъ—въ предисловіяхъ къ поэмамъ и драмамъ? Жизнь этой древней германской писательницы для многихъ изъ ее біографовъ послужила поводомъ къ ошибкамъ самымъ грубымъ, къ противорѣчіямъ самымъ страннымъ; многіе изъ писателей не только не согласны въ эпохѣ, въ которую она жила и дѣйствовала, но даже въ самомъ имяни. Англійскій ученый Гумфрей утверждаетъ, что Гросвита, и Гильда Гересвита, писательница, жившая въ VII вѣкѣ, одно и тоже лицо. Варіанты безчисленны, но большее число ученыхъ согласны въ томъ, что имя ее Гросвита и что она жила въ X вѣкѣ. (*) Въ единственномъ оставшемся намъ манускриптѣ, находя-

(*) Когда я посѣтилъ Валгаллу, то между бюстами знаменитыхъ мужей Германіи, я не нашелъ Гросвиты; лишь одна доска съ ея имянемъ напоминала о ея существованіи.

щемся въ Мюнхенѣ, она сама называетъ себя Гросвитою, стало быть несомнѣнно, что это ея имя, или прозваніе, потому, что она сама переводитъ слово Гросвита такъ: clamor validus. «Ego clamor validus Gandesheimensis.» Кажется таковъ въ самомъ дѣлѣ былъ смыслъ древняго слова Hruodsuind, откуда произошло Hrothsuit и Hrotsuitha. Что же касается до эпохи ея жизни, то мы довольно ясно видимъ изъ ея поэмы Historia sive panegiris Oddonum, что она писала въ послѣдней половинѣ X вѣка. Притомъ сама Гросвита говоритъ намъ, что она родилась долго спустя послѣ смерти славнаго Оттона, герцога Саксонскаго и что она немного старѣе дочери Генриха, герцога Баварскаго, Герберны II-й, настоятельницы Гандерзхеймскаго монастыря. Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что она родилась между 910 и 935 годами; что же касается до времени ея смерти, то этого положительно опредѣлить не возможно. Мы знаемъ только, что она еще продолжала свой путь послѣ 968 года, потому что отрывокъ изъ панегирика Оттонамъ заключаетъ эту эпоху. Жизнь этой знаменитой писательницы, до вступленія ея въ монастырь, намъ совершенно неизвѣстна; но въ ея сочиненіяхъ видно такое знаніе страстей и свѣта, что трудно предположить, чтобы она съ малолѣтства была заключена въ стѣнахъ кельи. О монастырской жизни своей она сама разсказываетъ намъ нѣсколько незначительныхъ подробностей, которыя особенно прекрасны по своей простотѣ. Она вступила въ монастырь послѣ Герберны, будучи двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія, и тамъ усовершенствовала свое образованіе религіозное и литературное. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ благочестивомъ жилищѣ ордена св. Бенедикта къ изученію священныхъ книгъ, присоединялось еще чтеніе образцовыхъ древнихъ сочиненій. Многіе біографы утверждаютъ, что Гросвита знала прекрасно греческій языкъ, въ чемъ однако позволено сомнѣваться. Гросвита о первыхъ своихъ поэтическихъ опытахъ говоритъ съ скромною наивностію и въ предисловіи къ легендамъ, написаннымъ прозою, проситъ простить ей ошибки противъ просодіи и грамматики, представляя въ извиненіе слабость пола, монастырское заключеніе, неопытность въ дѣлѣ литературномъ и еще незрѣлые годы.

«Цѣль моя, говоритъ она, не дать застояться въ груди моему слабому генію и недопустить его заржавѣть отъ нерадѣнія.» Она хотѣла, чтобы ея геній подъ *молотомъ благочестія* издалъ хоть слабый звукъ въ похвалу Бога. Здѣсь она съ признательностію упоминаетъ о своихъ наставницахъ; первая изъ нихъ была Риккарда, монахиня Гандерзхейма, а вторая—молодая настоятельница того же монастыря, Герберна II-я. Хотя послѣдняя была моложе ея

но она получила прекрасное образованіе, приличное дѣвушкѣ королевской крови. Гросвита посвятила ей многія изъ своихъ сочиненій и, вскорѣ ученица превзошла не только своихъ наставницъ, но и учителей. Въ первомъ собраніи своихъ поэтическихъ опытовъ она жалуется, что лишена возможности пользоваться совѣтами людей ученыхъ, но вскорѣ потомъ, изъ другаго ея предисловія, мы видимъ, что она получила, наконецъ, отъ людей знаменитыхъ, не только наставленія и совѣты, но и одобреніе. Гросвита, наконецъ, имѣла случай представить свои сочиненія старому Императору Оттону I-му, который принялъ ихъ весьма благосклонно.

Всѣ сочиненія Гросвиты написаны на латинскомъ языкѣ, который былъ въ то время въ употребленіи въ Европѣ для всякаго рода сочиненій. Есть два изданія произведеній Гросвиты, оба неполныя; одно изъ нихъ напечатано въ Нюрембергѣ въ 1501 году, другое въ Виртембергѣ въ 1717, послѣднее ничто иное, какъ перепечатка перваго.

Рукопись раздѣлена на три книги, или части. Первая часть заключаетъ въ себѣ восемь поэмъ, или легендъ, вторая шесть пьесъ въ риѳмованной прозѣ, третью часть составляютъ отрывки изъ поэмы, названной: *панегирикъ Оттонамъ*. Жаль, что сочиненія расположены не по времени; но изъ предисловія къ панегирикамъ мы видимъ, что авторъ показываетъ ужъ менѣе робости и неувѣренности, нежели въ предисловіи къ театральнымъ сочиненіямъ, или къ легендамъ, изъ чего и должно заключить, что панегирикъ Оттонамъ былъ написанъ позднѣе.

Первая книга: Opera carmine conscripta, состоитъ изъ 8 повѣстей:

1) Исторія рожденія и безсѣменнаго зачатія пречистой Божіей Матери. 2) Исторія Вознесенія Іисуса Христа. 3) Страданія св. мученика Гондольфа. Здѣсь авторъ употребляетъ размѣръ менѣе важный, нежели въ предъидущихъ поэмахъ, вѣроятно потому, что сюжетъ менѣе важенъ и болѣе комическій. Удивительно, какъ монахиня могла избрать такой предметъ! Это показываетъ, между прочимъ, что веселость и даже нѣсколько грубая, не была совершенно изгнана изъ этихъ святыхъ убѣжищъ. 4) Мученіе св. Пелага въ Кордуѣ—это ни что иное, какъ изустный разсказъ одного испанца, переложенный Гросвитою въ стихи. Разсказъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ показываетъ отношенія, существовавшіе между Испаніею и Германіею и тѣмъ еще, что здѣсь талантливая писательница вводитъ въ употребленіе нѣсколько испанскихъ словъ. 5) Паденіе и обращеніе архидіакона Ѳеофила въ Сициліи. Эта легенда заимствована изъ народнаго преданія объ одномъ клеркѣ,

который будучи возведенъ весьма молодымъ въ высокій духовный санъ послѣ отрекся отъ него и, мучимый честолюбіемъ, отдался демону. Это преданіе долгое время въ продолженіе средкихъ вѣковъ, служило предметомъ для многихъ сочиненій. 6) Обращеніе молодаго невольника, освобожденнаго отъ демона св. Василіемъ. Въ этой легендѣ молодой человѣкъ, не изъ честолюбія, но отъ любви, предается демону. 7) Исторія страданій св. Дениса. Эта поэма заимствована изъ жизни св. отцевъ. Чудное путешествіе святаго описано Гросвитою смѣлыми чертами, здѣсь много величія и поэзіи. 8) Исторія страданій св. Агнесы дѣвственницы и мученицы. Сюжетъ этой легенды заимствованъ изъ повѣсти Св. Амвросія: Агнеса, молодая римлянка, необыкновенной красоты, приняла христіанскую религію и дала обѣтъ воздержанія. Сынъ префекта города, графа Сеннроніуса, влюбляется въ нее и не успѣвши въ своей любви, впадаетъ въ меланхолію, которая заставляетъ опасаться за его жизнь. Доктора, узнавши о причинѣ болѣзни, пересказываютъ объ этомъ отцу, который призываетъ Агнесу и велитъ ей уступить желаніямъ сына; Агнеса не соглашается и молодой князь едва касается до нее, то падаетъ мертвымъ. Агнеса проситъ только объ одномъ, чтобъ Господь воскресилъ его, отецъ и сынъ дѣлаются христіанами, а молодая дѣвственница, преслѣдуемая языческими жрецами, умираетъ отъ руки палача.

Межлу первою и второю книгою, въ рукописи находится краткій отрывокъ въ прозѣ, служащій въ одно время, эпилогомъ къ повѣстямъ въ стихахъ и прологомъ къ драмамъ. Это, должно полагать, показываетъ порядокъ, въ которомъ сама Гросвита расположила свои сочиненія.

Вторая книга (liber dramatica serie contextus) заключаетъ въ себѣ шесть пьесъ, всѣ онѣ, какъ говоритъ самъ авторъ, написаны въ подражаніе Теренцію. Этою книгою мы займемся подробнѣе и представимъ нашимъ читателямъ все, что въ театрѣ Гросвиты есть замѣчательнаго, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вотъ названіе этихъ пьесъ: *Галликанусъ*, *Дульціусъ*, *Каллимахъ*, *Авраамъ*, *Пафнусъ*, *Мудрость* или *Вѣра*, *Надежда и Любовь*. По предъидущимъ поэтическимъ опытамъ легко угадать характеръ театра Гросвиты. Прославлять чистоту и непорочность — вотъ, почти, исключительная цѣль благочестивой монахини: Этой же благочестивой цѣли мы должны приписать все то, что въ театрѣ ея находили смѣлаго и двусмысленнаго; сюжеты ея драматическихъ предетавленій, часто могутъ показаться намъ соблазнительными; но она была такъ возвышена въ рели-

гіозной жизни, что для нея соблазна не существовало. Гросвита объясняетъ свою мысль въ предисловіи къ своему театру, она хотѣла противупоставить назидательную исторію христіанскихъ дѣвственницъ страстнымъ языческимъ женщинамъ и, по мѣрѣ силъ своихъ, прославлять непорочность, особенно въ томъ случаѣ, когда слабость женщины беретъ верхъ надъ грубыми страстями мужчинъ. Чтобы представить женскія добродѣтели во всемъ ихъ блескѣ, надобно было, чтобы добродѣтели ихъ подвергались всякаго рода опасностямъ и искушеніямъ; по-этому легенды, избранныя ею, хотя совершенно нравственны и назидательны въ основаніи, часто вращаются около приключеній, могущихъ оскорбить цѣломудріе и скромность.

Первая изъ драмъ «*Галликанусъ*» составлена изъ двухъ легендъ и представляетъ, какъ бы двѣ пьесы, или лучше, пьесу въ двухъ частяхъ.

Вильменъ (*) замѣчаетъ, что дѣйствіе драмы продолжается почти двадцать пять лѣтъ, и что эта свободная пьеса написана довольно правильною прозою, въ которой мы находимъ истинное чувство исторіи. Въ первой части дѣло идетъ объ одномъ изъ вождей, который своими побѣдами заслуживаетъ руку Констанцы, дочери Императора Константина; но когда вождь узнаетъ, что Констанца христіанка, то отказывается отъ ея руки, чтобы подобно ей посвятить себя безбрачной жизни—это, ничто иное, какъ повтореніе исторіи графа Бернгарда и настоятельницы Гандерзхеймскаго монастыря Герберны I-й. Вторая часть, не связанная тѣсно съ первою, представляетъ мученія Іоанна и Павла — священниковъ, пользовавшихся милостями Константина, обратившихъ въ христіанскую религію Галликануса, и умерщвленныхъ по приказанію Императора Юліана.

Изъ этой второй части мы приводимъ сцену, одобренную Вильменемъ и которую онъ самъ перевелъ въ своемъ курсѣ литературы среднихъ вѣковъ.

—

СЦЕНА II-я.

Юліанъ. Я знаю, что вы съ малолѣтства находились на службѣ Императора.

(*) Tableau du moyen age.

Іоаннъ. Это правда.

Юліанъ. По-этому, находясь при мнѣ; вы будете служить въ томъ-же дворцѣ, гдѣ прошло ваше дѣтство.

Павелъ. Мы не будемъ служить тебѣ.

Юліанъ. Какъ! вы не хотите служить мнѣ?

Іоаннъ. Мы уже сказали.

Юліанъ. Развѣ вы не признаете меня монархомъ?

Павелъ. Мы признаемъ тебя монархомъ, но не похожимъ на своихъ предшественниковъ.

Юліанъ. Въ чемъ?

Іоаннъ Въ вѣрѣ и добродѣтели.

Юліанъ. Объясните, что это значитъ!

Павелъ. Славные императоры, которымъ мы служили, Константинъ, Констансъ и Констанцій, были ревностные христіане и поставляли славу свою въ томъ, что служили Іисусу Христу.

Юліанъ. Знаю, но я не хочу въ этомъ подражать имъ.

Павелъ. Ты подражаешь только дурному. Они были ревнители Церкви и, сложивъ съ себя корону, повергались въ прахъ передъ Спасителемъ.

Юліанъ. Вы конечно не принудите меня къ этому?

Іоаннъ. По-этому ты и не походишь на нихъ.

Павелъ. И какъ они поклонялись Христу, то возвышали своими добродѣтелями блескъ императорской короны и успѣвали во всѣхъ предпріятіяхъ.

Юліанъ. И я тоже.

Іоаннъ. Но не такимъ образомъ: имъ сопутствовала благодать Божія.

Юліанъ. Нѣкогда я самъ слѣдовалъ ихъ примѣру и былъ церковнымъ служителемъ!

Іоаннъ. Что скажешь ты на это, Павелъ? онъ былъ церковнымъ служителемъ.

Павелъ. Развѣ капеланомъ дьявола.

Юліанъ. Но когда я увидѣлъ, что это ни къ чему не ведетъ, то обратился къ богамъ и ихъ милостями я управляю имперіею.

Іоаннъ. Ты нарочно прервалъ насъ, чтобы не слышать похвалы справедливымъ.

Юліанъ. Что мнѣ въ этой похвалѣ?

Павелъ. Ничего. Но то, что прибавлю я, будетъ относиться къ тебѣ. Міръ не былъ достоинъ того, чтобы эти благочестивые Императоры жили въ немъ и они теперь причислены къ лику ангеловъ, а несчастная республика предоставлена твоей власти.

Юліанъ. Почему же несчастная?

Іоаннъ. По характеру своего повелителя.

Павелъ. Ты попралъ религію и подражаешь идолопоклонникамъ. Вотъ почему мы не можемъ избѣгнуть ни тебя, ни твоего общества.

Юліанъ. Хотя я и оскорбленъ вами, но я прощаю вашу дерзость и дамъ вамъ хорошія мѣста при дворѣ.

Іоаннъ. Не безпокойся, ты не преклонишъ насъ ни угрозами, ни обольщеніями.

Юліанъ. Я даю вамъ десять дней на размышленіе, чтобы вы могли одуматься и снова получить нашу милость въ противномъ случаѣ, я сдѣлаю то, что долженъ сдѣлать. О! я увѣренъ, что вы не будете больше смѣяться надо-мною.

Павелъ. Что ты долженъ исполнить, исполни сегодня же; но ты не успѣешъ завлечь насъ ни въ твой дворецъ, ни въ твою службу, ты не успѣешь насъ обольстить твоими богами.

—

Дульціусъ—единственная изъ драмъ Гросвиты, которая, по забавнымъ приключеніямъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашими комедіями. Хотя эта пьеса, какъ и всѣ другія, написана съ тою же цѣлію назиданія, однако исполнена комическихъ сценъ и положеній, возбуждающихъ веселость и смѣхъ. Можно сказать, что Дульціусъ, въ этомъ отношеніи, переходитъ даже границы, это уже не комедія, а скорѣе фарсъ. Здѣсь рядомъ съ мученіями трехъ сестеръ: Агафьи, Шіоны и Ирины, гдѣ чудесное играетъ главную роль, мы видимъ гонителей, представленныхъ не просто людьми жестокими, но вмѣстѣ людьми глупыми и гнусными, отданными на посмѣяніе. Этотъ фарсъ крайне грубъ, поэтическое и литературное достоинство его весьма не велико, хотя, не менѣе того, онъ все-таки замѣчательный памятникъ для исторіи театра.

Этотъ фарсъ обличаетъ въ авторѣ комическій талантъ и ясно показываетъ, что пьесы Гросвиты были предназначены не для чтенія, какъ полагаютъ многіе изъ критиковъ, но для представленія на сценѣ; потому что здѣсь комизмъ заключается болѣе въ положеніяхъ и въ дѣйствіи, чѣмъ въ словахъ. Здѣсь все болѣе говоритъ, такъ сказать, глазамъ, чѣмъ разуму. Начальникъ города, Дульціусъ, ночью, тайнымъ образомъ, идетъ въ жилище святыхъ сестеръ съ преступнымъ намѣреніемъ, но лишь только онъ переступаетъ порогъ дома, какъ теряетъ разсудокъ, обнимаетъ жаровню съ углями, отъ чего лицо его дѣлается чернымъ, его нигдѣ не узнаютъ и прогоняютъ отвсюду. Во всемъ

этомъ мы видимъ расчетъ на игру, желаніе развлечь и разсмѣшить зрителя, да и можно ли видѣть что либо другое? Если, спустя нѣсколько вѣковъ, потомки наши будутъ читать итальянскіе фарсы, гдѣ арлекинъ никогда не упускаетъ случая опустить свою черную маску въ молоко, то они вѣроятно тотчасъ поймутъ, что подобныя сцены устроены для глазъ и отнюдь не для чтенія. А между итальянскими фарсами, арлекинадами и комедіями съ феями, мы находимъ здѣсь удивительное сходство.

—

Содержаніе третьей пьесы, названной «*Каллимахомъ*,» не менѣе странно предъидущей, только совершенно въ другомъ характерѣ. *Каллимахъ* изъ всѣхъ сочиненій Гросвиты, деликатностію чувствъ, силою страсти, языка и романическимъ направленіемъ, болѣе всего приближается къ драмамъ нашего времени.

Поэзія, движеніе страстей, общій колоритъ сочиненія — все здѣсь пропитано германскими идеями. Часто утверждали, что любовь есть чувство новое, родившееся на западѣ отъ сліянія христіанскаго мистицизма съ природнымъ энтузіазмомъ сѣверныхъ народовъ. Какъ бы то ни было, но замѣчательно, что нѣмецкая монахиня, чуть-ли не первая представила намъ изображеніе самой живой и пылкой страсти. Прошло девять вѣковъ, а кажется это написано только вчера! Такъ все это похоже на нашъ вѣкъ! Мы находимъ здѣсь столько мелочныхъ подробностей, столько грусти, столько меланхоліи, столько восторговъ души и чувствъ, что въ X вѣкѣ невольно узнали любовь XIX вѣка!

Мы не находимъ здѣсь и слѣда молодыхъ и старыхъ развратниковъ, которые спорятъ о прекрасной невольницѣ, или торгуются съ прелестницею, что мы часто встрѣчаемъ въ комедіяхъ Плавта и Терепція и др. Здѣсь Гросвита умѣла совершенно освободиться отъ вліянія древнихъ, здѣсь Гросвита вся предана германскому духу и германскимъ идеямъ. Она въ Каллимахѣ выразила слѣпую, безумную, бѣшеную страсть молодаго язычника къ христіанской женщинѣ, чистой, но чувствительной, которая, страшась своей слабости, проситъ у Бога послать ей смерть, чтобы избѣжать слишкомъ сильнаго искушенія.

И въ то время, какъ добродѣтель возвышается въ Друзіадѣ сознаніемъ ея слабости, любовь жестоко бушуетъ въ крови Каллимаха и онъ, подобно Ромео, открываетъ едва зарытый гробъ, чтобы полюбоваться мертвою.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы эта драма не имѣла другаго дос-

тоинства, кромѣ того, что она представляетъ намъ образецъ любви X вѣка, стало быть хоть нѣсколько бросаетъ свѣтъ на вѣкъ столь отдаленный и такъ мало извѣстный, то это сочиненіе по одному этому было бы неоцѣнимо. Но Каллимахъ. сверхътого имѣетъ многія достоинства, встрѣчающіяся не во всѣхъ сочиненіяхъ Гросвиты.

Что же касается до изображенія страстей и нравовъ времени, то это въ Каллимахѣ болѣе дѣло случайное, чѣмъ обдуманное. Дѣйствіе пьесы несовременно автору. Друзіана жила въ Единѣ въ началѣ перваго вѣка, хотя чувства и страсть представлены такими, какъ ихъ понималъ X вѣкъ. Изъ Каллимаха мы видимъ, что Гросвита понимала языкъ страсти, слыхала его, а можетъ быть и сама говорила на немъ прежде, нежели пришла искать убѣжища въ стѣнахъ Гандерхеймскаго аббатства. Читая *Каллимаха* и *Ромео* нельзя не быть пораженнымъ страннымъ сходствомъ этого перваго очерка страстной драмы съ полнымъ выраженіемъ этого рода, которое мы находимъ въ *Ромео и Джульетѣ*. Окончаніе пьесъ почти одно, въ той и другой драмѣ мы видимъ подземный сводъ, гробъ женщины, открытый рукою безумной любви, и тѣло молодаго человѣка, разпростертаго у гроба. У обоихъ авторовъ, при этой трогательной сценѣ, присутствуютъ два человѣка, убитые печалію. У Шекспира это отецъ и монахъ Лоренцо, въ Каллимахѣ это мужъ молодой усопшей и св. Іоаннъ. Странное дѣло: языкъ страсти одинаковъ, какъ въ X, такъ и въ XVI вѣкѣ! Откройте обѣ пьесы, онѣ обѣ начинаются меланхолическими разсказами тоскующей души, въ обѣихъ — молодой человѣкъ повѣряетъ грусть своимъ друзьямъ, съ тою только разницею, что у поэта двора Елисаветы, молодой влюбленый погибаетъ въ concetti, по итальянской модѣ, тогда какъ у Гросвиты онъ высказывается, смотря по духу времени, въ лжемудрствованіи схоластиковъ. Наконецъ, Каллимахъ представляетъ намъ трогательное смѣшеніе образованія полуученаго и языка полуварварскаго.

Авраамъ и Пафнусъ это—двѣ варіанты одной и той же исторіи, авторъ умѣлъ однако отдѣлить ихъ различными тѣнями... Сюжетъ Авраама заимствованъ изъ легенды IV вѣка и не смотря на святой источникъ, изъ котораго почерпнута драма, содержаніе ея можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ и оскорбительнымъ для нашихъ нравовъ: Одинъ святой пустынникъ покидаетъ свое мирное убѣжище, переодѣвается солдатомъ и идетъ въ мѣсто, болѣе чѣмъ подозрительное, чтобъ извлечь оттуда свою племянницу, молодую, павшую монахиню. Это въ самомъ дѣлѣ странная исторія! Но не смотря на то, что сюжетъ слишкомъ смѣлъ, онъ съ большимъ талантомъ

разобранъ Гросвитою, поборницею чистоты и непорочности, и разыгранъ монахинями въ присутствіи всего монастыря и высшихъ духовныхъ особъ. Въ этой пьесѣ разговоръ живъ, быстръ и вѣренъ, каждое лицо говоритъ своимъ языкомъ, мы находимъ здѣсь чистую натуру, какъ въ словахъ, такъ и въ чувствахъ, и гораздо болѣе искусства, чѣмъ можно было-бы ожидать отъ грубаго вѣка, въ которомъ жила монахиня. Тоска молодой грѣшницы посреди безпорядочной жизни, слезы, которыя иногда невольно показываются на ея глазахъ, это отсутствіе внутренней гармоніи и желаніе подавить голосъ совѣсти въ разгулѣ жизни, все это очерчено мастерскою рукою. Какъ прекрасна сцена, въ которой она узнаетъ своего дядю, слезы пустынника, его доброта, его отеческія увѣщанія, все это согрѣто тѣплотою чувства, все это представлено художнически. Это красоты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ... Признаюсь, невольно смущаешся при мысли, что такіе сильные и истиные монологи написаны за восемь вѣковъ до насъ и кѣмъ?... скромною обитательницею монастыря!...

Мы приводимъ здѣсь лучшую сцену изъ Авраама.

—

СЦЕНА V.

Авраамъ, хозяинъ гостинницы.

Авраамъ. Здравствуй хозяинъ!

хозяинъ. Кто говоритъ со мною?.. а гость — здравствуй!

Авраамъ. Есть-ли у тебя мѣсто для путешественника, который хочетъ провести здѣсь ночь.

хозяинъ. О конечно, содержатели гостинницы недолжны отказывать никому отъ своего дома.

Авраамъ. Это весьма похвально.

хозяинъ. Входи, тебѣ приготовили ужинъ.

Авраамъ. Много, много обязанъ за ласковый пріемъ, но я попрошу у тебя большой услуги.

хозяинъ. Скажи, что тебѣ нужно, ты навѣрно получишъ.

Авраамъ. Прими этотъ маленькій подарокъ, который я тебѣ предлагаю, съ условіемъ, чтобы прекрасная дѣвушка, которая какъ я знаю, живетъ у тебя, была нашей собѣсѣдницею.

хозяинъ. За чѣмъ ты хочешъ ее видѣть?

Авраамъ. За тѣмъ, чтобъ познакомится съ женщиной, красоту которой мнѣ такъ часто хвалили.

хозяинъ. Тѣ, которые прославляютъ ея красоту, нисколько не лгутъ, прелестію лица она помрачаетъ всѣхъ женщинъ.

АВРААМЪ. По этому то я и горю къ ней страстью.

ХОЗЯИНЪ. Странное дѣло!... Какъ! ты старецъ дряхлый можешь еще вздыхать по молодой женщинѣ?

АВРААМЪ. Какъ быть!... я пришелъ сюда именно за тѣмъ, чтобы ее видѣть.

СЦЕНА VI.

ТѢЖЕ И МАРІЯ.

ХОЗЯИНЪ. Подойди, подойди Марія, и позволь полюбоваться твоею красотою этому неофиту.

МАРІЯ. Ну вотъ и я.

АВРААМЪ, (*съ сторону*). Ахъ, сколько силы, сколько твердости мнѣ нужно въ это время, когда вижу ту, которую воспиталъ въ моемъ пустынномъ уединеніи, въ одеждѣ прелестницы!... Но еще не время лицу моему открыть то, что происходитъ въ душѣ моей. Я съ мужествомъ удержу слезы, готовыя пролиться и прикрою притворною веселостію всю желчь моей горести.

ХОЗЯИНЪ. Счастливая Марія, наслаждайся!... не только молодые люди твоихъ лѣтъ, какъ это обыкновенно бываетъ, но и старики приходятъ толпами, чтобы высказать тебѣ свою любовь.

МАРІЯ. Всѣ, которые меня любятъ, получаютъ отъ меня взамѣнъ равную любовь.

АВРААМЪ. Подойди Марія и поцѣлуй меня.

МАРІЯ. Не только, что я дамъ тебѣ самый сладкій поцѣлуй, но я буду ласкать тебя и обовью руками эту шею, согбенною отъ лѣтъ.

АВРААМЪ. Пожалуй.

МАРІЯ, (*въ сторону*). Что я чувствую!... Какимъ благоуханіемъ дышу я?... Все это напоминаетъ мою прежнюю жизнь, мое прежнее воздержаніе.

АВРААМЪ, (*въ сторону*). Теперь должно притворится, теперь должно предатся веселымъ забавамъ, подобно молодому вѣтреннику, чтобы моя солидность не обнаружила истины и чтобы стыдъ не заставилъ ее уйдти.

МАРІЯ. Увы несчастная!... съ какой высоты упала я и въ какую пропасть!... Я погибла... погибла!...

АВРААМЪ. Перестань!... Въ мѣстѣ, гдѣ собирается толпа весельчаковъ не должно слышать жалобъ.

ХОЗЯИНЪ. Донна Марія, о чемъ это ты вздыхаешь? .. О чемъ ты плачешь. Вотъ уже два года, какъ ты здѣсь живешь, я никогда не слыхалъ, чтобы ты вздыхала и никогда не замѣчалъ, чтобы твоя бесѣда была такъ печальна.

МАРІЯ. О зачѣмъ Богу неугодно было, чтобъ я умерла три года тому назадъ, и не дошла бы до такой преступной жизни.

АВРААМЪ. Я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы оплакивать съ тобою твои грѣхи, но чтобъ раздѣлить твою любовь.

МАРІЯ. Легкое раскаяніе опечалило меня и заставило говорить такимъ об-

разомъ, но начнемъ ужинать... предадимся веселью и радости, потому-что, какъ ты мнѣ напомнилъ, здѣсь не время и не мѣсто оплакивать мои грѣхи. (*садится за столъ*).

АВРААМЪ. О достойный хозяинъ, благодаря твоему радушному гостепріимству, мы плотно поужинали и славно выпили. Теперь позволь мнѣ встать изъ за стола, чтобы расправить въ постелѣ мои измученныя кости и собрать силы.

ХОЗЯИНЪ. Какъ тебѣ угодно.

МАРІЯ. Вставай, синьоръ, вставай, и я пойду съ тобою.

АВРААМЪ. Я этого только и хочу, ничто не заставило-бы меня выдти отсюда, если бы ты меня не сопровождала.

—

СЦЕНА VII.

МАРІЯ. АВРААМЪ.

МАРІЯ. Вотъ комната, гдѣ намъ будетъ покойно. Сядь, я избавлю тебя отъ труда снимать твою обувь.

АВРААМЪ. Сперва запри покрѣпче дверь, чтобы никто не могъ взойти.

МАРІЯ. О, не безпокойся объ этомъ.

АВРААМЪ, (*въ сторону*). Теперь время снять шляпу закрывающую мое лицо, и показать ей кто я (*вслухъ*) Марія, усыновленная дочь моя, половина души моей, узнай во мнѣ старика, воспитавшаго тебя съ нѣжностію, отца, посвятившаго тебя въ невѣсты единому небесному царю.

МАРІЯ. Боже мой! это мой отецъ... это голосъ Авраама! (*поражена ужасомъ*).

АВРААМЪ. Чтобы сбылось съ тобою, дочь моя?

МАРІЯ. Большое несчастіе!

АВРААМЪ. Кто обманулъ тебя, кто тебя обольщаетъ?

МАРІЯ. Тотъ, кто заставилъ пасть нашихъ праотцевъ.

АВРААМЪ. Гдѣ ангельская жизнь, которую ты вела на землѣ?

МАРІЯ. Потеряна.

АВРААМЪ. Гдѣ твой дѣвственный стыдъ, гдѣ твоя дѣвственная чистота?...

МАРІЯ. Все потеряно.

АВРААМЪ. Если ты не послѣдуешъ голосу спасенія, чего ты можешъ ожидать отъ твоихъ постовъ, отъ твоихъ бдѣній, отъ твоихъ молитвъ, когда, павши съ высоты небесной, ты погрязла въ пропасти адской.

МАРІЯ. Увы!...

АВРААМЪ. За чѣмъ ты презирала мною, за чѣмъ ты меня покинула, почему ты не созналась мнѣ въ своемъ паденіи?...

МАРІЯ. Павшая и омраченная грѣхами, я не смѣла приблизиться къ твоей святости.

АВРААМЪ. Кто и когда былъ безгрѣшенъ, кромѣ пречистой дѣвы Маріи?

МАРІЯ. Никто.

АВРААМЪ. Грѣхъ есть принадлежность человѣка. Осуждать должно не того, кто падаетъ по слабости, но того, кто павши, небрежетъ о томъ, чтобы тотчасъ же подняться.

МАРІЯ. О я несчастная! (*Падаетъ*).

АВРААМЪ. Зачѣмъ предаваться отчаянію, къ чему ты безмолвная лежишъ разпростертая на земли, встань и внимай словамъ моимъ.

МАРІЯ. Я упала, пораженная ужасомъ, я не могу перенести тяжести твоихъ отеческихъ увѣщаній.

АВРААМЪ. Помышляй о моей къ тебѣ нѣжности, дочь моя, и перестань бояться.

МАРІЯ. Я не могу.

АВРААМЪ. Не для тебя ли я покинулъ пустыню и отказался отъ соблюденія всѣхъ религіозныхъ предписаній, не для тебя ли я, истинный пустынникъ, сдѣлался собесѣдникомъ людей развращенныхъ, и чтобы не быть узнаннымъ, я, съ давняго времени обреченный на безмолвіе, долженъ былъ произносить слова праздные и недостойные... все это для тебя... Къ чему же потуплять взоры и смотрѣть въ землю... За чѣмъ ты не хочешъ отвѣчать мнѣ и обмѣнятся со мною мыслями?

МАРІЯ. Сознаніе моего преступленія убиваетъ меня, я не смѣю ни поднять взоры къ небу, ни соединить мои слова съ твоими.

АВРААМЪ. Къ чему такое недовѣріе къ небу, дочь моя. . Выдь изъ этой пропасти отчаянія и возложи всѣ упованія на Господа.

МАРІЯ. Огромность моихъ грѣховъ, повергаетъ меня въ самое глубокое отчаяніе.

АВРААМЪ. Признаюсь, твои грѣхи велики, но милосердіе Божіе болѣе всего созданнаго. Благослови же эту печаль, и пользуйся краткимъ временемъ, даннымъ тебѣ на разкаяніе: ибо небесное милосердіе изобилуетъ тамъ, гдѣ больше покаянія.

МАРІЯ. Если имѣешъ хоть малую надежду заслужить прощеніе, то предаешся разкаянію со всѣмъ жаромъ души.

АВРААМЪ. Сжался надъ трудами, которые я предпринялъ для тебя, откинь это гибельное отчаяніе, знай, что оно преступнѣе всѣхъ грѣховъ, потому что тотъ, кто сомнѣвается въ милосердіи Божіемъ къ грѣшникамъ, грѣшитъ непростительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ искра, извлеченная изъ кремня, не можетъ обнять цѣлаго моря, такъ горечь нашихъ прегрѣшеній не можетъ умалить сладкаго Божественнаго милосердія.

МАРІЯ. Я неотвергаю великости небесной благости, но когда я разсматриваю огромность моего преступленія я боюсь, что нѣтъ разкаянія, могущаго достаточно его выкупить.

АВРААМЪ. Я беру на себя твои беззаконія, только возвратись въ мѣсто, которое ты оставила и снова веди образъ жизни, тобою покинутой.

МАРІЯ. Я никогда не буду противиться ни одному изъ твоихъ желаній, я покорно повинуюсь твоимъ приказаніямъ.

АВРААМЪ. Теперь я вижу, что снова обрѣлъ дочь, которую вскормилъ и воспиталъ!... Теперь я долженъ любить тебя болѣе всего.

МАРІЯ. У меня есть немного золота и дорогихъ одеждъ, я ожидаю, какъ ты рѣшишь.

АВРААМЪ. То, что ты пріобрѣла грѣхомъ, должно оставить вмѣстѣ съ грѣхами.

МАРІЯ. Я думала раздать это бѣднымъ, или пожертвовать въ церковь.

АВРААМЪ. Преобрѣтенное преступленіемъ, не можетъ быть приношеніемъ, пріятнымъ Богу.

МАРІЯ. Я не буду болѣе помышлять объ этомъ.

АВРААМЪ. Показывается заря, наступаетъ день... пойдемъ.

МАРІЯ. Тебѣ, дорогой отецъ, тебѣ предшествовать, какъ доброму пастырю, обрѣтшему заблудшую овцу; а я пойду сзади по твоимъ слѣдамъ.

АВРААМЪ. Нѣтъ, я на это не согласенъ, я пойду пѣшкомъ, а ты поѣдешь на моей лошади... я боюсь, чтобы трудность дороги не изранила твоей нѣжной ноги.

МАРІЯ. О, какъ ты ее хвалишь!... Чѣмъ я могу заплатить за столько милостей! Ты доводишь меня до раскаянія не ужасомъ, а самими сладкими, самими кроткими увѣщаніями.

АВРААМЪ. Я требую отъ тебя только, чтобъ ты осталась вѣрною Христу во всю остальную твою жизнь.

МАРІЯ. Я привяжусь къ Богу всѣми моими мыслями, всею моею волею, всѣми моими силами, и если силы мнѣ измѣнятъ, то покрайней мѣрѣ, не желаніе.

АВРААМЪ. Теперь подобаетъ служить Богу съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ ты служила свѣтскимъ суетамъ.

МАРІЯ. Я молю Бога чтобы его воля, твоими заслугами, совершилась надомною.

АВРААМЪ. Ускоримъ-же наше возвращеніе.

МАРІЯ. Да, поспѣшимъ, всякое замедленіе для меня мучительно.

Авраамъ—это самая полная, самая совершенная, самая оконченная драма изъ всѣхъ сочиненій Гросвиты, хотя содержаніе пьесы заимствовано изъ житія святыхъ отцовъ, но характеръ Маріи есть созданіе самой Гросвиты. Характеръ павшей женщины обрисованъ съ большою естественностію и деликатностію. Легенда представила ей только зерно, она развила его глубокимъ знаніемъ женскаго сердца. Съ первыхъ словъ Маріи видно, что уже молодая грѣшница тоскуетъ и страдаетъ отъ порочной жизни, что она уже готова на раскаяніе. Ея ужасъ, потомъ ея покорность и смиреніе, все это изображено прекрасно. Съ удовольствіемъ еще замѣтимъ, сколько чистоты и стыдливости въ двухсмысленныхъ словахъ, которые принужденъ произносить св. пустынникъ. Сколько нѣжности и глубокихъ чувствъ, сколько здѣсь истины и таланта!

Вѣроятно, успѣхъ Авраама, успѣхъ несомнѣнный, заставилъ Гросвиту написать другую пьесу подобнаго содержанія. Сюжетъ

«*Пафнуса*» заимствованъ тоже изъ легендъ, но исполненъ несравненно слабѣе. Драма замѣчательна по ученымъ спорамъ о музыкѣ и философіи, которые авторъ вложилъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Это дѣлаетъ пьесу нѣсколько вялою, скучною и неестественною, но въ тоже время представляетъ намъ возможность узнать, какимъ образомъ смотрѣли на искусства въ X вѣкѣ (*). Въ Пафнусѣ, какъ и въ Авраамѣ, благочестивый затворникъ покидаетъ свою келью съ намѣреніемъ обратить женщину, ведущую постыдную жизнь. Блудница, убѣжденная увѣщаніями пустынника, покидаетъ всѣ богатства и удобства жизни и въ тѣсномъ заключеніи, въ продолженіе трехъ лѣтъ, оплакиваетъ свои грѣхи. Въ среднія времена, многіе изъ проповѣдниковъ пользовались этимъ сюжетомъ. Эразмъ въ свою очередь въ своихъ Colloques представилъ небольшую сцену, названную: Adolescens et scortum, которая вращается около этого же содержанія, наконецъ, Декеръ, англійскій поэтъ, современный Іакову I-му, вывелъ этотъ сюжетъ на англійскую сцену, подъ грубымъ названіемъ: The honest whore. Въ англійской пьесѣ отецъ тоже идетъ въ домъ разврата съ тѣмъ, чтобы извлечь оттуда свою дочь. Если справедливо, что комедія есть выраженіе общества, то сравнивая пьесу монахини съ пьесою англійскаго писателя, мы въ чистотѣ чувствъ и въ деликатности языка должны отдать преимущество Гросвитѣ. Здѣсь X вѣкъ имѣетъ превосходство надъ XVI.

Послѣдняя пьеса Гросвиты, названная «*Мудрость* или *Вѣра, Надежда и Любовь*» съ перваго взгляда можетъ показаться идеальною или аллегорическою драмою, которыя, въ послѣдствіи, были извѣстны подъ именемъ *моралей*, но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ, благочестивая монахиня хотѣла представить въ драматической формѣ легенду V и VI вѣковъ. Въ этомъ послѣднемъ драматическомъ представленіи мы видимъ трехъ-дѣвственную Вѣру, Надежду и Любовь, пришедшихъ изъ Греціи въ Римъ, проповѣдывать христіанство. Императоръ Адріанъ угрозами и ласками старается обратить ихъ въ язычество; дѣвственницы мужественно сопротивляются и всѣ три погибаютъ отъ меча. Мать ихъ съ помощію христіанокъ предаетъ ихъ тѣла погребенію за нѣсколько миль отъ Рима. Потерявши все на землѣ, у этой престарѣлой женщины остается одно желаніе, умереть во Іисусѣ Христѣ; она возвышаетъ душу молитвою и умираетъ тихо и покойно. Окончаніе этой пьесы исполнено религіознаго величія.

(*) Въ X вѣкѣ музыку раздѣляли на три рода: на міровую, человѣческую и инструментальную.

Третья часть Мюнхенскаго манускрипта, содержитъ только отрывки изъ панигириковъ и исторіи Оттоновъ, они составлены по слухамъ и изустнымъ разсказамъ:—это нѣчто въ родѣ памятныхъ записокъ герцогской фамиліи; мы находили здѣсь описанія многихъ интригъ, которыя въ концѣ X столѣтія волновали Имперію и Саксонскій Домъ.

Этимъ краткимъ изложеніемъ сочиненій Гросвиты, мы оканчиваемъ нашъ обзоръ. Еще разъ повторяемъ, театръ Гросвиты и сама писательница, суть явленія, замѣчательныя въ лѣтописяхъ литературы. Женщина, рожденная въ эпоху схоластики, въ эпоху, которой отказываютъ во всякомъ знаніи, во всякой поэзіи и въ чувствѣ прекраснаго предствляетъ намъ замѣчательный памятникъ искусства среднихъ вѣковъ, существованія котораго никто и не подозрѣвалъ. Эти шесть драмъ — послѣдній лучь классической древности, подражаніе, впрочемъ, весьма далекое Теренцію, эти шесть драмъ—заря новаго искусства, на которое христіанство и средніе вѣки наложили двойную печать. Исторія новаго театра, по справедливости, должна начинатья съ Гросвиты и имя ея не должно погибнуть для искусства. Какъ всякое начинаніе несовершенно, такъ и театръ Гросвиты не чуждъ недостатковъ и промаховъ. Ее можно упрекнуть въ педантизмѣ, въ желаніи блеснуть ученостію, въ холодности и натяжкѣ многихъ сценъ; но когда мы вспомнимъ эпоху, въ которую писательница выступила на литературное поприще, то всякій упрекъ становится несправедливымъ и неумѣстнымъ. Жаль, что ея театръ не могъ имѣть никакого вліянія на массу, не могъ вызвать ни на состязаніе, ни на подражаніе, онъ былъ доступенъ только весьма небольшому кругу зрителей; и ея поэзія оглашала только монастырскія стѣны, за которыя она не могла перешагнуть.

Одинъ изъ древнихъ біографовъ Гросвиты—Генрихъ Бодо, заключаетъ главу объ этой писательницѣ слѣдующею фразою: rara avis in Saxonia visa est. Этого недостаточно, говоритъ Маньенъ, эта христіанская Сафо не только чудо для Саксоніи, но и для цѣлой Европы. Среди ночи среднихъ вѣковъ, трудно указать звѣзду болѣе чистую и болѣе блестящую.

—

ЮМОРИСТИКА.

—

ФИЗІОЛОГІЯ

ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

—

Нашъ вѣкъ — вѣкъ всеобщаго движенія и міровыхъ переворотовъ. Куда ни взглянешь, вездѣ видишь чудную перемѣну, основанную на сознаніи самобытныхъ идей и первичныхъ истинъ. Народъ стучитъ и гремитъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, какъ передъ кончиной вѣка: паровозы едва успѣваютъ развозить людей, а люди едва успѣваютъ дѣлать паровозы. Девизъ нашего вѣка: *извлекай пользу изъ всего, что имѣется.* Не наша обязанность разсуждать здѣсь о томъ, вѣрно ли эти слова характеризуютъ настоящее время: это дѣло Политической Экономіи и Философскихъ теорій. Всякій, сколько нибудь образованный человѣкъ, догадается самъ, что всѣ мы, по мѣрѣ силъ и возможности, придерживаемся этого девиза, то есть, стараемся извлекать пользу изъ всего, что имѣемъ.

И такъ, нашъ вѣкъ — вѣкъ всеобщаго движенія и міровыхъ переворотовъ. Но, несмотря на это всеобщее движеніе, наши провинціальные театры все еще съ китайскою неподвиж-

ностью стоятъ на послѣднихъ ступеняхъ сценическаго искусства. Чтобъ подвинуть ихъ сколько нибудь впередъ, имъ нуженъ толчекъ сильной и смѣлой руки. Причина этой жалкой неподвижности заключается въ самомъ основаніи ихъ, а не въ публикѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые теоретики. Публика любитъ все благое и чудесное, возвышающее духовныя силы человѣка. Показывайте ей что угодно — драму, или водевиль: она будетъ смотрѣть на то и другое весьма снисходительно и даже наградитъ васъ по мѣрѣ силъ своихъ; но она потребуетъ, чтобы то и другое было выполнено хорошо и естественно, по всѣмъ правиламъ сценическаго искусства, или лучше сказать, такъ, чтобъ ее задирали за живое. Въ противномъ случаѣ, публика небудетъ разбирать, кто виноватъ: авторъ ли, написавшій пьесу, или актеръ, игравшій въ ней.... Она дастъ деньги за то, чтобъ посидѣть часа три или четыре въ театрѣ и посмотрѣть на представленіе,—значитъ, она вправѣ требовать, чтобы представленіе было хорошо и привлекательно. Намъ кажется, нѣтъ ничего легче, какъ угодить провинціальной публикѣ, которая по вкусу своему не сравнялась еще съ столичной. Въ Петербургѣ давно вывелись тѣ люди, которые вѣрили всякой заманчивой афишѣ, всякому несбыточному обѣщанію. Теперь на эту удочку неподдѣнешь никого, потому что крючекъ ея сталъ слишкомъ примѣтенъ; но провинціи—дѣло другое! Тамъ стоитъ только выбрать хорошую кличку для пьесы, чтобъ заманить ею человѣкъ двадцать помѣщиковъ, которые ѣздятъ въ каретахъ.... объ остальной публикѣ заботиться нечего: она сама прибѣжитъ, или пріѣдетъ, увидя эти кареты, которыя служатъ для нея мѣриломъ высшаго тона и моды. Этотъ народъ вѣритъ, что чѣмъ больше стоитъ у театра каретъ, тѣмъ лучше *представляютъ въ немъ комедію*! Великое дѣло имѣть карету! Каковъ бы ни былъ человѣкъ, но если онъ ѣздитъ въ каретѣ, то невольно внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе. По каретѣ судятъ о немъ, какъ о человѣкѣ, вызывающемъ на размышленіе; по каретѣ встрѣчаютъ и провожаютъ его. Русская пословица: по *платью* встрѣчаютъ, а по *уму* провожаютъ, въ наше время рѣшительно никуда негодится, потому, что нынче всѣ носятъ модное платье, а провожаютъ не по уму, а по *состоянію*. Если мы богаты и хорошо одѣты, то всякій по-

думаетъ, что мы люди образованные и дѣловые, а если притомъ ѣздимъ еще въ каретѣ, то говорятъ, что мы геніи, или особы, похожіе на геніевъ. Повторяемъ: великое дѣло имѣть карету! Недаромъ сказалъ объ ней Кони:

Если ищете вы мѣста,
Или должности какой;
Или сыщется невѣста
Съ *капитальной* красотой—
Будьте смѣтливы и зорки!
Мой совѣтъ на этотъ счетъ:
Подъѣзжайте на четверкѣ —
И вамъ вѣрно повезетъ! ....

Мы сказали выше, что нѣтъ ничего легче, какъ угодить провинціальной публикѣ. Это также вѣрно, какъ дважды два-четыре. Еслибъ господа антрепренеры были немного подогадливѣе, то театральныя кассы ихъ никогда бы не оскудѣли. Имъ стоитъ только завести строгую аккуратность на сценѣ и руководствоваться хорошимъ выборомъ пьесъ, а не выкапывать старую гниль, развозимую Офенями изъ заплѣснѣвшихъ кладовыхъ Московскихъ книжныхъ лавокъ — по ярмаркамъ. Такія пьесы хороши были при Екатеринѣ, но для насъ.... извините, нынѣче не всѣ пристрастны къ археологіи. Мы, пережившіе Пушкина и Грибоѣдова, смотримъ на драматическую литературу совсѣмъ иначе, а не такъ, какъ смотрѣли на нее наши бабушки, любившія болѣе пудру и мушки, чѣмъ *Россійскій Оеатръ*. Нѣтъ! намъ давайте драму, полную жизни и согрѣтую поэтическимъ творчествомъ, или водевиль, написанный живо, остро и естественно. Неужели господа содержатели провинціальныхъ театровъ немогутъ отыскать въ нашемъ репертуарѣ чего нибуть порядочнаго даже для провинціальной публики? Но господа содержатели провинціальныхъ театровъ бываютъ большею частію люди, непонимающіе сценическаго искусства вовсе и знающіе о существованіе новой драматической литературы только по наслышкѣ. Отчасти же это происходитъ отого, что какая нибудь плохая пьеса, украшенная площадными шутками, гораздо ближе подходитъ подъ масштабъ

ихъ эстетическихъ понятій. Чтобъ доказать все это на самомъ дѣлѣ, мы считаемъ за нужное предетавить здѣсь читателямъ краткую характеристику провинціальныхъ театровъ. Въ ней будетъ упомянуто и о томъ, какъ образуются эти театры; и о томъ, какіе актеры играютъ на нихъ; и о томъ, какая публика посѣщаетъ ихъ, и на сколько именно разрядовъ раздѣляется эта публика. Всѣ эти подробности тѣмъ болѣе необходимы, что до сихъ поръ никто необращалъ на нихъ вниманія.

Приступимъ же къ дѣлу.

Образованіе провинціальныхъ театровъ.

Образованіе провинціальныхъ театровъ происходитъ большею частію слѣдующимъ образомъ: нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ, или извѣстныхъ по состоянію своему лицъ, дѣлаютъ складчину подъ предлогомъ учредить въ городѣ театръ *для пріятнаго препровожденія времени*. Для этой цѣли они избираютъ изъ среды своей членовъ, на которыхъ возлагается обязанность собирать деньги отъ подписавшихся, пріискивать актеровъ и музыкантовъ, заготовлять декораціи и смотрѣть за постройкою предположеннаго зданія. Этотъ періодъ времени бываетъ для членовъ самымъ труднымъ и хлопотливымъ: они мѣчутся взадъ и впередъ, какъ угорѣлые, разсказываютъ знакомымъ своимъ разные анекдотцы о будущемъ театрѣ и заранѣе приглашаютъ ихъ абонировать ложу или кресло, даже предварительно показываютъ театральную залу и сцену въ чернѣ за деньги. По окончаніи всѣхъ хлопотъ и работъ, когда всѣ возбуждающіе любопытство росказни истощились, члены назначаютъ *первое представленіе*, въ которомъ сами являются на сцену въ первостепенныхъ роляхъ, играемой пьесы. Въ это время провинція оживляется, принимаетъ на себя самодовольную мину, и какъ будто говоритъ, что въ ней происходитъ важное событіе, стоющее того, чтобы объ немъ припечатать въ *Пчелкѣ*. Взглянемъ же, что тамъ такое дѣлается. — Видите ли — толко-что выстроенный театръ иллюминованъ, какъ яхта: ему недостаетъ однихъ парусовъ,.. такъ бы и поплылъ онъ вдоль по улицѣ, при общихъ кликахъ торжествующаго народа. Публика радуется, кричитъ и

рукоплещетъ: браво! брависсимо! фора! Однимъ словомъ, аплодисманы гремятъ безъ умолку и придаютъ этому зрѣлищу что-то торжественное. Всѣ говорятъ другъ другу: «что, какова комедія! чудо! просто чудо! дѣйствительно чудо!.... а какъ хорошо играетъ эта... какъ ее... что еще ножками-то выкидываетъ разныя штучки!... Да что тутъ много говорить — теперь мы повеселимся на славу!.... даже заткнемъ за поясъ всѣхъ Петербургцевъ.... Вѣдь говорятъ Егоръ Ефимычъ такой знатокъ, что во всей Россіи нѣтъ! Нашъ прокуроръ видѣлъ его даже въ Москвѣ въ директорской ложѣ.... сидитъ, знаете, и ничего.»

Спустя нѣсколько времени, члены мало по малу забываютъ свою обязанность и одинъ за другимъ отдаляются отъ сцены къ карточнымъ столамъ. Тогда театръ переходитъ въ руки какого нибудь прожектера, который начинаетъ извлекать изъ него всевозможныя выгоды. Читатели увидятъ ниже, что за люди берутся за это дѣло и какъ они понимаютъ его.

Такъ, большею частію, образуются провинціальные театры. Конечно, это случается иногда и другимъ образомъ, но все таки болѣе или менѣе подходитъ къ приведенному нами примѣру. Человѣку частному, безъ вспомоществованія другихъ, почти невозможно учредить театръ въ провинціи: на это требуется довольно порядочный капиталъ и втрое болѣе хлопотъ, за которые, кромѣ безполезныхъ издержекъ, едва ли получитъ онъ что нибудь болѣе вещественное.

Публичная зала и сцена.

Внутренность провинціальныхъ театровъ бываетъ двухъ родовъ, изъ которыхъ первый весьма похожъ на столичный. Публичная зала строится всегда полукругомъ, нѣсколько продолговатымъ. По бокамъ ея устроиваются ложи въ одинъ или два яруса, а по срединѣ ставятся кресла, позади которыхъ слѣдуютъ мѣста за креслами и галлерея. Публичная зала освѣщается посредствомъ люстры, довольно порядочной величины, иногда масломъ, благовоніемъ своимъ не похожимъ на жасминное, но большею частію сальными свѣчами четвертаго разбора. Изъ этой люстры нерѣдко накрапываетъ масляный или сальный

дождикъ. Ложи, для большей важности, украшаются разными фигурами изъ мифологіи еще не открытой части свѣта, и обтягиваются краснымъ или зеленымъ сукномъ.

Другой родъ публичныхъ залъ есть ничто иное, какъ большая комната, уставленная креслами и стульями. Но это бываетъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, за неимѣніемъ театральнаго зданія, актеры играютъ въ обыкновенныхъ домахъ, или въ балаганахъ, сколоченныхъ на живую руку; въ крайнемъ же случаѣ, въ манежѣ или въ большомъ складочномъ сараѣ. Провинціальныя музы не прихотливы на квартиру.

Цѣны мѣстамъ почти во всѣхъ провинціальныхъ театрахъ одинаковы, а именно:

Въ обыкновенные спектакли:	*въ бенефисы:*
Ложи . . . . 3 р. сер.	Ложи . . . . 4 р. 30 к. с.
Кресла въ 1 ряду 1 р. 50 к. —	Кресла въ 1 ряду 2 р. — —
——— во 2 и 3-мъ 1 р. — — —	——— во 2 и 3-мъ 1 р. 50 к.—
Мѣста за креслами — 75 к. —	Мѣста за креслами 1 р. — —
Галлерея . . . — 50 к. —	Галлерея . . . — 75 к.—
Партеръ (который мимоходомъ сказать, находится всегда подъ самымъ потолкомъ) 25 к. —	Партеръ остается вѣренъ своей цѣнѣ . 25 к. с.

Сцена на провинціальныхъ театрахъ, также, какъ и у насъ, отдѣляется отъ зрителей барьеромъ, за которымъ помѣщаются музыканты. Она имѣетъ помосты, по большой части со скрыпомъ, какъ смазные сапоги, а внизу пустые, какъ бочка, что вмѣстѣ производитъ довольно эфектный акомпаньеманъ къ неистовымъ трагическимъ тирадамъ, а танцы оттого всегда похожи на танцы съ кастаньетами. Занавѣсъ на сценѣ поднимается посредствомъ блока; на немъ всегда изображаютъ какого нибудь козлоногаго сатира, или, фавна, пьющаго нектаръ изъ чаши. Раздвижныхъ половъ на сценѣ еще недѣлаютъ; но люки устроиваютъ во многихъ мѣстахъ, судя по надобности. По бокамъ или сзади сцены придѣлываютъ два или три чуланчика, въ которыхъ переодѣваются актрисы и хранятся костюмы и бутафорныя вещи, если такія не берутся на прокатъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что за

кулисами провинціальныхъ театровъ нерѣдко происходитъ комедія гораздо интереснѣе тѣхъ, которыя разыгрываются на самой сценѣ. Сюда, во время антрактовъ, стекаются провинціальные львы и онагры, чтобы закурить папироску или поговорить съ какой нибудь закулисной Лаисой. Тутъ вы увидите и пожилаго помѣщика, изъясняющаго любовь свою подозрительной Дездемонѣ, и молодаго чиновника любующагося ножкой танцовщицы, и купеческаго сынка, обнимающаго Гризельду. Словомъ, тутъ вы увидите много такихъ вещей, которыхъ видѣть вамъ неслѣдуетъ.

Декораціи и костюмы.

Декораціи на провинціальныхъ театрахъ не представляютъ ничего обворожительнаго. Это какой-то сборъ разныхъ тряпокъ, натянутыхъ на деревянныя рамы. Антрепренеры, обыкновенно того мнѣнія, что рисовать декораціи — дѣло весьма простое и что на это способенъ всякій маляръ. Они незнаютъ, что декораціонная живопись требуетъ особеннаго изученія, знанія архитектуры и преспективы, и достается неиначе, какъ трудомъ и опытностію. Даже настоящіе художники, хорошо и ловко владѣющіе кистью при снимкѣ какого нибудь портрета, не всегда удачно изображаютъ то, что требуется для сцены. Пусть бы еще декораціи поручали писать художникамъ; они все таки сдѣлали бы что нибудь похожее на дѣло; но господа антрепренеры думаютъ, что такіе люди слишкомъ дороги и что имъ можно обойтись какъ нибудь и безъ нихъ. По этой неопровержимой логикѣ зрители видятъ иногда на сценѣ такую коллекцію размалеванныхъ фигуръ, что нѣтъ никакой возможности догадаться, что онѣ именно изображаютъ. Если, на-примѣръ, требуется представить лѣсъ или садъ, то вы непремѣнно встрѣтите тутъ и крестъ, съ человѣческимъ черепомъ, и статую, полную нѣги и сладострастія, и даже чорта, который какъ будто самъ чувствуетъ, что онъ не въ своей тарелкѣ. Всѣ эти эффекты какъ-то странно гармонируютъ между собою; а въ цѣломъ представляютъ нѣчто, живо напоминающее вывѣски такъ называемыхъ *авошенныхъ* лавокъ. Вѣдь есть же люди, которые воображаютъ будто чортъ и

могила такія необходимости, безъ которыхъ неможетъ играться ни одна пьеса, хоть будь она просто веселый водевильчикъ или фарсъ à propos... жалко! Но что дѣлать, безъ memento mori нѣтъ жизни на провинціальной сценѣ.

О костюмахъ можно сказать тоже, что сказано о декораціяхъ. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть на сценѣ какого нибудь Гамлета въ гусарскомъ доломанѣ, или Маркизу временъ Людовика XV въ ситцовомъ платьѣ, сшитомъ по прошлогодней картинкѣ модъ. На нѣкоторыхъ театрахъ костюмы шьются довольно хорошо, но актеры употребляютъ ихъ безъ всякаго разбора. Если имъ нужно явиться на сцену какимъ нибудь петергбурскимъ Нѣмцемъ, то они считаютъ за нужное непремѣнно надѣть на себя французскій камзолъ и трехъугольную шляпу. Иногда римскій полководецъ Велисарій выходитъ на сцену въ камлотовой альмавивѣ и въ шляпѣ флотскаго офицера. Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ тѣнь Вероники являлась на розовомъ катафалкѣ, одѣтая въ яркоцвѣтное платье, поющая на мотивъ «*Ты поди моя коровушка домой*:

Мой милый другъ! Изъ за могилы,
Услышъ мой голосъ, мой привѣтъ!
Есть жизнь за гробомъ другъ мой милый,
И для сердецъ разлуки нѣтъ!..

Фойе и афиши.

Фойе и афиши провинціальныхъ театровъ имѣютъ между собою весьма тѣсную связь. Но прежде всего позвольте мнѣ объяснить, что такое провинціальное Фойе. Это одна или двѣ комнаты, въ которыхъ, кромѣ стульевъ, красуется еще нѣчто болѣе драгоцѣнное — буфетъ, т. е столъ, покрытый грязной скатертью, съ водкою различныхъ настоевъ, и съ кипящимъ самоваромъ — ради *пуншту*. Сюда стекаются люди всѣхъ званій, чтобъ выпить рюмку водки или выкурить трубку Бостанжогло. Во время антрактовъ здѣсь вы можете пить, ѣсть, пѣть и даже, если вамъ вздумается, играть свои комедіи. Надобно еще замѣтить, что здѣсь самое удобное мѣсто для того, чтобъ подружиться съ актеромъ или какой нибудь другой особой, которая интересуетъ васъ. Здѣсь же, въ облакахъ

дыма, раздаются и афиши на слѣдующее представленіе и разсказываются разныя не проценсурованныя исторійки о томъ, какъ кто игралъ, или о томъ, отъ чего у такой то актрисы, игравшей роль молодой дѣвушки, свалилась фальшивая коса, а у такой-то танцовщицы стала узка тюника. Мелкія тайны невидимаго міра!

Въ иныхъ губерніяхъ афиши печатаются довольно порядочно; но безграмотность въ нихъ почти вездѣ одинаковая. Кромѣ того, у составителей этихъ афишъ есть похвальное обыкновеніе выдумывать для пьесъ другія названія, болѣе заманчивыя, отъ чего нерѣдко старая пьеса становится новою, трагедія Грузинцова приписывается Кукольнику, а водевиль Горскаго—Каратыгину, или Кони. Приведу примѣръ: извѣстный водевиль: *Дѣловой человѣкъ, или дѣло въ шляпѣ* — былъ переименованъ на одномъ провинціальномъ театрѣ слѣдующимъ образомъ: *Дѣло, которое ходитъ въ шляпѣ съ корардою!* а другую пьесу: *Въ людяхъ ангелъ, не жена, дома съ мужемъ— сатана*, перекрестили такъ: *Хороша была жена; но къ ней подбился сатана!* Опечатки бываютъ еще хуже. Однажды, въ Саратовѣ, попалась мнѣ въ руки афиша, въ которой, между прочимъ, было напечатано слѣдующее: *г-жа Гусева будетъ пѣть русскую пѣсню: «смолкни пташка канарейка!» съ перелетомъ валета: «я надеждѣ покорилась — перестану трепетать!»* (*).

Подобныя опечатки встрѣчаются въ провинціальныхъ афишахъ весьма нерѣдко; но между ними бываютъ еще и такія, которыя невольно заставляютъ подумать, что есть на свѣтѣ люди, которымъ природа отказала въ лучшемъ достояніи человѣка, а именно: въ способности умственнаго развитія. Мнѣ случалось читать еще такія афиши, въ которыхъ говорилось: сегодня будетъ представлена *драмма*, подъ названіемъ: *Смертныя*

(*) Должно полагать, что составитель афиши хотѣлъ напечатать; г-жа Гусева будетъ пѣть русскую пѣсню: «*смолкни пташка канарейка!* съ переходомъ въ аллегро: «*я надеждѣ покорилась — перестану трепетать*»; но наборщики, не зная музыкальныхъ терминовъ, приняли слово аллегро за валета, отъ чего и произошла сущая безсмыслица.

судороги водевиля и *докторъ его—Иванъ Иванычъ Простофиля.* Читая такія афиши, самъ не знаешь, кого винить: типографію ли, гдѣ онѣ печатаются, или сочинителя ихъ, который, за неимѣніемъ здраваго смысла, прибѣгаетъ къ послѣднимъ усиліямъ своей изобрѣтательности и деспотически передѣлываетъ названія пьесъ извѣстныхъ авторовъ? Быть можетъ, читатели замѣтили это еще въ статьѣ, напечатанной въ 6-й книжкѣ Репертуара и Пантеона, подъ рубрикою: *Театръ въ Саратовѣ,* въ которой были выписаны названія пьесъ такъ, какъ онѣ напечатаны на афишахъ. Но оставимъ эту грязную сторону и утѣшимся тѣмъ, что, можетъ быть, скоро это варварское обыкновеніе совсѣмъ уничтожится.

Не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь о двухъ провинціальныхъ типографіяхъ, въ которыхъ афиши печатаются, если не совсѣмъ правильно, то, по крайней мѣрѣ, чисто. Одна изъ этихъ типографій, принадлежитъ Шевицу и находится въ Казани. Въ ней производятся работы почти на всѣ ближайшія къ Казани губерніи. Другая типографія, также довольно замѣчательная, недавно открыта въ Саратовѣ и принадлежитъ подобно первой, также частному лицу.

Актеры и актрисы.

Провинціальные актеры начинаютъ сценическое свое поприще, большею частію, *какъ нибудь,* случайно, безъ всякаго подготовленія и особеннаго влеченія къ искусству. По этому весьма неудивительно, если мы видимъ ихъ на сценѣ на такой степени совершенства, что въ столицѣ послѣдній воспитанникъ Театральнаго Училища играетъ гораздо лучше ихъ. Провинціальные актеры бываютъ двухъ разрядовъ: къ первому принадлежатъ люди, учившіеся сценическому искусству съ малолѣтства. Этотъ разрядъ болѣе удовлетворителенъ и подаетъ большія надежды въ будущемъ. Второй разрядъ состоитъ изъ тѣхъ непризванныхъ самоучекъ, которые выступаютъ на сцену безъ всякаго призванія и сочувствія къ театру.... выступаютъ случайно, или потому, что имъ болѣе ничего не остается дѣлать, какъ заняться *актерствомъ.* Эти господа бываютъ, большею частію, подозрительной нравствен-

ности, не безукоризненнаго поведенія и весьма ограниченныхъ способностей. Положимъ, что и между ними встрѣчаются люди, которые заслуживаютъ уваженія; но подобныя исключенія очень рѣдки. Можно сказать утвердительно, что каждый изъ нихъ прежде, чѣмъ рѣшился пойти въ *актеры*, служилъ въ какой нибудь должности, или занимался чѣмъ нибудь другимъ: только одна крайность могла понудить его избрать себѣ этотъ родъ жизни, на который господа провинціалы смотрятъ, какъ на *фиглярство*. Скажите, чего можно ожидать отъ человѣка, который является на сцену, какъ въ какую нибудь ресторацію, безъ всякой церемоніи, иногда болѣе, чѣмъ въ веселомъ расположеніи духа, незаучивъ даже роли и надѣясь, что суфлеръ поможетъ ему въ этой бездѣлицѣ? Конечно, на сценѣ онъ будетъ говорить все, что написано въ пьесѣ, кромѣ того, что не дослышитъ или не разберетъ, но будетъ говорить машинально, безъ всякой дикціи и энергіи, какъ автоматъ. Провинціальный актеръ вообще глубоко убѣжденъ, что онъ художникъ, и что русскій художникъ долженъ быть непремѣнно—пьяница. Иногда случается такъ, что поименованнаго въ афишѣ актера привозятъ на сцену едва живаго, и онъ, чтобъ избавиться отъ тяжкаго мученія, въ которое повергъ его Бахусъ, говоритъ зрителямъ торжественно: «Господа! эта пьеса написана такъ глупо, что нѣтъ никакой пользы продолжать ее... авторъ, вѣроятно, забылъ, что въ этомъ дѣйствіи мнѣ слѣдуетъ непремѣнно умереть. Какъ вы думаете, вѣдь было бы гораздо эффектнѣе, еслибъ я растянулся теперь-же, вотъ такъ?...» И сказавши этотъ монологъ, онъ падаетъ, какъ мертвый; а если за паденіемъ его послѣдуетъ ушибъ, то онъ начинаетъ произносить слова, которыя по своему цинизму, въ печать не годятся. Послѣ этого можетъ ли какая нибудь пьеса имѣть успѣхъ, если она выполняется съ подобнымъ *художествомъ*?

Мы сказали выше, что первый разрядъ болѣе удовлетворителенъ и подаетъ большія надежды. И это весьма справедливо, потому что актеры, составляющіе его, любятъ и болѣе или менѣе уважаютъ свое дѣло, несмотря на то, что многіе смотрятъ на него недружелюбно. Если въ нихъ встрѣчаются недостатки, то это происходитъ не отъ того, что они не по-

нимаютъ своего назначенія, а оттого, что имъ негдѣ изучить сценическое искусство лучше и полнѣе. Причина эта весьма извинительна и со временемъ уничтожится сама собою. Смѣло можно надѣяться, что это молодое поколѣніе принесетъ со временемъ большую пользу провинціальнымъ театрамъ, а чрезъ нихъ и всеобщему распространенію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

Актеръ провинціальный получаетъ жалованья отъ 300 до 1000 руб. ассигн. въ годъ, живетъ, какъ Богъ пошлетъ и работаетъ, какъ поденщикъ. Гардеробъ его почти всегда отличается неопрятностію, и нерѣдко бываетъ даже такой, что ему стыдно показаться на свѣтъ Божій. Самъ онъ ходитъ тихо, робко и задумчиво, какъ настоящая угнетенная невинность. Любимое занятіе его—проводить время въ ресторація, или въ погребкѣ, гдѣ пьетъ онъ мертвую чашу. Иногда онъ читаетъ Пчелку, чтобъ узнать, что говорится въ ней о столичныхъ бенефисахъ. Въ это время глаза его разгараются и смотрятъ какъ-то дико и странно, а самъ онъ говоритъ: «злодѣи! они вѣчно не даютъ мнѣ ходу.., они знаютъ, что я сыграю не хуже любаго Мочалова! Кто имъ сказалъ, что у меня нѣтъ ни на грошъ дарованія? Посмотрите: грудь моя широка, руки толсты, а голосъ такой, что, какъ гаркну, то всякаго Каратыгина за-поясъ заткну! А какъ я падаю, когда на сценѣ зарѣжутъ или отравятъ меня!.. просто, какъ пластъ.., шлепъ! и растянулся крестомъ, какъ мертвый!.. даже изъ носу кровь иногда потечетъ. И послѣ этаго есть еще люди, которые увѣряютъ, что у меня нѣтъ дарованія?.. Ей! Ефимка! бальзаму!»

Мы нарочно выписали эти слова, чтобъ показать читателямъ, какъ господа провинціальные актеры понимаютъ сценическое искусство. Рѣдко встрѣчаются между ними люди съ дарованіемъ; но и тѣ, имѣя характеръ слабый и мягкій, всегда подвергаются разгульной и забубенной жизни сотоварищей своихъ. Общество смотритъ на провинціальнаго актера, какъ на человѣка празднаго и безполезнаго, и старается избѣгать его, какъ парія. Однимъ словомъ, провинціальный актеръ живетъ совсѣмъ въ отдѣльной сферѣ, чуждый всякаго прикосно-

венія съ обществомъ, которое видитъ въ немъ не болѣе, какъ фигляра.

Объ актрисахъ можно сказать тоже самое, что сказали мы объ актерахъ, если не въ отношеніи ихъ жизни, такъ въ отношеніи понятій объ искусствѣ. Онѣ имѣютъ предъ послѣдними только то преимущество, что имъ случается иногда найти покровителей, которые заботятся о ихъ содержаніи и одѣваютъ ихъ, какъ куколокъ. Будучи характера болѣе воздержнаго, чѣмъ мужчины, онѣ мало по малу накопляютъ себѣ небольшой *капиталецъ*, въ надеждѣ обезпечить тѣмъ свою будущность. Какъ скоро капиталецъ этотъ дѣлается нѣсколько значительнымъ, онѣ тотчасъ же пріискиваютъ себѣ женіховъ изъ *чиновныхъ* или *отставныхъ*, и выходятъ за мужъ. Тогда имъ ничего неостается болѣе дѣлать, какъ сказать: *все кончено*!

Публика и провинціальный фуроръ.

Публика провинціальныхъ театровъ очень разнообразна и непостоянна. Сего-дня она аплодируетъ одному, а завтра обожаетъ другаго. Но это не доказываетъ еще, что она не предпочитаетъ духовную жизнь — физической; нѣтъ, самое непостоянство ея подтверждаетъ слова наши: *она любитъ все благое и чудесное, возвышающее умственныя силы человѣка.* Скорѣе непостоянство ея происходитъ оттого, что актеры не дорожатъ любовью публики и не стараются выполнять ролей своихъ такъ, какъ слѣдуетъ, или такъ, какъ поступилъ бы на ихъ мѣстѣ другой человѣкъ, болѣе расчетливый! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли публика смотрѣть одинаково на то, что весьма часто измѣняется? или говоря другими словами, можетъ ли публика любить постоянно артиста, когда онъ самъ сегодня играетъ разумно, а завтра воетъ на всѣ звѣриные голоса? Разумѣется нѣтъ!

Публику провинціальныхъ театровъ можно раздѣлить на три разряда.

Къ первому разряду принадлежатъ люди, извѣстные состояніемъ своимъ или успѣвшіе прославиться чѣмъ нибудь въ обществѣ, хоть будь это обѣдами, лошадьми или гоньчими собаками. Между ними самую главную роль играютъ

господа помѣщики *доходныхъ деревенекъ*. Эта публика всегда помѣщается въ переднихъ ложахъ или въ креслахъ. Съ высоты своего величія она смотритъ на все окружающее гордо и надмѣнно. Она считаетъ за нужное покровительствовать актрисамъ и вслухъ бранить актеровъ, которые не умѣли ей понравиться. Въ театръ пріѣзжаетъ она послѣ всѣхъ, чтобы доказать тѣмъ преимущество свое предъ другими, или показать, что она ѣздитъ сюда не для чего инаго—прочаго, а такъ, отъ *нечего дѣлать*. Горе тому, кто не угодитъ ей: она уничтожитъ его въ полномъ смыслѣ этаго слова. Во время бенефисовъ, эта часть публики всегда платитъ втрое за билеты, какъ бы показывая тѣмъ видъ, что она готова покровительствовать актерамъ. Гордая и надменная, она имѣетъ предъ другими только одно преимущество, а именно: капиталъ! Она смотритъ на драму или комедію, какъ на площадныя шутки фигляровъ; она не знаетъ, что подъ баснословнымъ вымысломъ поэта скрывается часто истина глубокая и поучительная, и что эта самая истина указываетъ на пороки и недостатки наши гораздо прямѣе и глубже, чѣмъ нравственныя наставленія воспитателей.

Ко второму разряду публики принадлежитъ *почтенное* купечество. Эту часть публики по истинѣ можно назвать патріархальною. Она ходитъ въ театръ потому только, что въ немъ бываютъ господа помѣщики и губернаторъ, на которыхъ посмотрѣть ей гораздо пріятнѣе, чѣмъ на всякое зрѣлище. Весьма забавно видѣть, какъ это *почтенное* сословіе развалившется въ ложахъ своихъ, и старается подражать публикѣ, описанной выше. Глядя на нихъ, невольно подумаешь, что настоящая комедія разыгрывается не на сценѣ, а въ театральной залѣ... и еще какая комедія — полная глубокой ироніи и неподражаемаго юмора.

Третій разрядъ публики составляютъ всѣ тѣ труженики житейскихъ потребностей, которые наполняютъ собою раекъ и галлерею. Между ними есть и чиновники, получающіе жалованья отъ 30 до 100 руб. сер, въ годъ; и ни въ чемъ *неповинные* прикащики, которые забиваются въ эти мѣста не потому, что у нихъ мало денегъ, а потому, что боятся выказать себя съ *достаточной стороны* не совсѣмъ благопріобрѣтенной, и разнохарактерныя гризетки, которыхъ провинціаль-

ныя барышни нарочно посылаютъ въ театръ посмотрѣть на комедію, чтобы избавиться отъ нихъ, какъ отъ лишнихъ и нескромныхъ созерцательницъ нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ, не терпящихъ огласки. Боже мой!.. какихъ тутъ нѣтъ людей!.. и какъ эти люди шумятъ и толпятся въ муравейникѣ своемъ! Имъ кажется, что они такіе-же смертные, какъ и всѣ, а на повѣрку выходитъ, что это — муравьи!..

Провинціальный фуроръ стоитъ того, чтобъ описать его! Мы раздѣлимъ его также, какъ и публику, на три разряда.

Публика перваго разряда аплодируетъ не такъ тихо и чинно, но и не слишкомъ увлекается восторгомъ. Она хлопаетъ иногда руками и кричитъ: браво! брависимо! иногда стучитъ только палками.

Публика втораго разряда сидитъ, большею частію, чинно, но если начнетъ шевелиться, то расходится не на шутку. Она аплодируетъ рѣзко и громко, и смѣло вызываетъ актера, который успѣлъ посмѣшить ее. Знакъ увлеченія своего она выражаетъ, большею частію, междометіями. Любимыя восклицанія ея слѣдующія: у!.. у!.. у!.. ото чортъ Иваныч! кричи: чорта!.. давайте сюда чорта!.. или, баста! *Боброва*!.. хорошо *Боброва*! . важно *Боброва*! дѣвица *Зальская*!., молодца, — *Зальская*!.. фора!..

Третій разрядъ публики выражаетъ свой фуроръ самымъ неистовымъ образомъ: онъ стучитъ ногами и хлопаетъ руками, а въ добавокъ поминутно испускаетъ звуки, похожіе на мычаніе быка или ржаніе лошади. Иногда минутное увлеченіе его доходитъ до такой степени, что блюстители нравственной чистоты и порядка находятся вынужденными унять его особеннымъ, достаточно убѣдительнымъ, образомъ.

Сборъ провинціальныхъ театровъ и бенефисы.

Сборъ провинціальныхъ театровъ простирается иногда отъ 500 до 1000 руб. сер., а иногда уменьшается такъ, что содержатели театровъ едва выручаютъ за освѣщеніе. Въ праздничные и торжественные дни публики въ театрѣ бываетъ гораздо болѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, потому что въ будни почти всякій занятъ должностью, картами, или какимъ нибудь дру-

гимъ дѣломъ; а *почтенное* купечество считаетъ за грѣхъ смотрѣть въ будни на комедію! Всего значительнѣе сборы бываютъ во время маслянницы: въ это время спектакли даются также, какъ и въ столицѣ, по два раза въ день, и театръ почти всегда биткомъ набитъ. Все это доказываетъ, что въ провинціи встрѣчаютъ и проводятъ масляницу по старинному обычаю, то есть, весело и шумно. Во время бенефисовъ сборы также увеличиваются до значительной суммы; но это зависитъ болѣе отъ ловкости и умѣнья самаго бенефиціанта. Онъ долженъ умѣть *поползать* передъ барами, *потрафить* на купца, *покутить* съ прикащиками, и *подладить* къ горничнымъ и дворецкимъ.

Бенефисы зимняго сезона начинаются почти всегда въ ноябрѣ мѣсяцѣ и продолжаются вплоть до масляницы. Тамъ, гдѣ труппа многочисленнѣе, они даются иногда по два раза въ недѣлю; на другихъ же театрахъ не болѣе одного въ мѣсяцъ. При составленіи бенефиса актеры находятся въ большихъ затрудненіяхъ. Первое затрудненіе заключается въ выборѣ для бенефиса пьесы, которая могла бы заманить побольше публики и на которой можно бы было надписать: «представлена будетъ *въ первый разъ*». Для этого бенефиціанты прибѣгаютъ иногда къ разнымъ хитростямъ, то есть, передѣлываютъ названія старыхъ пьесъ, чтобъ публика могла принять ихъ за новыя. Вторая трудность заключается въ раздачѣ ролей, печатаніи афишъ и тому подобныхъ дѣлахъ. За два дни до бенефиса актеръ ѣздитъ по всему городу продавать билеты, и нерѣдко навязываетъ ихъ почти силою. Въ это время онъ обыкновенно дѣлается веселѣе, потому что ему предстоитъ завидная будущность — получить около семисотъ рублей разомъ. Онъ расчитываетъ, что поправитъ свой гардеробъ и уплатитъ долги въ рестораціи, гдѣ кредитъ его къ концу года значительно падаетъ. Во время же бенефиса онъ непремѣнно считаетъ за нужное явиться въ дивертисманѣ, чтобъ пропѣть какой нибудь куплетецъ, въ родѣ слѣдующаго:

Купчикъ лавку отпираетъ...
Днемъ тройной барышъ беретъ,
Ночью жъ горько воздыхаетъ
И судьбу свою клянетъ:

Боже мой! Боже мой!
Отпусти грѣхъ тяжкій мой!

Мужъ съ женой своей бранится,
Говоритъ ей: чортъ съ тобой!
Ночью же опять мирится,
Говоритъ ей: Ангелъ мой!
Ангелъ мой! ангелъ мой!
Поцѣлуйся же со мной!

Вотъ приказный... онъ зѣваетъ
И лишь взяточки беретъ.
Ночью же кутитъ, мотаетъ
И тѣ взятки отдаетъ.....
А кому? а кому?
Нескажу я никому.

Днемъ иной квартальный бравый
Пьяныхъ въ будку все беретъ.
Ночью же его со славой.
Будочникъ домой ведетъ. —
Боже мой! Боже мой!
Что онъ дѣлаетъ со мной!

Таковые куплетцы обыкновенно приписываются остроумію г. Ленскаго. По окончаніи спектакля бенефиціантъ приглашаетъ всѣхъ актеровъ къ себѣ на домъ или въ гостинницу, чтобъ отдохнуть и выпить по чашкѣ чаю; но вмѣсто чаю они пьютъ завсегда *мертвую чашу*. Иной разъ случается такъ, что бенефиціантъ, собравъ за билеты деньги, вдругъ пропадаетъ дня на два или на три, а иногда и на недѣлю. Между тѣмъ, назначенное для бенефиса время приходитъ и публика собирается въ театръ. И вотъ она ждетъ и думаетъ, что увидитъ новую драму, о красотахъ и достоинствѣ которой бенефиціантъ насказалъ ей, при продажѣ билетовъ, съ три короба. Но каково же бываетъ удивленіе ея, когда она, вмѣсто художественной драмы, вдругъ видитъ на сценѣ разнощика афишъ, который объявляетъ, что спектакль отмѣняется, потому что бенефиціантъ смертельно боленъ — т. е. *еле живъ*, или отлучился по непредвиденнымъ обстоятельствамъ, т. е. попалъ въ полицію

за буйство... Актеры, большею частію, любятъ выбирать для бенефисовъ своихъ такія драмы, въ которыхъ дѣйствуютъ короли да принцы.

Антрпренеры.

Читатели, быть можетъ, воображаютъ, что антрпренеры — люди страшные и неприкосновенные, говорящіе рѣзко и повелительно, даже о томъ, чего не смыслятъ, словомъ—*настоящіе директоры*? Со всѣмъ нѣтъ! Это едва ли не самый жалкій народъ во всемъ мірѣ. Обязанность ихъ самая трудная и хлопотливая: имъ на каждомъ шагу встрѣчаются непріятности, и нерѣдко непріятности физически ощутительныя. Актеры, находящіеся въ труппѣ ихъ, смѣются надъ ними, какъ надъ людьми, которые не *вѣдятъ, что творятъ*, и забавляются ими, какъ куклами. Рѣдко случается, чтобы какой нибудь антрпренеръ разбогатѣлъ, потому что театральные сборы его на другой же день поступаютъ на уплату долговъ. Антрпренеръ ѣздитъ въ театръ разъ по десяти въ день, чтобъ посмотрѣть, готово ли то, сдѣлано ли другое. Иногда, назначенный имъ въ такой то день спектакль, онъ отмѣняетъ до другаго времени, потому что актеры его и въ особенности актрисы вдругъ пропадаютъ безъ вѣсти. Въ это время антрпренеръ находится въ большихъ крайностяхъ: онъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, какъ угорѣлый, и спрашиваетъ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, невидалъ ли кто нибудь его примадонны, которая и прежде не предвѣщала ему ничего добраго. Случается и такъ, что во время представленія какой нибудь пьесы, вдругъ является за кулисы полиція, и объявляетъ, что господина антрпренера приказано арестовать за содержаніе у себя людей *безъ всякихъ видовъ* или *паспортовъ*. Тогда вмѣсто комедіи, на сценѣ разыгрывается настоящая драма: актеры, узнавъ объ этомъ происшествіи, прячутся въ люки или вылетаютъ въ трубу, въ полномъ значеніи этого слова. Если же блюстителямъ чистоты и порядка случится поймать ихъ, то они увѣряютъ, что паспортовъ имѣть имъ неслѣдуетъ, потому что они не какіе-нибудь ремесленники, а настоящіе *артисты*!... Въ доказательство своей невинности, они ссылаются на столичныхъ актеровъ, увѣряя, что какъ тѣ считаются свободными художниками, то и имъ не для чего имѣть иныхъ видовъ, кро-

мѣ личнаго своего художества. Все это кончается тѣмъ, что зрители видятъ, напослѣдокъ, какъ актерамъ связываютъ руки, и отправляютъ ихъ въ полицію. Тогда антрепренеръ надѣваетъ на себя гусарскій мундиръ или испанскій токъ, выходитъ на сцену и говоритъ: »Господа! Такъ какъ главная примадонна моя, которая должна теперь занимать роль Гризельды, убѣжала съ любовникомъ своимъ въ Казань, а король Энціо взятъ въ полицію, за невмѣніе вида на свое званіе, то я считаю за нужное кончить комедію. Не обижайтесь, Господа, что случилось такое несчастіе: я всегда старался и стараюсь угодить вамъ всѣмъ, что только зависитъ отъ меня, какъ отъ содержателя одного изъ Европейскихъ театровъ Россіи. Чтобъ достигнуть этой цѣли, я всегда набиралъ въ свою труппу такихъ актеровъ, которые имѣютъ высокій ростъ и громкій голосъ, гдѣ-жъ мнѣ разбирать ихъ родословныя.» Широкое горло имѣть очень не худо, потому что такой человѣкъ можетъ смѣло занимать роль Гамлета.

Антрепренеръ употребляетъ всѣ уловки, чтобы добывать себѣ актеровъ и платить имъ, какъ можно дешевле. При театрѣ содержитъ онъ родъ буфета—ресторація, гдѣ артистамъ все продаютъ въ тридорога, записываютъ вдвое, но вѣрятъ въ долгъ. При выдачѣ жалованій, антрепренеръ справляется съ книгою буфета, вычитаетъ долговой итогъ изъ наличной суммы и оказывается, что одна часть труппы получаетъ только десятую долю своего оклада, а другая—еще приплачиваетъ, или лучше сказать, остается въ долгу т. е. въ кабалѣ у ловкаго антрепренера. Такимъ образомъ, мужской половинѣ своей труппы онъ платитъ только одну пятую долю того, что обязался платить по контракту. И законность соблюдена, и удовлетвореніе учинено, и овцы цѣлы и волкъ сытъ — и жаловаться на него нельзя. Глубокій махіавелизмъ, почерпнутый прямо изъ страстей человѣческихъ вообще, и изъ природы провинціальнаго актера—въ особенности!

Для дѣвицъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, не помнящихъ родства, антрепренеръ изобрѣтаетъ новыя фамиліи, по большой части, заимствованныя изъ идиллій В. И. Панаева, и даже даетъ имъ родословныя прилагательныя, въ родѣ слѣдующихъ: *дочь театра, воспитанница сцены, дитя искусства.* Но все это, часто не спасаетъ романическихъ героинь отъ тяжкихъ нарѣканій полиціи за отсутствіе иныхъ печатныхъ билетовъ,

весьма прозаически именуемыхъ *паспортами* и *адресными билетами.*

Когда антрепренеръ надѣлаетъ порядочно долговъ и въ пріятной перспективѣ видитъ довольно мрачную декорацію тюрьмы, онъ проворно отыскиваетъ молодыхъ любителей театра съ деньгами, очень ловко внушаетъ имъ высокое понятіе о ихъ свѣдѣніяхъ въ искусствѣ, къ страсти драматической умѣетъ подвергнуть имъ еще страстишку сценическую, и настроивъ ихъ такимъ образомъ, пролаетъ имъ всю свою труппу съ людьми, тряпками, старымъ хламомъ и долгами, а самъ спасается въ другую губернію.

Изъ этого краткаго очерка читатели поймутъ, что господа антрепренеры—самые жалкіе люди въ мірѣ. Они смотрятъ на свое дѣло, какъ на ремесло, посредствомъ котораго надѣются прокормить себя. Чтобъ сократить издержки, они набираютъ въ свою труппу такихъ людей, которые говорятъ языкомъ Олонецкой губерніи, и которые воображаютъ, что сценическое искусство заключается.... въ цинизмѣ! Одежда антрепренеровъ отличается всегда пестротою, и бываетъ похожа на ту, какую носитъ Вѣчный Жидъ въ романѣ Евгенія Сю.

Театральный ламповщикъ.

На провинціальныхъ театрахъ прозябаетъ еще существо: низенькое, маленькое и вѣчно запачканное масломъ—это ламповщикъ. Онъ ходитъ по сценѣ, какъ у себя дома, и смотритъ на все весьма равнодушно. Хотя жалованье его очень незначительно, но онъ почти каждый вечеръ подвергается благодѣтельнымъ парамъ Бахуса, употребляя на то средства самыя безвинныя: онъ передаетъ актрисамъ любовныя записочки и ходитъ за водкой актерамъ. Въ случаѣ нужды, онъ занимаетъ на сценѣ роль какого нибудь тюремщика, одѣтаго въ сермяжную броню. Если пьеса требуетъ, чтобы тюремщикъ былъ заколотъ, то ламповщикъ ни за что на свѣтѣ не позволитъ ударить себя въ грудь деревяннымъ кинжаломъ... нѣтъ, онъ скорѣе побѣжитъ къ частному приставу и будетъ жаловаться, что актеры едва не зарѣзали его дѣйствительно. Онъ же составляетъ и закулисную полицію. Однимъ словомъ, театральный ламповщикъ

—существо самое безвредное и простодушное, способное только разливать свѣтъ на темный міръ провинціальныхъ сценъ, гасить лампы и провожать пьяныхъ актеровъ.

Когда артиста привозятъ передъ спектаклемъ въ такомъ видѣ, что онъ можетъ только лежать и бредить, дѣло ламповщика залить пожаръ его головы водою, которая на эти случаи всегда припасена у него въ калушкѣ, и поставить героя на ноги, такъ, чтобы онъ, безъ посторонней помощи, могъ выступить передъ публику въ видѣ Адольфа Жермани или Карла Мора. Кромѣ того, ламповщикъ есть исполнитель особенныхъ порученій антрепренера: онъ всегда на побѣгушкахъ. Засвѣтивъ лампы и сальныя свѣчи, которыя, въ большей части провинціальныхъ театровъ, горятъ за-кулисами, онъ только изрѣдка снимаетъ съ нихъ нагаръ огромными щипцами, а за недостаткомъ ихъ—двумя пальцами, и потому, исполнивъ долгъ призванія, ламповщикъ обыкновенно предается наслажденіямъ жизни въ ближайшемъ кабакѣ. Мнѣ случилось видѣть на одномъ провинціальномъ театрѣ, во время представленія Олимпа, какъ ламповщикъ среди самой волшебной сцены, между нимфами и богами, хотя нетвердой, но безтрепетной ногой, перешелъ по сценѣ, остановился передъ кулисою, бросилъ взглядъ сожалѣнія на публику и преспокойно началъ снимать со свѣчъ. Но, къ счастію пьесы, скоро подоспѣла невидимая рука Зевса—антрепренера, которая, протянувшись изъ-за кулисы, схватила дерзкаго смертнаго за власы и увлекла довольно невѣжливо въ міръ существенный, т. е. за кулисы.

Хлопальщики.

Угадаете-ли вы, читатель, какіе люди занимаются въ провинціальныхъ театрахъ ремесломъ хлопальщиковъ? Держу пари тысячу противъ единицы, что не угадаете. Это бываютъ—смѣшно выговорить—босоногіе мальчишки, которые за труды свои получаютъ одно вознагражденіе: ходить безплатно въ галлерею. Утромъ они бѣгаютъ по улицамъ и раздаютъ афиши, или катаются на салазкахъ, а вечеромъ толпою приходятъ въ театръ и аплодисманами своими производятъ въ немъ настоящій содомъ. Нерѣдко случается, что они, увлеченные красотою какой нибудь пьесы, выражаютъ восторгъ свой бросаніемъ

на сцену комковъ снѣга или кочерыжекъ отъ капусты. Тогда, за необыкновенное сочувствіе къ дарованію актеровъ, полиція безъ церемоніи выгоняетъ ихъ изъ театра, съ приличнымъ случаю, ощутительнымъ назиданіемъ.

Странствующіе артисты.

Подъ этимъ названіемъ разумѣются тѣ артисты, которые переѣзжаютъ изъ города въ городъ, какъ цыгане. Трупами этими управляютъ такіе же антрепренеры, какъ и постоянные, только другимъ образомъ. Характеръ ихъ противъ тѣхъ болѣе положительный и рѣзкій. Они почти всегда ходятъ съ плеткою и управляютъ трупою, какъ сворою гончихъ собакъ. Пріѣхавъ куда нибудь на ярмарку, они тотчасъ расчитываютъ, что имъ нужно дѣлать и сколько за все это дѣло останется у нихъ прибыли. Если ярмарка велика и многолюдна, то они нарочно выстроиваютъ балаганъ, чтобы придать тѣмъ больше важности своимъ представленіямъ. Если случится, что въ городѣ нѣтъ типографіи, то они печатаютъ афиши свои трафаретомъ или просто раздаютъ письменныя. Эти афиши бываютъ еще глупѣе тѣхъ, о которыхъ упомянуто выше. Приведу для примѣра три образчика.

Первый образчикъ:

Сегодняшній день представлено будетъ трупою господина такого-то, чрезвычайное представленіе, подъ названіемъ:

Чортъ, у котораго рога, точно баба-Яга!

Трагедія въ пяти бездѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, танцами, машинами, сраженіями и великолѣпнымъ спектаклемъ, сочиненная господиномъ Х, отличнымъ поэтомъ, въ которой главную роль будетъ играть г-жа Мяутина, актриса рѣдкаго достоинства и неподражаемой прелести. Господинъ содержатель театра проситъ почтеннѣйшую публику взять билеты заблаговременно, ибо онъ воображаетъ, что къ вечеру ихъ раскупятъ всѣ до единаго.

Второй образчикъ:

Сегодняшній день трупою нашего шталмейстера, которой въ Петербургѣ во время масляницы игралъ даже подъ качелями, представленъ будетъ въ первый разъ, еще никогда неигранный, печальный водевиль, подъ названіемъ:

Александра Васильевна Пиль.

Шуточная комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненная отличнымъ сочинителемъ. Содержатель театра проситъ почтеннѣйшую публику, чтобъ она орѣховъ и кочерыжекъ на сцену не бросала и собакъ съ собою не водила, тѣмъ паче, травлю въ театрѣ чинить запрещается.

Третій образчикъ:

Сегодняшній день содержатель драгоцѣннаго балагана, отдѣланнаго по новѣйшему *фасонту*, въ отмѣнномъ *скусѣ*, представитъ знаменитую трагедію, подъ названіемъ:

Емелюшка дурачекъ *смотритъ на комедію.*

Отличнѣйшій фарсъ съ акомпаниментомъ оркестра, который будетъ пѣть русскую пѣсню: «Фи! старушка мой любезный» и проч. и проч. Содержатель театра не лишнимъ считаетъ упомянуть, что публикѣ воспрещается изъявлять въ театральной залѣ неудовольствіе свое на актеровъ, а также не дозволяется ей знаменитую Примадону навѣщать на сценѣ.

Прочитавъ эти афиши, невольно воскликнешь: Великъ Аллахъ, а Магомедъ пророкъ его! Ты, Аллахъ, великъ потому, что между твоими мусульманами нѣтъ содержателей театровъ, которые разсылаютъ подобныя афиши; а ты, Пророкъ, великъ потому, что на твоей землѣ не представляютъ подобныхъ комедій, а показываютъ настоящую египетскую магію, на которую всегда можно смотрѣть съ любопытствомъ. Не удивляйтесь, что я разсказываю вещи, которыя, можетъ быть, покажутся, неправдоподобными: я описываю то, что знаю и

видѣлъ. Неправда ли какъ замысловаты эти афиши? А какъ хорошо подобраны названія пьесъ: *Чортъ, у котораго рога, точно баба-Яга!* все подъ рифму, какъ въ какой нибудь поэмѣ. Изъ этого легко можно догадаться, что страсть писать стихи, то есть стихобѣсіе, существуетъ не только въ Петербургѣ, но и въ провинціяхъ. О, стихи! стихи! горе тому, кто полюбитъ васъ!...

Стихи! стихи!... скажите, что въ нихъ толку?
И я не разъ стихами говорилъ,
И даже бредилъ ими безъ умолку....
Но наконецъ — о, радость! — я забылъ....
Свой анапестъ, и звучную октаву,
И глупый ямбъ, и пасмурный спондей....
И принялся за новую забаву,
Чтобъ доказать, что я не стиходѣй!....

Можно сказать утвердительно, что во время ярмарки актеры не живутъ, а царствуютъ. Купеческіе сынки водятъ ихъ по рестораціямъ и угощаютъ, какъ пріятелей, имѣя въ виду то, что имъ удастся познакомиться чрезъ нихъ съ какой нибудь актрисой. Если кому нибудь изъ странствующихъ артистовъ удастся попасть на какую нибудь ярмарку, то онъ благословляетъ судьбу свою, какъ человѣкъ, довольный ею во всѣхъ отношеніяхъ.

Тутъ онъ самъ отчасти становится торговцемъ, потому-что съ купцовъ получаетъ плату за ложи и кресла не деньгами, а *натурою*, т. е. ихъ товаромъ. Этотъ обмѣнъ очень выгоденъ, потому-что этотъ-же товаръ странствующій директоръ въ ближайшемъ городкѣ сбудетъ за тройную цѣну, говоря, что получилъ его прямо изъ Петербурга или Москвы, посредствомъ одного изъ первыхъ своихъ актеровъ, прибывшаго прямо оттуда. Поэтому странствующій антрепренеръ, кромѣ своей труппы, промышляетъ еще и маленькою побочною торговлею, едва-ли не прибыльнѣйшею сценическаго искусства.

По окончаніи ярмарки антрепренеръ странствующей труппы нанимаетъ подводы и отправляетъ своихъ актеровъ въ какой-нибудь другой городокъ. Въ это время между ними нерѣдко начинаются ссоры изъ-за мѣстъ. Тотъ, кто занималъ на сценѣ роли королей и принцевъ, непремѣнно хочетъ сѣсть въ первую

телегу съ примадонною. Мы сказали выше, что антрепренеры странствующей труппы — люди грозные: узнавъ о несогласіи своихъ артистовъ, они тотчасъ рѣшаютъ дѣло по своему. Какого нибудь цирульника, который завиваетъ актрисамъ волосы, сажаютъ въ первую повозку, а прималону въ заднюю, вмѣстѣ съ ламповщикомъ. Нерѣдко случается, что актеры, во время переселенія своего, издерживаютъ всѣ деньги и даже продаютъ платье; а чтобъ прыкрыть наготу свою, одѣваются къ тѣ костюмы, въ которыхъ играли на сценѣ. Тогда представляется картина самая поразительная: по дорогѣ тянется рядъ телегъ, съ живымъ маскерадомъ среди бѣлаго дня. Тутъ и Гамлетъ, и король Энціо, и тѣнь Вероники, которая отъ холоду чуть не плачетъ. Защитою отъ ненастья имъ служатъ складныя декораціи и кулисы, изъ которыхъ они образуютъ родъ навѣсовъ и кибитокъ.

Заключеніе.

Изъ этой краткой характеристики читатели замѣтили, что провинціальные театры все еще стоятъ на послѣднихъ ступеняхъ сценическаго искусства, какъ сказали мы выше, кромѣ однакожъ нѣкоторыхъ, въ которыхъ приняла участіе высокія лица, покровительствующія Русскимъ художествамъ. Однакожъ надобно признаться, что въ послѣднее время они начали мало по малу развивать свои силы. Быть можетъ, скоро они сбросятъ съ себя грубую оболочку превратныхъ понятій и покажутъ себя достойными поклонниками Таліи и Мельпомены; на это тѣмъ болѣе можно надѣяться, что Дирекція С. П. бургскихъ *Императорскихъ* театровъ разослала своихъ воспитанниковъ по провинціальнымъ театрамъ, чтобъ подвинуть въ нихъ впередъ сценическое искусство. Этотъ толчекъ довольно силенъ и можно надѣяться, что принесетъ хорошую пользу.

Пожелаемъ же провинціальнымъ театрамъ всѣхъ благъ и успѣховъ, какихъ только можно ожидать отъ сценическаго искусства. Да поможетъ имъ въ этомъ Аполлонъ и истинные его соревнователи; а мы.. мы посмотримъ, что будетъ дальше.

Ипполитъ Бублико.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

—

ОПЯТЬ ФАНТАЗІЯ—ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Французскіе журналы сильно жалуются на упадокъ драматической литературы во Франціи. Они правы, потому-что нынѣшнія пьесы не могутъ выдержать никакого сравненія съ тѣми, которыя занимали парижскіе репертуары десять лѣтъ тому назадъ. Этотъ упадокъ произошелъ отъ меркантильнаго направленія, которое приняли театры: они пользуются минутными интересами публики, мелочами, занимающими праздные умы, тѣми бездѣлушками, которыя, мимолетно, останавливаютъ на себѣ вниманіе толпы, и переносятъ ихъ на сцену, какъ явленія *кстати* (piéces d'argopos), не заботясь объ эфемерности ихъ существованія и о томъ мгновенномъ впечатлѣніи, которое они могутъ производить на зрителей. Не нравы, не просвѣщеніе, не искусство,— а *деньги*, *сборы*, вотъ девизъ Парижскихъ театровъ. И не мудрено, когда ими по большей части завѣдуютъ промышленники, которые хлопочатъ только о томъ, какъ составить *себѣ* состояніе, и которымъ театръ—этотъ могучій органъ нравственнаго воспитанія народа, отдается на откупъ, какъ простая народная забава, какъ водка, какъ табакъ, и тому подобные предметы.

Дирекціи и авторы употребляютъ всѣ усилія, чтобы привлечь толпу, какими-бо то средствами ни было: первыя тратятся на декораціи, машины и костюмы, вторые—истощаются въ театральныхъ хлопушкахъ (coups de théâtre), доводятъ ихъ до чрезвычайности, переливаютъ черезъ край, чтобы только произвесть эффектъ сценами, а не цѣлымъ созданіемъ, въ которомъ видимое отсутствіе всѣхъ началъ успѣха: нѣтъ ни занимательнаго и естественнаго содержанія, нѣтъ правдоподобія и глубокихъ чувствъ, нѣтъ идеи и сильныхъ мыслей.

При такомъ направленіи не мудрено, что одинъ театръ даетъ пошлую сценировку—пошлаго, но моднаго романа; другой выводитъ на сцену—*вытошника*, со всей его грязью и тряпками; третій—ставитъ волшебную арлекинаду, безъ смысла, безъ толку, безъ остроумія, но подкрѣпляемую машинами, превращеніями и декораціями, и, такъ называемымъ, *великолѣпнымъ спектаклемъ*; четвертый—даетъ программу изъ аппробованныхъ мелодраматическихъ сценъ для того только, чтобы показать морскую бурю, кораблекрушеніе, и перенесть на сцену скверную копію съ превосходной картины; пятый, наконецъ, продовольствуется разными фарсами на тему минутнаго интереса, на огнестрѣльную вату, на сѣрный эфиръ, на гидропатію, на гимнастику, на воздухоплаваніе, желѣзныя дороги и проч.

Какого-же тутъ искать искусства, какого ждать направленія и прогресса? Гдѣ изученіе человѣческаго сердца, которое театръ долженъ облагороживать; гдѣ картина общества, которая должна исправлять его со сцены; гдѣ, наконецъ, тѣ свѣтлыя созданія фантазіи и чувства, которыя должны вырывать зрителя изъ его вседневной труженической жизни, изъ его дрязгъ и удрученій, и показать ему, что онъ созданъ для лучшаго призванія, разливая утѣшительную теплоту на его измученную душу?

Ничего подобнаго на современной сценѣ искать не должно. Она хочетъ только возбудить любопытство—пуффами, хочетъ заманить къ себѣ—интересами современности, занять зрителя—побрякушками и мыльными пузырями, и выманивъ у него леньги—отпустить обратно на легкѣ. Заплатя у входа, онъ покупаетъ себѣ развлеченіе на два часа, не справляясь, какого оно рода: должно ли оно дѣйствовать на его умъ и душу, или только на глаза и слухъ; будутъ ли его тѣшить говорящія марьонетки, лошади и скоморохи, кувыркающіеся, какъ обезьяны, и скачущіе, какъ лягушки, или великіе художники, представители нравственнаго человѣка—въ благороднѣйшихъ проявленіяхъ его природы?

Поэтому всѣ зрѣлища нынѣ обратились въ развлеченія равно-

степенныя: цирки, гипподромы, кукольныя комедіи и театры, все это удовольствія одного рода.

Въ странѣ, по преимуществу мыслящей и нравственной, такое положеніе—вовсе неутѣшительно.

Тамъ, гдѣ литература составляетъ умственное достояніе народа, гдѣ успѣхомъ мысли гордятся наравнѣ съ подвигами военными, со славою политическою и величіемъ промышленнымъ, тамъ упадокъ какой-бы то нибыло ея отрасли, составляетъ зіяющую рану, объ исцѣленіи которой хлопочатъ не на-шутку. И вотъ причина, почему и правительство и *печатная гласность* (la presse) Франціи въ запуски стараются открыть причины паденія драматической литературы, или лучше сказать, ея унизительнаго и вреднаго направленія, и найти средство къ устраненію зла.

Въ нынѣшнемъ году сдѣлано уже по этому предмету чрезвычайно много. Леонъ Пиле, корыстный и сластолюбивый директоръ *Большой Оперы*, который ее разорилъ, а самъ обогатился, довелъ въ ней спекуляцію до того, что рапсодическую кампиляцію изъ старыхъ оперъ Россини, выдалъ за новое твореніе маэстро подъ названіемъ «*Робертъ Брюсъ*», балетъ превратилъ въ мануфактурную выставку атласовъ, бархатовъ и парчей, въ гаерство, съ фейерверками, чертями и пестрыми декораціями,—отставленъ; знаменитая его любовница, Штольцъ, пѣвица, которая десятокъ лѣтъ за деньги слыла примадонною, безъ умѣнья пѣть, съ непріятнымъ носовымъ голосомъ, съ изумительнымъ искусствомъ сфальшивить раза три въ каждой музыкальной фразѣ, и которая не допускала на сцену соперницъ, для себя опасныхъ,—изгнана съ позоромъ. Театръ *Одеона*, пустившійся угождать студентамъ и гризеткамъ двусмысленными фарсами и безсмысленными мелодрамами, закрытъ, очищенъ, выбѣленъ отъ потолка до подполья, и возрожденъ нынѣ на славу искусства, на пользу молодыхъ людей, его посѣщающихъ и молодыхъ талантовъ, совершенствующихся на его сценѣ. Дирекція поручена г. Вицентини, человѣку умному, благовоспитанному, безкорыстному, который съ перваго шага умѣлъ привязать къ своему театру авторовъ съ испытаннымъ талантомъ, каковы: Викторъ Гюго, Понсаръ, Леонъ Гозланъ, и который, навѣрное, не покорыстуется казеннымъ пособіемъ, отпускаемымъ на совершенствованіе этого театра. *Олимпійскій Циркъ*, дававшій великолѣпные *парады*, со стрѣльбой, лошадьми, сраженіями, танцами, новыми декораціями, великолѣпнымъ спектаклемъ и разумѣется—безъ смысла,—уничтоженъ совершенно. Въ залѣ его, очищенной отъ лошадинаго и драматическаго навоза, должны раздаться игривыя мелодіи отечествен-

ныхъ композиторовъ, подъ дирекціею даровитаго Адольфа Адана. Это будетъ третій лирическій театръ Парижа. Шагъ впередъ— необходимый и въ высшей степени похвальный: пора понять въ наше время, что музыкальное творчество имѣетъ также нужду въ *обнародованіи*, какъ и всякое другое искусство. Когда есть выставки мануфактурныя, для издѣлій ремеслъ и фабрикъ, выставки художественныя, для картинъ и статуй, сцены—т. е. открытыя выставки для произведеній драматическихъ, то какъ-же не быть народной выставки — для національной музыки, этого искусства высокаго и вліятельнаго, которое не имѣетъ другихъ средствъ къ распространенію и обнародованію, кромѣ *исполненія на сценѣ*. Во Франціи, гдѣ заботятся о томъ, чтобы ни одно дарованіе не погибло втунѣ, чтобы ни одна слава не ускользнула изъ богатой кошницы всѣхъ-возможныхъ славъ, которыми эта страна велика и по праву гордится передъ другими народами,—эту потребность вполнѣ поняли и поспѣшили удовлетворить ей.

«Но, — скажутъ намъ — «вполнѣ ли благоразумно поступлено, что учрежденіе, назначенное для выгоднаго обнародованія національныхъ произведеній музыки поручено *композитору*, человѣку ремесла, домогающемуся той-же славы, который, можетъ быть изъ побужденій зависти, de la jalusie de métier, захочетъ выставить собственныя произведенія въ лучшемъ свѣтѣ и потому не дастъ своимъ соперникамъ средствъ проявиться во всемъ ихъ блескѣ и достоинствѣ. Бывали примѣры, — скажутъ намъ далѣе, — что при подобныхъ обстоятельствахъ, на Парижскихъ-же сценахъ творенія истинно великія — являлись въ искаженномъ видѣ, урѣзанные, измѣненныя, обезображенныя обстановкою и выполненіемъ, тогда какъ ничтожнѣйшія издѣлія другаго, настоящіе пѣсенники, обставлялись съ какимъ-то языческимъ благоговѣніемъ, съ неприкосновенностію, доходящею до смѣшнаго, и имѣли огромный успѣхъ, потому только, что средства къ успѣху были въ рукахъ послѣдняго и что онъ щедро изливая благостыню на себя, лишалъ своихъ соперниковъ даже необходимо — нужнаго. Бывали примѣры, что на сценахъ, съ такимъ устройствомъ, даже міровыя творенія величайшихъ геніевъ музыки, облекали въ арлекинскій костюмъ, по тѣмъ же самымъ корыстнымъ причинамъ; что, напримѣръ, оперы Майера-Бера являлись безъ речитативовъ, съ выкидкою лучшихъ мѣстъ; оперы Спонтини и Обера — бывали перевестаны на средства примадонны, неимѣвшей вовсе никакого голоса, но пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ главы музыкальнаго учрежденія и занимавшей этотъ постъ, какъ самый выгодный и доходный на лирическомъ по-

прищѣ.» — Такія замѣчанія могутъ быть очень справедливыми, когда предположить, что въ главѣ лирическаго учрежденія находится человѣкъ съ ложнымъ призваніемъ, а не художникъ, отдавшійся тѣломъ и душею искусству; человѣкъ для котораго успѣхи его выше всѣхъ личностей; который гордится народною славою своего предмета и, стало-быть, позаботится обо всемъ, что можетъ придать этой славѣ новый блескъ. Притомъ, если этотъ человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, что съ чужимъ успѣхомъ сопряжены собственные его интересы и выгоды, — нельзя ожидать отъ него никакихъ злоупотребленій власти и вліянія.

Ставя чужія произведенія съ рачительностію и должнымъ уваженіемъ, директоръ — композиторъ лирической сцены, видитъ вознагражденіе своихъ трудовъ и издержекъ въ успѣхѣ произведенія, а успѣхъ—приноситъ ему доходъ и возвышаетъ самый театръ. Стало быть—дѣлать злоупотребленія, вредить чужимъ твореніямъ, желать имъ неудачи, чтобы тѣмъ возвысить свои собственныя издѣлія въ глазахъ недальновидной публики, можетъ только тотъ, кому неуспѣхъ—приноситъ пользу нравственную, не нанося убытка вещественнаго, падающаго на плеча другихъ. Я имѣю счастіе знать лично Адольфа Адана: это теплая, безкорыстная, сознательная душа; это художникъ мыслящій, трудящійся, и любящій свое дѣло со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ истиннаго поэта, для котораго слава — есть воздухъ и хлѣбъ насущный. Французское правительство не могло сдѣлать выбора болѣе благороднаго и полезнаго для новаго своего музыкальнаго учрежденія.

Далѣе, *Французскій театръ* (Théâtre Français), также получилъ новую дирекцію, новое постановленіе, новую, превосходно отдѣланную залу. Театръ этотъ всегда почитался придворнымъ, потому-что имѣлъ лучшихъ артистовъ, которые были призываемы ко двору для разыгрыванія тамъ образцовыхъ твореній Мольера, Расина и Корнелья. Наполеонъ принималъ въ судьбѣ этаго театра особенное участіе, употреблялъ его часто для своихъ политическихъ цѣлей, зная какое вліяніе его сцена имѣла на народъ. Уже одно это показываетъ, какъ важно подобное учрежденіе для государства, когда оно стоитъ на высокой степени совершенства. Наполеонъ-же, на пожарищѣ Москвы, весь поглощенный рязвязкою своего неудачнаго похода, написалъ *постановленіе* для этого театра, отличающееся той же мудростію, глубиною, знаніемъ дѣла и предусмотрительностію, которыя составляли отличительный характеръ всѣхъ его дѣйствій. Этотъ высокій умъ понималъ всю нравственную силу и важность учрежденія, дающаго, подъ ласковой

формой забавы, направленіе умамъ и нравамъ народа. Но съ той эпохи протекло много времени, и государственное учрежденіе и самыя идеи Франціи измѣнились, изъ Имперіи она стала государствомъ представительнымъ. Измѣненіе и самой сцены Французскаго театра было необходимо. Что она прежде производила силою слова и воли человѣка, къ величію котораго были прикованы всѣ глаза, геніальное обояніе котораго порабощало всѣ души, до того она въ настоящее время должна была достигать могуществомъ идеи, силою истины, первенствомъ художественнымъ, сочувствіемъ съ жизнью народною. Оказалось, что эта сцена, вѣрная старинным преданіямъ, не измѣнилась ни въ составѣ своего репертуара, ни въ своемъ направленіи, ни въ артистическомъ значеніи, что рѣшительно противорѣчило современному быту. Зала ея была оставлена публикою, привлекаемою только изрѣдка игрою Рашели Феликсъ, геніальнѣйшей современной актрисы въ нелѣпѣйшихъ твореніяхъ прошедшихъ вѣковъ, и не смотря на все совершенство исполненія, — исполняемое не возбуждало сочувствія въ зрителяхъ. Между тѣмъ, театръ этотъ обладалъ первоклассными талантами; обстановка пьесъ и исполненіе ихъ на его сценѣ могутъ назваться образцовыми и не найдутъ подобнаго себѣ нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ; но погибель его отчасти таилась въ превосходнѣйшемъ его *постановленіи*. Для большаго уразумѣнія читателя, приведемъ здѣсь главнѣйшія черты этого постановленія. Артисты этого театра, отличающіеся старательностію, дарованіемъ и любовью публики, поступаютъ въ число *собственниковъ* (sociétaire) этого театра, то есть, кромѣ казеннаго жалованья, изъ сборовъ имѣютъ каждый свою часть, соотвѣтствующую мѣсту, занимаемому ими въ области искусства.

Другая важная мѣра *постановленія* есть литературный комитетъ. Комитетъ этотъ составленъ изъ главныхъ артистовъ, директора, и авторовъ, и цѣль его разсматривать достоинство пьесъ, долженствующихъ быть представленными. И эта мѣра превосходная: люди посвященные въ дѣло, знающіе коротко и сцену, и публику, и литературу, поэты и артисты оцѣняютъ твореніе поэта, обсуживаютъ его достоинства и степень успѣха, который можно ожидать, поощряютъ писателя неопытнаго, помогаютъ ему дѣломъ и совѣтомъ, увѣнчиваютъ драматурга заслуженнаго. Выгоды самаго комитета требуютъ — безпристрасной и дѣльной оцѣнки пьесъ, и хорошее произведеніе не можетъ встрѣтить липепріятія передъ такимъ ареопагомъ.

Но человѣческія страсти даже въ самыхъ лучшихъ учрежденіяхъ всегда отыщутъ лазейку для злоупотребленія. И *комитеты*

и *собственничество* Французскаго театра равно это доказали. Собственники, чтобы имѣть побольше дохода отъ сборовъ, стали продовольствоваться пьесами прошлаго вѣка, за которыя не надо платить процентовъ авторамъ. Члены комитета, способствуя съ своей стороны, такому распоряженію, дѣлали новымъ авторамъ тысячу затрудненій при пріемѣ ихъ пьесъ и заставили всѣхъ людей съ талантомъ отступиться отъ ихъ сцены и перенесть свою дѣятельность на другія отрасли литературы. Притомъ въ комитетѣ иногда репертуарные члены, навязывали пьесы своего собственнаго издѣлія или своихъ родственниковъ, и посредствомъ этого ловкаго фокусъ – покуса, переводили деньги изъ кассы въ свои карманы; въ то время, какъ талантливымъ писателямъ отказывали. Такимъ образомъ, соблюдалась законность и наружное приличіе, и удовлетворялись домашніе интересы. Нельзя было сказать, что театръ не платитъ авторамъ положеннаго закономъ, и не исполняетъ правилъ постановленія: онъ дѣлалъ и то и другое, но только авторы ничего не получали и пьесы ихъ не игрались, а брали, что хотѣли, сами члены и правители театра и ихъ родственники. Въ особенности въ этаго рода продѣлкахъ упражнялся режиссеръ, который своими пьесами и участіемъ въ тантьемахъ немногихъ другихъ авторовъ, соглашавшихся отдавать ему долю изъ своихъ доходовъ, чтобы только пьесы ихъ игрались, — составилъ себѣ препорядочный капиталъ. Мы это просто назвали-бы взяточничествомъ, тамъ это называютъ поделикатнѣе — аферами Къ несчастію, режиссерскія и другія родственныя театральному управленію пьесы — были, какъ и можно предполагать, не изъ лучшихъ. Онѣ падали сразу, но ихъ все таки давали безпрестанно, на перекоръ публикѣ, чтобы собрать съ нихъ какъ можно больше авторскихъ денегъ. Дирекція не заботилась, что зала ея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пустѣла, потому что театръ получалъ содержаніе отъ казны, стало быть она сама ничѣмъ не рисковала.

Дошло до того, что въ нынѣшнемъ году заботливое правительство нашлось вынужденнымъ положить конецъ долгамъ и злоупотребленіямъ театра, измѣнить все его устройство и положеніе. Нынѣ, онъ пересталъ быть исключительно *классическимъ*, всѣ авторы имѣютъ право ставить на его сценѣ свои пьесы, т. е. пьесы современныя, вознагражденіе ихъ опредѣлено *положительно*, и не можетъ болѣе зависить отъ произвола и интригъ; дѣлаемые долги — падаютъ на собственниковъ и управляющихъ театромъ. При такомъ новомъ порядкѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Французскій театръ снова займетъ первое мѣсто между сценами Франціи и

откроетъ обширное поле для дѣятельности лучшихъ писателей, которые совсѣмъ было оставили труды свои для сцены.

Наконецъ, къ довершенію преобразованія всѣхъ казенныхъ театровъ Парижа, подъ покровительствомъ принца Монпансье, Александръ Дюма, основалъ новый театръ, названный *Историческимъ*, и назначенный для ознакомленія французской публики съ образцовыми произведеніями чужихъ литературъ, съ Шекспиромъ, съ Шиллеромъ, Гёте, Кальдерономъ и съ современными знаменитостями драматическаго міра.

Все это должно имѣть благодѣтельное вліяніе на драматическое и сценическое искусство во Франціи, должно поднять театры изъ упадка, должно дать новое направленіе вкусу и потребностямъ публики и произвесть очистительное возрожденіе творчества. Но все это не можетъ совершиться такъ быстро, какъ бы того желали правительство и печатная гласность: легко создавать новое, но трудно возвышать и перерождать павшее, искаженное, обремененное уже предубѣжденіемъ народнымъ. И потому, въ ожиданіи счастливаго переворота, надо сознаться, что пока, существующая нынѣ драматическая литература все еще въ упадкѣ, хотя творческія перья Скриба, Гюго, Понсара, Дюма, Бальзака и другихъ—уже очинены для будущихъ ея успѣховъ.

Мы, русскіе, драматической литературы не имѣемъ. Лучшіе наши писатели, которые нѣкогда пріобрѣли имя на театральныхъ помостахъ, давно уже перестали трудиться для русскаго театра. На это есть свои, сильныя и убѣдительныя причины. Писателей винить за ихъ отступничество не слѣдуетъ. Ни одинъ алхимикъ не изобрѣлъ еще философскаго камня: золото можетъ только родиться, а дѣлать его нельзя. И такъ, театры наши должны продовольствоваться произведеніями той-же упавшей французской литературы, съ тою разницею, что они состоятъ нерѣдко въ переводахъ и передѣлкахъ, по большей части, безграмотныхъ, съ сокращеніями или добавленіями противными всякому понятію о вкусѣ и объ искусствѣ. Можно себѣ представить, какой вредъ должно наносить такое направленіе драматической литературѣ и народной образованности!

Представьте-же себѣ веренницу пьесъ, мѣняющихся каждую недѣлю, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ, скудныхъ содержаніемъ, тощихъ смысломъ, бѣдныхъ языкомъ, которыя не даютъ никакого, даже приблизительнаго, понятія объ организмѣ и характерѣ нашей жизни домашней и общественной, не указываютъ направленія нашимъ нравамъ, не вносятъ въ общество ни новой идеи, ни истинно національнаго чувства, а только появляются и снова исче-

заютъ со сцены, чтобы на минуту посмѣшить грубѣйшею шуткою, или занять — еще грубѣйшимъ трагическимъ эфектомъ — и вы получите полное понятіе о современной драматической литературѣ у насъ.

Пьесъ этихъ не стоитъ и почти не должно разбирать критически, (что впрочемъ, съ нѣкотораго времени, по особеннымъ обстоятельствамъ, сдѣлалось даже дѣломъ невозможнымъ); потому-что онѣ всѣ на одну колодку; всѣ скроены по французскому фасону, стачены грубыми нитками, на живую руку, всѣ изобилуютъ тѣми же красотами и недостатками, отличаются тѣмъ-же отсутствіемъ всякаго поэтическаго и эстетическаго направленія. Рецептъ этого творчества самый простой: берется французскій фарсъ, имена парижанъ перекрещаютъ въ Панфилочей, Кузмичей, Иванычей, парижскія улицы — переименовываются въ Щербаковы переулки, Пески, Коломну; французскихъ адвокатовъ—дѣлаютъ русскими чиновниками, артистовъ — отставными франтами, придверниковъ—дворниками и кухарками, негоціантовъ—щукинодворцами. Измѣненіе городовъ такъ же не требуетъ особенныхъ географическихъ и статистическихъ свѣденій: почему, на-примѣръ, Гавру не быть Чухломою; Лиллю — Березовымъ, Анжеру — Коротоякомъ? И такъ, вы видите, что дѣйствующему лицу изъ француза сдѣлаться русскимъ равно ничего не стоитъ, жаль только, что русскіе *сочинители*, занимающіеся этою мануфактурною отраслію, не въ состояніи такъ-же легко обратиться въ французовъ, то есть, вооружить себя тѣмъ-же здравымъ смысломъ, который французскій писатель вноситъ даже въ свои бездѣлки, тѣмъ-же чувствомъ изящества и приличія, которое у того господствуетъ и въ самыхъ шуткахъ, и, наконецъ, тѣмъ-же неистощимымъ, блестящимъ, игривымъ остроуміемъ, которое дается человѣку природою и котораго нельзя натянуть зубами.

Но только, къ крайнему сожалѣнію, французъ, принимая подданство русской сцены, русское отчество, привычку пить водку и выражаться чрезъ-чуръ крупными словами и жестами, переноситъ на нее съ собою парижскую жизнь и свои нравы. Событія, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ,—невозможны въ Россіи, складъ его рѣчей—несвойственъ русскому человѣку, положенія—въ которыя онъ поставленъ—вертикально противоположны нашему быту.

Драмы наши не отстаютъ отъ водевилей и фарсовъ. Если они оставлены во французскихъ нравахъ—они становятся смѣшны для иностранца и непонятны для русскихъ зрителей; если они переложены на русскіе нравы — они непонятны для иностранца и смѣшны для русскаго. Въ первомъ случаѣ, въ нихъ для большаго

эфекта вставляютъ русскія поговорки и пословицы — и выкидываютъ изъ нихъ *здравый смыслъ для краткости;* во второмъ случаѣ—имъ придаютъ смыслъ, совсѣмъ не идущій къ дѣлу, и обнажаютъ ихъ отъ красотъ поэтическихъ.

Зритель, *для котораго* существуютъ эти произведеяія, преравнодушно понюхиваетъ березинскій, зная, что все это дѣлается *нарочно*, а не *взаправскую*, что всѣ эти *злодѣи*, отпускающіе разные *ужасти*, люди предобрые и превѣжливые, что всѣ эти шутники и потѣшники, вовсе не такіе дурни и пьяницы, какими являются на сценѣ; онъ никогда не судитъ о достоинствѣ пьесы, не примѣриваетъ ее къ своимъ нравамъ, не ищетъ въ ней своей жизни или вызова на мысль; нѣтъ, такая злость никогда не западаетъ ему въ голову. Для *такого* зрителя все это *комедь*, то есть, простая *потѣха*, какъ и балаганы на масляницѣ, какъ рысистые бѣги, какъ конскія ристанія; для него несуществуетъ творчества, степень своего удовольствія онъ опредѣляетъ игрою актеровъ и имъ приписываетъ всѣ красоты и остроты сочиненія; по его мнѣнію это вдохновенные импровизаторы. Когда герой трагедіи или драмы ухорствуетъ и выкрикиваетъ пустозвучныя тирады, — онъ съ восторгомъ восклицаетъ: *фора! молодца!* — когда злодѣй, вертя глазами и сжимая зубы, зверски помахиваетъ кулакомъ, или кинжаломъ.—онъ, по его мнѣнію, *важнительный искусникъ*; когда комикъ, съ приличествующими гримасами и крупными жестами, прохаживается передъ нимъ иноходью, пригоршнями отсыпая бузу домашняго остроумія, онъ съ наслажденіемъ говоритъ: *вотъ постръль! вѣдь какого черта въ стуль нагородилъ! Отмѣнно уважилъ.*

Конечно, соотвѣтственно потребностямъ зрителей, стоящихъ на *такой* степени образованности, наша сценическая литература болѣе чѣмъ удовлетворительна, для нихъ драма въ цвѣтущемъ положеніи, и нельзя удивляться, что пьесы въ родѣ «*Чертовыхъ пилюль*», «*Гибели Медузы*», «*Нашествія иноплеменныхъ*» — имѣютъ успѣхъ и не возмущаютъ ихъ нравственнаго чувства.

Впрочемъ, отчаяваться нечего: мы живемъ въ переходной эпохѣ нашей литературы, настоящее положеніе не можетъ быть продолжительно. Жатва бываетъ тѣмъ богаче, чѣмъ лучше было унавожено поле. Явятся новыя, благородныя потребности и вызовутъ истинное искусство изъ его теперешняго усыпленія. Тогда, вмѣстѣ съ нимъ снова выступитъ *критика*, это зеркало истины, столь страшное и противное для нравственнаго безобразія и прячущагося порока, столь драгоцѣнное для истинной красоты, для благородства и граціи, неотъемлемыхъ спутниковъ дѣйствительнаго дарованія и дѣйствительной заслуги.

Пока, до лучезарнаго разсвѣта надъ темною ночью русской драмы, пожалѣвъ объ этой бѣдной, безсознательной толпѣ, которой театръ служитъ *потѣхою*, вмѣсто *обученія*, и въ которой, по несчастію, слишкомъ рано начинаетъ пробуждаться необходимость духовнаго наслажденія, критика, лишенная своего обоюдоостраго меча, отрѣшающаго, какъ и мечъ правосудія, доброе отъ злаго и вреднаго, оставитъ его до времени подъ зіяющей *Полкановой головою*, на безмолвномъ и безплодномъ полѣ драматической литературы, покрытомъ обломками воспоминаній и славы предшествовавшихъ эпохъ. Пусть *лѣтопись* заступитъ мѣсто *анализа*, и передастъ въ точныхъ чертахъ будущимъ историкамъ театра, печальные матеріалы настоящаго времени.

И такъ, почтенные читатели, не ждите отъ насъ болѣе эстетическихъ замѣчаній, добросовѣстныхъ совѣтовъ, критическихъ разсужденій въ нашихъ отчетахъ о театрѣ.

Мы будемъ разсказывать вамъ что видѣли, что слышали и —только.

Александрынскій театръ.

—

Мальтійскій кавалеръ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго, въ вольныхъ стихахъ, М. А. О.

Гаврило Михайловичъ Бударажинъ, или *Сватъ-прокуратъ-услужить очень радъ.* Оригинальная комедія — водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ.

Сія дача не продается. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго (*авторомъ «Гусарской стоянки».*)

Невинные голубки. Фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

(*Бенефисъ г-жи Громовой.*)

Мальтійскій кавалеръ — давно всѣмъ извѣстный, старинный, но прекрасный водевиль Скриба, полный ума, веселости и чувства. У насъ его преобразили въ комедію, написанную какой-то тяжелой и неуклюжей риѳмованной прозой, названной на афишѣ *вольными* стихами. Вѣрнѣе было бы ихъ назвать *своевольными.* Но ни языкъ, ни игра не въ состояніи испортить того, что дѣйствительно хорошо: пьеса, хотя и старая, а нравится донынѣ. Конечно, еслибъ передача ея подходила побольше къ современному обществу, еслибъ старинные кафтаны не мѣшались съ модными фраками, и трагедія не про-

глядывала сквозь простую домашнюю драму, — пьеса эта много-бы выиграла. Г-жа В. Самойлова 2-я очень хороша въ ролѣ миссъ Мильнеръ.

Говорятъ: по ковкѣ узнаютъ кузницу. По заглавію второй пьесы можно догадаться изъ какой фабрики она вышла и для какого рода зрителей назначена. *Сватъ — прокуратъ услужить очень радъ* — той публикѣ, которую сценическія наслажденія всегда увлекаютъ въ *рай*. Пьеса эта ничто иное, какъ явленіе Гоголевскаго Сабакевича на сцену, подъ новымъ названіемъ *Гаврилы Михайловича Бударажина*, онъ во все вмѣшивается, разстроиваетъ и ладитъ семейныя дѣла. Около него нѣсколько тѣхъ стереотипныхъ каррикатуръ, которыя являются въ *Ульздномъ напздѣ* и многомъ множествѣ водевилей того-же разряда — вотъ вамъ вся пьеса. Все достоинство ея предъ старшими собратіями состоитъ въ томъ, что языкъ въ ней поживѣе и пограматнѣе; но вѣдь это почти цѣликомъ языкъ Гоголя. Не смѣшно, а грязно.

Г. Григорьевъ м. въ ролѣ Бударажина очень натуралепъ и типически вѣренъ Сабакевичу.

Авторъ «Гусарской стоянки», послѣ долгаго молчанія, вздумалъ перевесть водевиль La Villa Duflot, переводъ не дуренъ, но неудаченъ выборъ.

Дюфло съ поконъ вѣку бранится съ своей женой; а Галиберъ искони все дѣлаетъ на перекоръ своему товарищу Морисо. У пары Дюфло есть единородный сынъ, который ходитъ охотиться около женскаго пансіона; а у Галибера и Ком. есть дочь, которая обучается въ этомъ пансіонѣ. Дюфло, кромѣ того имѣетъ дачу, которую никто нехочетъ купить; а Галиберъ хочетъ купить себѣ дачу, но никто ему не продаетъ. Послѣ многихъ, довольно неновыхъ и незабавныхъ сценъ, Галиберъ покупаетъ дачу Дюфло, именно потому, что на ней прибитъ ерлыкъ съ надписью; *«сія дача не продается»*, а за сына его выдаетъ свою дочь, потому-что она-то и есть та дичь изъ за которой молодой человѣкъ столько хлопоталъ.

Невинные голубки фарсъ, о которомъ мы говорили въ прошедшей книжкѣ, при разборѣ бенефиса г-жи Ирмы. У Французовъ онъ называется Cachoucha ou les trois coeurs toutneufs. Мы уже сказали, что онъ *у нихъ* очень забавенъ, что тамъ нелѣпость его прикрыта неподдѣльной веселостью артистовъ,

что Руже, Курси и Пешена — очень естественно наивны, и вовсе не карикатурны, что г–жа Ирма танцуетъ безъ претензій, но очень граціозно, а г–жа Анна поетъ безъ кокетства, но дѣйствительно мило. У французовъ фарсъ этотъ *глупъ*, но смѣшонъ. У русскихъ онъ тоже самое, но только не смѣшонъ.

—

Шельменко — Волостной писарь. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Грицка — Основьяненко.*

Коломенскій нахлѣбникъ и моншеръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи *П. С. Ѳедорова.*

Мельникъ — колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Аблесимова.*

(*Бенефисъ г–жи Гусевой.*)

Имя *Грицки — Основьяненка*, то есть, покойнаго Квитки, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ Малороссіи и тѣмъ болѣе почтенно, что этотъ умный и замысловатый авторъ не хотѣлъ писать именно на идіомѣ своей страны, знакомомъ исключительно однимъ малороссамъ, но вставляя въ свои сочиненія лица чисто народныя, окружалъ ихъ русскими и чрезъ то сближалъ свою родину и съ общимъ отечественнымъ языкомъ и съ нравами великой Россіи и съ учрежденіями правительственными, болѣе или менѣе новыми для простодушныхъ потомковъ древняго казачества, все еще помнящихъ свою гетманщину. Эта заслуга весьма важная, доселѣ не оцѣненная его, иногда черезъ–чуръ строгими, критиками. Главный характеръ всѣхъ сочиненій Квитки, и въ особенности его драматическихъ произведеній, составляютъ три элемента: *простодушіе*, неотъемлемая черта всѣхъ малороссіянъ, *юморъ* наивный, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткій, и *благородная человѣчность* главной мысли и цѣли. Административная жизнь, нераздѣльная въ нашемъ быту съ жизнію общественной и частной, является и въ его пьесахъ всегда, если не на первомъ планѣ, такъ въ основѣ. Изъ всѣхъ его произведеній

видно, что и ту и другую онъ изучилъ и исчерпалъ до дна. Натура малороссіянина, его удобоприлагаемый умъ, его стойкій и скрытный характеръ, и этотъ типическій юморъ, дающій ему отличительный отъ всѣхъ народовъ колоритъ, — постигнуты и переданы Основьяненкою съ тою вѣрностію и въ той надлежащей мѣрѣ, которыя свойственны только уму тонкому и проницательному. Однимъ словомъ, намекомъ или одною чертою онъ открываетъ передъ вами иногда цѣлый міръ и заставляетъ васъ постигнуть вещи, которыхъ высказать нельзя или не слѣдуетъ. Онъ пишетъ для Малороссіи — и понятенъ для русскаго; изображаетъ русскаго — и понятъ малороссомъ. При этомъ важномъ достоинствѣ для писателя, ставшаго на рубежѣ двухъ странъ, родныхъ — по племени, по общему отечеству и по чувству, но совершенно различныхъ по языку, по складу ума, по народному духу, Основьяненко владѣлъ рѣдкимъ знаніемъ сцены, вкусомъ и удивительною способностію драматизировать самые простые разговоры, т. е., отнимать у нихъ на сценѣ сухость разсказа и придавать имъ жизнь и движеніе.

Мысль Основьяненки, которою впослѣдствіи такъ счастливо воспользовался Гоголь, представить вліяніе на провинцію столичнаго ревизора, мысль, которую онъ мастерски изложилъ въ своей комедіи «*Пріѣзжій изъ Столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ*», написанной въ 1827, процензурованный для печати въ 1830, и напечатанной въ четвертой книжкѣ «*Пантеона*» въ 1840 году, есть одна изъ удачнѣйшихъ и самымъ рельефнымъ образомъ выставляетъ административные и общественные нравы нашихъ провинцій. Она отличается отъ комедіи Гоголя тѣмъ, что не такъ богата выраженіями и словами, составляющими главный элементъ комизма *Ревизора*, но за то естественнѣе изображаетъ весь ходъ дѣла, имѣетъ неукоризненную форму правильной, хорошо продуманной комедіи, и смѣется надъ зломъ прямо, а не изъ подтишка. Это, можетъ быть, и было причиною, почему она не появилась на сценѣ, ни прежде, ни послѣ *Ревизора*, и ходила въ Малороссіи по рукамъ болѣе чемъ въ двухстахъ спискахъ.

Основьяненко написалъ множество пьесъ, которыя, по большой части, извѣстны только въ Малороссіи и были преимущественно поставлены самимъ авторомъ на сценѣ Харьковска-

го Театра, потому-что онъ самъ жилъ постоянно въ Харьковѣ, гдѣ занималъ служебное мѣсто и имѣлъ маленькую мызу *Основу*, отъ которой и принялъ псевдонимъ *Основьяненки*.

На русскомъ театрѣ изъ его пьесъ, сколько мы помнимъ, извѣстны только «*Шельменко – деньщикъ*» и «*Москаль – Чарівникъ*», въ которой Щепкинъ такъ неподражаемо передаетъ типъ простаго хохла Чупруна. Теперь, наконецъ, является на нашей сценѣ «*Шельменко – волостный писарь*», первая часть — *Шельменки-деньщика*, написанная въ началѣ двадцатыхъ годовъ и около двадцати-пяти лѣтъ знаменитая въ русскихъ провинціяхъ. Несмотря на свою несовременность, несмотря на то, что столичные актеры плохо знакомы съ нравами и бытомъ Малороссіи, а представитель главнаго лица, Шельменки, даже не знаетъ малороссійскаго языка, пьесу эту можно смотрѣть съ удовольствіемъ и она имѣетъ успѣхъ на сценѣ.

Сюжетъ этой комедіи заключается въ немногихъ словахъ: *злоупотребленіе волостныхъ властей при сдачѣ рекрутовъ*. Характеръ волостнаго писаря Шельменки, продувнаго хохла, мастерски нарисованъ. Это вѣрный и чудный типъ пронырства, плутовства, нахальства и назойливости. Деспотъ надъ слабѣйшимъ, онъ рабъ передъ сильнымъ. За деньги онъ подскабливаетъ ревижскія сказки, изъ *Никиты* дѣлаетъ *Никифора*, оставляетъ сына богатаго крестьянина и отнимаетъ послѣднюю подпору бѣдной старухи, мастерски запутываетъ и ведетъ свою интригу, но кончаетъ тѣмъ, что самъ попадается въ солдаты, вмѣсто своего фальшиваго сдаточнаго.

Вся пьеса разыграна очень удовлетворительно. Г. Петровъ 1, въ роли Шельменки, хотя и не очень друженъ съ малороссійскимъ языкомъ, выполнилъ ее съ рѣдкимъ тактомъ и въ послѣднемъ дѣйствіи былъ даже художественно хорошъ. Г-жа Гусева съ большимъ чувствомъ и комическою простотою передала роль Степаниды, старухи, у которой взяли сына въ солдаты. Въ особенности она прекрасна въ сценѣ, гдѣ въ рекрутскомъ присутствіи, диктуетъ повытчикамъ свою просьбу губернатору.

Въ Петербургѣ есть довольно многочисленный классъ людей, которые имѣютъ похвальную привычку жить хорошо, и еще похвальнѣйшую жить хорошо *на чужой счетъ*. Это люди самой изящной внѣшности, самыхъ щедрыхъ пріемовъ, самаго аристократическаго великодушія. И немудрено: — портные шьютъ на нихъ *въ долгъ*, рестораторы кормятъ ихъ *на щетъ*, лавочники отпускаютъ имъ *на книжку*, — а мѣщанской привычки платить долги, какъ люди животрепещущей современности, они не имѣютъ. Милые эти люди говорятъ всегда или очень сладко и вкрадчиво, или высокомѣрно и ошеломительно. Въ Петербургѣ ихъ очень мѣтко знаменуютъ названіемъ *Моншеровъ*. Эти Моншеры, при встрѣчѣ съ пріятелемъ или знакомымъ, всегда находятся въ затруднительномъ положеніи, потому-что, по разсѣянности обыковенно забываютъ дома свои кошельки и бумажники (разумѣется пустые), и потому бываютъ вынуждены попросить у него взаймы рубля три или четыре серебромъ, не болѣе какъ на одинъ часъ. Но часъ этотъ длится вѣчность, потому-что часы ихъ неходятъ, а лежатъ въ Ломбардѣ или у ростовщика. Когда моншеръ идетъ по улицѣ, онъ не лѣнится часто переходить съ одной стороны на другую: здѣсь—каналья сапожникъ, который испортилъ ему ногу и котораго онъ не можетъ видѣть; тутъ—мерзавецъ портной, который имѣетъ дерзость требовать уплаты за пальто, вышедшее изъ моды въ первое-же лѣто; тамъ негодяй — кандитеръ, не вѣрящій на честное слово больше 25 руб. сер. Все это люди, оскорбляющіе благородную амбицію моншера и побуждающіе его къ глубокому презрѣнію этой меркантильной черни, у которой только и есть одно низкое призваніе: *работать* и требовать *деньги*. Моншеръ идеалистъ, то есть, онъ живетъ одними мечтами, воздушными замками и несбыточными надеждами, и это потому именно, что такая жизнь очень обильна и ничего нестоитъ. Онъ не лжетъ и не обманываетъ, когда *обѣщаетъ*, потому-что если какая нибудь изъ его надеждъ сбудется, онъ навѣрное будетъ въ состояніи исполнить обѣщанное. То онъ ждетъ смерти богатаго дядюшки, который между-тѣмъ намѣренъ жениться; до прихода барокъ съ хлѣбомъ, которыя пріятель-помѣщикъ можетъ-быть поручитъ ему продать; то женитьбы на богатой невѣстѣ, которая не думаетъ за него выдти; то, наконецъ, выигрыша большаго куша въ игру, за кото-

рую онъ не можетъ приняться за неимѣніемъ гроша въ карманѣ. О, моншеръ неистощимъ въ своихъ ресурсахъ! Кредиторы ждутъ вмѣстѣ съ нимъ и тщетно ходятъ къ нему со щетами и каждый разъ въ квартирѣ его находятъ новаго жильца. Каждый мѣсяцъ моншеръ становится *новопріѣзжимъ* въ столицу, нанимаетъ квартиру, беретъ мебель на прокатъ, и перевозитъ чемоданчикъ съ своимъ гардеробомъ. Черезъ мѣсяцъ, онъ оставляетъ хозяину въ уплату свою мебель, а чемоданчикъ путешествуетъ съ нимъ далѣе. Но моншеръ даетъ постоянные вечера, на которые тратитъ равно рубль серебромъ на Жукова и полъвосьмушки чаю: сухарями гостей его снабжаетъ хлѣбникъ, а сливками—лавочникъ, оба въ надеждѣ будущихъ благъ. Моншеръ живетъ иногда и на дачѣ: онъ проситъ знакомаго принанять и ему комнаткѣ двѣ и взять его въ нахлѣбники—о платѣ онъ и не заботится: съ его аристократическими правилами торговаться и условливаться не прилично, тѣмъ болѣе, что исполнять условія и учинять уплаты по его мнѣнію suprême mauvais genre. Моншеръ имѣетъ удивительное чутье къ деньгамъ: если онъ встрѣтитъ юношу съ хорошимъ доходомъ, онъ торопится извлечь его изъ пучины свѣтскихъ увлеченій или избавить отъ одиночества; онъ перевозитъ его къ себѣ, дѣлается его онекуномъ и управляющимъ, и содержитъ его и себя очень прилично на его счетъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ питомецъ становится такимъ же моншеромъ или выходитъ изъ подъ опеки въ прежнемъ видѣ, только рѣшительно безъ средствъ предаваться увлеченіямъ свѣта. Моншеръ готовъ пуститься на все, если только знаетъ, что этимъ можно зашибить копейку; онъ готовъ сдѣлаться бильярднымъ игрокомъ, сводчикомъ въ сдѣлкахъ, аффишеромъ лавочниковъ, даже литераторомъ, въ крайнемъ случаѣ. Деньги главная его стихія, и онъ любитъ ихъ не какъ металлъ, не какъ средство независимости, но за *лихую* жизнь, которую при нихъ можно вести безъ оглядки.

Такого-то героя П. С. Ѳедоровъ избралъ для своего забавнаго и остроумнаго водевиля. Тема трудная, но онъ справился съ нею съ извѣстнымъ, свойственнымъ ему талантомъ.

Отставной музыкантъ Дубасовъ старается всячески соблюсти экономію въ домѣ; а супруга его Анна Прокофьевна любитъ метнуть рублемъ, задать тону и выказать свою дочьку

настоящей *барышней*. При такихъ затѣяхъ доходъ съ вѣтхаго домишка Дубасова становится недостаточнымъ. Жена подаетъ ему мысль взять *нахлѣбника*. Пока мужъ отправляется публиковать объ этомъ въ Полицейской Газетѣ, въ домъ является моншеръ, Мигушкинъ. Онъ хвастаетъ о своемъ богатствѣ, о роскоши своей квартиры, о своихъ лошадяхъ, сбиваетъ съ толку бѣдную кухарку, которая десять лѣтъ жила въ домѣ по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ, предлагаетъ ей шесть; жилицѣ Дубасова совѣтуетъ съѣхать съ квартиры; потомъ любезничаетъ съ хозяйкой, напрашивается къ ней въ нахлѣбники, вводитъ въ домъ своего пріятеля, приглашаетъ его обѣдать, распоряжается столомъ, людьми, даже дочерью Дубасова, которую хочетъ выдать за своего пріятеля за мужъ и наконецъ ставитъ весь домъ вверхъ дномъ. По счастію, дѣло кончается дѣйствительною свадьбою, ко всеобщему удовольствію.

Мы любимъ пьесы г. Федорова, потому – что только въ нихъ еще замѣчаемъ благородное направленіе, уваженіе къ искусству и къ публикѣ. Всегда въ нихъ найдете мысль, хотя не затѣйливую, но здравую, и ходъ, завязку и развязку дѣйствительной комедіи. Притомъ въ нихъ незамѣтно этаго пошлаго и натянутаго усилія *острить* и *каламбурить*, во что–бы то ни стало, хотя–бы въ ущербъ смыслу, которое сдѣлалось такъ приторно въ другихъ такъ называемыхъ *оригинальныхъ* издѣліяхъ.

Коломенскій нахлѣбникъ и моншеръ имѣлъ заслуженный успѣхъ и долго удержится на сценѣ, если только его не вытѣснятъ съ нея—грубые и невѣжественные фарсы. Разыграна пьеса хорошо и пальма первенства принадлежитъ г-жѣ Гусевой, которая поразительна своей натурой въ роли кухарки Матрены.

Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ — праотецъ всѣхъ русскихъ водевилей, первая комедійка въ простонародныхъ нравахъ и съ пѣснями. Онъ составилъ славу Аблесимова, поставившаго его въ первый разъ на сцену въ Москвѣ, 20–го января, 1779 года. Съ тѣхъ поръ эта оперетка игралась на всѣхъ русскихъ театрахъ постоянно до тридцатыхъ годовъ и теперь снова является, какъ пріятный гость. Добро пожаловать старинный знакомецъ! Наши дѣды и прадѣды восхищались этой пьесой, потому что она впервые заговорила имъ чистымъ народнымъ языкомъ, вывела имъ настоящаго рус-

скаго человѣка, какъ онъ смѣкаетъ, пьетъ, поетъ, любитъ и гадаетъ, въ эпоху, когда подъ пудрой, манжетами и фижмами исчезали на сценѣ всѣ слѣды русской національности. Само собою разумѣется, что въ то время эта пьеса должна была производить фуроръ, невозможный уже въ нашу эпоху. Вотъ какъ выражается о тогдашнемъ ея успѣхѣ современный ей театральный лѣтописецъ:

«Сія пьеса столько возбудила вниманія отъ публики, что «много разъ сряду была играна, и завсегда театръ наполнялся; «а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ «у Двора, и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ те«атрѣ у содержателя г. Книпера была играна сряду двадцать «семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ «удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; «кратко сказать, что едва-ли не первая русская опера имѣла «столько восхитившихся спектаторовъ и плесканія.»

Посмотрѣвъ ее теперь на Александрынскомъ театрѣ, мы должны сознаться, что вѣроятно эта оперетка никогда не бывала такъ превосходно разыграна, какъ теперь. Поклонники старины не одинакого со мною мнѣнія: имъ кажется, что артисты теперь испортили мастерское произведеніе старины. Это естественно — строгіе современники Аблесимова, сохранили впечатлѣніе, произведенное на нихъ въ молодости, когда, увлекаясь понятіями своего времени, они дѣйствительно считали *Мельника* за образцовую оперу, и не видѣли на сценѣ нетолько ничего выше, но даже и подобнаго этому произведенію. Но тогда искусство было у насъ еще въ младенчествѣ, равно какъ и эстетическія понятія критиковъ. Съ того времени утекло много воды, понятія очистились, вкусъ образовался, явилось даже какое-то народное направленіе въ искусствѣ и нынѣ — опера *Мельникъ* — уже не образцовое твореніе, а просто *первый русскій водевиль* 1779 года, — и только. Воскресить его на сценѣ и поддержать могла только образцовая игра актеровъ. Такъ и случилось. Мы нисколько не хотимъ отнять достоинствъ у Аблесимова, или оспорить въ немъ талантъ, о нѣтъ! напротивъ, мы скажемъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ его болѣе всѣхъ своихъ драматическихъ сверстниковъ, потому что умѣлъ выдти изъ избитой колеи, отступиться отъ этихъ смѣшныхъ славянскихъ подражаній Расину и Вольтеру,

пренебречь переводами слезливыхъ драмъ Лафонтена и мистическихъ твореній Лессинга, а создалъ свое самобытное начало, прямо взятое изъ русскаго народнаго быта. Но мы скажемъ, что онъ былъ великъ для своей эпохи; что эпоха эта давно миновала и призраки ея изчезли. Аблесимовъ не создалъ ничего вѣковаго и общечеловѣческаго, подобно Шекспиру, Мольеру и Гёте, и потому время его значительно умалило. Притомъ же, онъ написалъ только *первую* пьесу въ простонародныхъ русскихъ нравахъ, но не внесъ въ сценическое творчество дѣйствителнаго русскаго духа, русской жизни, какъ это, напримѣръ, сдѣлали Фонъ-Визенъ, Капнистъ, и въ новѣйшія времена Грибоѣдовъ, Гоголь. Его *Мельникъ* ничто иное, какъ переверстанный на мужицкіе нравы и облеченный въ сермягу Devin du village Жан-Жака Руссо, чистое подражаніе, въ болѣе естественной формѣ, этой чувствительно-пастушеской идиліи въ лицахъ. Стало быть, и онъ, при всей своей наклонности къ народному, не избѣжалъ того вліянія, которое французская литература въ то время имѣла на русскую, вліянія необходимаго, потому-что русскіе авторы учились мыслить и писать по французскимъ образцамъ.

Въ настоящее время, *Мельникъ* явился на сценѣ, какъ библіографическая рѣдкость, какъ археологическая реминисценція. По созданію — онъ на современной сценѣ показался слишкомъ дѣтскимъ, по выполненію—онъ явился въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ, въ какомъ когда-либо являлся. Актеры — современники пьесѣ Аблесимова, играя постоянно лица французскихъ комедій и нѣмецкихъ драмъ, такъ усвоились съ иноземными характерами, съ изысканнымъ языкомъ своихъ обычныхъ ролей, съ манерами Криспиновъ, Скапиновъ, Фаншетъ и Лолотъ, что имъ трудно было войти въ чисто-русскіе нравы, свыкнуться съ этими простонародными выраженіями и мужицкой удалью; самый костюмъ ихъ безпокоилъ и въ своихъ отороченныхъ позументомъ кафтанахъ и парчевыхъ сарафанахъ они оставались тѣми-же французами и нѣмцами, стараясь грубость выраженія прикрывать утонченностію манеръ и обхожденіемъ на тонкой деликатности. Я помню, что въ дѣтствѣ своемъ, самъ еще видѣлъ *Мельника*, представленнаго такимъ образомъ, вѣроятно, со всѣмъ соблюденіемъ сценическихъ преданій.

У насъ мельника *Фаддея* — игралъ г. Мартыновъ, *Филимона* — г. Самойловъ, *Анкудина* — Сосновскій, *Фетинью*— г–жа Гусева, *Анюту* г–жа Самойлова 1–я. Неговоря уже о томъ, что Мартыновъ былъ неподражаемо вѣренъ натурѣ, простъ— и поразителенъ этой простотою, тогда, какъ эту роль всегда до него приправляли мнимой веселостью, заключавшеюся въ фарсахъ; что г. Самойловъ — прекрасно прикрылъ нѣмецкую мечтательность русскаго Филимона, простодушіемъ и характерною наивностію деревенскаго парня, — г–жа Гусева была безподобна, какъ она всегда бываетъ въ чисто–простонародныхъ русскихъ типахъ, и г. Сосновскій умѣлъ подладить игру свою къ этимъ тремъ главнымъ представителямъ пьесы. Г–жа Самойлова 1–я, какъ пѣвица исполнила свою партію удовлетворительнѣе всѣхъ, потому–что всѣ (за исключеніемъ г. Самойлова) не только не оперные, но даже вовсе не пѣвцы; но какъ Анюта, простая крестьянская дѣвушка, она была нѣсколько изыскана въ своихъ манерахъ; характеръ оттого лишился простоты и рѣзко отдѣлялся отъ другихъ, исполненныхъ до нельзя натурально. На сколько г. Самойловъ скрылъ отъ глазъ публики чувствительнаго *Коленя* — Руссо, на столько г–жа Самойлова обнаружила сантиментальную пастушку *Колету*.

Если *Мельникъ* не имѣлъ успѣха, при такомъ исполненіи, вините въ томъ безпощадное время, которое

..... въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей!

Жаль только, что афиша, напомнивъ публикѣ объ имени автора *Мельника*, умолчала объ композиторѣ музыки, который столь-же замѣчателенъ, какъ и Аблесимовъ, и какъ сочинитель первой русской оперетки заслуживаетъ остаться въ лѣтописяхъ сцены. Поправимъ промахъ афиши: композиторъ этотъ былъ *Соколовскій*, скрыпачь Московскаго русскаго театра, осыпанный милостями Императрицы Екатерины за свою музыку и призванный ею въ Петербургъ, для постановки *Мельника* при Императорскомъ Дворѣ.

Ранвильскій Замокъ или *Убійца–Мститель*. *Новая*(?) драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, *г. Соловьева (?!?!) Вотъ такъ пилюли! что въ ротъ то спасибо! Большая* (т. е. длинная), волшебная *опе-*

ра (?), въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, съ *хорами* (?), танцами, машинами, превращеніями и *великолѣпнымъ спектаклемъ*; передѣлка съ французскаго (оригинальное сочиненіе) *Д. Ленскаго.*

(*Бенефисъ г. Григорьева* 1.)

Ранвильскій замокъ одна изъ дюженныхъ французскихъ драмъ, написанныхъ въ подражаніе Скрибу, разумѣется, безъ его ума и таланта, въ которыхъ все основано на нелѣпомъ мщеніи за мнимую обиду. У одного важнаго господина, котораго умъ рѣшительно несоотвѣтствуетъ его чину, (что, впрочемъ не рѣдко случается,) былъ сынъ. Сынъ женился; соперникъ вызвалъ его на дуэль и убилъ. Папенька вслѣдствіе того не хочетъ видѣть своей невѣстки и живетъ съ ея дочерью, а своей внучкой въ деревнѣ. Но невѣстка опредѣляется въ компаньонки къ своей дочери, подъ чужимъ именемъ. Въ дѣвушку влюбленъ молодой докторъ, дѣдъ не прочь выдать ее замужъ, но когда узнаетъ фамилію доктора, начинаетъ неистовствовать и наноситъ ему оскорбленіе. За что?—За то, что онъ называется также, какъ убійца его сына. По счастью, глупость его остается безъ вредныхъ послѣдствій: драма оканчивается благополучнымъ бракосочетаніемъ. Въ драму вставлено, какъ водится, увеселительное лицо: это племянникъ важнаго человѣка, набитый дуракъ, который служитъ потѣшникомъ, граціозо пьесы. Въ этой роли дебютировалъ молодой человѣкъ Аргольдъ, и для перваго опыта былъ не дуревъ. Высказать объ немъ опредѣлительное мнѣніе можно будетъ, посмотрѣвъ его въ нѣсколькихъ роляхъ, болѣе значительныхъ.

Вотъ такъ пилюли — опера, — имѣетъ тотже сюжетъ какъ и Легатовская пантомима: *чортъ въ стулъ, а Арлекинъ въ тискахъ.* Она переложена только г. Ленскимъ въ приличные ей разговоры и остроты. Мы кладемъ перо. Эти пилюли, какъ латинская стряпня, не принадлежатъ драматической литературѣ и не подлежатъ критикѣ.

Ѳ. К.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

ФРАНЦУЗСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Le chef d'oeuvre inconnu. Историческая драма, въ 1 дѣйствіи.
Le moulin à paroles. Новый водевиль, въ 1 дѣйствіи.
L'Epreuve nouvelle. Комедія, въ 1 дѣйствіи, Мариво.
Les nuits blanches. Комедія водевиль, въ 2 дѣйствіяхъ, и
Divertissement. Кадриль изъ «Les trois bals».

(*Бенефисъ Г-на Проспера Готи*).

Бенефисъ этотъ былъ самый разнообразный, какъ это можно видѣть изъ его афиши; въ немъ участвовали Г-жа Плесси, Вольнисъ, и г. Монжозъ; значитъ въ немъ было все сосредоточено, что только нужно для привлеченія публики. И публика далась на эту приманку: театръ былъ совершенно полонъ.—Намъ остается только дать отчетъ о самыхъ пьесахъ.

Неизвѣстное мастерское произведеніе (Le chef d'oeuvre inconnu.) драма хотя немного растянутая, но имѣющая чрезвычайные сценическіе эффекты. Дѣйствіе происходитъ во Флоренціи.—Молодой скульпторъ *Ролла* влюбленъ въ знатную синьору *Леонору*, невѣсту могущественнаго *графа Аппіани*. Въ это время великій герцогъ Флорентинскій назначилъ конкурсъ для испытанія художниковъ: сюжетомъ для преміи назначалась статуя Св. Цециліи. Побѣдитель получаетъ золотой

вѣнокъ и титулъ перваго скульптора въ Герцогствѣ. Ролла тоже сдѣлалъ Цецилію, и далъ ей черты предмета своихъ думъ—Леоноры! Какъ представить ее на конкурсъ?.. Это значило бы распустить слухъ о ея взаимности, показать, что она приходила къ нему, иначе, онъ не могъ бы снять съ нея портрета!.. По этому онъ рѣшается оставить статую у себя, тѣмъ болѣе, что не надѣясь соединиться когда нибудь съ возлюбленною узами брака, онъ хочетъ, покрайней мѣрѣ, сохранить у себя ея изображеніе.

Его *Св. Цецилія* въ самомъ дѣлѣ геніальное произведеніе . . . Только два, три удара рѣзца, и она лучшее твореніе въ цѣлой Италіи. Но онъ боится дотронуться до своего созданія, чтобъ не испортить его; онъ видитъ недостатокъ, но не исправляетъ его. — Когда онъ отлучился изъ дому, къ нему заходитъ маститый старецъ, привлеченный желаніемъ видѣть художника, у котораго онъ недавно купилъ статуетку, за которую далъ ему дорогую цѣну, большую, чѣмъ онъ требовалъ. Старикъ *Микель* понялъ, что рука эта можетъ сдѣлать что нибудь посерьознѣе этой статуетки и, не заставъ артиста дома, упрашиваетъ брата его *Стефано* показать ему работу Роллы. Тотъ не рѣшается, но, наконецъ, по убѣдительнымъ просьбамъ старика, отдергиваетъ занавѣску, за которой стоитъ статуя *Цецилiи*. — Микель поражается ею, однако замѣчаетъ недостатокъ, и тремя ударами рѣзца исправляетъ его. Задернувъ потомъ занавѣсь, онъ идетъ объявить великому герцогу о мастерскомъ произведеніи. Ролла возвращается, хочетъ посмотрѣть еще разъ на свою *Цецилію* и замѣчаетъ поправку: «У меня былъ Микель Анжело!» восклицаетъ онъ «больше никто не могъ бы этого сдѣлать!» Стефано признался ему во всемъ. — Ролла въ восторгѣ отъ такого гостя;.. но какъ послать статую на конкурсъ? Онъ только что видѣлся съ отцемъ Леоноры, и тотъ, хотя дочь его призналась ему во всемъ, умолялъ Роллу не показывать статую, ибо это обезчеститъ навсегда все его семейство. Ужъ были подобныя примѣры: Гвидо-Рени погубилъ маркизу Изабеллу, представя ея портретъ на выставку. Ролла рѣшается отказаться отъ славы!.. Входитъ маркизъ Анніани съ приказаніемъ отъ Великаго Герцога, взять статую на конкурсъ, по рекомендаціи Микель Анжело. Маркизъ Анніани! женихъ Леоноры?.. — Неужли пока-

зать ему статую? Ролла говоритъ что статуя уже продана! По словамъ Аппіани. Великій Герцогъ даетъ ему въ десятеро. Но честное слово? Великій Герцогъ хозяинъ всѣхъ произведеній, сдѣланныхъ въ его землѣ, и велитъ взять статую насильно. «Такъ не будетъ же этого! вскрикиваетъ Ролла и устремляется за занавѣсъ. Слышенъ стукъ молотка, поднимаютъ занавѣсъ — и статуя лежитъ въ кускахъ! маркизъ Аппіани ужасается, — Ролла сходитъ съ ума. Приходитъ Микель Анжело ведя за руку Леонору, которую отецъ соглашается отдать за такого великаго артиста, и видитъ разрушенное произведеніе. Ролла умираетъ на ихъ рукахъ, увѣнчанный золотымъ вѣнкомъ, который ему присудили при посредничествѣ Микель Анжело.

Г. Бертонъ игралъ роль Роллы, съ теплотою и увлеченіемъ. Съ каждою новою ролью онъ видимо совершенствуется. За то и публика была къ нему признательна: его вызвали пять разъ.

Роль Леоноры играла *Г-жа Плесси*, а Микель Анжело *Г. Алланъ*. Оба они были очень хороши. Особенно послѣдній типически передалъ характеръ и наружность великаго художника.

Болтушка (Le moulin â paroles) (въ 1-й разъ). Дѣло въ томъ, что мѣльничиха *Коллета* пренесносная болтунья, все знаетъ, до всего доходитъ, всему вѣритъ, во все вмѣшивается. Изъ начатаго объясненія молодаго человѣка *Альберта*, она вывела заключеніе, что онъ ее любитъ и хочетъ на ней жениться. Изъ того, что этотъ же Альбертъ получилъ письмо съ печатью Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, она заключила, что онъ префектъ, назначенный въ ихъ округъ, котораго ожидаютъ. Заговоритъ ли кто съ кѣмъ—это закадычные друзья!.. если это мужчина и женщина—такъ женитъ ихъ да и только!.. Она всѣхъ держитъ въ рукахъ, даже *Жиро*, своего дядю. Всѣхъ сводитъ, путаетъ, ссоритъ, и, наконецъ, сама попадается въ просакъ. Вотъ основа водевиля, въ которомъ, сцены подобраны къ разнымъ смѣшнымъ положеніямъ, часто не натуральнымъ, но всегда забавнымъ.

Г-жа Вольписъ, игравшая роль мѣльничихи, была само совершенство, куплеты пѣла она съ особеннымъ искусствомъ, для

насъ доселѣ еще незнакомымъ. Нельзя не восхищаться этимъ дивнымъ талантомъ.

Новое испытаніе (L e p r e u v e n o u v e l l e), комедія Мариво. Мы уже нѣсколько поотстали отъ подобнаго комизма. Старыя комедіи не могутъ насъ такъ занимать, какъ современныя; впрочемъ, вотъ ея сюжетъ, судите сами о степени его занимательности: *Люсидоръ* любитъ *Анжелику*, дочь своего управляющаго, и дѣлаетъ разныя испытанія ея взаимности. То предлагаетъ ей руку *Метръ-Блеза*, сосѣдняго фермера, и даетъ имъ въ приданое 40000 франковъ, то сватаетъ своего лакея *Фронтина*, давая имъ 50,000. Анжелика же, думавшая прежде, что Люсидоръ самъ ее любитъ, чрезвычайно огорчается, и, незная, что дѣлать,—говоритъ ему тысячу дерзостей... на что тотъ отвѣчаетъ, что ее истинно любитъ!... «Развѣ ту, которую любятъ, выдаютъ замужъ за другаго?..» Спрашиваетъ она у него. «Это было только новаго рода испытаніе!» отвѣчаетъ онъ ей, и пьеса оканчивается къ общему благополучію.

Г-жа Плесси прекрасно съиграла роль Анжелики. Сперва увѣренность въ любви Люсидора, потомъ обманутое самолюбіе, разочарованіе, наконецъ, снова надежда на счастіе, переданы были ею, хотя и *слишкомъ патетически*, но прекрасно. Это одна только роль, порядочно отдѣланная въ комедіи.

(L e s n u i t s b l a n c h e s). Комедія водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Нелѣпѣйшая вещь, безъ завязки, интереса и смысла. *Клотильда* (*г-жа Мейеръ*) дочь члена Парламента *Брусселя* (*г-нъ Готи*), видитъ каждую ночь какое-то привидѣніе, одаренное голосомъ. Она его слушаетъ съ наслажденіемъ, потому-что оно влюблено въ нее, иначе бы являлось къ другой, а не къ ней. Она разсказываетъ объ этомъ своему отцу, тотъ умираетъ отъ страха, только слушая подобное повѣствованіе. Что еслибъ онъ увидѣлъ самъ? Онъ бы умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ. Однакожъ въ одну ночь, онъ видитъ самъ и не умираетъ, и даже напроттвъ того, открываетъ въ привидѣніи *Маркиза Навала* (г-нъ Монжозъ), влюбленнаго въ его дочь, но приверженнаго противной партіи. Значитъ онъ не смѣетъ открыться, и можетъ бродить только по ночамъ. Но его пребываніе открыто, и *графъ де Фосезъ* (г-нъ Давлуи) преслѣдуетъ его. Ему грозятъ непріятности, пока

наконецъ, королевскія войска разбиваютъ Фрондеровъ, и онъ получаетъ руку Клотильды.

Объ этой пьесѣ можно сказать только одно, что жаль, что въ ней учавствовалъ *г нъ Монжозъ*. Онъ могъ бы выбрать себѣ роли получше «Маркиза Наваля» а изъ просьбы бенефиціанта, терять ему во мнѣніи публики право непріятно!.. Кто увидитъ его въ 1-й разъ и только въ этой ролѣ, можетъ составить объ немъ не совсѣмъ выгодное понятіе.

Бенефисъ кончился какъ водится танцами. На сей разъ протанцованъ былъ: «*Новый Кадриль*» (въ 101-й разъ), съ участіемъ всей французской труппы, и дирижируемый авторомъ его музыки *г. Поль Кюзиномъ*, прибывшимъ сюда изъ *Цирка*, по сему случаю. (*)

А. А....въ.

(*) **Мы обѣщали въ предшествовавшей книжкѣ представить нашимъ читателямъ подробный отчетъ о новомъ балетѣ «*Пахита*», но исполнить этого не можемъ, по *независящимъ* отъ насъ обстоятельствамъ.**

Редак.

ОБОЗРѢНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПАРИЖСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Парижѣ продолжаются преобразованія и дебюты. *Французскій театръ* открылъ свои представленія, публика съ нетерпѣніемъ ждетъ дебютовъ г-жи Алланъ, которой она невидала впродолженіе столькихъ лѣтъ, и которая теперь снова ангажирована дирекціею этого театра.

Въ *Большой Оперѣ* дебютировала знаменитая танцовщица, Фанни Черито, и мужъ ея, Сенъ-Леонъ, въ балетѣ: *Мраморная дѣва*, сочиненномъ самимъ Сенъ - Леономъ. Не смотря на то, что нѣкоторые устарѣлые критики упрекаютъ г-жу Черито въ неправильности, въ незнаніи законовъ хореографическаго искусства, въ неровности, однако же ея граціозное, одушевленное танцованіе, ея выразительная, страстная мимика приводитъ въ восторгъ большую часть зрителей. Что же касается до ея мужа, онъ почти задавилъ знаменитаго Петипа, не нашего петербургскаго Петипа, а *знаменитаго*, любимца Парижа и Лондона, который пока еще недумаетъ пріѣхать въ Петербургъ. — Другая молодая танцовщица, г-жа Розати, должна дебютировать въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ пѣвицею Жюліанъ-ванъ-Гельдеръ, въ новой оперѣ Верди, которая уже разучивается.

Итальянская Опера также пріобрѣла новую пѣвицу, нашу же старую знакомку, г-жу Кастелланъ. Она дебютировала въ Доницеттіевой оперѣ, *Лучія ди Ламмермуръ*, съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Парижане не нахвалятся ея искуствомъ и чувствомъ, въ особенности, въ сценѣ сумасшествія. Увы, мы нѣсколько разъ видѣли г-жу Кастелланъ, и въ этой роли и въ

другихъ, но, отдавая справедливость ея голосу и искусству, должны признаться, что не замѣтили въ ней этого глубокаго чувства, и не думаемъ, чтобы какая нибудь пѣвица могла влить чувство въ эту сцену, самую слабую во всей операѣ, и чуждую не только чувства, но даже смысла. Не завидуемъ Парижу въ пріобрѣтеніи этого сокровища, а позавидуемъ развѣ въ другомъ сокровищѣ, въ молодой пѣвицѣ, которую мы слышали года три назадъ въ нашей итальянской операѣ, и которой до сихъ поръ не нашлось замѣны. Эта пѣвица — г-жа Альбони. Мы уже тогда привѣтствовали въ ней молодую артистку, долженствовавшую со временемъ занять мѣсто въ ряду самыхъ рѣдкихъ пѣвицъ, мѣсто рядомъ съ знаменитою Каталани. И предсказанія наши сбываются; лѣтомъ она одна въ Лондонѣ не блѣднѣла передъ Женни-Линдъ, а потомъ, четырьмя концертами вскружила голову всему Парижу. Даже строгій критикъ Берліозъ, гроза всѣхъ пѣвицъ, отзывается о ней съ восторгомъ и благоговѣніемъ, какъ объ истинной, великой артисткѣ. Покамѣстъ, она являлась въ Парижѣ только въ концертахъ, потому что должна была спѣшить въ Пестъ, гдѣ пробудетъ до февраля мѣсяца; въ февралѣ же она возвратится въ Парижъ и будетъ пѣть въ Большой Операѣ (по французски), вѣроятно въ Фавориткѣ и Карлѣ VI; на лѣто она опять ангажирована въ Лондонъ. Наступитъ ли когда время, что она снова обрадуетъ своимъ присутствіемъ нашу столицу, въ которой она почти начала свое поприще?

Въ началѣ будущаго мѣсяца долженъ, наконецъ, открыться въ Парижѣ третій лирическій театръ, *Національная Опера*. Для открытія его будетъ данъ прологъ, съ музыкою Гг. Караффы, Адана, Галеви и Обера; прологъ будетъ называться, по однимъ извѣстіямъ, *Два генія*, а по другимъ *Счетъ прачки*. Кому болѣе вѣрить, незнаемъ.

Изъ новыхъ пьесъ, игранныхъ въ послѣднее время на разныхъ Парижскихъ театрахъ, приведемъ слѣдующія.

Les aristocraties (Аристократіи), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Этіенна Араго. (Французскій театръ).*

Нѣкто Вердье, банкиръ, обогатившійся всякими правыми и неправыми оборотами, желаетъ трехъ вещей: породниться съ какимъ нибудь знатнымъ, дворянскимъ домомъ, быть депутатомъ и засѣдать въ какомъ нибудь муниципальномъ совѣтѣ. Все это, должна ему доставить рука дочери, на которую онъ имѣетъ въ виду двухъ претендентовъ: одинъ, графъ Терси, происходитъ изъ стариннаго дворянскаго дома, славившагося еще во времена Карла VII; другой, баронъ Ларіель, принадлежитъ къ новѣйшему дворянству; отецъ его, былъ изъ самыхъ жаркихъ республиканцевъ Сен-Антуанскаго предмѣстья, и обязанъ своимъ титломъ и дворянствомъ щедротамъ Наполеона; онъ обѣщаетъ подкрѣпить его кандидатство на должность члена муниципальнаго совѣта, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Г. Вердье, чтобы не дать промаху, рѣшается ожидаться результата выборовъ. Но почтенный г. Вердье не предвидѣлъ одного препятствія: мамзель Лорансъ не хочетъ и слышать ни о графѣ, ни о баронѣ, она любитъ другаго, но не хочетъ открыть его имени.

Этотъ другой Валянтенъ, бѣдный плебей, мечтатель, котораго все богатство заключается въ разныхъ проектахъ, требующихъ для исполненія своего нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Г. Вердье, какъ человѣкъ положительный, посмѣивается надъ мечтами Валянтена, хотя и уважаетъ въ немъ спасителя своей дочери. Валантенъ не смѣетъ даже открыться въ любви Лорансѣ, не только что просить ея руки. Къ счастью влюбленныхъ, за ихъ дѣло берется Камилла, молодая, умная пѣвица. Она обѣщаетъ имъ проучить Терси и Ларіеля. Добиваясь оба приданаго дѣвицы Вердье и милости Камиллы, они даже заключили дружеское условіе, по которому тотъ изъ нихъ, который успѣетъ перебить первую, уступитъ своему сопернику другую. Камилла, проникнувъ ихъ хитрости, назначаетъ каждому порознь свиданіе на балу, на которомъ долженъ ихъ подслушать Вердье. Соперники порядкомъ отдѣлываютъ другъ друга, и не щадятъ самаго Вердье. Взбѣшенный банкиръ не хочетъ о нихъ и слышать, и становится милостивѣе къ Валянтену,

чему не мало содѣйствуетъ дошедшее до него извѣстіе, что другой банкиръ, его соперникъ, покровительствуетъ проектамъ молодаго человѣка и открылъ ему большой кредитъ. Этого довольно, чтобы возбудить торговую ревность Вердье; онъ ласкаетъ Валянтена, ухаживаетъ за нимъ, предлагаетъ ему руку дочери. Но совѣсть не позволяетъ Валантену согласиться на предложеніе? онъ далъ слово другому, и не хочетъ ему измѣнить; дочь же Вердье не можетъ быть его женою, потому что онъ не хочетъ жениться на приданомъ.

Чтобы уничтожить это препятствіе, къ счастью влюбленныхъ, авторъ довольно неловко поджигаетъ кабинетъ банкира, гдѣ хранились у него въ билетахъ тридцать-три милліона, все его состояніе. У Лорансы нѣтъ ни гроша; Валянтенъ принимаетъ ея руку, обѣщая своими проектами дать ей состояніе не хуже прежняго.

Эта комедія, довольно слабая, какъ драматическое произведеніе, полна наблюдательности и живой сатиры на современную жизнь. Этимъ объясняется ея огромный успѣхъ; почти каждая сцена возбуждала новыя рукоплесканія.

—

Le braconnier. (Похититель дичи) комическая опера въ одномъ дѣйствіи, заимствованная съ нѣмецкаго, *Левеномъ* и *Эмилемъ Вандербуркомъ*; музыка *Гюстава Геке*.

Лѣсничіе одного нѣмецкаго герцога въ отчаяніи; какой то невидимый и неуловимый охотникъ разоряетъ дачи его высочества; каждый день Патердикъ докладываетъ главному лѣсничему Вольфу, что фазаны примѣтно пропадаютъ. Все это тѣмъ болѣе его огорчаетъ, что у него есть хорошенькая дочь–невѣста, для которой онъ уже и пріискалъ жениха, тихаго, скромнаго студента богословіи, Герберта; но у Герберта нѣтъ ничего. Что же онъ дастъ своей Лизѣ, если герцогъ лишитъ его мѣста главнаго лѣсничаго? Гербертъ любитъ Лизу, но несмѣетъ открыть ей свою любовь; онъ только учится; безпрестанно гуляетъ одинъ въ лѣсу, съ толстою книгою подъ мышкою, и съ палкой въ рукѣ. Лиза однакоже принуждаетъ его признаться въ

любви; онъ клянется что вѣкъ будетъ любить ее одну, но не смѣетъ и думать быть ея мужемъ, потому что бѣденъ, и долженъ посвятить всю жизнь свою на пропитаніе стараго школьнаго учителя, Мюллера, пріютившаго и воспитавшаго его въ дѣтствѣ. Среди этаго объясненія приходитъ Вольфъ и увлекаетъ съ собою Герберта выпить съ горя бутылочку рейнскаго вина. Лиза, оставшись одна, мечтаетъ о томъ, какъ она будетъ счастлива съ Гербертомъ; ей попадаетъ на глаза оставленная имъ книга, она разсматриваетъ ее, и съ изумленіемъ видитъ, что это не книга, а ящикъ; открываетъ его, вскрикиваетъ, захлопываетъ и поспѣшно уноситъ, чтобы скрыть отъ всѣхъ глазъ. Гербертъ, воротившись, догадывается, что дѣвушка узнала его тайну, считаетъ себя теперь предметомъ ея презрѣнія и ненависти, и съ отчаянія рѣшается идти въ солдаты; но сначала пишетъ письмо къ своей возлюбленной, признается, что онъ билъ герцогскую дичь, для того, чтобы поддерживать жизнь старика Мюллера. Лиза прощаетъ его, и обѣщаетъ свято хранить его тайну. Но Патердикъ, подслушавшій ее, доноситъ на Герберта; несчастнаго схватываютъ; смерть грозитъ ему, но герцогъ, догадываясь, что тотъ, кто столько времени такъ ловко билъ дичь подъ носомъ у его лѣсничихъ, гораздо умнѣе и хитрѣе ихъ всѣхъ, давно уже думалъ сдѣлать его главнымъ смотрителемъ своихъ лѣсовъ, какъ скоро онъ откроется; это спасаетъ Герберта. Но какъ же онъ умѣлъ такъ проводить всѣхъ лѣсничихъ? Лиза показываетъ отцу книгу, которая ничто иное, какъ яхтташъ; Гербертъ показываетъ свою палку, которая съ помощью пружины, обращается въ ружье. Старику Вольфу не идетъ же быть строже самаго герцога; онъ прощаетъ Герберта и отдаетъ ему руку дочери, къ величайшему удовольствію всѣхъ сосѣдей, и самаго даже Патердика, который пришелъ въ отчаяніе, когда узналъ, что своимъ доносомъ могъ лишить жизни хорошаго человѣка.

Г. Геке, написалъ на эту незавидную тему, легкую, замысловатую, свѣжую и хорошо инструментованную музыку. Опера имѣла успѣхъ, тѣмъ болѣе лестный для композитора, что это первый его опытъ въ драматической музыкѣ.

—

L'homme propose... (Человѣкъ предполагаетъ.) комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. *Адольфа Белами* (театръ *Одеона*).

Старая пѣсня о томъ, какъ продувной племянникъ проводитъ дядю и женится на кузинѣ. Куршанъ добрый помѣщикъ, ни о чемъ не заботящійся, кромѣ пристроенія дочери и округленія имѣнья. Изъ всѣхъ претендентовъ на руку Адели, никто не можетъ сравниться съ Гіасентомъ Форсакомъ; это молодой человѣкъ, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, насморковъ и огнестрѣльнаго оружія, покорный волѣ матушки, впрочемъ одаренный всѣми условіями счастья будущей супруги. Дѣло бы пошло на ладъ, но на бѣду пріѣзжаетъ племянникъ Куршана, Эдуаръ, негодяй, дуелистъ, нѣсколько лѣтъ шатавшійся между Бедуинами, Арабами, Турками; дядя не велитъ его впускать. Но Эдуаръ никого не слушаетъ, колотитъ слугъ и врывается въ гостинную. Все отъ него бѣжитъ. Видя, что всѣ двери заперты, и никого не докличешься, Эдуаръ разбиваетъ буфетъ, и, наѣвшись и напившись засыпаетъ.

Дядя шутить не любитъ, и посылаетъ за полиціею, взять буяна. Адель предупреждаетъ его; онъ смягчаетъ дядю, обѣщаніемъ уѣхать, какъ скоро успѣетъ продать ему свою землю. Между тѣмъ онъ узнаетъ, что Адель хотятъ выдать за мальчишку, который умѣетъ только играть на гитарѣ и шить по канвѣ, прогоняетъ его съ матушкою, и предлагаетъ на его мѣсто себя. Дядя и слышать не хочетъ; «въ такомъ случаѣ любезный дядюшка, отвѣчаетъ Эдуаръ, дайте мнѣ отчетъ въ управленіи моимъ имѣніемъ; я намѣренъ посѣлиться въ своемъ помѣстьи, и построить фабрику подлѣ вашей усадьбы.

—Куршанъ ни чего такъ не боится, какъ раздробленія имѣнія, и во избѣжаніе того соглашается.

Чтобъ нѣсколько оживить эту скудную пьесу, публика приправила ее свистками.

—

Martin et Bamboche. (Мартинъ и Бамбоша), драма въ пяти дѣйствіяхъ, и десяти картинахъ, соч. *Евгенія Сю* и *Губо*. (Театръ *Веселости*).

Кто не читалъ третьяго изданія *Парижскихъ тайнъ* и *Вѣчнаго жида*, вышедшаго въ прошломъ году подъ названіемъ *Мартина Найденыша? Мартинъ и Бамбоша* тотъ же романъ, въ драматической формѣ, такъ же длинно, такъ же запутано, тѣ же несообразности, тѣ же многословныя нравоученія и философскія разсужденія. Эта драма, какъ и вся собратья драмъ заимствованныхъ изъ романовъ, или точнѣе, романовъ поставленныхъ на сцену, хороша только тѣмъ, что освобождаетъ отъ чтенія восьми или десяти томовъ скучнаго романа.

Въ драмѣ г. Сю есть впрочемъ эфектныя мѣста, которыя и доставили ей нѣчто въ родѣ успѣха.

—

La recherche de l'inconnu. (Поискъ неизвѣстнаго), комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Леона Лейа*. (Театръ *Палероляля*).

Г. Лейа давно уже извѣстенъ своими тяжелыми, скучными водевилями; новое его произведеніе подтвердило его славу. Нѣкто Друэ нашелъ оброненный бумажникъ, заключающій пятьдесятъ тысячь франковъ. Друэ по всѣмъ газетамъ и по всѣмъ перекресткамъ объявляетъ о находкѣ, и приглашаетъ хозяина. Съ утра до ночи преслѣдуютъ его всякаго рода промышленники, стараясь выманить у него деньги. Къ довершенію его затрудненія, два лица представляютъ ему несомнѣнныя доказательства, что бумажникъ принадлежитъ каждому изъ нихъ; какъ тутъ рѣшить, кто изъ нихъ истинный хозяинъ? Пока Друэ задумывается надъ этимъ вопросомъ, является одна дѣвушка, бросается ему въ ноги, и умоляетъ спасти отца ея отъ безчестія и гибели. Тронутый ея слезами, онъ отдаетъ ей деньги. Между тѣмъ онъ отыскиваетъ настоящаго хозяина, который лишился съ своимъ бумажникомъ всего своего состоянія, и находится въ крайней нищетѣ. Друэ не мо-

жетъ себѣ простить необдуманнаго великодушія, которымъ онъ погубилъ цѣлое семейство, помогаетъ ему, утѣшаетъ его, чѣмъ можетъ, пока не является какой-то кузенъ, и не приноситъ желанныя пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Въ заключеніе спектакля, великолѣпный свистъ!

—

Le premier malade. (Первый больной), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Эмиля Вандербурха* и *Маріи Экаръ*. (Театръ *Водевиля*).

Гюставъ путешествуетъ съ молодымъ ученикомъ Эскулапа, для излеченія ранъ, нанесенныхъ ему глазами мадмуазель Аглаи и шпагою ея кузена. Какъ водится въ водевиляхъ, экипажъ ихъ ломается у самыхъ воротъ ея дачи. Хозяйка тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принимаетъ гостей, что г. Дюроше можетъ быть спасетъ отъ смерти ея больнаго..... мужа, полагаетъ Гюставъ, ибо до него дошелъ слухъ, что она вышла за его противника. Аглая, не разувѣряетъ его; зачѣмъ? ужъ просто извѣстно гг. авторамъ. Вскорѣ однакоже оказывается, что Аглая вѣрна Гюставу, что она не замужемъ, и что больной... первый больной г. Дюроше, просто любимый ея пудель Медоръ. Гюставъ женится на Аглаѣ, а Дюроше радуется первому своему успѣху на врачебномъ поприщѣ!

—

L'homme aux 160 millions. (Владѣтель 160 милліоновъ) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Вильнева* и *Анжеля*. (Театръ *Разнообразія*).

Компанія откупщиковъ не знаетъ на чье имя заключить контрактъ, никто изъ членовъ не хочетъ уступить этой чести другому; дѣло между тѣмъ не терпитъ отлагательства, другая компанія можетъ перебить откупъ; чтобы никого не обидѣть, рѣшаются, наконецъ, избрать самое невинное существо, которое будетъ отвѣчать за всѣ ихъ притѣсненія; этотъ несчастный—

дворникъ Сальзаръ, малый добрый и честный, который любитъ Машу, дочь кожевенника, но не можетъ на ней жениться, потому-что не имѣетъ гроша, а ея отецъ богатъ. Онъ охотно соглашается на предложеніе, женится на Машѣ, подписываетъ бумаги, въ силу которыхъ товарищи его грабятъ народъ; и не догадывается, что на него одного обрушается вся ненависть народа, хоть онъ менѣе всѣхъ пользуется плодами его разоренія. Ему гораздо чувствительнѣе то, что двое изъ его товарищей пытаются обольстить его жену; онъ выгоняетъ ихъ отъ себя съ позоромъ, но не довольствуясь этимъ, однимъ махомъ пера уничтожаетъ пошлины на соль, на хлѣбъ, на вино, и на другіе предметы первой потребности. Всѣ откупщики разорятся, а ему какое горе?

Народъ благословляетъ Сальзара, но взбѣшенные откупщики принуждаютъ его выдти въ отставку. Едва онъ подписалъ свое прошеніе объ отставкѣ, приносятъ королевскій рескриптъ: откупщики, боясь взять на себя отвѣтственность, лежавшую на Сальзарѣ, сами сжигаютъ его прошеніе. Но опасенія ихъ были напрасны. Королевскій рескриптъ содержитъ благоволеніе Сальзару, за облегченіе народа, и продолженіе его откупнаго контракта. Король былъ тронутъ благословеніями, которыми народъ встрѣтилъ его и Дофина при въѣздѣ ихъ въ Парижъ. Сальзаръ на зло откупщикамъ остается ихъ главою.

Пьеса довольно жива и мила.

—

LE CHEVALIER D'ESSONNE (КАВАЛЕРЪ Д'ЭССОНЪ) водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Дюпети* и *Анисе – Буржуа*. (Театръ *Водевиля*).

Кавалеръ д'Эссонъ скрывается отъ гнѣва Кардинала Мазарини. Сестра его, дѣвица д'Эрбле, желая спасти брата, одѣвается въ мужское платье и выдаетъ себя за кавалера д'Эссона. Виконтъ де Нанжисъ пріѣзжаетъ въ Осеръ по приказанію Кардинала схватить д'Эссона и везти его въ Парижъ. Мадмуазель д'Эрбле не колеблется; но чтобы не ѣхать съ Нанжисомъ вдвоемъ, она беретъ съ собою Регальетту, бѣдную

сиротку, которой живописецъ Оливье обѣщалъ убѣжище въ Парижѣ. — Гиларіонъ, хозяинъ квартиры Оливье, и одинъ изъ сорока крестныхъ отцовъ Регальетты, не позволяетъ ей имѣть сношенія съ молодымъ живописцемъ. Нанжисъ неразлученъ съ мнимымъ д'Эссономъ, который едва не измѣняетъ своей тайнѣ; но Гиларіонъ, самъ замѣшанный въ этомъ дѣлѣ, спасаетъ его, выдавъ свою крестницу за его любовницу.

Регальетта живетъ барынею; всѣ ее считаютъ любовницею д'Эссона. Оливье между тѣмъ работаетъ въ Фонтенебло; вдругъ желаніе видѣть Регальетту привлекаетъ его въ Парижъ; узнавъ ея измѣну, онъ вызываетъ обольстителя на дуель. Нанжисъ съ своей стороны начинаетъ догадываться въ обманѣ. Мадмуазель д'Эрбле, въ ужасномъ затрудненіи; къ счастію она получаетъ извѣстіе, что братъ ея въ безопасности. Она открывается, и пьеса кончается двумя свадьбами.

Успѣхъ.

—

Une existence décolorée (Разочарованная жизнь) комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Лефранка*. (Театръ *Палероляля*.)

Комедія весьма назидательная и полезная для чувствительныхъ душъ, страдающихъ любовною хандрою; они убѣдятся изъ нея, что лучшее средство противъ ихъ болѣзни, добрый пріемъ olei ricini, salis Glauberi, и тому подобныхъ веществъ. Г. Гедеонъ страдаетъ хандрою по многимъ причинамъ: во-первыхъ, его обманула его возлюбленная; во вторыхъ, богатый дядя обязалъ его духовнымъ завѣщаніемъ жениться на горбатой кузинѣ. Онъ хотѣлъ было размыкать горе путешествіемъ; но и путешествіе скоро ему надоѣло; онъ уже три недѣли живетъ на какомъ то глухомъ постояломъ дворѣ и рѣшился отравить себя ядомъ. Случай сводитъ его съ школьнымъ товарищемъ, полковымъ лекаремъ Дюламбри, который, замѣтивъ его болѣзнь, рѣшается его вылечить. Перехвативъ записку Гедеона къ аптекарю, онъ вмѣсто заказаннаго яду посылаетъ ему лекарство своего изобрѣтенія. Едва Гедеонъ его выпилъ, какъ онъ узнаетъ, что горбатая кузина вышла замужъ, и что

онъ получаетъ наслѣдство дяди безъ этой страшной придачи; мало того, Пакетта, хорошенькая содержательница постоялаго двора, открываетъ ему, что она охотно предпочла бы его своему жениху аптекарю. Увы, все поздно! онъ выпилъ ядъ. — «Нѣтъ, не ядъ, говоритъ Дюламбри, а слабительное, чтобъ прогнать хандру!» И дѣйствительно, хандру какъ рукой сняло, и Гедеонъ на радости женится на Пакеттѣ.

—

La fille de marbre. (Мраморная дѣва) пантомимный балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ; соч. *Сенъ-Леона*, музыка, соч. *Пуньи*.

Молодой скульпторъ, Маноссесъ создалъ такую поэтическую, такую живую статую женщины, что, подобно древнему Пигмаліону, влюбился въ нее, и въ минуту изступленія, продалъ душу сатанѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ духа огня дать душу этой мраморной красавицѣ. Бельфегоръ, повелитель Саламандръ, въ своей огненной пещерѣ простираетъ скипетръ надъ адамантовою скалою и изъ нея возникаетъ природа! (Если нѣтъ смысла, просимъ не взыскать; такой уже обычай въ балетахъ.) Статуя мало по малу одушевляется, глаза загораются огнемъ, уста раскрываются сладострастною улыбкою, кровь кипитъ въ ея жилахъ. Маноссесъ въ изступленномъ восторгѣ смотритъ на свое созданіе. Въ то же время вдали, въ туманѣ является образъ маврскаго царя Альетара, которому снится Фатьма... Пещера закрывается, и сатана снова возноситъ Манассеса и Фатьму на землю.

Площадь въ Севильѣ. Альетаръ встрѣчаетъ снившуюся ему дѣву, бросается къ ней, высказать ей свою любовь; ревнивый Монассесъ увлекаетъ Фатьму, сажаетъ въ лодку, и гребетъ изо свѣхъ силъ, но Альетаръ преслѣдуетъ ее вплавь.

Третья картина представляетъ Альгамбру: Альетаръ побѣдилъ Испанцевъ, и объявленъ королемъ Мадритскимъ. Онъ предлагаетъ Фатьмѣ свою руку и престолъ; тронутая его любовью, она принимаетъ предложеніе; напрасно скульпторъ въ отчаяніи напоминаетъ ей угрожающую опасность, напоминаетъ

роковые слова духа огня: «Покоряй, сожигай сердца смертныхъ, но незнай сама любви; какъ скоро ты тронешся любовью, возбужденною твоею красотою, я отниму лучь свѣта, вложенный въ твою грудь, и ты снова превратишься въ неподвижный, холодный мраморъ!» Фатьма предпочитаетъ любовь безсмертію. Но едва она ступила ногою на ступень Альтарова престола, небо покрывается тучами, земля дрожитъ, жизнь отлетаетъ изъ тѣла Фатьмы, и она снова обращается въ мраморную статую. Альтаръ въ отчаяніи разбиваетъ свой вѣнецъ; Монассесъ пораженъ громомъ; сатана ставитъ ногу на его трупъ, и говоритъ: онъ мой!

Какъ ни жалокъ этотъ балетъ, сочиненіе его сдѣлалось предметомъ спора Эмиль Вандербурхъ и Жюль Севестъ завели тяжбу съ хореграфомъ, Сенъ-Леономъ, за присвоеніе себѣ ихъ сочиненія. Лѣтъ десять тому назадъ они написали плохую драму, подъ названіемъ *Амалья* или *Мраморная дѣва*, которая была сыграна на Монмартрскомъ театрѣ, упала, и давнымъ давно забыта.

Музыка г. *Шуньи*, который пользуется нѣкоторою славою въ Лондонѣ, не хуже всякой другой балетной музыки, но и не лучше; она жидка, безцвѣтна, но удобна для танцованія.

—

СМѢСЬ.

НАХОДКА.

(Повѣсть Леона Дюкома.)

— Горе намъ, бѣднякамъ! говорилъ Шамуненъ, съ тѣмъ же выраженіемъ искренняго сожалѣнія, съ какимъ вѣроятно произносила эти прискорбныя слова Фаустова Гретхенъ.

Однако-жъ предметъ желаній Шамунена и Гретхенъ былъ не одинъ и тотъ же.

Гретхенъ желала только не много денегъ, на покупку нарядовъ, которыя придаютъ новый блескъ красотѣ дѣвушекъ и привлекаютъ сердца любовниковъ, между тѣмъ какъ Шамуненъ мечталъ о богатыхъ хоромахъ, великолѣпныхъ праздникахъ и любви молодой, прекрасной и богатой женщины.

Въ тотъ вечеръ, какъ Шамуненъ съ горестью восклицалъ «горе намъ, бѣднякамъ!» онъ гулялъ по набережной Сены, при яркомъ свѣтѣ луны, и люстръ, блиставшихъ въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ. Изъ пышныхъ палатъ долетали къ нему неясные звуки музыки, и онъ видѣлъ сквозь прозрачныя занавѣсы, какъ проносились танцующія пары въ вихрѣ вальса.

Шамунену было двадцать лѣтъ; онъ былъ студентомъ фармацевтики, и въ будущемъ ему представлялась очень незавидная доля, быть преемникомъ отца, почтеннаго аптекаря какого то заштатнаго города Нормандіи.

— «Горе намъ бѣднымъ! твердилъ онъ въ этотъ вечеръ; никогда не танцовать намъ въ пышныхъ палатахъ съ графинями и маркизами; не слыхать намъ словъ любви отъ этихъ прекрасныхъ, обворожительныхъ женщинъ; никогда не видать мнѣ отъ нихъ взгляда, дарящаго счастьемъ на всю жизнь! Намъ бѣднякамъ, надо довольствоваться простою любовью, трудною, безцвѣтною жизнію, умирать въ такой же безвѣстности, какъ жили..... Виноватъ....

Послѣднее слово обращалось къ какому то прохожему, съ которымъ Шамуненъ столкнулся; онъ шелъ неоглядываясь, какъ обыкновенно ходятъ люди, размышляющіе на ходу.

Человѣкъ, съ которымъ онъ столкнулся, продолжалъ путь свой, не отвѣчая на извиненіе. Шамуненъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ его; онъ былъ огромнаго роста, безъ шляпы, и почти совершенно плѣшивъ; шелъ чрезвычайно скоро, и повидимому былъ погруженъ въ глубокую думу.

Шамуненъ невольно пошелъ за нимъ. Незнакомецъ шелъ все тѣмъ-же сказаннымъ шагомъ, не обращая вниманія ни на кого и ни на что.

Дошедши до моста Согласія, онъ поспѣшно своротилъ на мостъ, перескочилъ черезъ парапетъ — и бухъ въ воду. Шамуненъ вскрикнулъ, и бросился тѣмъ же путемъ къ нему на помощь, между тѣмъ, какъ лодочники съ тою же цѣлью отчаливали отъ берега.

Лодочники возвратились съ однимъ Шамуненомъ; незнакомца же они не отыскали. Только молодой человѣкъ въ награду за свое мужество и самоотверженіе, возвращался съ бумажникомъ, всплывшимъ на поверхность воды, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, принадлежавшимъ утопленнику.

Воротившись въ свое скромное жилище, Шамуненъ внимательно разсмотрѣлъ свою находку, въ надеждѣ отыскать въ ней какія нибудь свѣдѣнія о томъ, кого онъ хотѣлъ спасти.

Въ измокшемъ бумажникѣ оказался только лоскутокъ очень тонкой бумаги, покрытый какими-то странными штемпелами и нѣмецкими письменами. Небыло ни имени, ни адреса, словомъ, ничего такого, что могло бы навести его на слѣдъ желаннаго объясненія.

О бумажкѣ съ нѣмецкими письменами онъ мало заботился;

однакожъ онъ не хотѣлъ упустить ни какого средства и пошелъ къ молодому нѣмцу, жившему въ одномъ съ нимъ домѣ, разбудилъ его и просилъ объяснить, что значитъ этотъ лоскутокъ бумаги.

— Эта бумажка, отвѣчалъ ему нѣмецъ, купонъ шести билетовъ на императорско-королевскую лотерею, которая должна быть розыграна въ Вѣнѣ 5-го числа будущаго мѣсяца, на Лангсдорфгаузенское княжество, въ Каринтіи. Банкирскій домъ Гг. Остербонна и К', во Франкфуртѣ, доставитъ кому слѣдуетъ протоколъ розыгрыша, и объявитъ выигрышный нумеръ посредствомъ вѣдомостей.

— А нѣтъ на купонѣ имени лица, которому онъ былъ выданъ? спросилъ Шамуненъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ нѣмецъ, онъ на имя неизвѣстнаго. Всякій можетъ получить выигрышъ, кто предъявитъ купонъ.

— Не знаете ли вы этого Лан... какъ бишь называется это княжество...

— Лангсдорфгаузенское.. — Нѣтъ, незнаю, но вотъ вамъ газета, въ которой напечатана программа лотереи; прочтите.

Шамуненъ взялъ газету! и сталъ читать: Заемъ.... и проч. и проч.

— Дальше, сказалъ нѣмецъ; начало пропустите.

— «Первый вышедшій нумеръ выиграетъ прекрасное Лангсдорфгаузенское княжество, въ Каринтіи, оцѣненное въ два милліона, съ великолѣпнымъ замкомъ, построеннымъ во времена крестовыхъ походовъ княземъ Оттономъ Фонъ Лангсдорфгаузенъ, огромными лѣсами, окружающими его, лугами, полями и виноградниками, составляющими всего двѣнадцать квадратныхъ миль. Къ княжеству причислены восемь деревень съ тысячью тремя стами жителей.» — Благодарю васъ, сказалъ Шамуненъ, возвращая нѣмцу газету. Потомъ взявъ свѣчу, и пожелавъ сосѣду доброй ночи, отправился къ себѣ.

Онъ легъ, заснулъ, и всю ночь снилось ему, будто онъ отыскалъ на днѣ рѣки чудесный замокъ, построенный во времена крестовыхъ походовъ, окруженный лугами, полями, виноградниками, лѣсами, и будто тысяча триста крестьянъ поздравляютъ его княземъ Лангсдорфгаузенскимъ.

На слѣдующій день Шамуненъ отправился въ канцелярію префекта полиціи объявить о своемъ вчерашнемъ приключеніи, и узнать, небыло ли чего объявлено по этому случаю, отвѣтъ былъ отрицательный. Въ продолженіе двухъ недѣль каждый день ходилъ онъ въ канцелярію, и каждый разъ на возвратномъ пути заходилъ въ la morgue; въ полиціи не было объявлено о пропавшемъ безъ вѣсти, а между выставленными трупами, онъ не находилъ трупа того, котораго хотѣлъ спасти.

Сосѣдъ нѣмецъ разсказалъ ему, что въ его сторонѣ плѣшиваго старика непремѣнно приняли бы за самаго чорта, который вздумалъ исполнить желаніе Шамунена, чтобы потомъ въ награду потребовать себѣ его душу.

Молодые люди долго смѣялись этимъ простодушнымъ вѣрованіямъ; но нѣсколько недѣль спустя, Шамуненъ узналъ изъ одной газеты, что одинъ изъ бывшихъ въ его рукахъ шести нумеровъ выигралъ Лангсдорфгаузенское княжество, съ замкомъ, и проч. и проч. оцѣненное въ два милліона!

Гг. Остербоннъ и Ко., во Франкфуртѣ, занимали прекрасный домъ подлѣ великолѣпнаго дворца князей Турна и Таксиса, не влалекѣ отъ церкви св. Павла.

Однимъ утромъ къ почтенному главѣ этого банкирскаго дома явился молодой человѣкъ, повидимому иностранецъ: это былъ Шамуненъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, герой нашъ представилъ знаменитому банкиру доставшійся ему такимъ страннымъ образомъ купонъ.

Г. Остербоннъ, осмотрѣвъ купонъ, воскликнулъ съ радостью: — И вы владѣтель этого купона?

— Такъ точно, отвѣчалъ Шамуненъ, опустивъ глаза и покраснѣвъ.

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ банкиръ; вы пріобрѣли огромное богатство; но скажите мнѣ, есть ли у васъ деньги?

— О, есть, сударь...

— Сколько, напримѣръ?

— Я думаю... гульденовъ десять...

Банкиръ улыбнулся. «Молодой человѣкъ, сказалъ онъ, вы богаты, и ничего не имѣете. Вотъ что я придумалъ: княжество, доставшееся въ ваше владѣніе, оцѣнено въ два милліона; оно было разыграно, потому что другимъ образомъ не было на него покупщиковъ, но для того, чтобы получить съ этихъ по-

лей, луговъ, виноградниковъ и лѣсовъ доходъ, какой должна дать эта сумма, нужно огромное состояніе.

— Слѣдовательно, сказалъ Шамуненъ, я князь Лангсдорфгаузенскій, владѣлецъ княжества, стоющаго два милліона, и долженъ умереть съ голоду, если не предпочту проѣсть и луга, и замокъ, и виноградники и крестьянъ!

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ банкиръ, улыбаясь; ваши помѣстья стоятъ два милліона; ваши земли не заложены; я дамъ вамъ на нихъ взаймы двѣсти тысячъ; съ этою суммою вы можете устроить имѣніе и получать съ него доходъ; вы возвратите ее мнѣ, когда вамъ будетъ угодно.

— Съ благодарностью принимаю ваше предложеніе, отвѣчалъ Шамуненъ; но я желалъ бы скорѣе ѣхать...

— Въ Лангсдорфгаузенъ... это весьма понятно. Вотъ вамъ крѣпостные акты на имѣніе; возьмите мою дорожную карету, и этотъ портфель; въ немъ тысяча гульденовъ; съ нынѣшняго дня открытъ вамъ у меня кредитъ.

Шамуненъ, простился съ банкиромъ, и уѣхалъ.

Славный былъ человѣкъ г. Остербоннъ, надо сознаться, и къ тому же имѣлъ восемь дочерей!

Шамуненъ увидѣлъ въ первый разъ зубчатыя стѣны своего Лангсдорфгаузенскаго замка въ прекрасный осенній вечеръ. Деревня была еще восхитительна; легкій туманъ стлался на землѣ, и придавалъ всѣмъ предметамъ какой то неопредѣленный, фантастическій видъ. Замокъ былъ дѣйствительно чудный остатокъ временъ крестовыхъ походовъ, съ башнями, зубцами, рвами, подъемными мостами, бойницами, и часовнею! Время нѣсколько попортило его; но это придавало ему еще болѣе величія, и Шамуненъ могъ любоваться надъ всѣми дверями гербомъ первыхъ его владѣтелей, на который въ особенности обратилъ его вниманіе старый дворецкій, блюститель этихъ давно опустѣвшихъ мѣстъ. Шамуненъ поспѣшно обѣжалъ всѣ покои старинаго замка. Больно было смотрѣть на эти безчисленные, огромные покои, безъ мебели, безъ обоевъ, заселенные по большой части хищными птицами. Впрочемъ, онъ не могъ жаловаться: онъ выигралъ замокъ и ему сдали массу камня, сложенную по всѣмъ условіямъ обѣщаннаго предмета; чего-жъ болѣе?

Старикъ дворецкій постлалъ ему на скорую руку постель и подалъ скудный ужинъ; въ такую пору и думать было нечего о болѣе прихотливой трапезѣ. Шамуненъ впрочемъ былъ очень доволенъ и поужиналъ съ большимъ удовольствіемъ; потомъ вышелъ на балконъ и облокотился на перила.

Погода была чудесная. Луна величественно вставала изъ за лѣсу; сверчки звенѣли въ травѣ, а изъ рва раздавался отъ времени до времени дикій, жалобный крикъ пробужденной птицы.

Шамуненъ долго любовался волшебнымъ зрѣлищемъ заснувшей природы; наконецъ возвратился къ камину, въ которомъ дворецкій развелъ жаркій огонь, чтобы очистить воздухъ и разогнать сырость.

Задумчиво сидѣлъ онъ передъ каминомъ, погруженный въ мечты, которыя обыкновенно наводитъ уединеніе, какъ вдругъ онъ замѣтилъ на стѣнѣ, противъ камина, исполинскій портретъ, вѣроятно одного изъ старыхъ владѣтелей замка. Неподвижные глаза портрета, казалось, были устремлены на него съ любопытствомъ; потомъ вдругъ ему показалось будто глаза зашевелились...

Шамуненъ всталъ съ трепетомъ, не спуская глазъ съ портрета, который также не сводилъ съ него глазъ, и отъ времени до времени мигалъ. Шамуненъ побѣжалъ къ двери; она была заперта снаружи, а глаза портрета все двигались. Въ противуположномъ концѣ комнаты была другая дверь; Шамуненъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ къ той двери; глаза были неподвижны. Онъ хотѣлъ отворить дверь, но она отворилась будто сама собою, и на порогѣ явился плѣшивый старикъ, съ которымъ онъ столкнулся на набережной Сены.

Шамуненъ хотѣлъ вскрикнуть, но голосъ замеръ въ груди его... привидѣніе схватило его за руку и повлекло къ камину, будто хотѣло отдать честь новому владѣльцу и повелителю замка.

Шамуненъ не сѣлъ, а упалъ въ кресла, блѣднѣе и страшнѣе того, кого онъ имѣлъ полное право принимать за привидѣніе: привидѣніе стало противъ него, и устремивъ на молодаго человѣка свои неподвижные глаза, сказало:

— Замокъ мой!

— Знаю, прошепталъ Шамуненъ, едва внятно; но развѣ мертвымъ нужны земныя богатства?

— Нѣтъ; но развѣ я не имѣю права, въ награду за богатство, которое я могу уступить тебѣ, потребовать отъ тебя услуги?

Шамуненъ задрожалъ какъ листъ и не отвѣчалъ; рука его судорожнымъ движеніемъ покусилась даже сдѣлать знаменіе креста.

— Не бойся, сказало привидѣніе, я не хочу твоей души. Выслушай меня, а потомъ ты будешъ воленъ принять или отвергнуть мое предложеніе. Я оставилъ на землѣ дочь; она бѣдна; я желалъ бы ее видѣть, если не счастливою, то по крайней мѣрѣ не нуждающеюся. Поѣзжай назадъ въ Парижъ, ты найдешь ее въ скромной горенкѣ, близъ Адской заставы. Зовутъ ее — Луиза Менаръ... Ты молодъ, хорошъ, богатъ; женись на ней и пріѣзжай сюда пользоваться богатствомъ, которое я уступаю тебѣ, если ты успѣешь; но никогда не говори ей, какимъ путемъ тебѣ досталось богатство, и никогда не упоминай обо мнѣ; иначе всѣ твои предположенія будутъ напрасны; всѣ твои надежды разрушатся. Если она отвергнетъ твое предложеніе, или ты, увидавъ ее, не захочешь на ней жениться, пріѣзжай назадъ, мы увидимся съ тобою еще разъ, и въ послѣдній. Что-же, ѣдешь?

— Ѣду, отвѣчалъ Шамуненъ.

— Хорошо; оставь у себя эти крѣпостные акты... проѣздомъ отдай ихъ на храненіе г-ну Остербонну, во Франкфуртѣ. Онъ дастъ тебѣ необходимыя деньги на поѣздку въ Парижъ. Теперь же, не ходи за мною, не старайся провѣдывать кто я, или кто былъ; когда успѣешь въ предпріятіи, пріѣзжай сюда съ моею любезною дочерью; никогда не говори ей обо мнѣ, и будь увѣренъ, что никогда мое посѣщеніе не потревожитъ тебя въ этомъ замкѣ.

И привидѣніе, улыбнувшись на прощаніе, удалилось медленнымъ шагомъ и скрылось изъ глазъ Шамунена, который уже не дрожалъ, а былъ погруженъ въ глубокія размышленія.

—

Съ тѣхъ поръ, какъ Шамуненъ жилъ близъ Адской заставы, (а тому уже были добрыя двѣ недѣли), онъ не видалъ еще Луизы Менаръ, несмотря на то, что онъ поселился въ одномъ

домѣ съ нею, и что изъ его оконъ видны были ея окна, въ противуположномъ концѣ двора; но на дворѣ была зима, и оконъ не отворяли. Шамуненъ не хотѣлъ поступать необдуманно; разсудивъ хорошенько свое положеніе, онъ далъ себѣ слово жениться на Луизѣ, даже если она и дурна собою, только бы она была честная дѣвушка. Но, какъ честный человѣкъ, онъ не хотѣлъ пріобрѣсти богатства цѣною безчестья.

Ни разу не встрѣтивъ Луизы, онъ заключилъ изъ того, что она не ходитъ со двора, или ходитъ очень рѣдко.

— Если она не ходитъ со двора, подумалъ онъ, это значитъ, что она работаетъ, а если она работаетъ, она честная дѣвушка.

Въ домѣ привратника не было. Хозяева дома, жившіе въ нижнемъ этажѣ, сами исправляли эту должность, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ; Шамуненъ не могъ вывѣдывать что нибудь отъ нихъ, потому что не былъ съ ними знакомъ. Но случай помогъ ему.

Однажды вечеромъ раздался ужасный стукъ за воротами, почталіонъ сталъ вызывать дѣвицу Луизу Менаръ. — Шамуненъ припалъ къ стеклу, и ждалъ, чтобы молодая дѣвушка прошла черезъ дворъ, за письмомъ.

Она явилась. Луиза была средняго росту, съ темнорусыми волосами, бѣла, стройна, мила, какъ ангелъ. Большіе черные глаза придавали ея лицу обворожительную живость и прихотливость; ножка ея вѣроятно не разъ возбуждала зависть графинь и маркизъ, на которыхъ шила ея прелестная ручка.

Между тѣмъ, какъ Шамуненъ осматривалъ ее, сердце запрыгало отъ радости въ его груди; и въ тоже почти время пришла ему страшная мысль: Полюбитъ ли она меня? подумалъ онъ, и посмотрѣлся въ зеркало. Онъ до того уже былъ влюбленъ въ милую свою сосѣдку, что не смѣлъ и помыслить, что двумя милліонами влюбишь хоть кого.

— Надо мнѣ поговорить съ нею, подумалъ Шамуненъ на слѣдующее утро, вставая съ постели.

Онъ одѣлся, сошелъ внизъ, перешелъ твердымъ шагомъ черезъ дворъ, и сталъ всходить на лѣстницу Луизы. Дошедши до втораго этажа (Луиза жила въ третьемъ), онъ остановился; сердце его такъ и колотилось; ноги подъ нимъ подгибались. Однако же онъ преодолѣлъ страхъ и дошелъ до двери милой

сосѣлки. Дверь была полуотворена. За дверью говорили; онъ сталъ прислушиваться; прелестный, нѣжный голосокъ говорилъ:

— Шарль, не дурачься, и ты также, Эдуаръ, сиди смирно; я не поцѣлую васъ, если вы не дадите спать Альфреду.

Эти слова будто кипяткомъ обдали бѣднаго Шамунена. Луиза, его возлюбленная, принимаетъ мосье Шарля, Эдуара и Альфреда; правда, что Альфредъ спитъ.

— Боже, полумалъ Шамуненъ, что, если, сидя смирно въ ожиданіи поцѣлуя, мосьё Эдуаръ также заснетъ,... а мосьё Шарль-то дурачится!

— У бѣднаго Шамунена не хватило духу слушать далѣе; онъ побѣжалъ домой, и въ слезахъ бросился на постель. Любовь и богатство разомъ ускользали у него изъ рукъ.

Вечеромъ, сидя у окна на улицу, онъ увидѣлъ, какъ Луиза ходила со двора съ какимъ то незнакомымъ человѣкомъ, шести футовъ ростомъ, и соразмѣрной ширины. Когда они удалились, Шамуненъ сошелъ на улицу и спросилъ у сосѣда лавочника, не знаетъ ли онъ, этого богатыря?

— Какъ не знать, сударь? это старикъ Тартампіонъ, тамбуръ-мажоръ двѣнадцатаго легіона.

Шамуненъ почти не смыкалъ глазъ во всю ночь. Едва онъ засыпалъ, его начинало душить. Ему безпрестанно снилось, будто старикъ Тартампіонъ, тамбуръ-мажоръ двѣнадцатаго легіона, ему топчетъ грудь. На слѣдующій день онъ написалъ къ Луизѣ.

«Милостивая государыня,

У меня два милліона состоянія, и я васъ люблю. Когда можно мнѣ съ вами переговорить?

Сосѣдъ вашъ, Шамуненъ.»

— По крайней мѣрѣ, полумалъ онъ, если она не достойна быть моею женою, въ чемъ я не могу сомнѣваться, я разскажу ей, чего она лишила меня и чего сама лишилась. Вѣроятно я получу отъ нея отвѣтъ вечеромъ, по почтѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ такимъ образомъ размышлялъ, кто то постучался въ дверь.

— Войдите, сказалъ онъ.

Передъ нимъ была Луиза.

— Вы-ли точно писали ко мнѣ эту записку? спросила она.

— Я самъ.

— Такъ извините меня, сударь, и не осудите моего посѣщенія, не выслушавъ сначала того, что меня привело къ вамъ; я пришла не ради вашей любви, а ради вашихъ двухъ милліоновъ.

— По крайней мѣрѣ, откровенна, подумалъ Шамуненъ.

— Вы богаты, сударь, продолжала дѣвушка, а лучшее преимущество богатства—возможность дѣлать добро. Рядомъ со мною живетъ добрый старикъ, котораго дочь, вдова, умерла мѣсяцъ тому назадъ, оставивъ на его рукахъ троихъ малолѣтныхъ дѣтей. Они въ крайней нищетѣ, помогите имъ, и бѣдная сирота, умоляющая для нихъ ваше состраданіе, будетъ благодарить васъ, и научитъ малютокъ включать ваше имя въ свои ежедневныя молитвы.

Шамуненъ еще слушалъ, хотя Луиза уже молчала; слезы блистали у нея на глазахъ. Шамуненъ подошелъ къ своей конторкѣ, возвратился съ мѣшкомъ денегъ и отдалъ его дѣвушкѣ; потомъ, поднявъ оброненное ею письмо свое, изорвалъ его, преклонивъ передъ нею колѣно. Луиза съ улыбкою протянула къ нему руку.

— Пойдемте, любезный сосѣдъ, сказала она, взгляните на мою бѣдную семью; вы такъ добры, что не откажитеть поцѣловать моихъ Эдуара, Шарля и Альфреда.

— Едва они пришли въ бѣдную квартирку тамбуръ-мажора, какъ вошелъ старикъ Тартамніонъ; увидѣвъ постороннаго, онъ поспѣшно отеръ слезу.

— Что же? спросила Луиза, увидѣвъ его.

— Что же, чортъ возьми! кончено! солдатъ старъ, не годенъ, въ отставку его, въ чистую! А кто же накормитъ этихъ ребятишекъ?

— То-то нищета! прошептала Луиза, смотря на отчаяніе старика.

— Любезная сосѣдка, сказалъ Шамуненъ; у меня два милліона и я васъ люблю; хотите быть моею женою?

—

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, богатая дорожная карета въѣзжала во владѣнія Лангсдорфгаузенскаго княжества. Въ каретѣ сидѣла прелестная молодая чета; то была Луиза и Ша-

муненъ. Молодой человѣкъ едва вѣрилъ глазамъ: эти пашни, лѣса, виноградники, оставленныя имъ въ запустѣніи и безпорядкѣ, ожили и разцвѣли подъ попеченіемъ неизвѣстной руки; веселая толпа работниковъ покрывала луга и горы. Завидѣвъ вдали карету, поселяне огласили воздухъ радостными кликами, и Шамуненъ съ торжествомъ въѣхалъ въ свой древній замокъ, въ сопровожденіи своихъ тысячи трехъ сотъ крестьянъ.

Въ замкѣ также все измѣнилось: вездѣ было прибрано, всѣ покои были пышно меблированы; въ особенности же комната, въ которой Шамуненъ ночевалъ въ первый свой пріѣздъ въ замокъ; она назначалась въ почивальню молодыхъ. Пока Луиза, опершись на руку мужа, не могла налюбоваться на свой замокъ, Шамуненъ взглянулъ на портретъ; онъ былъ на прежнимъ мѣстѣ, и съ живыхъ глазъ его скатилась на полъ слеза.

Наступила ночь. Шамуненъ оставилъ жену на попеченіе двухъ горничныхъ и обѣжалъ весь замокъ; онъ долго искалъ, пока наконецъ замѣтилъ свѣтъ въ щели одной двери; онъ вошелъ въ комнату, откуда виднѣлся свѣтъ. Плѣшивый старикъ сидѣлъ къ нему спиною, и писалъ; онъ казался спокойнымъ, хотя отъ времени до времени отиралъ съ глазъ слезы; подлѣ него лежалъ пистолетъ. Шамуненъ схватилъ пистолетъ прежде, чѣмъ незнакомецъ успѣлъ остановить его, и, взявъ его руку, сказалъ:

— Теперь вы будете жить, не правда–ли?

Незнакомецъ ничего не отвѣчалъ, и со слезами бросился въ его объятія. — Вы все знаете, сказалъ онъ ему.

— Знаю, отвѣчалъ Шамуневъ.

— Вы знаете, продолжалъ старикъ съ горестью, что, увлеченный ревностью, я зарѣзалъ мать своей дочери!...

— Тис.... произнесъ Шамуненъ.

— Она была невинна, клянусь вамъ; я не хочу, чтобы вы имѣли другую причину краснѣть, кромѣ преступленія отца!... А дочь моя Луиза, еще проклинаетъ меня?

— Дочь считаетъ васъ мертвымъ. Еще вчера говорила она мнѣ: Богъ можетъ быть уже простилъ его; какъ же и мнѣ не простить его?

— Вы видите, что мнѣ надо умереть, чтобы заслужить прощеніе дочери. О, зачѣмъ спасли меня въ первый разъ!

— А иначе дочь ваша не была бы богата и счастлива! Это

совершилось по волѣ Божіей; живите; Богъ вамъ можетъ быть еще готовитъ другое дѣло.

И съ глазъ портрета опять кануло на полъ нѣсколько крупныхъ слезъ.

. . . . . .

Пьеръ Менаръ былъ однимъ изъ первыхъ траппистовъ, поселившихся въ Алжиріи.

—

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ «СВАДЬБЫ ФИГАРО».

Кто не знаетъ Бомарше, этого остроумнаго литературнаго и промышленнаго авантюриста, этого типа французскаго *ума* и *чести*, великаго предшественника революціи, долженствовавшей уничтожить различія сословій, выходца изъ мѣщанъ, сдѣлавшагося любимцемъ знати? И жилъ онъ въ такое время, когда каждая комедія, съ умомъ и смѣлою сатирою на всѣ ощутительныя противорѣчія и несообразности разрушавшагося общества, неминуемо возбуждала неистовый восторгъ въ парижанахъ, и даже въ самихъ министрахъ и дворѣ, которые не угадывали, какая ужасная для нихъ дѣйствительность должна была возникнуть изъ этихъ театральныхъ эфектовъ.

Въ концѣ 1782 года, заговорили въ Парижскихъ обществахъ о новой комедіи Бомарше, подъ названіемъ «*День проказъ, или свадьба Фигаро* (La folle journée, ou le mariage de Figaro) Когда онъ самъ читалъ ее въ знакомыхъ домахъ, всѣ, какъ величайшаго счастья добивались случая его послушать; на чтеніяхъ бывала всегда такая толпа и тѣснота, что очень немногимъ удавалось все разслушать. Узнали однакоже, что главное содержаніе ея составляли побѣда таланта надъ знатностью происхожденія, ниспаденіе и нравственное превосходство низшихъ сословій, ѣлкая картина современнаго общества и недостатковъ правленія, и что искусство автора уступало развѣ только мѣткости его остроумія и неслыханной смѣлости намековъ на Бастилію, полицію, законъ о книгопечатаніи и другія злоупотребленія. Всѣ съ нетерпѣніемъ желали видѣть новую комедію на сценѣ, и самыя знатныя и сильныя лица вызывались выхлопотать позволеніе играть ее на Французскомъ театрѣ.

Людовикъ XVI приказалъ прочитать себѣ рукопись въ присутствіи королевы. Г–жа Компань, занимавшая должность чтицы при Маріи-Антуанеттѣ, разсказываетъ, что король не нашелъ въ пьесѣ ничего, заслуживавшаго такія громкія похвалы, и что, выслушавъ знаменитый монологъ 5-го дѣйствія, въ которомъ рѣзко осуждаются различныя отрасли управленія, онъ изъявилъ сильное негодованіе на автора, поднимавшаго на смѣхъ все, что должно считаться священнымъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. Онъ на отрѣзъ отказалъ въ позволеніи играть пьесу.

Это запрещеніе нисколько не смутило Бомарше; напротивъ онъ отвѣчалъ, что желаетъ еще большаго числа затрудненій и враговъ, а что тамъ онъ уже со всѣми справится. Онъ отдалъ комедію для разученія лучшимъ артистамъ Французскаго театра; представленіе объявлено; весь Парижъ, и знатный и незнатный толпился въ театръ; но съ прискорбіемъ узналъ, что представленіе отмѣнено, и пьеса не позволена.

Бомарше того только и хотѣлъ; довести нетерпѣніе парижанъ до досады и ропота. Онъ зналъ, что сопротивленіе Людовика XVI падетъ безъ всякихъ съ его стороны заботъ. И дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, король разрѣшилъ играть «Свадьбу Фигаро».

За десять часовъ до открытія кассы, весь городъ уже былъ у подъѣзда театра. Бомарше въ продолженіе одного часа получилъ пятьдесятъ записокъ съ просьбою о билетахъ; въ день представленія герцогиня Бурбонская съ десяти часовъ утра послала слугъ въ кассу, ждать раздачи билетовъ, которая должна была начаться съ четырехъ часовъ; въ два часа графиня Оссуна, отложивъ въ сторону свою обычную надменность, вѣжливо пробиралась сквозь толпу, межлу тѣмъ, какъ г–жа Талейранъ, забывъ скупость, платила за ложу втрое противъ назначенной цѣны. Кавалеры св. Людовика толкались въ толпѣ съ оборванными савоярами, часовые согнаны съ своихъ мѣстъ, двери и желѣзныя рѣшетки выломаны, люди задыхались въ тѣснотѣ, и счастливы были, когда успѣвали только подвинуться на одинъ шагъ впередъ. Многіе бросали деньги на конторку, и были уносимы толпою, не получивъ билета. До трехъ сотъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, изъ лучшихъ обществъ, ждали въ театрѣ съ самаго утра, чтобы не опоздать къ открытію кассы,

и даже обѣдали въ театрѣ. «Нашъ храмъ, говоритъ очевидецъ, актеръ Флёри, обратился въ трактиръ. Можно было оглохнуть отъ шума тарелокъ и приборовъ, и хлопанія пробокъ.»

Въ театрѣ собралось все знатнѣйшее общество, принцы королевской фамиліи, въ томъ числѣ графъ Прованскій, всѣ придворные, знаменитѣйшіе художники, литераторы, первые богачи; ложи сіяли дамскими нарядами. Все дрожало отъ нетерпѣнія; и всему виною были Бомарше и его комедія. И всѣ эти зрители и зрительницы не хотѣли понять, что они его жертва, что онъ безъ жалости втопчетъ въ грязь ослѣпительный блескъ, окружающій ихъ сословіе, низвергнетъ ихъ своимъ язвительнымъ смѣхомъ, изорветъ въ куски ихъ великолѣпные наряды!

По сужденію знающихъ судей, первое представленіе *Свадьбы Фигаро* превзошло, согласіемъ и одушевленіемъ исполненія, все, что было видано до того на Французскомъ театрѣ. Въ самое короткое время дано двадцать представленій, которыя доставили театру 100,000 франковъ; также успѣшны были и всѣ послѣдующія представленія; каждый парижанинъ, и каждый провинціалъ или иностранецъ, находясь въ Парижѣ, счелъ бы за грѣхъ не видать *Свадьбы Фигаро*. Всего имѣла эта комедія 75 представленій, число такое неслыханное въ то время, что Бомарше говорилъ: Je sais quelque chose de plus fou que ma pièce, c'est son succés; (я знаю нѣчто еще нелѣпѣе моей пьесы, это—ея успѣхъ!) За Парижемъ спѣшили ставить ее и другіе театры Франціи и заграничные, въ подлинникѣ и въ переводахъ. Даже дамскіе уборы не могли освободиться отъ вліянія модной пьесы; явились головные уборы и чепцы à la Figaro и à la Susanne: Такъ открывалась революція.

—

Г-ЖА ФРОМОНЪ,

ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ СТРАСБУРГѢ ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРИЗМА.

(*Разсказъ Шарля Нодье.*)

Революція была въ полномъ разгарѣ; союзныя войска, угрожавшія восточной границѣ Франціи, соскучивъ стоять за Рейномъ, хотѣли было взять приступомъ Кельскій мостъ, и

открыть себѣ силою путь на французскую землю; но національная гвардія отбила ихъ въ безпорядкѣ, оставивъ впрочемъ на мѣстѣ не малое число своихъ; сраженіе еще не совсѣмъ прекратилось, еще раздавались съ обѣихъ сторонъ пушки, а Стразбургскій театръ былъ уже полонъ народомъ.

Въ этотъ день было назначено первое представленіе на Стразбургскомъ театрѣ вольной, даже черезъ чуръ нескромной идилліи, тогдашняго моднаго писателя Демутье, донынѣ еще памятнаго своими классически-нелѣпыми *Письмами о миѳологіи*. Пьеса называлась: *Деревянная нога*.

Поднялся занавѣсъ, вышелъ Флери и благороднымъ, растроганнымъ голосомъ объявилъ, что г-жа Фромонъ, долженствовавшая исполнять въ новой пьесѣ главную женскую роль, лишилась отца и мужа, убитыхъ за нѣсколько часовъ при защитѣ Кельскаго моста; что дирекція проситъ почтеннѣйшую публику довольствоваться, вмѣсто идилліи г. Демутье, опереткою Rose et Colas, за которую, я съ своей стороны, отдалъ бы не только идиллію, но и всѣ драматическія произведенія г. Демутье, и въ придачу всѣ пять томовъ его пошлыхъ мадригаловъ Эмиліи. Г-жа Фромонъ была премиленькая актриса, съ обворожительнымъ смуглымъ личикомъ, блестящими черными глазами, съ вѣрнымъ, чистымъ голоскомъ, игравшая съ умомъ и съ чрезвычайнымъ выраженіемъ.

Публика изъявила единодушное, или почти единодушное согласіе, и Флери уже хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ одинъ человѣкъ, сидѣвшій въ балконѣ, объявилъ, что онъ желаетъ держать рѣчь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неистовыхъ якобинцевъ, которыхъ Сенъ-Жюстъ передъ тѣмъ исключилъ изъ народныхъ собраній, и которые, не смотря на свое пораженіе, еще боролись съ властью диктатора. «Тетрель, Тетрель! другъ народа, гроза аристократовъ, Димосѳенъ пропаганды! Тетрель!» кричали сотни голосовъ, и толпа замолкла. Тетрель былъ дѣйствительно ловкій, рѣчистый человѣкъ, скрывавшій свои мнѣнія, а, можетъ быть, и имя подъ личиною дикаго, неистоваго патріотизма. Онъ одинъ изъ всей своей братьи позволялъ себѣ щегольство въ одеждѣ; не боялся открыто носить сафьянъ, шелковыя матеріи и золото; его сабля и пистолеты, съ которыми онъ никогда не разлучался, были очень цѣнны, и весь Стразбургъ говорилъ о его собакахъ и лошадяхъ.

Словомъ, этотъ Тетрель изобрѣлъ роскошь санкюлотизма. Лицо же его, блѣдное и кровожадное, ничѣмъ не отличалось, кромѣ громаднаго носа, закрывавшаго почти все лицо; носа внушившаго Сенъ-Жюсту въ одинъ день кроваваго веселья, (ибо Сенъ-Жюстъ въ этотъ день изволилъ быть веселъ, шутить и смѣяться) выходку: «избавьте меня отъ носа Тетреля; носъ Тетреля колетъ мнѣ глазъ.»

Тетрель стоялъ. Сабля его висѣла за стѣнкою балкона, и колотила по ней стальными ножнами. Онъ ударилъ кулакомъ по лавкѣ галереи, и вскричалъ грознымъ голосомъ: «Намъ ли, республиканцамъ, осмѣливаются они представлять такія подлыя отговорки? Васъ ли, граждане, они принимаютъ за зарейнскихъ подлыхъ псовъ, которые ревутъ во всю глотку свои libera, когда мы ихъ порядкомъ отхлещемъ? Два мужа пали сегодня за отечество: слава имъ вѣчная! Жены Лакедемонскія одѣвались въ самые богатые свои наряды, когда отцы ихъ, мужья и дѣти погибали на полѣ битвы. У нашей хорошенькое личико; она найдетъ довольно любовниковъ; не всѣ же Стразбургскіе молодцы убиты на Кельскомъ мосту. Что-же до ея старика отца, есть ли хоть одинъ престарѣлый патріотъ, который бы не поставилъ за честь заступить его мѣсто? Не надѣйтесь же разжалобить насъ мнимымъ несчастьемъ отличенной рокомъ войны гражданки, пріобрѣтшей однимъ пушечнымъ выстрѣломъ вѣнецъ въ приданое и великій народъ себѣ въ семью. Иди же, прикажи ей явиться, прикажи ей пѣть. И смотри, прикажи ей уволить насъ отъ своихъ слезъ. Нынче день побѣды, а слезы признакъ аристократическаго духа.»

Спустя нѣсколько минутъ, пьеса началась; вышелъ одинъ актеръ и проворковалъ сладкимъ голоскомъ нелѣпые стихи:

Jeunes amans, cueillez des fleurs
Pour le sein de votre bergère,
L'amour, par de tendres faveurs,
Vous en promet le doux salaire.

Дѣйствіе этого страннаго контраста было таково, что я не берусь передать его въ разсказѣ. Представьте себѣ нѣжныхъ аркадскихъ пастушковъ, наигрывающихъ на своихъ

свирѣляхъ изнѣженныя пѣсенки для пляски дикарей послѣ кроваваго пира; и эта картина едва даетъ понятіе о Страсбургскомъ представленіи.

Неистовыя рукоплесканія сыпались на сладкія, пошлыя любезничанія г-жи Фромонъ; но какъ мнѣ больно было смотрѣть на нихъ! Сколько было отчаянія въ улыбкѣ на ея устахъ, въ слезахъ, орошавшихъ ея глаза! Какъ раздирали душу ея живые, шутливые напѣвы, замиравшіе въ стонѣ!

Была въ особенности одна сцена, въ которой молодая дѣвушка отправляется въ путь, въ сопровожденіи своего жениха, отъискивать отца, заблудившагося въ горахъ. Она увѣрена, что отъищетъ его, зоветъ его, заранѣе улыбается ему. Эта сцена нѣжна и весела. Несчастная актриса, вышедши за кулисы, упала полумертвая, и громкій крикъ возвѣстилъ о томъ зрителямъ. Страшны были преступленія революціи; но я не помню ничего, болѣе возмутительнаго, какъ ея праздники и забавы.

—

КАРЕТА ПАГАНИНИ.

Многіе писатели, въ статьяхъ своихъ о Паганини, утверждали, будто этотъ великій артистъ получилъ блестящее воспитаніе, будто онъ чрезвычайно свободно говорилъ и писалъ на всѣхъ живыхъ языкахъ. Это мнѣніе неосновательно. Паганини не говорилъ и не писалъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ итальянскаго. Въ подслѣдніе годы своего пребыванія въ Парижѣ, онъ выучился только кое какъ объясняться по французски, ставя подрядъ заученные французскія слова. Онъ никогда не могъ приняться за серьозное изученіе языка, и память его, столь удивительная, когда дѣло шло о самыхъ сложныхъ музыкальныхъ фразахъ, неспособна была къ удержанію самыхъ простыхъ словъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ особенности въ Германіи, гдѣ Паганини жилъ совершеннымъ скрягою, говорили, будто онъ притворялся незнающимъ нѣмецкаго языка за тѣмъ, чтобы избавиться докучли-

выхъ слугъ, выпрашивавшихъ у него денегъ предъ концертами и послѣ ихъ.

Онъ предпочиталъ общество людей, говорившихъ по итальянски. Когда случилось ему встрѣчать людей, посѣщавшихъ его не изъ корыстныхъ видовъ, онъ иногда предавался ребяческой веселости; тогда слова у него лились потокомъ. Въ эти счастливыя минуты онъ охотно разсказывалъ, смѣясь отъ души, разные смѣшные и оригинальные случаи. Изъ этихъ разсказовъ, получавшихъ особенную прелесть въ устахъ Паганини, одинъ журналъ приводитъ слѣдующій, въ собственныхъ его словахъ.

Однажды, говорилъ онъ, шелъ я вечеромъ по Вѣнскимъ улицамъ; во время грозы; въ небѣ раздавались перекаты грома, и дождь хлесталъ въ окна. Выходя изъ своей гостинницы, я думалъ пошататься, и шелъ шагомъ, безъ всякой цѣли, съ любопытствомъ разсматривая бѣлокурыя, квадратныя головы добрыхъ австрійцевъ, какъ вдругъ гроза застигла меня въ довольно далекомъ предмѣстьи. Я былъ одинъ, что со мною случалось довольно рѣдко. До дому было мнѣ добрыхъ полмили; пѣшкомъ идти не возможно, надо было взять извощика. Я уже звалъ троихъ, но извощики, не понимая моего языка, ѣхали своей дорогой, и не отворяли мнѣ дверецъ. Наконецъ проѣхалъ четвертый извощикъ; дождь лилъ ливмя. Я рѣшился опять остановить его; на этотъ разъ онъ меня понялъ, онъ былъ итальянецъ, настоящій итальянецъ. Садясь въ карету, я хотѣлъ условиться въ цѣнѣ; но на первый вопросъ: сколько онъ возьметъ, чтобы довести меня до гостинницы? онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Пять гульденовъ, сударь, именно что стоитъ билетъ въ концертъ Паганини.

— Ахъ ты, мошенникъ, сказалъ я, какъ смѣешь ты просить пять гульденовъ за такую пустую поѣздку? Паганини вѣдь играетъ на одной струнѣ, ну а ты, братъ, поѣдешь ты въ каретѣ объ одномъ колесѣ?

— Э, сударь, не такая же премудрость, какъ говорятъ, играть на одной струнѣ; я тоже музыкантъ, и сего-дня беру двойную цѣну, чтобы сходить послушать того господина, что прозывается Паганини.

Я болѣе не торговался. Извощикъ везъ меня добросовѣ-

стно; болѣе получасу шелъ я пѣшкомъ отъ своей состинницы до предмѣстья, а онъ привезъ меня домой менѣе чѣмъ въ десять минутъ. Я вынулъ изъ кошелька пять гульденовъ, и билетъ изъ бумажника.

— Вотъ тебѣ, сказалъ я извощику, твои деньги, и сверхъ того билетъ въ концертъ г. Паганини, который онъ даетъ завтра въ Филармонической залѣ.

На слѣдующій день, дѣйствительно, въ восемь часовъ вечера, народъ толпился у входа въ залу, въ которой я давалъ концертъ. Едва я вошелъ, ко мнѣ прибѣжалъ коммиссаръ и сказалъ. «У входа стоитъ какой то человѣкъ въ курткѣ, довольно неопрятно одѣтый, и хочетъ непремѣнно войти». Я пошелъ за коммиссаромъ: этотъ человѣкъ былъ никто иной, какъ вчерашній мой извощикъ; пользуясь даннымъ мною ему правомъ и билетомъ, онъ требовалъ, чтобы его впустили, и кричалъ, что никто не имѣетъ права удерживать его. Я велѣлъ его впустить, несмотря на его сѣрую куртку и нечищенные сапоги, надѣясь, что онъ будетъ не замѣтенъ въ толпѣ. Какъ бы не такъ! выходя на эстраду, вижу я прямо передъ собою моего извощика, производившаго необыкновенный эффектъ противуположностью своей сѣрой одежды и мужицкаго лица съ хорошенькими личиками и пышными нарядами дамъ, занимавшихъ первые ряды.

Каждой моей пьесѣ сильно аплодировали; я имѣлъ огромный успѣхъ; но извощикъ имѣлъ чуть ли не большій успѣхъ, нежели я. Онъ хлопалъ въ ладоши и кричалъ среди пьесъ, когда всѣ молчали. Жесты его, аплодисманы, восторгъ, похожій почти на бѣшенство, привлекали на него общее вниманіе столько же, какъ и его смѣшной нарядъ.

Концертъ кончился, благодаря Бога, безъ всякаго непріятнаго приключенія.

На слѣдующій день, я только что всталъ съ постели, какъ пришли мнѣ доложить, что какой то человѣкъ желаетъ говорить со мною; онъ не сказывалъ своего имени; а какъ я, по мнѣнію его, слишкомъ долго не давалъ отвѣта, онъ вошелъ, не дожидаясь его. Это былъ опять мой извощикъ, надѣлавшій наканунѣ столько смѣху въ моемъ концертѣ. Я хотѣлъ было сначала вытолкать его въ шею, однакоже смиренный видъ его смягчилъ мой гнѣвъ, и я рѣшился его выслушать.

— Diavolo,что тебѣ надо?

— Eccelenza, отвѣчалъ онъ, я пришелъ просить васъ объ одной милости; я отецъ семейства, у меня четверо дѣтей, я бѣденъ: и притомъ вашъ землякъ. Вы богаты, славны; пожелайте только, и вы можете осчастливить и обогатить меня.

— Что же тебѣ надо?

— Позвольте мнѣ только написать крупными буквами на своей каретѣ два слова: *карета Паганини.*

—

ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКА ВЪ КИТАѢ.

Китайцы, не только въ музыкѣ, исполняемой публично, въ торжественныхъ случаяхъ, но даже въ частныхъ домахъ, когда кто даетъ пиръ своимъ друзьямъ, никогда не употребляютъ женскихъ голосовъ; это, впрочемъ, вполнѣ согласно съ восточными обычаями, и проистекающими изъ нихъ постановленіями: пѣвицы-невольницы, по большей части наложницы, поютъ только для своего господина и его семейства; только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда кто хочетъ подарить другому искусную пѣвицу невольницу, ее показываютъ и заставляютъ пѣть. Само собою разумѣется, что такія невольницы, умѣющія пѣть, цѣнятся гораздо дороже другихъ.

Что касается до знатныхъ китайскихъ женщинъ, хотя онѣ вообще не получаютъ никакого образованія, даже рѣдко умѣютъ читать, однакожъ между ними есть и такія, которыя любятъ музыку и занимаются ею; но почти также вѣроятно и то, что въ своихъ взаимныхъ посѣщеніяхъ, онѣ рѣдко думаютъ о музыкѣ; такимъ образомъ, ихъ дарованія и искусство остаются въ совершенной неизвѣстности. Слѣдовательно, можно сказать вообще, что китаянки только тогда занимаются музыкою, когда назначаются, или сами себя прочутъ въ продажу.

Женщины участвуютъ иногда въ инструментальной музыкѣ; но по странности, которая не мало удивитъ европейцевъ, ихъ назначеніе въ ней — играть на духовыхъ инструментахъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ прекраснаго собранія рисун-

ковъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ Ванъ Брамъ-Гукгестомъ. Впрочемъ такое употребленіе женщинъ въ оркестры, по нашимъ понятіямъ, не свойственное ихъ полу, существовало и въ древности, оно естественное слѣдствіе ихъ рабства. Сирійскія флейтщицы (ambubagiae) были извѣстны даже въ Римѣ; въ Греціи же, во всѣ времена, бывали флейтщицы, которыя своею красотою и дарованіями украшали дружескіе пиры грековъ. Кажется, довольно странно, что въ странствующихъ оркестрахъ, посѣщающихъ города небеснаго царства, женщины играютъ на духовыхъ инструментахъ, и что ихъ не заставляютъ пѣть; но таковъ ужъ обычай. Впрочемъ участіе женщинъ въ хорахъ музыкантовъ не слишкомъ обыкновенное дѣло, всѣ европейскіе миссіонеры и путешественники говорятъ о странствующихъ пѣвцахъ и музыкантахъ, и только изрѣдка упоминаютъ о женщинахъ; когда же онѣ бываютъ, онѣ никогда не поютъ. Вообще, можно сказать, что исполненіе вокальной музыки всегда исключительно возлагается на мужчинъ, и имъ же, по большей части, поручается инструментальная музыка. Немногіе путешественники, слышавшіе пѣніе китаянокъ, говорятъ, что онѣ издаютъ, черезъ носъ и черезъ горло, какіе то дикіе звуки, которыхъ нѣтъ возможности передать; одинъ путешественникъ между прочимъ, разсказываетъ, что при немъ пѣла молодая китаянка, прелестная собою—пока молчала, когда-же она запѣла, вся красота ея исчезла, и она стала почти уродомъ.

Всякій поймете, какъ важно отсутствіе женскихъ голосовъ когда кто хочетъ судить о музыкѣ народа; исключеніе ихъ чрезвычайно ограничиваетъ пространство вокальной скалы. Китайцы это поняли, и потому старались замѣнить женскіе голоса кастратами. Можно однако-жъ усомниться, чтобы въ Китаѣ когда либо водилось кастрированіе, единственно съ цѣлью сохранить дѣтскій голосъ, развить и образовать его въ возможномъ совершенствѣ.

Какъ бы то ни было, евнухи съ незапамятныхъ временъ были весьма многочисленны въ Китаѣ, и долго занимали важнѣйшія должности; дворцовая служба принадлежала имъ исключительно, и они пріобрѣтали огромную силу и богатства; этимъ объясняется, почему многіе родители подвергали дѣтей своихъ этому варварскому увѣчью. По покореніи Китая

татарами и воцареніи татарской династіи произошли въ этомъ отношеніи нѣкоторыя перемѣны; но если кастраты и утратили часть своего значенія, они сохранили еще огромное могущество. Впрочемъ, голосъ и способность къ пѣнію имѣютъ мало вліянія на ихъ возвышеніе и царскія милости къ нимъ; счастіе ихъ, по большей части, зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Вотъ какимъ образомъ производится пріемъ ихъ во дворецъ Богдыхана: ко двору присылаютъ множество молодыхъ кастратовъ; изъ нихъ выбираютъ извѣстное число, отличающихся пріятною наружностью, чистотою выговора, природными способностями, и потомъ распредѣляютъ ихъ на удачу по разнымъ должностямъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ; такимъ образомъ, однихъ дѣлаютъ жрецами, музыкантами, актерами; другихъ садовниками, поварами, и проч. Изъ евнуховъ музыкантовъ,—одни пѣвцы, другіе инструментисты.

Во дворцѣ употребляется до шести тысячъ кастратовъ, изъ которыхъ довольно значительное число въ музыкантахъ. Въ прошломъ вѣкѣ задумали было ихъ замѣнить женщинами, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые поютъ у императрицы, когда она исправляетъ религіозные обряды въ честь неба и своихъ предковъ, на подобіе обрядовъ, которые въ то же время исправляетъ ея супругъ. Эту мысль начали даже приводить въ исполненіе, но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, принуждены были оставить.

Кастраты употребляются не только при дворѣ, но они бываютъ также въ большомъ числѣ въ услуженіи у вельможъ и богачей; и часто дѣлаются ихъ повѣренными и совѣтниками. Они, по большей части, воображаютъ, что безполіе ставитъ ихъ выше обыкновенныхъ людей, которые съ своей стороны подкрѣпляютъ ихъ въ этомъ выгодномъмнѣніи о самихъ себѣ; ихъ очень уважаютъ; тѣже изъ нихъ, которые имѣютъ доступъ къ императору, боятся первые сановники царства и даже сами сыновья императора.

Тѣ кастраты, которые не принадлежатъ ко двору, и не находятся въ услуженіи богатыхъ вельможъ, обыкновенно вступаютъ въ разныя общества музыкантовъ, или присоединяются къ нимъ, чтобы играть на праздникахъ, на обѣдахъ, и т. п.; Многіе изъ нихъ не поютъ, а только играютъ на инструмен-

тахъ; вѣроятно тѣ, у которыхъ голосъ нехорошъ, или вовсе его нѣтъ; такъ бывало встарину въ Испаніи и въ Италіи.

Мы не имѣемъ донынѣ достаточныхъ свѣдѣній, чтобы составить себѣ понятіе о вокальной системѣ китайцевъ, и не знаемъ даже, какъ они дѣлятъ голоса, и какъ они на нихъ смотрятъ, въ совокупности ли, или въ отдѣльности. Изъ одного мѣста *Книги Реченій* можно заключить, что въ древности они различали пять родовъ голосовъ; но это сказано такъ кратко и глухо, что на этомъ свидѣтельствѣ нельзя основываться. Какъ бы то ни было, система ихъ заслуживаетъ особенной похвалы тѣмъ, что они признаютъ за дѣйствительные вокальные звуки только тѣ, которые естественнымъ образомъ выходятъ изъ груди, безъ труда и безъ усилій. Рѣзкіе ноты фальсета они отвергаютъ, какъ искуственные звуки; равно и низкія ноты, выходящія изъ обыкновеннаго объема голоса, звуки эти, говорятъ они, похожи болѣе на хрипъ, нежели на пѣніе. Большая часть китайскихъ пѣсенъ, сообщаемыхъ путешественниками, назначены для очень высокаго тенора или сопрано. Немудрено, что китайцы признаютъ въ каждомъ полѣ только по одному роду голоса, отвергая различіе баса и тенора, альта и дисканта. Это должно очень ограничивать ихъ систему.

Каждый, кто внимательно изучалъ органъ голоса и физическую организацію Китайцевъ, согласится, что самымъ обыкновеннымъ голосомъ въ Китаѣ долженъ быть чистый теноръ, доходящій безъ усилія до *g*, *a*, и даже выше. Впрочемъ, китайцы съ малолѣтства приучаютъ голосъ свой къ высокимъ нотамъ, тѣмъ, что говорятъ всегда самымъ тоненькимъ голоскомъ, похожимъ на фальсетъ.

Въ хорахъ, китайцамъ нѣтъ другихъ заботъ, какъ только вѣрно брать туже ноту, или октаву мелодіи, по большей части, протяжной, слѣдовательно нѣтъ большой заслуги у нихъ пѣть согласно. Не должно однакоже думать, чтобы китайцы не цѣнили хорошаго вокальнаго исполненія, оно, по ихъ понятіямъ, состоитъ въ совершенномъ согласованіи музыкальнаго выраженія съ поэтическимъ смысломъ словъ. Многія древнія книги ихъ очень положительно выражаются на счетъ этого предмета. Вотъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ этомъ родѣ; оно извлечено изъ *Ли-ки*, весьма древней книги, четвертой

изъ ихъ большихъ каноническихъ книгъ, извлеченной по преданію, изъ другой, гораздо древнѣйшей еще книги. «Звукъ нашего голоса,—говоритъ эта книга, измѣняется, согласно съ волнующею насъ страстью; голосъ человѣка скорбящаго протяженъ и тихъ, у человѣка ощущающаго радость, восторгъ, онъ полонъ, громокъ и неровенъ; у человѣка гнѣвнаго—суровъ, рѣзокъ, язвителенъ и страшенъ; голосъ кроткихъ душъ, полныхъ любви къ Богу и благочестія, торжественъ, скроменъ и часто прерывается короткими промежутками; голосъ любовника—нѣженъ, трогателенъ, полонъ чувства.»

Изъ этого видно, что Китайцы очень рано составили себѣ весьма здравыя понятія о вокальномъ выраженіи.

—

ПОКЛАЖА ТРАГИКА.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день 1812 года, толстый и преважный господинъ, если судить по наружности, ходилъ съ озабоченнымъ видомъ передъ однимъ Неапольскимъ трактиромъ; онъ прилагалъ отъ времени до времени руку ко лбу съ отчаяніемъ, будто хотѣлъ выдавить изъ него спасительную мысль.

— Увы, увы, восклицалъ онъ; оставаться на полдорогѣ, не исполнить обѣщанія, это ужасно! ужасно!—Что съ вами, отецъ Беневоло? спросила трактирщица; о чемъ это вы такъ сокрушаетесь?—О чемъ? и вы спрашиваете: о чемъ?... Да неужели вы не знаете? вѣдь мнѣ завтра надо быть въ Салернѣ, давать трагедію. Ну, такъ что-же!—У меня труппа превосходная: чудесная принцесса, съ глазами, будто черные алмазы, съ самымъ обворожительнымъ голоскомъ, которымъ она будетъ съ своихъ розовыхъ устъ сыпать звучные стихи поэтовъ.—Чего же вамъ еще жаловаться?—Есть у меня также, продолжалъ Беневоло, превосходный комикъ, такая рожа, такія ужимки, точно Санчо Панса, весь сморщенный, смѣется и плачетъ, такъ что чудо: словно Демокритъ и Гераклитъ въ одномъ тѣлѣ...—Да о чемъ же вы такъ сокрушаетесь? спросила опять трактирщица.—Ахъ, у меня недостаетъ только одного необходимаго сюжета, основанія всего репертуара, и не откуда его

взять; у меня нѣтъ перваго сюжета, трагика.—Вотъ что возразила трактирщица; это не хорошо.—И какъ еще нехорошо, всѣ мои расчеты теперь лопнули; прощай мои Салернскія представленія, прощай мои золотые червончики, которые грезились мнѣ во снѣ!..

И бѣдный директоръ сжималъ въ рукахъ свою горячую голову.—Послушайте, сказала трактирщица, и глаза ея вдругъ заблистали радостью; я уважаю васъ, сеньоръ Беневоло, желаю вамъ успѣха, и помогу вамъ въ горѣ; достану вамъ, что нужно!—Трагика!—Да, трагика: одного молодаго человѣка нашего города, который бѣжалъ изъ родительскаго дома, чтобы идти въ актеры, и которому нуженъ только трагическій кинжалъ, чтобы составить себѣ имя и быть кладомъ для директоровъ.—О счастье! святая матерь Божія видно не оставила меня! Ведите скорѣе своего молодаго человѣка; не то его, пожалуй, у меня перебьютъ подъ носомъ.

Страхъ Беневоло былъ напрасенъ; благодѣтельница его уже вышла, и скоро воротилась, ведя за руку толстощекаго мальчика.—Вотъ вашъ трагикъ, сказала она.—Ребенокъ, воскликнулъ директоръ съ разочарованіемъ, взглянувъ на пухлаго мальчика, собиравшагося играть римскихъ императоровъ и итальянскихъ трибуновъ.

— Ребенокъ, который пойдетъ далеко, возразила трактирщица, нѣсколько обиженнымъ голосомъ... Посмотрите только на его позы, его жесты, взглядъ...

Молодчикъ дѣйствительно декламировалъ трагическіе стихи изъ Данте, очень не дурно драпируясь истертыми фалдами своего кафтана.

— Браво, браво, брависсимо! воскликнулъ Беневоло; ты будешь чудесенъ въ Отелло; превосходный будешь мавръ, когда тебя вычернятъ голландской сажею. Такъ по рукамъ, мой молодецъ; принимаю тебя на первыя трагическія роли, плачу за проѣздъ; да вотъ, до дебюта, тебѣ двадцать червонцевъ на карманныя деньги; доволенъ?—И очень, отвѣчалъ ребенокъ.—Ну, какъ же тебя зовутъ? — Луиджи. — Луиджи! а далѣе? — Просто Луиджи, отвѣчала трактирщица; у него свои причины не открывать фамиліи; узнаютъ, вотъ видите, пожалуй, уведутъ назадъ въ овчарню...

—А нашей бѣглой овцѣ куда нехочется въ овчарню, под-

хватилъ Беневоло, улыбаясь. Такъ давай же укладываться, да и въ путь; посажу я своего перваго трагика на мула, и поѣдетъ онъ съ нами рядомъ.

Черезъ часъ Беневоло, Луиджи и вся труппа уже выѣхали изъ Неаполя.

Директоръ, пріѣхавъ въ Салерно, вездѣ прибилъ объявленія о молодомъ трагикѣ Луиджи, долженствовавшемъ дебютировать въ главныхъ роляхъ репертуара; онъ заранѣе представлялъ его публикѣ, какъ рѣдкій феноменъ по своему таланту и нѣжному возрасту. Результатъ его предварительныхъ мѣръ былъ самый удовлетворительный... Безчисленная толпа народу неслась къ театру въ день открытія представленій. Беневоло уже потиралъ себѣ съ радости руки, уже Луиджи, натянувъ на себя какой то средневѣковой костюмъ, придумывалъ, за занавѣсомъ, повелительныя и гордыя позы римскаго императора; кассиръ труппы считалъ обильный сборъ, и не могъ нарадоваться яркимъ столбикамъ серебра; счастье являлось въ настоящемъ, счастье въ будущемъ... но, увы! что не обманъ въ здѣшнемъ мірѣ! Злая судьба дунула и обрушила все шаткое зданіе надежды. Шесть полицейскихъ вошли на сцену вслѣдъ за дебютантомъ и схватили его въ силу приказанія, подписаннаго его величествомъ, Іоахимомъ Мюратомъ, королемъ Неаполитанскимъ... Они дѣйствовали согласно съ желаніемъ родственниковъ Луиджи, просившихъ, чтобы бѣглецъ былъ отысканъ и возвращенъ въ Неапольскую Консерваторію, гдѣ онъ, до побѣга, учился пѣть, подъ руководствомъ славнаго маэстро Марчелло Первино.

— Боже, Боже! восклицалъ Беневоло, такому славному трагику не давать ходу!—Не плачьте, мой благодѣтель, сказалъ Луиджи, пожавъ ему руку; я поставлю на своемъ и буду трагикомъ непремѣнно.—А сборъ мой? пропалъ!

— Я вамъ его заплачу, говорилъ ребенокъ, вырываясь изъ рукъ полицейскихъ. — А мой задатокъ, а карманныя деньги?—Все отдамъ вамъ въ этой жизни, а Богъ за все наградитъ васъ въ будущей.

Полицейскіе увели бѣднаго перваго трагика.

—Покрайней мѣрѣ, подумалъ про себя Беневоло, не все пропало...; они не все унесли, молодчикъ оставилъ у меня свою поклажу.

Луиджи дѣйствительно забылъ довольно большой и претяжелый чемоданъ... Директоръ выломалъ замокъ, надѣясь, что содержаніе чемодана вознаградитъ его за издержки. Но, увы, чемоданъ былъ набитъ однимъ пескомъ...

Луиджи понялъ мелкія скорби, ожидающія начинающаго артиста, и вооружился полновѣснымъ чемоданомъ для внушенія большаго почтенія въ трактирахъ и на постоялыхъ дворахъ.

Директоръ писалъ ему изъ Салерно: «Ты мошенникъ... оставилъ мнѣ вещь, не имѣющую никакой цѣнности... Это остается на твоей совѣсти... и что еще болѣе огорчаетъ меня... ты не будешь трагическимъ актеромъ.

«Беневоло.»

Луиджи отвѣчалъ ему такъ-же лаконически. «Ты болванъ... Береги вещь, какова бы она ни была... Я выкуплю ее ближе десяти лѣтъ, и дамъ за нее въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ получилъ отъ тебя... притомъ деньгами, вырученными моею игрою.

«Луиджи.»

. . . . . .

Прошло десять лѣтъ, двадцать; а Беневоло не получалъ ни какой вѣсти отъ своего трагика, и наконецъ пересталъ о немъ думать.

—Забылъ меня, этотъ мальчишка, разсуждалъ Беневоло; это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ не сдержалъ и перваго своего слова... обѣщалъ играть въ благородной трагедіи, а вмѣсто того поетъ въ операхъ... Что тутъ и думать!

Однакоже лѣтъ пять тому назадъ, вдругъ получаетъ онъ, на своемъ скромномъ чердакѣ въ Неаполѣ, слѣдующую записку.

«Пріѣзжай ко-мнѣ немедленно, старый пріятель; привези мой чемоданъ съ пескомъ, я его выкуплю; вотъ тебѣ пятьсотъ франковъ на дорогу.

Луиджи. Въ Ришельевской улицѣ, № 102, въ Парижѣ.»

Беневоло едва не сошелъ съ ума отъ радости... Безъ долгихъ сборовъ, онъ взялъ одинъ только чемоданъ, и нѣсколько дней спустя былъ въ Парижѣ,.. въ объятіяхъ своего вѣрнаго трагика.

—Вотъ вамъ, любезный другъ, сказалъ ему толстый, здоровый мущина, въ которомъ трудно было узнать прежняго

Луиджи; вотъ вамъ вексель на 1200 франковъ ежегоднаго дохода; это выкупъ моего салернскаго чемодана.—Такъ много, воскликнулъ бывшій директоръ; нѣтъ, не смѣю.—Берите, берите; богатство мое растолстѣло не меньше меня самого...— я вамъ обязанъ счастьемъ и спокойствіемъ на всю жизнь.—Луиджи, сказалъ Беневало, одного мнѣ только жаль; что вы пошли въ пѣвцы, а не въ трагики, какъ обѣщали. Мое сожалѣніе можетъ быть ребячество... но что прикажете? я самъ вѣдь былъ актеромъ.—А вы думаете, что я не сдержалъ слова? — Разумѣется нѣтъ.—Такъ вотъ вамъ билетъ въ Итальянскую Оперу. Ступайте сегодня, вы посмотрите на меня,... а потомъ придете со мною поужинать.

Въ тотъ же вечеръ Беневоло былъ въ Итальянской Оперѣ, въ безумномъ, бѣшеномъ восторгѣ. Луиджи игралъ роль Дожа въ *Отелло*. Въ сценѣ, когда Дожъ проклинаетъ дочь, Беневоло вскрикнулъ... въ этомъ крикѣ вылилось все его удивленіе и восторгъ.

Послѣ спектакля, Беневоло, въ лихорадочномъ трепетѣ дождался Луиджи на подъѣздѣ.—«Ну что? спросилъ пѣвецъ. — Старый директоръ рыдая бросился къ нему на шею, и сжимая его въ объятіяхъ, могъ только выговорить: Tragico... oh, tragico!

И въ тотъ же вечеръ Беневоло, сжимая руки Луиджи, сказалъ ему: мой другъ, до нынѣшняго дня я не заботился узнавать твоей фамиліи; но теперь, когда ты знаменитый артистъ, я хочу говорить ее всѣмъ своимъ итальянскимъ пріятелямъ, скажи же мнѣ ее, чтобъ я помнилъ ее до самой смерти... Какъ твоя фамилія? — *Лаблашъ*, отвѣчалъ пѣвецъ, трогательнымъ голосомъ.

—

ПОТЕРЯ ГОЛОСА.

Въ 1825 году, знаменитая русская пѣвица Ѳедорова, болѣе извѣстная подъ иностраннымъ именемъ Менвіель-Фодоръ была на апогеѣ своей славы и таланта, когда убѣжденія г. Состена Ларошфуко склонили ее отказаться отъ очень выгоднаго контракта съ Неапольскою дирекціею, и ѣхать въ Парижъ на гораздо скромнѣйшихъ условіяхъ.

Наконецъ наступилъ съ нетерпѣніемъ ожиданный день ея

перваго дебюта въ Итальянской Оперѣ; она должна была явиться въ *Семирамидѣ*. Зала была полна, все предвѣщало блестящій успѣхъ царицѣ пѣнія, alla prima del prime donne, какъ говорили Итальянцы. Вокругъ нея собрались всѣ ея друзья, всѣ парижскіе знаменитые артисты: Россини, Керубини, Шоронъ и множество другихъ желали быть свидѣтелями ея торжества. Всѣ толпились вокругъ артистки, и ловили каждый звукъ ея голоса.

Занавѣсъ поднялся; великая актриса выходитъ на сцену; величественный голосъ ея оглашаетъ залу, чистый и могучій, какъ всегда. Всеобщій энтузіазмъ овладѣваетъ публикою, выражается въ крикахъ, въ слезахъ, доходитъ почти до изступленія. Потомъ, весь этотъ шумъ умолкаетъ будто волшебствомъ; всѣ удерживаютъ дыханіе, она должна опять явиться; ее ждутъ... вотъ она! Опять голосъ ея будетъ по прежнему потрясать всѣ нервы сердца; и вдругъ, за пятой или шестой тактой капитальной аріи, божественное ея пѣніе смѣняется мертвымъ молчаніемъ. Холодный потъ выступаетъ на лицо пѣвицы, губы дрожатъ, грудь изнемогаетъ въ напрасныхъ усиліяхъ... ни звука! Оркестръ останавливается, опускаютъ занавѣсъ; слушатели съ прискорбіемъ спрашиваютъ другъ у друга, неужели они одно мгновеніе имѣли у себя это чудо природы и искусства, для того только, чтобы тотчасъ же лишиться его навсегда. Режиссеръ успокоилъ нѣсколько общую тревогу, объявивъ, что по внезапной болѣзни г-жи Менвіель-Фодоръ, представленіе должно быть отложено на нѣсколько минутъ. Полагая изъ этихъ словъ, что несчастіе не такъ важно, какъ его сначала воображали, публика приняла ихъ съ выраженіемъ живаго удовольствія.

Между тѣмъ, уборная пѣвицы представляла картину глубокаго отчаянія; примадонна совершенно лишилась голоса; она ломала себѣ руки, рвала волосы; но не могла произнести ни одной жалобы; голосъ, казалось совершенно у нея отнялся!.. Друзья ея раздѣляли ея горе. Россини плакалъ; Шоронъ, на колѣнахъ, умолялъ ее успокоиться, и уповать на Бога, который вѣрно не хотѣлъ въ одно мгновеніе уничтожить одно изъ своихъ величайшихъ чудесъ; несчастная слушала ихъ и отвѣчала только дружескимъ пожатіемъ руки.

Такъ прошло болѣе четверти часа, глухой ропотъ сталъ

пробѣгать по залѣ, и скоро смѣнился громкими требованіями извѣстій о состояніи пѣвицы. Режиссеръ входитъ въ уборную, и съ прискорбіемъ объявляетъ, что онъ не можетъ долѣе откладывать отвѣтъ публикѣ, и принужденъ объявить ей о невозможности продолжать представленіе. Это рѣшеніе произвело въ то же мгновеніе чудное дѣйствіе на пѣвицу; лицо ея оживилось, глаза засверкали молніями, уста судорожно зашевелились; нечеловѣческое напряженіе возвратило ей голосъ полный, звучный, сильный, какъ прежде.

— Поднимите занавѣсъ! сказала она, я буду пѣть.

— Спасена! спасена! воскликнулъ Россини, обнимая ее.

— Богъ сжалился надъ нашею горестью, сказалъ благочестивый Шоронъ.

Занавѣсъ поднимается, изступленныя рукоплесканія оглашаютъ залу, за ними слѣдуетъ глубокое молчаніе, и голосъ пѣвицы раздается, прекраснѣе, звучнѣе, пріятнѣе, чѣмъ когда либо; тучи цвѣтовъ посыпались на сцену; торжество артистки было самое полное, самое блестящее, и вполнѣ заслуженное.

Но это была послѣдняя искра угасавшаго свѣтила; когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, г-жа Менвіель-Фодоръ, истощенная неестественнымъ напряженіемъ, упала безъ чувствъ; ее вынесли со сцены; но когда она, благодаря попеченіямъ друзей и врачей, пришла въ себя, голосъ ея пропалъ.

Послѣ этого несчастія, г-жа Менвіель-Фодоръ возвратилась въ Италію, и довольно поправилась, чтобы опять являться на сценѣ, но ни природа, ни искусство не могли уже возвратить ей того дивнаго голоса, который приводилъ въ восторгъ всю Европу, и о которомъ нынѣ остается одно только воспоминаніе.

—

ТРИ ЖЕННИ ЛИНДЪ—ВМѢСТО ОДНОЙ.

Извѣстный ревнитель Месмерова ученія, основатель и редакторъ *Журнала магнетизма*, разсказываетъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этого журнала, слѣдующій любопытный опытъ, который можетъ служить новымъ оружіемъ въ пользу силъ животнаго магнетизма.

Лондонскій врачъ, Брейдъ, извѣстный многими наблюде-

ніями надъ искуственнымъ сномъ, пригласилъ Женни Линдъ, стяжавшую такую славу ролью *Сомнамбулы*, быть свидѣтельницею удивительныхъ чудесъ, совершаемыхъ настоящею сомнамбулою, въ состояніи искуственнаго сна. Кромѣ знаменитой пѣвицы, присутствовали немногіе ея короткіе знакомые и семейство Брейда. Опыты начались около полуночи и продолжались съ часъ. Ясновидящія двѣ молодыя дѣвушки, старшей, самой занимательной, должно быть лѣтъ девятнадцать; она работаетъ въ магазинѣ, отличается природнымъ умомъ, способностями, энергическимъ характеромъ, но не получила почти никакого воспитанія. *Звуко-подражаніе*, которымъ она одарена въ сомнамбулизмѣ, изумило все общество.

Брейдъ усыпилъ обѣихъ дѣвушекъ въ одно время, показавъ имъ въ очень близкомъ разстояніи свою ланцетку. Когда онѣ уснули, Брейдъ сѣлъ за фортепьяно, стоявшее отъ нихъ довольно далеко. Они немедленно встали, подошли къ нему и запѣли съ нимъ тріо. Потомъ Брейдъ разбудилъ младшую, и объявилъ, что старшая въ состояніи пѣть какую бы то нибыло пьесу, и на всякомъ языкѣ, т. е. повторять напѣвъ и слова довольно скоро, чтобъ слѣдовать за поющими также точно, какъ еслибъ привыкла съ ними пѣть. При этомъ обѣщаніи, на лицахъ гостей выразилось сомнѣніе; одинъ Брейдъ былъ спокоенъ и пригласилъ желающихъ испытать ее. Одинъ изъ гостей сѣлъ за фортепьяно и спѣлъ какую то нѣмецкую пѣсню, которую дѣвушка повторяла за нимъ очень вѣрно. Другой гость повторилъ опытъ шведскою мелодіею, которую она передала также хорошо.

Тогда приступила къ опыту сама Женни Линдъ; она спѣла прекрасный нѣсколько протяжный шведскій гимнъ. Паціентка перенимала каждую ноту и каждое слово съ такою вѣрностію и быстротою, что можно бы подумать, что она много разъ уже пѣла съ нею. Такъ же удовлетворителенъ былъ опытъ надъ вокализами, которыя знаменитая пѣвица наполнила всѣми хроматическими трудностями, какія могло придумать ея богатое воображеніе; къ изумленію слушателей, Паціентка ни въ чемъ не уступала ей. Оба голоса были такъ согласны, что почти невозможно было различить, что пѣли два голоса, а не одинъ. Одна дама нехотѣла вѣрить, до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась въ томъ *глазами*. Этимъ испытаніе еще не ограни-

чилось; Женни Линдъ спѣла еще Casta diva и La bella a me ritorni; это новое испытаніе было такъ же удовлетворительно, какъ и предъидущія.

За тѣмъ послѣдовали не столь занимательныя испытанія, въ которыхъ заставляли ее повторять трудныя иностранныя слова или даже вымышленныя трудныя сочетанія звуковъ. А когда ее разбудили, она не только не помнила того, что дѣлала во снѣ, но и не смѣла попытаться дѣлать то, что совершала въ магнетическомъ снѣ съ такою быстротою и точностію.

По окончаніи опыта, Брейдъ вторично усыпилъ обѣихъ дѣвушекъ, чтобъ показать посѣтителямъ то, что онъ называетъ *ясновоспоминаніемъ* (double conscience), т. е. способностью припоминать во снѣ то, что происходило во время предшествовавшаго сна, хотя бы въ промежуткѣ паціентка того вовсе не помнила. Паціентка не понимала значенія словъ, которыя она такъ хорошо перенимала, но уже самое это подражаніе довольно удовлетворительно въ дѣвушкѣ, безъ всякаго образованія.

Г. Брейдъ объяснилъ этотъ феноменъ чрезвычайнымъ изощреніемъ чувствъ и сосредоточіемъ вниманія паціентки на ея дѣйствія, съ безграничною увѣренностію въ своихъ способахъ.

—

ПИСЬМА БЕРЛІОЗА ОБЪ АВСТРІИ.

ВѢНА.

Едва я поселился въ блаженномъ городѣ Вѣнѣ, какъ меня пригласили на первый годичный концертъ въ залѣ манежа. Этотъ концертъ дается въ пользу Консерваторіи, и почти всѣ исполнители, которыхъ бываетъ болѣе тысячи, аматеры. Такъ-какъ правительство ничего или почти ничего не даетъ на поддержаніе Консерваторіи, то весьма было благоразумно истиннымъ любителямъ музыки постараться помочь ей; но это

меня удивило потому именно, что оно хорошо и справедливо. Каждый годъ, около этого времени, Императоръ даетъ обществу любителей обширную залу манежа. У всѣхъ содержателей музыкальныхъ магазиновъ открывается подписка желающимъ участвовать въ исполненіи; и число болѣе или менѣе искусныхъ любителей въ Вѣнѣ, инструментистовъ и пѣвцовъ, такъ велико, что каждый годъ приходится отказывать до полуторы тысячь лицъ, несмотря на то, что для составленія хора нужно шесть сотъ голосовъ, а для оркестра четыреста человѣкъ. Сборъ этихъ исполинскихъ концертовъ (ихъ бываетъ каждый годъ по два) очень значителенъ, ибо зала манежная, несмотря на огромное мѣсто, занимаемое эстрадою для исполнителей, вмѣщаетъ до четырехъ тысячъ слушателей. Обыкновенно, впрочемъ, только на первый концертъ разбираютъ всѣ билеты; второй концертъ посѣщается гораздо менѣе, потому-что программа его только повтореніе перваго. Неужели большая часть Вѣнцевъ не могутъ безъ скуки выслушать два раза на одной недѣлѣ тѣ же произведенія?.. Публика видно въ этомъ отношеніи вездѣ одинакова. Надо, правда, замѣтить, что нумера, составляющіе программу этихъ концертовъ почти всегда берутся изъ самыхъ извѣстныхъ партитуръ старыхъ композиторовъ, и что публика вѣроятно такъ же усердно ходила бы и на второй концертъ если бы надѣялась услышать что-нибудь новое, писанное нарочно для этихъ концертовъ и для такой массы исполнителей. И дѣйствительно, стоило бы предложить такую задачу. Нѣтъ спору, что широко написанныя произведенія, какъ, напримѣръ, ораторіи Баха, Генделя, Гайдна и Бетговена, много выигрываютъ, когда передаются огромными массами, но въ нихъ все-таки только усиливаются голоса; между тѣмъ, какъ сочиняя нарочно для такого огромнаго оркестра и хора, композиторъ, понимающій какую пользу можно извлечь изъ такого соединенія средствъ, долженъ непремѣнно создать нѣчто, столь же новое въ подробностяхъ, какъ и величественное въ цѣломъ. Этого никто еще не пытался сдѣлать. Во всѣхъ торжественныхъ сочиненіяхъ, форма и отдѣлка все одна и та же. Ихъ богато становятъ въ огромныхъ залахъ; но можно бы ихъ давать безъ большой для нихъ потери въ гораздо меньшихъ залахъ и съ меньшимъ числомъ исполнителей. Онѣ не требуютъ необходимо чрезвычайной массы голосовъ и инструментовъ: и когда

исполняются такими массами, онѣ оттого получаютъ большую силу, но не являютъ ничего чрезвычайнаго и неожиданнаго. Тѣмъ не менѣе признаюсь, что этотъ концертъ сильно потрясъ меня, въ особенности эфектомъ хоровъ. Меня чрезвычайно поразила красота дишкантовъ, и стройность и сила цѣлаго. Видя въ программѣ увертюру Моцартовой *Волшебной флейты*, я боялся, что это дивное созданіе, требующее такого быстраго движенія, такъ нѣжно и изящно отдѣланное въ подробностяхъ, не можетъ быть хорошо передано такимъ огромнымъ оркестромъ, но безпокойство мое было непродолжительно, оркестръ (и къ тому оркестръ любителей) исполнилъ ее съ точностью и одушевленіемъ, рѣдкими даже между артистами.

Программа была составлена изъ мотета Моцарта, мотета Гайдна, аріи изъ *Сотворенія міра*, увертюры *Волшебной флейты*, и Бетговеновой ораторіи *Христосъ на Елеонской горѣ*, соло пѣли Штаудигль и г-жа Бартъ-Гассельтъ. У Штаудигля прекрасный басъ, мягкій, полный, нѣжный и сильный, обнимающій двѣ октавы и двѣ ноты (отъ низкаго *e* до высокаго g); которыя безъ всякаго усилія льются изъ его груди, легко и свободно, и безъ труда наполняютъ даже такую огромную засу, какъ зала манежа. Въ голосѣ его есть что-то чрезвычайно трогательное само по себѣ, хотя самъ артистъ рѣдко бываетъ тронутъ; но голосъ его проникаетъ въ душу и покоряетъ ее. Штаудигль, хотя поетъ съ тою благородною простотою, которая свойственна артистамъ, владѣющимъ широкимъ стилемъ, однакоже свободно выдѣлываетъ вокализы и довольно быстрые пассажи. Онъ основательно знаетъ музыку, и съ первато разу разбираетъ все, что ему подашь, такъ вѣрно и свободно, что это достоинство имѣетъ иногда дурныя послѣдствія. Штаудигль любитъ пощеголять своимъ умѣньемъ разбирать и потому, если ему не нужно пѣть на память, то онъ и не заглядываетъ въ свою пьесу прежде, чѣмъ пѣть съ оркестромъ. Когда назначена генеральная проба, онъ является, беретъ тетрадку, которой еще и не видалъ, и бѣгло поетъ и музыку и слова, не ошибаясь никогда ни въ одномъ словѣ и ни въ одной нотѣ. Онъ читаетъ какъ бы читалъ книгу, данную ему въ первый разъ въ руки, но не лучше, какъ бы должно требовать на генеральной репетиціи; тутъ мало одной буквальной вѣрности, на репетиціи должно требовать отчетливой, оду-

шевленной, полной передачи сочиненія. А можно ли читать съ огнемъ, съ одушевленіемъ, когда чтецъ не приготовился, когда онъ не знаетъ ни общаго характера, ни оттѣнковъ, ни даже движенія пьесы? Это замѣчаніе не на талантъ, а на замашки великаго пѣвца, дѣлали въ Вѣнѣ и до меня нѣкоторые композиторы, которыхъ онѣ не разъ сильно безпокоили въ важныхъ случаяхъ. Арія d-дуръ изъ *Сотворенія міра*, которую онъ пѣлъ въ залѣ манежа, привела всю публику въ восторгъ, и Штаудигль, собиравшійся уже домой, потому-что болѣе не имѣлъ дѣла въ концертѣ, принужденъ былъ воротиться, и повторить арію. Штаудигль первый пѣвецъ и режиссеръ театра *на Вѣнѣ*, которымъ управляетъ умный и честный директоръ Покорный. Голосъ его, несмотря на прекрасный его тембръ, не изъ тѣхъ нѣжныхъ голосовъ, которые требуютъ отъ пѣвца разныхъ піеническихъ предосторожностей и попеченій; напротивъ, Штаудигль нерѣдко, въ самые сильные морозы, охотится по цѣлымъ днямъ, рыщетъ въ снѣгу съ открытою шеею, по своему обыкновенію, а вечеромъ поетъ Бертрана, Марселя, или Кашнера, какъ ни въ чемъ не бывалый. Театръ на Вѣнѣ (an der Wien), названный такъ отъ того, что находится на берегу рѣчки Вѣны, существуетъ не болѣе трехъ лѣтъ, и уже нанесъ большой вредъ своему сопернику, театру у Каринтійскихъ воротъ: къ нему обращаются почти всѣ знаменитые артисты, желающіе явиться въ Вѣнѣ; тутъ дебютировалъ зимою 1846 года Пишекъ, а вскорѣ послѣ него Женни Линдъ. А кто не знаетъ, какой они возбудили энтузіазмъ, и какіе баснословные сборы они доставили театру.

Хоръ, хотя и не слишкомъ многочисленъ, однако же очень силенъ, хористы и хористки почти всѣ молодые, и имѣютъ свѣжіе, звучные голоса. Не всѣ свободно разбираютъ. Оркестръ, о которомъ мнѣ, съ самого моего пріѣзда, наговорили много невыгоднаго, разумѣется не можетъ сравниться съ оркестромъ театра у Каринтійскихъ воротъ; однако же онъ играетъ согласно, и состоитъ изъ молодыхъ артистовъ, полныхъ огня и доброй воли, творящихъ при случаѣ чудеса. Въ числѣ пѣвицъ, я замѣтилъ одну съ прекраснымъ дарованіемъ на нѣжныя и страстныя роли; къ сожалѣнію, я никакъ не припомню ея имени. Она въ особенности хороша въ роли Агаты въ *Фрейшютцѣ*.

Кромѣ ея, долженъ я еще упомянуть о премилой пѣвицѣ дѣвицѣ Трефцъ, и о г-жѣ Маррѣ, примадоннѣ съ дарованіемъ, и въ блестящихъ и въ наивныхъ роляхъ, съ звучнымъ, пріятнымъ голосомъ, хотя нѣсколько непокорнымъ въ нѣкоторыхъ вокализахъ; къ несчастію, она плохо знаетъ музыку, и иногда такъ сбивается въ тактѣ, что можетъ разстроить цѣлую пьесу, несмотря на смѣтливость и искусство дирижера. Г-жа Марра всего лучше въ *Лучіи* Донизетти; она зимою съ большимъ успѣхомъ являлась въ сѣверной Германіи.

Но тенора! тенора! вотъ слабая сторона этого театра, какъ и всѣхъ театровъ въ свѣтѣ въ настоящее время; я боюсь, что г. Покорному, несмотря на всѣ его усилія, не скоро удастся пополнить этотъ недостатокъ въ своей труппѣ.

Театръ у Каринтійскихъ воротъ въ этомъ отношеніи счастливѣе; онъ имѣетъ Эркля, высокаго тенора, съ хорошимъ голосомъ, нѣсколько холоднаго, болѣе годнаго на спокойныя мѣста, чѣмъ на одушевленныя сцены, на чисто музыкальное, чѣмъ на драматическое пѣніе. Директоръ этого театра итальянецъ, Балокино; городъ, дворъ, артисты и любители, очень строго отзываются о его управленіи. Я не могу судить о причинахъ этого нерасположенія, но знаю, что оно удаляетъ публику отъ театра, несмотря на всѣ старанія достойнаго артиста Николаи, завѣдующаго всею музыкальною частью, въ которую Балокино, какъ директоръ лирическаго театра, разумѣется, не вступается. И за то спасибо, что Балокино не набралъ портныхъ въ контробасисты, и что онъ ангажировалъ скрипачей, чтобы играть на скрипкахъ. Во Франціи театры также находятся въ горестной необходимости сажать въ оркестръ музыкантовъ; но они преусердно изыскиваютъ средства освободиться отъ этой необходимости.

Кромѣ превосходнаго баса, въ труппѣ Балокино находится прекрасная пѣвица, о которой я уже упоминалъ, г-жа Гассельтъ Бартъ. Это первокласный талантъ и въ музыкальномъ, и въ драматическомъ отношеніи. Въ голосѣ г-жи Гассельтъ Бартъ не достаетъ свѣжести, но онъ обширенъ, чрезвычайно силенъ, вѣренъ и трогателенъ, можетъ потому именно, что нѣсколько туманенъ. Я слышалъ г-жу Гассельтъ, когда она пѣла прекрасную, трудную сопранную сцену изъ *Оберона*. Не думаю, чтобы изъ двухъ сотъ примадоннъ, нашлась одна, ко-

торая была бы въ состояніи передать съ такою вѣрностью, съ такимъ огнемъ, съ такимъ величіемъ, съ такою смѣлостью это дивное твореніе Вебера. Въ концѣ послѣдняго аллегро, послѣ бурнаго порыва восторга Гюона, пѣвица входитъ въ состязаніе со всѣмъ оркестромъ; г-жа Гассельтъ мастерски исполнила это мѣсто; могучій ея голосъ покрывалъ всю массу инструментовъ, не взявъ при томъ ни одной слишкомъ рѣзкой или сомнительной ноты. Впечатлѣніе, которое произвела на меня эта сцена, исполненная въ концертѣ, принадлежитъ къ самымъ живымъ воспоминаніямъ, врѣзавшимся въ моей памяти. Вскорѣ послѣ того, я имѣлъ случай узнать г-жу Гассельтъ, какъ актрису; это было въ оперѣ Николаи *Изгнанникъ*, которой послѣднее дѣйствіе, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ, ставитъ Николаи, по моему мнѣнію, на высокое мѣсто въ ряду композиторовъ.

Въ этой оперѣ, заимствованной изъ драмы Фредерика Сулье, жена, считая мужа своего умершимъ въ изгнаніи, выходитъ за другаго и любитъ его; но первый мужъ ея, котораго она всегда уважала, но не любила, возвращается, и она должна оставить для него другаго. Она не въ силахъ исполнить этотъ тяжелый долгъ. Рѣшившись избавиться отъ него, она отравляется, примиривъ двухъ соперниковъ, и умираетъ, прижимая къ сердцу ихъ руки. Г-жа Гассельтъ исполнила эту роль, какъ истинная трагическая пѣвица; я нашелъ въ ней такіе же прекрасные порывы души, такое же соединеніе глубокихъ соображеній ума съ мгновенными вдохновеніями чувства, которые, лѣтъ за сорокъ, составляли во Франціи славу г-жи Браншю.

Увы, любезный Гемберъ, точно также, какъ тенора, исчезаютъ мало по малу и эти трагическія пѣвицы, безъ которыхъ не можетъ существовать лирическая драма. Видя, какъ все рѣже и рѣже становятся артисты, способные выражать съ помощью нашего искусства великія, благородныя страсти человѣческаго сердца, подумаешь иной разъ, что эти страсти были выдумкою поэтовъ и композиторовъ, и что природа, родивъ въ видѣ исключеній нѣсколько существъ, умѣвшихъ ихъ постигать и передавать, болѣе ихъ не создаетъ, считая ихъ предметомъ роскоши, ненужнымъ человѣческому роду.

Но если эти пѣвицы становятся рѣдки, то это не потому,

чтобы сильные и обширные дисканты стали рѣдкостями, подобно настоящимъ тенорамъ. Нѣтъ, хорошихъ женскихъ голосовъ много, и даже голосовъ, хорошо обработанныхъ; но что прикажете дѣлать съ ними, когда они не оживляются ни умомъ, ни чувствомъ, ни вдохновеніемъ? Я разумѣлъ настоящіе, полные драматическіе таланты. Не мало есть пѣвицъ, которыхъ публика любитъ, потому-что онѣ эфектно поютъ всякую эфектную чепуху, но которыхъ ненавидятъ композиторы, потому что онѣ неспособны передать лучшихъ ихъ твореній. У нихъ есть голосъ, знаніе музыки, проворное горло, но имъ недостаетъ души, ума и сердца; такія женщины настоящія чудовища, и тѣмъ страшнѣйшія для композиторовъ, что эти чудовища нерѣдко бываютъ обворожительны. Этимъ объясняется, почему многіе композиторы имѣли слабость писать роли ложныя, прельщающія публику внѣшнимъ своимъ блескомъ; этимъ же объясняется множество недостойныхъ, ложныхъ произведеній, постепенный упадокъ стиля, уничтоженіе смысла въ выраженіи, забвеніе драматическихъ приличій, пренебреженіе къ истинному, великому и прекрасному, цинизмъ и паденіе искусства въ нѣкоторыхъ странахъ.

Я еще не говорилъ объ оркестрѣ и хорахъ театра у Каринтійскихъ воротъ; они безспорно могутъ назваться первостепенными; въ особенности оркестру, набранному, выправленному и управляемому капельмейстеромъ Николаи, найдутся только равные; высшихъ нѣтъ. Кромѣ смѣлости, огня и чрезвычайнаго искусства механизма, этотъ оркестръ отличается рѣдкою звучностью, что происходитъ вѣроятно отъ строгой вѣрности строя различныхъ инструментовъ, и отсутствія малѣйшей невѣрности интонаціи въ отдѣльныхъ частяхъ, изъ которыхъ слагается оркестръ. Не всѣ знаютъ, какъ рѣдко это качество, и какое растройство самая мелкая неточность въ интонаціи производитъ въ инструментальныхъ массахъ, даже въ превосходнѣйшихъ вовсѣхъ другихъ отношеніяхъ. Оркестръ театра у Каринтійскихъ воротъ умѣетъ акомпанировать пѣнію во всѣхъ стиляхъ, и умѣетъ брать верхъ, когда ему дана главная роль; его *Форте* никогда нельзя назвать шумомъ, развѣ что онъ принужденъ играть какое нибудь нелѣпое сцѣпленіе нотъ, отъ котораго любой оркестръ по неволѣ станетъ такъ же плохъ, какъ самъ композиторъ. Онъ превосходенъ въ

операхъ, дивенъ въ симфоніяхъ, и къ довершенію его достоинствъ, хотя онъ сознаетъ свое превосходство, въ немъ нѣтъ надутыхъ тщеславіемъ артистовъ, отвергающихъ всякое замѣчаніе, считающихъ оскорбленіемъ всякое сравненіе съ артистами другихъ странъ, и воображающихъ, что они оказываютъ ужасную честь Бетговену, когда благоволятъ играть его сочиненія. У Николаи есть враги въ Вѣнѣ; жаль вѣнцевъ, потому что Николаи одинъ изъ превосходнѣйшихъ капельмейстеровъ, какихъ я когда либо видѣлъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ вліяніе должно дать очевидное музыкальное превосходство городу, гдѣ они живутъ, если только они будутъ окружены элементами, необходимыми для проявленія ихъ силы и способностей. Николаи, по моему мнѣнію, обладаетъ тремя необходимыми условіями, чтобы быть отличнымъ капельмейстеромъ. Онъ композиторъ, ученый, опытный, способный къ энтузіазму; понимаетъ всѣ требованія ритма, и обладаетъ совершенно точнымъ и яснымъ механизмомъ движеній; наконецъ, онъ смѣтливый, неутомимый образователь, не жалѣетъ ни труда, ни времени для репетицій, и знаетъ все, что дѣлаетъ, потому что дѣлаетъ только то, что знаетъ. Отсюда превосходное нравственное и матеріальное расположеніе, довѣріе, покорность, терпѣніе, и наконецъ рѣдкая увѣренность и единство его оркестра.

Духовные концерты, устроиваемые и дирижируемые каждый годъ капельмейстеромъ Николаи въ редутной залѣ, могутъ идти наровнѣ съ концертами Парижской Консерваторіи. Въ одномъ изъ нихъ я слышалъ сцену изъ *Оберона*, о которой говорилъ выше, арію изъ *Ифигеніи въ Тавридѣ*, довольно плохо исполненную Эрлемъ, прекрасную симфонію Николаи, и b—мольную симфонію Бетговена. Всѣ эти пьесы исполнены съ тою вѣрностью, тѣмъ одушевленіемъ, съ тою оконченностью въ подробностяхъ и единствомъ въ цѣломъ, которые, для меня покрайней мѣрѣ, дѣлаютъ такъ управляемый оркестръ лучшимъ произведеніемъ новѣйшаго искусства, истиннымъ выраженіемъ того, что въ наше время называется музыкою.

Въ этой то обширной и прекрасной залѣ редутовъ Бетговенъ дирижировалъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, свои чудныя созданія, передъ которыми теперь вся Европа благоговѣетъ, и которыя вѣнцы въ то время принимали съ убійственнымъ

пренебреженіемъ. Графъ Михаилъ Юрьевичь Вьельгорскій говорилъ мнѣ нынѣшнею зимою, въ Петербургѣ, что онъ присутствовалъ въ 1820 году, съ какими нибудь пятидесятью слушателями, при исполненіи Бетговеновой *a*-дурной симфоніи! Вѣнцы тѣснились тогда въ оперу Сальери!.. Бѣдные карлы! между ними былъ великанъ, а они предпочитали карлика.

Можете себѣ представить, любезный Гемберъ, какъ дрожали у меня ноги, когда я въ первый разъ взошелъ на эстраду, которую попирала нѣкогда его могучая нога. Ничто тутъ не измѣнилось со временъ Бетговена: пюльпетъ, который стоялъ предо мною, тотъ же, который служилъ ему; вотъ мѣсто, гдѣ стояло фортепьяно, на которомъ онъ импровизировалъ; вотъ лѣстница въ комнату артистовъ, по которой онъ сходилъ, когда, послѣ исполненія его безсмертныхъ поэмъ, нѣсколько проницательныхъ энтузіастовъ съ восторгомъ вызывали его и ему аплодировали, къ крайнему удивленію прочихъ слушателей, привлеченныхъ праздным любопытствомъ, и видѣвшихъ въ дивныхъ полетахъ его генія одни судорожныя движенія и грубыя причуды растроеннаго воображенія. Немногіе втайнѣ одобряли энтузіастовъ, но не смѣли присоединяться къ нимъ. Они не хотѣли прямо идти наперекоръ общественному мнѣнію. Они совѣтовали ждать... между тѣмъ, какъ Бетговенъ страдалъ...

Только за нѣсколько лѣтъ передъ его смертью, вѣнцы стали гордиться имъ; оказывать ему уваженіе, если и не поклоняться ему. И трудно рѣшить, чего было больше, простодушія, или тонкой иронiи въ отвѣтѣ его Гёте, во время поѣздки знаменитаго поэта въ Вѣну. Гёте, какъ извѣстно, былъ тогда министромъ и довольно занятъ своею важною особою. Онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не понять генія Бетговена, и потому обращался съ нимъ, какъ съ равнымъ. Однажды онъ пригласилъ его съ собою проѣхаться по окрестностямъ Вѣны; прохожіе безпрестанно попадались имъ; Гёте, отвѣчавшій на поклоны, наконецъ, вскричалъ съ нетерпѣніемъ: «Какъ скучно быть извѣстнымъ человѣкомъ! какъ несносны эти добрые люди съ своими поклонами!» На что Бетговенъ смиренно отвѣчалъ: «извините ихъ, ваше превосходительство, они можетъ быть кланяются мнѣ.»

Зала редутовъ очень удобна для музыки. Она образу-

етъ параллелограмъ, но углы ея не производятъ отголосковъ. Въ ней только паркетъ и одна галлерея. Въ одномъ изъ моихъ концертовъ въ этой залѣ, знаменитый пѣвецъ Пишекъ пожелалъ явиться въ первый разъ предъ вѣнскою публикою. Я очень былъ радъ его предложенію; я слышалъ и зналъ его года за три предъ тѣмъ во Франкфуртѣ. Онъ выбралъ для этого концерта балладу Уланда Des Sängers Fluch, положенную на музыку Эссеромъ, очень выгодную для его голоса. Но какъ она написана съ акомпаниментомъ фортепьяно, то я просилъ Сеймура-Шифа, талантливаго нѣмецкаго пьяниста, акомпанировать ему; Сеймуръ-Шифъ, какъ настоящій артистъ, безъ труда согласился. Мы отправились вдвоемъ къ Пишеку, чтобы попробовать балладу. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что эта баллада нисколько не похожа на тѣ музыкальныя игрушки, которыя называются балладами у насъ въ Парижѣ; это цѣлая поэма, довольно длинная, положенная на музыку въ широкомъ стилѣ, въ родѣ Шубертовыхъ балладъ; сочиненіе Эссера, полное разнообразія, энергіи и драматизма, не имѣетъ ничего общаго съ нашими куплетцами, болѣе или менѣе удачно наведенными готическою краскою. Я не могу выразить, любезный Гемберъ, какое дѣйствіе произвелъ на меня чудный голосъ и страстное одушевленіе Пишека, — столько онъ успѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Это было что-то въ родѣ того упоенія, которое произвелъ въ публикѣ Дюпре въ тотъ вечеръ, когда онъ дебютировалъ въ *Вильгельмѣ Теллѣ*. Невозможно составить себѣ понятія о красотѣ его баритона, его силѣ и полнотѣ въ грудныхъ нотахъ, объ удивительной нѣжности его головныхъ нотъ, о его гибкости и могуществѣ. Онъ притомъ очень обширенъ; обнимаетъ чистыми грудными нотами двѣ октавы, отъ низкаго *as* до высокаго. И какой огонь въ его пѣніи! какая страсть, то благоразумно сдерживаемая, то разражающаяся безъ всякаго принужденія! Слушая Пишека, тотчасъ узнаешь истиннаго артиста, истиннаго музыканта! Онъ волнуетъ слушателя и успокоиваетъ его по произволу; очаровываетъ, увлекаетъ его. Энтузіазмъ его при исполненіи баллады, овладѣлъ мною съ первыхъ тактъ; я чувствовалъ, что покрасвѣлъ до самыхъ глазъ; артеріи мои бились такъ, что чуть не разрывались; и я вскричалъ въ порывѣ безумнаго восторга: «вотъ Донъ Жуанъ, вотъ Ромео, вотъ Кор-

тесъ! Пишекъ притомъ одаренъ прекрасною наружностью; онъ высокаго росту, строенъ, физіономія его жива и одушевленна. Онъ отважный чтецъ, искусный пьянистъ, и довольно силенъ въ контрапунктѣ, чтобы свободно импровизировать фугу на данную тему. Жаль для нашей парижской оперы, что Пишекъ не знаетъ ни слова по французски. Онъ родился въ Прагѣ, если не ошибаюсь въ 1810 году, и первымъ его языкомъ былъ чешскій; впослѣдствіи онъ выучился по нѣмецки, потомъ по итальянски, а теперь учится по англійски, потому что онъ долженъ пѣть по англійски будущею зимою на Дрюриленскомъ театрѣ.

Въ балладѣ Эссера, въ моемъ концертѣ, онъ произвелъ всеобщій, безумный восторгъ; его еще довершила пѣсня, которую онъ спѣлъ по желанію публики, акомпанируя себѣ самъ, на фортепьяно. Дѣйствительно, нельзя себѣ ничего представить восхитительнѣе его пѣнія. Нѣсколько дней спустя онъ явился на театрѣ, сначала въ операѣ Лорцинга Zaar und Zimmermann, а потомъ въ Пуританахъ, въ которыхъ знаменитый дуэтъ далъ ему случай состязаться съ Штаудигелемъ. Онъ долженъ былъ играть Донъ-Жуана, когда я поѣхалъ въ Прагу; я очень жалѣлъ, что не могъ слышать его въ роли этого героя обольщенія и дерзости, котораго, я увѣренъ, онъ долженъ быть олицетвореннымъ идеаломъ. Въ Вѣнѣ нашлись однакоже, и между умными людьми, критики, упрекавшіе Пишека въ жеманствѣ и манерности. Признаюсь, я въ его пѣніи не замѣтилъ ничего, чтобы заслуживало этого упрека, который, впрочемъ не разъ дѣлали Рубини. Я повторяю, что еслибы Пишекъ успѣлъ выучиться по французски, (что мнѣ кажется уже невозможно), и еслибы для него написали блестящую и страстную роль, онъ бы могъ по произволу бунтовать публику Большой Оперы, и парижане стали бы его рабами.

—

ФЕЛИКСЪ МЕНДЕЛЬСОНЪ-БАРТОЛЬДИ.

(*Некрологъ*).

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ преждевременной смерти талантливой пьянистки и композиторши, Фанни Гензель

и Германія оплакиваетъ гораздо большую потерю въ братѣ ея, знаменитомъ авторѣ *Павла* и *Пророка Иліи*: въ Лейпцигѣ скончался Мендельсонъ-Бартольди. Съ самаго возвращенія своего изъ Англіи, гдѣ онъ въ началѣ истекшаго лѣта ставилъ свою послѣднюю ораторію, страдалъ онъ нервною болѣзнью, которая скоро такъ усилилась, что онъ былъ принужденъ остановить пробы своей ораторіи и отложить ея исполненіе на неопредѣленное время. Болѣзнь между тѣмъ все усиливалась; впродолженіе двухъ недѣль имѣлъ онъ три нервическіе удара; послѣднимъ кончилась его жизнь 4-го ноября, въ 9 часовъ вечера, на 39 году отъ рожденія (онъ род. 3 февреля 1809 г.) Это не вознаградимая потеря для того направленія музыки, котораго онъ былъ единственнымъ представителемъ.

7-го ноября, городъ и Университетъ торжественно отдали великому художнику послѣднюю честь; толпы народа окружали скорбный поѣздъ; многочисленные друзья и почитатели покойнаго съѣхались изъ Берлина и Дрездена. Въ церкви св. Паулины, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ въ скоромъ времени дирижировать своего *Пророка Илью* совершенъ обрядъ отпѣванія, подъ звуки того самаго органа, на которомъ онъ самъ столько разъ игралъ, и того же хора, который столько разъ подъ его руководствомъ передавалъ его вдохновенные гимны. По окончаніи церковной службы шесть сотъ голосовъ исполнили хораль и хоръ изъ *Павла:* «Siehe wir preisen selig!» Гаде и Рицъ приняли на себя горестную обязанность дирижоровъ; торжество заключилось дивнымъ хоромъ изъ Баховой *Страсти Господней*:

Wir setzen uns mit Thänen nieder
Und rufen dir im Grabe zu:
Ruhe sanft! sanfte Ruh! —

Лейпцигъ, въ которомъ Мендельсонъ провелъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ своей жизни, надѣялся сохранить у себя прахъ его; но семейство покойника не согласилось на это желаніе; бренные останки его отвезены въ Берлинъ, и положены въ фамильномъ склепѣ, рядомъ съ прахомъ знаменитаго философа, Моисея Мендельсона.

Мендельсонъ-Бартольди былъ послѣднимъ представителемъ

класическаго направленія въ романтической школѣ музыки. Взросши въ школѣ Цельтера, пропитавшись духомъ старыхъ строгихъ классиковъ, Баха и Генделя, таланту Мендельсона привольно было въ ихъ суровыхъ формахъ, и онъ охотно прибѣгалъ къ нимъ, даже когда увлекался роскошнымъ, задушевнымъ романтизмомъ Вебера, или бурнымъ, строптивымъ романтизмомъ Бетговена. Въ романтизмѣ Мендельсона не было Веберова стремленія почерпать содержаніе и мелодіи изъ народной фантазіи; а кроткій, тихій нравъ не позволялъ ему гоняться за титановскимъ полетомъ Бетговена. Характеръ его музыки чисто протестантскій, ветхозавѣтная энергія, простота и возвышенность, перешедшія къ нему по прямому наслѣдству отъ отцовъ, наложили на его ораторіи печать строгости, умѣряемой только дѣтскою наивностью его игриваго воображенія; въ слiяніи этихъ двухъ противуположныхъ характеровъ заключается прелесть, обворожительная красота его произведеній. Имъ же онъ обязанъ тѣмъ, что, явившись среди наслѣдія могучихъ геніевъ, онъ могъ остаться вполнѣ оригинальнымъ, безъ усилій и расчета, не гонялся за утонченными, небывалыми средствами, а оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, полнымъ простоты и возвышенности въ ораторіяхъ, нѣжности и граціи въ пѣсняхъ. Уступая Веберу въ романтической полнотѣ, и Бетговену въ бурной силѣ, покоряющей адъ и небо, онъ однакоже своимъ самостоятельнымъ характеромъ достигъ въ церковной музыкѣ истинно глубокаго чувства. Уступая обоимъ въ изобрѣтательности, онъ открылъ однакоже новый міръ звуковъ, который своею возвышенностью подходитъ только къ Баху и Генделю, а дѣтскою наивностью и нѣжностью къ старику Гайдну; и являетъ слiяніе этихъ качествъ, невиданное ни въ комъ изъ его предшественниковъ. Удержаніе во всей ихъ чистотѣ этихъ двухъ элементовъ его таланта, среди все-увлекающаго потока романтизма, указываетъ на мѣсто Мендельсона на перепутьи двухъ эпохъ; онъ представляетъ заключеніе стараго вѣка, котораго произведенія стяжали уже вѣчную славу, и началомъ новаго вѣка, котораго художественное достоинство еще не утверждено. Онъ, можетъ быть, уже и исполнилъ свое назначеніе. Новой оперы онъ не создалъ. «*Свадьба Гамачо*, писанная имъ въ молодости, осталась однимъ разрозненнымъ опытомъ, а слiяніе церковнаго стиля и фанта-

стически-сказочнаго, въ который онъ облекъ древнюю греческую трагедію и Шекспировъ «*Сонъ въ Ивановскую ночь*, не представляетъ того новаго опернаго стиля, котораго Германія нынче ожидаетъ отъ творческой силы своей музыки. Необдуманная критика слишкомъ часто упускаетъ изъ виду необходимость ограниченія въ оригинальной натурѣ. Талантъ Мендельсона заключился въ молитву, съ ея ветхозавѣтною силою и полнотою, и въ фантастическую, волшебную сказку. Поэзію народной жизни, стремящуюся къ дѣйствительности, нѣмецкая музыка еще не создала; въ эклектизмѣ Мейербера видно стремленіе къ ней; но его утонченное, нѣсколько изысканное соединеніе всѣхъ родовъ и стилей трудно принять за начало новаго періода развитія искусства. Но ни въ чемъ критика такъ не ошибалась, какъ въ утвержденіи, будто Мендельсонова музыка болѣе плодъ размышленія, чѣмъ творческаго вдохновенія. Трудно указать на другой талантъ, который бы среди наслѣдія великихъ геніевъ предъидущаго періода, оставался всегда такъ вѣренъ самому себѣ, такъ полонъ собственнаго сознанія, такъ согласенъ въ своемъ развитіи съ своею первоначальною природою. Критики всегда хвалили въ Мендельсонѣ его постоянное стремленіе къ чистотѣ и возвышенности стиля, глубокое знаніе искусства, и дивясь его музыкальному разумѣнію, по большей части, упускаютъ изъ виду творческую силу, которая проявляется въ его произведеніяхъ съ рѣдкою глубиною, непринужденностью и самостоятельностью. Что въ немъ музыкальный міръ утратилъ великаго знатока своего искусства, представителя его истиннаго направленія, рѣдкаго виртуоза на своемъ инструментѣ, мастера дирижировать оркестръ, признаютъ всѣ, слышавшіе и видавшіе его за фортепьяно, или за капельмейстерскимъ пюпитромъ. Его истинно художническая натура, его оригинальный творческій геній, могли бы остаться незамѣченными только въ вѣкъ, влюбленный въ чудовищное, въ вѣкъ торжества изысканныхъ комбинацій ума. Можетъ быть въ такой вѣкъ шумныхъ эфектовъ, геній познается тѣмъ, что онъ уединяется; чтобы въ уединенной дѣятельности своей остаться вѣрнымъ истинному искусству.

Въ ранней смерти Мендельсона заключается, можетъ быть, тайна его ранняго развитія. Ребенкомъ былъ онъ уже посвя-

щенъ во всѣ таинства искусства. Цельтеръ возилъ его съ собою въ своихъ путешествіяхъ, и представлялъ вездѣ, какъ чудо. На пятнадцатомъ году явился въ печати первый его вполнѣ оконченный квартетъ; въ шестнадцать лѣтъ поставилъ онъ въ Берлинѣ свою оперу. Но, хотя Мендельсонъ рано окончилъ свое ученіе и артистическое образованіе, творческій его талантъ достигъ высшей степени уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; смерть застигла его въ самой силѣ творчества. Въ Парижѣ, когда онъ составлялъ свою увертюру къ *Сну въ Иванovскую ночь*, и въ Римѣ, когда онъ писалъ большую часть своихъ романтическихъ сценъ и пѣсенъ, онъ могъ еще считаться юношею. Въ Дюссельдорфѣ развился въ немъ талантъ дирижера и творческое дарованіе достигло самосознательнаго мужества. Тутъ онъ создалъ *Павла*. Съ 1835 года поселился онъ въ Лейпцигѣ, который, несмотря на неоднократныя его поѣздки въ Берлинъ и въ Англію, можетъ съ этого времени считаться его родиною, мѣстомъ, гдѣ всего привольнѣе было его художнической душѣ. По собственному его сознанію, нигдѣ не имѣлъ онъ при ограниченныхъ средствахъ, такого согласнаго оркестра, нигдѣ не чувствовалъ такого единодушнаго стремленія всѣхъ своихъ силъ къ цѣлямъ, предстоявшимъ его таланту. За то и Лейпцигъ многимъ обязанъ ему; не скоро найдетъ онъ для своего оркестра другаго предводителя, столь же стараго по опытности и знанію, и столь же молодаго по энтузіазму и любви къ искусству. Старыхъ, классическихъ музыкантовъ, когда они стояли съ капельмейстерскимъ жезломъ въ главѣ оркестра, нерѣдко сравнивали съ полководцами въ главѣ арміи; сколько разъ Цельтера называли Блюхеромъ оркестра. Мендельсонъ наслѣдовалъ отъ него это качество, въ то же время умѣлъ одушевить оркестръ любовью къ искусству, сдѣлать доступными для него красоты произведенія до самыхъ мелкихъ его подробностей. Если кто вздумаетъ писать исторію музыки въ Лейпцигѣ, управленіе Мендельсона будетъ, безъ сомнѣнія, самою блестящею его эпохою.

Многіе уже пали преждевременными жертвами искусства, которому служилъ Мендельсонъ, ибо оно налагаетъ условіемъ на своихъ жрецовъ чрезвычайную раздражительность и постоянное напряженіе нервъ, въ Мендельсонѣ присоединилась къ этому наслѣдственная раздражительность нервъ, преобладавшая

во всемъ его семействѣ. Сестра его, Фанни Генсель, также умерла отъ нервическаго удара, за фортепьяно. Смерть ея была для брата почти предвѣстіемъ близкой кончины. Поѣздка его въ свой родной городъ, Берлинъ, за нѣсколько недѣль предъ смертію, должна была сильно потрясти его нѣжную, чувствительную душу.

Мендельсонъ умеръ въ то самое время, какъ почти вся Германія съ нетерпѣніемъ ожидала знакомства съ его новымъ произведеніемъ; онъ долженъ былъ самъ дирижировать его въ Лейпцигѣ, въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; но смерть застигла его среди приготовленій, и, по выраженію одного нѣмца, онъ отозванъ отъ своего счастья семейнаго, отъ своей славы художника, и подобно воспѣтому имъ пророку, вознесся въ небесную отчизну, оставивъ на память, вмѣсто покрова, свою дивную ораторію.

—

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Сигналы музыкальные.

Развитіе музыкальнаго чувства въ народѣ есть первый и необманчивый признакъ духовнаго образованія. Когда является въ обществѣ потребность высокихъ наслажденій, значитъ въ немъ родились интересы, стоящія выше вседневнаго механическаго существованія. Такое явленіе тѣмъ отраднѣе, чѣмъ оно неожиданнѣе. Мы часто видали въ Петербургѣ, что наши оперныя и концертныя залы наполнялись биткомъ слушателями, но это еще недоказывало высокаго развитія музыкальности въ жителяхъ нашей столицы. Отчасти это бывало минутнымъ увлеченіемъ моды, отчасти простымъ препровожденіемъ времени, безъ всякой задушевной мысли. Не мудрено было собирать около себя слушателей такимъ музыкальнымъ атлетамъ, каковы Листъ, Тальбергъ, Эрнстъ, Рубини, Віардо, Берліозъ. Имъ предшествовала всемірная слава, къ нимъ влекло любопытство, наконецъ, могучей силой своего таланта они порабощали толпу и вырывали у нея восторги почти насильно. Но когда нѣтъ такой лакомой приманки — залы пусты; рѣдко предметъ ис-

полненія увлекаетъ массу публики, ей нуженъ исполнитель-гигантъ, закованный съ ногъ до головы въ славу, увѣнчанный выше маковки лаврами, засыпанный цвѣтами, осыпанный бриллiантами, словомъ, ей нужно *диво*! Безъ дива она не сдѣлаетъ шагу! Нужно-ли подтверждать слова наши примѣрами? За ними дѣло не станетъ. Брейтингъ пѣлъ у насъ три года — залы были пусты. Брейтингъ съѣздилъ въ Лондонъ — произвелъ фуроръ, пожалованъ въ Лаблаши теноровъ, награжденъ и обласканъ Викторіею, и тотъ-же Брейтингъ — проводитъ у насъ въ восторгъ неистовый, какъ будто его слышатъ въ первый разъ. Альбони — прошла по нашей сценѣ неоцѣненная, едва замѣченная. Теперь Альбони свѣтило первой величины въ артистическомъ мірѣ Европы, соперница первой пѣвицы вѣка, Женни Линдъ, теперь она, прославленная Парижемъ и Лондономъ, стала тѣмъ, чѣмъ ей быть слѣдуетъ и что мы ей заранѣе предвѣщали въ *Литературной Газетѣ*,—и вотъ мы слышимъ отвсюду тоску по Альбони. А концерты Филармоническаго Общества — развѣ не то же самое доказываютъ? Ораторіи Гайдна, Бетговена — исполняются передъ полупустою залою, потому-что здѣсь является на сцену твореніе, а не творецъ, исполненіе общее, а не частность; нѣтъ исключительной личности, на которой могло бы сосредоточиться общее вниманіе, т. е. нѣтъ *героя* вечера, и концертъ не имѣетъ успѣха.

Мы старались охарактеризовать музыкальную публику Петербурга въ *Обзорѣ концертовъ* въ нынѣшнемъ году, помѣщенномъ въ 3-й книжкѣ нашего журнала; теперь мы рады, что можемъ прибавить къ этой характеристикѣ еще одну черту — утѣшительную.

Не принадлежа къ числу равнодушныхъ зрителей развитія искусствъ въ Россіи, но вникая въ область ихъ съ душевнымъ участіемъ, осмѣливаемся назвать себя на этотъ разъ Колумбами, новаго музыкальнаго свѣта, открытаго въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, Колумбами по взгляду на него.

Мы говоримъ о явленіи самомъ отрадномъ, о музыкальной кастѣ самой благородной и возвышенной, о мірѣ самомъ дѣвственномъ, не растлѣнномъ заразою современной музыкальной ереси, словомъ, мы говоримъ: о вновь основанномъ *Симфоническомъ обществѣ*.

Дадимъ читателямъ понятіе объ этомъ прекрасномъ учреж-

денія. Это общество есть тѣсный союзъ всѣхъ музыкальныхъ талантовъ столицы, не артистовъ по ремеслу, но художниковъ по душевной склонности, диллетантовъ-виртуозовъ, которые предположили себѣ цѣлію исполнять одну классическую музыку, т. е. высокія созданія представителей музыкальныхъ школъ, знакомить съ ними публику и черпать изъ этаго богатаго и чистаго источника вдохновеніе для самихъ себя. Стало быть, результатъ этаго соединенія: наслажденіе музыкою, какъ искусствомъ; распространеніе истиннаго вкуса и наклонности къ высокой и ученой композиціи, дѣйствующей на душу прямыми, естественными свойствами музыкальнаго творчества, а не эфектами и игривымъ щекотаніемъ одного слуха.

Общество это основалось еще въ зиму съ 1839 на 1840 годъ и донынѣ трудилось въ тиши, не будучи еще въ состояніи дѣлиться своими наслажденіями съ публикою. Основателемъ его былъ тогда капельмейстеръ Беръ, который соединилъ нѣсколько любителей-экзекютеровъ для исполненія большихъ оркестровыхъ сочиненій. Это общество собиралось тогда въ залѣ клуба, существовавшаго на Васильевскомъ островѣ, гдѣ разыгрывало симфоніи и увертюры, пригласивъ себѣ на подмогу нѣсколько мѣдныхъ инструментовъ изъ гвардейскихъ полковъ. Здѣсь диллетанты пріобрѣли навыкъ къ совокупной игрѣ и результатомъ этихъ музыкальныхъ вечеровъ, которые можно назвать предварительною школою, была счастливая мысль — породившая *Симфоническое Общество*.

Эту мысль привели въ исполненіе три ревностнѣйшіе члена Вице-Адмиралъ Литке, генералъ Шубертъ и г. Гриммъ. Они соединили вокругъ себя всѣхъ любителей вокальной и инструментальной музыки и, съ разрѣшенія генералъ-губертора графа Эссена, открыли 16-го ноября 1840 года Симфоническое Общество въ залѣ Петро-Павловскаго училища.

Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить о исполненіяхъ и успѣхахъ этого Общества, сдѣлаемъ маленькую выписку изъ его устава, Высочайше утвержденнаго 18-го января нынѣшняго года.

Цѣль Общества троякая: 1) Исполненіе большихъ классическихъ композицій для всего оркестра, равно такихъ, которыхъ обстановка, по множеству потребныхъ инструментовъ, превышаетъ средства обыкновенныхъ оркестровъ; 2) Доставить дил-

летангамъ возможность упражняться въ оркестровой игрѣ; 3) Исполненіе многоголосыхъ вокальныхъ сочиненій, съ оркестромъ, преимущественно въ духовномъ стилѣ.

Число членовъ не ограничено. Отъ выбора каждаго зависитъ или участвовать въ исполненіи, или посѣщать Общество, какъ слушатель.

Общество управляется пятью директорами, избираемыми членами. Отъ нихъ зависятъ всѣ распоряженія, а равно и выборъ пьесъ и составъ концертовъ.

Музыканты по профессіи, желающіе принимать участіе въ концертахъ, получаютъ членскіе билеты безвозмездно.

Каждый членъ вноситъ за зиму 15 р. с. за что получаетъ право входа на всѣ вечера общества и сверхъ того пять посѣтительскихъ билетовъ. Если онъ желаетъ ввести дамъ, то за каждую платитъ во всю зиму 5 р. с.

Вечера Общества начинаются съ конца октября и продолжаются до масляницы, по субботамъ, ровно въ 8 часовъ.

Въ одинъ и тотъ-же вечеръ членъ вправѣ сыграть только одно соло, и долженъ о желаніи своемъ объявить директорамъ за недѣлю.

Теперь представимъ краткій отчетъ быстрыхъ и съ каждымъ годомъ возрастающихъ успѣховъ Симфоническаго Общества, успѣховъ, которые отраднымъ образомъ оправдываютъ мысль, высказанную нами въ началѣ этой статьи.

Въ первую зиму съ 1840 на 1841 годъ, Общество имѣло 64 члена и 20 дамъ; оно дало 11 музыкальныхъ вечеровъ, въ залѣ Петропавловскаго училища, подъ дирекціею капельмейстера *Бера*. Исполнено 22 симфоніи, 20 увертюръ, и сыгранъ концертъ на фортепьяно *Гензельтомъ*.

Въ зиму съ 1841—42 годъ, число членовъ простиралось до 94 и 22 дамъ. Концерты давались въ Университетской залѣ, подъ управленіемъ капельмейстера *Альбрехта*, который и донынѣ дирижируетъ оркестромъ. Дано 13 вечеровъ; исполнено 27 симфоній, 12 увертюръ, и концертъ на фортепьяно *г. Мартыновымъ*.

Съ 1842 на 43 годъ, членовъ было 76 и 34 дамы. Концерты давались въ залѣ Пѣвческаго Корпуса, гдѣ и донынѣ даются. Въ 14 вечеровъ исполнено 25 симфоній и 22 увертюры.

Съ 1844 на 45 годъ, членовъ было 75 и 40 дамъ. Дано 14

вечеровъ, 26 симфоній, 20 увертюръ. 2 концерта на фортепьяно, исполненные гг. *Герке* и *Цимзеномъ*, и одинъ концертъ на флейтѣ, исполненный г. *Тихменевымъ*. Кромѣ того, спѣто любителями тріо изъ ораторіи «*Сотвореніе міра*».

Съ 1845 на 46 годъ, число платящихъ членовъ простиралось до 61 съ 28 дамами. Въ 15 вечеровъ дано 30 симфоній, 24 увертюры, два концерта на фортепьяно, гг. *Герке* и *Рашковымъ*, концертъ на флейтѣ г. *Тихменевымъ*, концертъ на віолончелѣ г. *Штуббе*.

Съ 1846 — 47 годъ, состояло членовъ платящихъ 94, неплатящихъ 22, дамъ 43; на 12 вечерахъ исполнено:—симфоній 20, увертюръ 8, соло и концертовъ 5, хоровъ съ оркестромъ 3, квартетовъ, квинтетовъ и оттетовъ съ усиленною обстановкою 6, всего 43 пьесы.

Въ теченіе этихъ семи лѣтъ, Общество постепенно пріобрѣтало всѣ исполняемыя имъ партитуры, изъ чего нынѣ составилась музыкальная библіотека, заключающая въ себѣ около двухсотъ превосходнѣйшихъ твореній величайшихъ мастеровъ.

Нынѣ вечера Симфоническаго Общества посѣщаются съ жадностію и открываютъ намъ цѣлый новый міръ истинныхъ любителей музыкальныхъ наслажденій, влекомыхъ прямо чувствомъ музыкальности, потому-что въ успѣхѣ такихъ концертовъ нельзя подозрѣвать участія моды. Меломаны—модники бѣгутъ отъ строгихъ, величественныхъ и глубокихъ звуковъ симфоній, доступныхъ только душамъ эстетическимъ, удобо-воспринимающимъ разумныя и серьезныя впечатлѣнія. Здѣсь храмъ истинной музыки, въ ея человѣчно-художественномъ значеніи, объ явленіяхъ его нельзя судить съ тою легкостію, съ которою произносятся сужденія о пѣвицахъ въ рядахъ театральныхъ креселъ, сужденія, въ которыхъ плохо-понимаемые музыкальные термины такъ дружно сочетаются съ похвалами глазокъ, ножекъ и умильныхъ улыбокъ, схваченныхъ на лету. Однимъ словомъ, здѣсь не мѣсто того необразованнаго диллетантизма, того полу-ученаго артистическаго тщеславія, которыя, къ несчастію, у насъ называютъ *музыкальностію* Петербурга. Кто одинаково приходитъ въ восторгъ отъ плохо веденныхъ, но эфектно конченныхъ, руладъ пѣвицы, отъ полекъ Кажинскаго и галлоповъ Кюзана, отъ арій волевильныхъ *Гарсій*, для того Гайднъ, Бетговенъ, Бахъ и Моцартъ скучны и

непонятны. Стало быть, Симфоническое Общество пробудило новый музыкальный элементъ въ публикѣ образованной, котораго потребность съ каждымъ днемъ будетъ дѣлаться ощутительнѣе, по мѣрѣ того, какъ концерты Общества будутъ раскрывать передъ нею тайники вдохновенія великихъ музыкальныхъ геніевъ.

Мы долгомъ почли посвятить нѣсколько словъ этому благородному обществу, которое тихо и скромно дѣйствовало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не стараясь привлечъ на себя общее вниманіе объявленіями, критиками и журнальными статьями, и потомъ вдругъ явилось на судъ цѣлой публики, съ рѣдкимъ совершенствомъ исполненія, съ глубокимъ проникновеніемъ въ свое призваніе, съ ослѣпительнымъ блескомъ музыкальной обстановки, и льетъ на нее обильные потоки истинныхъ, высокихъ наслажденій.

Желаемъ отъ всей души, чтобы это пріятное явленіе на горизонтѣ нашей артистической жизни съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе укоренялось и принесло тѣ духовные плоды, которыхъ можно и должно ожидать отъ направленія, вкуса и усердія такого просвѣщеннаго Общества.

—

Сочувствуя каждому дѣльному и полезному предпріятію, мы считаемъ удовольствіемъ и обязанностью сказать нѣсколько словъ о музыкальномъ журналѣ «Нувелистъ» г. Бернара. Нигдѣ такъ не нужны музыкальные журналы (т. е. переодически выходящія собранія пьесъ), какъ у насъ. Дороговизна нотъ, и отсутствіе музыкальныхъ газетъ, которыя знакомили бы публику съ являющимися новыми талантами и направленіями, дѣлаютъ эти журналы необходимыми; поэтому очень естественно, что у насъ ихъ завелось довольно большое число; что почти каждый музыкальный магазинъ издаетъ по нѣскольку подобныхъ собраній. Но изъ всѣхъ этихъ изданій только одно, по возможности, достигаетъ своей цѣли; это «Нувелистъ» г. Бернара.

Имѣя передъ глазами полное собраніе *Нувелиста*, за 1847 годъ, мы не можемъ не похвалить его за разнообразіе содержанія и за умный выборъ пьесъ. Вы встрѣчаете въ немъ поочередно имена почти всѣхъ современныхъ фортепьянныхъ знаменитостей: Листа, Тальберга, Дѣлера, Гензельта, Вольфа, Карла Майера; Геллера и рядомъ съ ними имена молодыхъ арти-

стовъ, недавно выступившихъ на музыкальное поприще, Горіи, Литольфа, Рафа, Куллака, Шульгофа, Шада, Леви, Густава Флюгеля, Рубинштейна, Прюдала, и проч. и проч. Одно это множество именъ даетъ уже понятіе о разнообразіи стилей, въ которыхъ писаны разныя пьесы, помѣщенныя въ Нувелистѣ; отъ изящной плавности и благородства К. Майера или Дёлера, вы переходите къ ослѣпительному блеску Тальберга и Горіи, или къ бурной фантазіи Листа и Литольфа, отъ наивности Леви и Куллака, къ затѣйливости Алькана, или къ глубокому чувству Гензельта, Густава Флюгеля, и Листовыхъ переложеній, словомъ, знакомитесь поочередно со всѣми стилями и направленіями. Надо притомъ замѣтить, что издатель весьма удачно выбираетъ пьесы, вполнѣ характеризующія сочинителя, что весьма важно въ изданіи, имѣющемъ цѣлью еще болѣе знакомить публику съ представителями музыкальной литературы, и служить ей руководствомъ при выборѣ пьесъ, нежели доставить ей только пріятное препровожденіе времени.

Всего болѣе порадовало насъ въ 11-мъ N Нувелиста прелестная пьеса Густава Флюгеля, талантливаго молодаго писателя, у насъ почти неизвѣстнаго. Онъ принадлежитъ къ школѣ геніальнаго Шуманна, и будучи гораздо легче и удобопонятнѣе самаго Шуманна, можетъ служить ступенью къ изученію этой школы, которая рано или поздно должна имѣть сильное вліяніе на музыкальную литературу.

Не такъ удовлетворителенъ, по нашему мнѣнію, отдѣлъ вокальной музыки; правда, что, предположивъ помѣщать по одному русскому и одному французскому романсу въ каждомъ N, редакторъ не могъ представить такой полной картины этой неисчерпаемой отрасли, и долженъ по неволѣ ограничиваться только немногими, самыми извѣстными именами. Впрочемъ, и тутъ помѣщено нѣсколько новыхъ, прелестныхъ сочиненій нашихъ любимцевъ, Варламова, Алябьева, Гурилева, и др. Французскіе романсы большею частью принадлежатъ перу Фелисьена Давида и парижскаго любимца Мазини.

Въ отдѣлѣ для начинающихъ пьесы хорошо приноровлены къ средствамъ играющихъ, и представляютъ строгую постепенность; болѣе отъ этого отдѣла нельзя и требовать; каждый, кто занимался музыкою, знаетъ, какъ трудно отыскивать пьесы для начинающихъ, хорошо написанныя и сколько нибудь за-

нимательныя по содержанію.

«Литературное прибавленіе къ Нувелисту» знакомитъ читателей по возможности со всѣми достопримѣчательными событіями въ музыкальномъ мірѣ. Впродолженіе 1847 года къ нему были приложены два портрета, Бетговена и Мейербера. Въ особенности удаченъ первый.

Желаемъ добросовѣстному труду г. Бернара успѣха, котораго онъ вполнѣ заслуживаемъ и охотно рекомендуемъ его нашимъ читателямъ, какъ лучшій русскій музыкальный сборникъ, составляемый умно, съ толкомъ и знаніемъ дѣла, свойственными только музыканту; а кому-же неизвѣстно, что г. Бернаръ самъ хорошій знатокъ музыки и пріятный композиторъ (*).

—

СИГНАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

Въ литературѣ нашей все обстоитъ *благополучно*, т. е. ничего нѣтъ новаго. Журналы разсылаютъ свои программы на будущій годъ. Нѣкоторые преобразовываются; другіе обѣщаютъ быть непремѣнно *исправными* въ выполненіи своихъ обязательствъ. *Финскій Вѣстникъ* — преобразился въ *Сѣверное обозрѣніе*. Это перемѣна видимая изъ новаго объявленія; перемѣна внутренняго содержанія окажется съ первыми новыми книжками. *Репертуаръ*, вашъ покорнѣйшій слуга обратился въ прежній *Пантеонъ*. Мы ничего не обѣщаемъ впередъ, чтобы лучше дать больше, чѣмъ отъ насъ въ правѣ требовать, вслѣдствіе обѣщанія. Вотъ *Сынъ отечества* — такъ обѣщаетъ, чуть-ли не всю русскую литературу въ двѣнадцати книжкахъ. Такъ и слѣдуетъ! Тогда въ составъ ихъ вѣроятно войдутъ и тѣ книжки, которыя недоданы за прошедшіе годы. Объ *Пантеонѣ* мы скажемъ одно: матеріальная его часть и литературная отнынѣ будутъ въ однѣхъ рукахъ, стало-быть, пойдутъ дружно рука объ руку. Отъ этого зависитъ исправность и достоинство журнала. Редакторъ, будь онъ семи пядей во лбу ничего не сдѣлаетъ, если издатель на каждомъ шагу поставитъ ему запятую неисправнымъ выпол-

(*) Подписка на «*Нувелиста*» на 1848 годъ принимается въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ проспектѣ.

неніемъ своихъ обязанностей. Редакторъ обыкновенно-литераторъ, издатель торговецъ или лицо промышленное, стало быть —это орелъ и щука: одинъ рвется въ небеса, другая тянетъ въ воду. Редакторъ движется видами литературными, издатель меркантильными, одинъ хочетъ улучшить содержаніе журнала, другой наровитъ сократить расходы. Какъ-же имъ ужиться и дѣйствовать дружно, когда они другъ друга никогда понять не могутъ? Оттого мы и видимъ, что тѣ только журналы и процвѣтаютъ, и отличаются своею аккуратностію, которые соединили оба эти зиждущія начала въ одномъ лицѣ: издателѣ-редакторѣ. Таковы «Отечественныя Записки», «Сѣверная Пчела». Къ числу такихъ присоединится отнынѣ и Пантеонъ, котораго *издателемъ-редакторомъ* будетъ съ 1848 года г. Кони. *Литературная Газета*, неизмѣняясь противъ нынѣшняго года, обѣщаетъ въ будущемъ прилагать еще каррикатуры г. Неваховича, издателя *Ералаша*. Это прибавленіе очень интересное. Вотъ и все!

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ драматическая литература наша понесла двѣ утраты. Скончался К. Д. Ефимовичъ, трудившійся для Русскаго театра и не безъ успѣха. Лучшія пьесы его были «*Владиміръ Заревскій*». «*Эспаньолето*», «*Музыкантъ и Княгиня*» и «*Нашествіе иноплеменныхъ*». Подчиняясь разнымъ требованіямъ современной русской сцены, онъ иногда совращался съ настоящаго пути, и жертвовалъ своимъ образованнымъ вкусомъ прихотямъ невѣжества и толпы. Вотъ единственный его недостатокъ, который отчасти оправдывается тяжкою судьбою, съ которой онъ долгое время долженъ былъ бороться. На иной сценѣ Ефимовичъ былъ бы дѣйствователемъ весьма полезнымъ и, можетъ быть, даже, по богатству своихъ вымысловъ и по легкости, съ которою трудился, писателемъ довольно замѣчательнымъ. Къ чести его надо сказать, что онъ постоянно занимался изученіемъ театра и лучшихъ его образцовъ, и имѣлъ взглядъ на искусство довольно очищенный; къ сожалѣнію, онъ не совсѣмъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ.

Октября 30-го, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ Москвѣ Михаилъ Николаевичъ Макаровъ. Ноября 2-го, вмѣстѣ съ семействомъ, питомцы Набилковскаго заведенія, члены Комитета Человѣколюбиваго Общества и Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, проводили тѣло своего члена на мѣсто погребенія, въ Андрониковъ монастырь.

Кончивъ ученіе въ Московскомъ Университетѣ, большую половину жизни своей Макаровъ посвятилъ отечественной словесности; изданія ученыхъ обществъ, московскіе и петербургскіе журналы свидѣтельствуютъ о его литературной дѣятельности. Любимый предметъ его занятій составляли народныя преданія, прибаутки поговорки, повѣрья и московскія были, за достовѣрность которыхъ ручалась, впрочемъ, только личность автора. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видимъ мы любовь къ отечеству и преимущественно къ Рязанской губерніи, гдѣ онъ родился и служилъ при генералъ губернаторѣ Балашовѣ. Въ послѣднее время Макаровъ былъ непремѣннымъ членомъ Московскаго Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Смерть застала его за *русскимъ словотолковникомъ*, который онъ довелъ до буквы П [см. чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ),

Макаровъ былъ постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала.

Вотъ и всѣ новости!

Но чѣмъ же занимается Петербургъ, имѣющій иную потребность, кромѣ картъ, чѣмъ занимается онъ за отсутствіемъ природы и литературы? Онъ слушаетъ оперу; не морщась глотаетъ *Чертовы пилюли*; смотритъ на *лошадей*, и — наконецъ учится различнымъ *діалектамъ*. Въ ожиданіи будущихъ развлеченій, увеселеній, занимательныхъ спектаклей, хорошихъ концертовъ, роскошныхъ баловъ, Петербургъ беретъ курсы разныхъ европейскихъ языковъ! И онъ, должно быть, учится не на шутку: это доказываетъ огромная вереница объявленій о публичныхъ урокахъ англійскаго, итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ, на всѣ манеры, по всѣмъ методамъ, на всѣ лады, которые не только не прекращаются, но напротивъ съ каждой зимой усиливаются и умножаются новою конкуренціею.

Изъ всѣхъ этихъ публичныхъ курсовъ, мы особенное вниманіе читателей обратимъ на лекціи англійскаго языка г. Турнерелли, бывшаго лектора Казанскаго Университета. Онъ преподаетъ языкъ по самой простой, легкой, логической методѣ Робертсона, признанной всѣми филологами за лучшую. Въ наше время, когда знаніе англійскаго языка сдѣлалось почти необходимымъ дополненіемъ свѣтскаго образованія, многіе, желающіе изучить его, устрашены трудностями, съ которыми сопряжено это изученіе. Они почитаютъ ихъ почти непобѣдимыми,

англійское произношеніе кажется имъ какой-то опасной операціей языка, трудъ заучиванія словъ скучнымъ и утомительнымъ. Опасенія эти внушены имъ тѣми, которые уже потратили много времени и труда на это изученіе, и извлекли весьма незавидные результаты. Но эти господа забываютъ, что всѣ эти трудности существуютъ не въ языкѣ, а въ методахъ преподованія, что неуспѣхъ ихъ зависѣлъ болѣе отъ учителей, чѣмъ отъ ученія. Трудность усвоенія языка, по большей части, происходитъ отъ недостатка послѣдовательности, порядка и ясности въ преподаваніи, отъ сухости и пустоты учебниковъ, и самопроизвольныхъ опредѣленій наставниковъ — шарлатановъ.

Англійскій языкъ имѣетъ гораздо меньше граматическихъ правилъ, чѣмъ всѣ другіе языки: изученіе его и произношеніе гораздо легче, чѣмъ можно себѣ вообразить. Робертсонова метода, по которой преподаетъ г. Турнерелли и которую онъ изучилъ во всѣхъ ея тонкостяхъ у самаго Робертсона въ Парижѣ, уничтожаетъ всѣ затрудненія изученія англійскаго языка. Она понятна даже для самыхъ неразвитыхъ умовъ, легка для самой бѣдной памяти. Кромѣ того, въ заслугу ей можно приписать, что она совершенно избавляетъ учащагося отъ употребленія и заучиванія грамматикъ, вокабуловъ и отъ помощи словарей. Она требуетъ отъ него только вниманія во время лекціи и простаго повторенія урока, все остальное само—собою запечатлѣвается въ памяти. Посредствомъ девяти простыхъ знаковъ, которые можно запомнить въ одну минуту, она сразу научаетъ правильно читать и произносить слова: а это дѣло самое трудное въ языкѣ.

Г. Турнерелли въ 60 урокахъ доводитъ учениковъ своихъ до того, что имъ уже учиться нечему, остается только читать англійскихъ писателей и упражняться въ разговорахъ. Въ *пять* уроковъ ученикъ пріобрѣтаетъ такое множество словъ и такъ усвоивается съ механизмомъ языка, что можетъ уже вести съ преподавателемъ легкіе, обыкновенные, свѣтскіе разговоры и написать нѣсколько страницъ, безъ пособія лексикона! Это покажется страннымъ, но оно такъ, мы говоримъ изъ опыта.

Но въ наше время, когда такъ часто употребляютъ во зло довѣріе публики, когда промышленность прокралась даже въ

58
90

самые священные предметы и крикливый шарлатанизмъ всегда привлекаетъ къ себѣ большинство, добросовѣстному ученому даже совѣстно выступить публично на поприще педагогики, и невольная боязнь закрадывается къ нему въ душу, что и его, можетъ быть, смѣшаютъ съ нѣкоторыми иными, съ которыми стать на одну доску не совсѣмъ лестно и утѣшительно. Поэтому, вѣроятно, г. Турнерелли при открытіи своего курса въ нынѣшнемъ году, почелъ нужнымъ объявить, что *первые пять уроковъ* онъ будетъ читать безвозмездно, и что если его воспитанники не будутъ въ состояніи исполнить все то, о чемъ мы писали выше, они вправѣ прекратить свое ученіе. Надо быть очень увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ, чтобы предложить такія условія!

Курсъ г. Турнерелли начинается съ 25-го ноября и стоитъ за всѣ 60 уроковъ 40 руб. сер. За пріобрѣтеніе такого важнаго въ наше время языка, это болѣе, чѣмъ умѣренная плата. Такой-же общій курсъ онъ учредилъ и для дамъ, съ 26-го ноября. Многіе стыдятся учиться при другихъ, полагая, что въ зрѣломъ возрастѣ это неприлично и забывая пословицу *вѣкъ живи – вѣкъ учись!* Для такихъ почтенный преподаватель читаетъ отдѣльные курсы, на которые допускается не больше десяти слушателей. Цѣна за эти курсы, разумѣется, увеличена 20 руб. сер. Всѣмъ желающимъ дѣйствительно изучить англійскій языкъ, совѣтуемъ выслушать полный *теоретическій, аналитическій* и *синтетическій* курсъ г. Турнерелли, состоящій изъ 60 уроковъ. Онъ читаетъ въ собственной своей залѣ, въ домѣ Арнда, на углу Гороховой и Адмиралтейской площади,

---

7972.
7022

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛ.
имени А.В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты, острыя слова и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальные театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно* 15-го числа каждаго мѣсяца.

ПАНТЕОНЪ

НА 1848 ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Ѳ. А. КОНИ.

Цѣна за годовое изданіе «Пантеона и Репертуара русской сцены», съ *12-ю гравюрами и портретами на стали*, состоящее изъ 12 книжекъ въ 20 листовъ компактной печати каждая,— 10 руб. сер.

Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: *въ книжномъ магазинѣ П. А. Ратькова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви.*

Въ Москвѣ: *въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.*

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

—

NB. Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона», *а равно иногородныхъ, желающихъ подписаться на будущій 1848 годъ,* обращаться въ редакцію, къ Ѳедору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Шпакельберга.